

Е. Е. НЕРАЗИК

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ
АФРИГИДСКОГО
ХОРЕЗМА

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Е. Е. Н е р а з и к

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ
АФРИГИДСКОГО
ХОРЕЗМА

(По материалам Беркут-калинского оазиса)



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1966

Ответственный редактор
М. Г. ВОРОБЬЕВА

ВВЕДЕНИЕ

Древние сельские поселения Средней Азии до сих пор еще не становились объектом специального монографического изучения, хотя в этом направлении и ведется работа. Между тем исследование их представляет значительный интерес. Сельские поселения и жилища, их планировка, эволюция отдельных деталей являются важным, а подчас и основным источником для исследования таких проблем истории Средней Азии, как развитие социально-экономических отношений общества, форм семьи, этнических процессов в древности и др. Особенно это относится к памятникам раннего средневековья, когда, как известно, процессы становления новой экономической формации совершаются в деревне.

Археологические раскопки в древнем Согде, Усрушане, Бухарском оазисе, Семиречье, Фергане, Мервском оазисе, а еще раньше в Хорезме выявили новый тип построек, ставших в VI—VIII вв. повсеместно распространенными. Это — укрепленная усадьба, замок, сопутствующий появлению нового социального слоя, мелких и крупных дикхан — феодализирующей земельной знати. Страницы книг арабоязычных авторов, посвященные нашествию арабов в Среднюю Азию, пестрят упоминаниями о замках, укрепленных домах; горных крепостях, в которых отсиживались дикханы и взять которые если и удавалось, то только в результате жестокого штурма. Сейчас уже достаточно хорошо известен архитектурный облик этих замков, их планировка, детали укреплений, а некоторым посвящены специальные монографии¹.

Однако не менее важно знать, что представляли собой жилища крестьян — рядовых общин-

ников, но они, к сожалению, почти совершенно не известны.

В некоторых случаях сведения о жилищах крестьян ограничиваются короткой информацией о существовании у подножий замков обширных открытых поселений крестьян². Нет подробных сообщений о жилищах крестьян в древнем Мервском оазисе³, фактически ничего не известно о том, как выглядели укрепленные селения Согда, если только они не отличались от позднейших, описанных (правда, тоже очень кратко) Нершахи в его «Истории Бухары» и т. д.

Значительно благополучнее обстоит дело с изучением сельских поселений древнего Хорезма. Уже в довоенные годы С. П. Толстов наметил эволюцию поселений, лежащую в основе важных выводов по социально-экономической истории Хорезма⁴.

В дальнейшем раскопки и обследования жилищ сельского населения Хорезма были продолжены. Сведения о поселениях античного периода пополнились в результате раскопок поселений близ Дингильдже (V в. до н. э.), проведенных М. Г. Воробьевой⁵. Велись разведки на средневековых поселениях XI—XVI вв.⁶ и были предприняты раскопки одной из усадеб Каваткалинского оазиса, оказавшейся, правда, хана-

² Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Душанбе, 1955, стр. 166.

³ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958, стр. 122.

⁴ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 154—157, 197.

⁵ М. Г. Воробьева. Раскопки архаического поселения близ Дингильдже. МХЭ, вып. 1, М., 1959.

⁶ О. А. Вишневская. Археологические разведки на средневековых поселениях левобережного Хорезма. МХЭ, вып. 7, М., 1963.

¹ Л. И. Альбаум. Балалык-тепе. Ташкент, 1962.

кой⁷. Фиксации разновременных сельских поселений уделял внимание археолого-топографический отряд Хорезмской экспедиции, собравший большой материал для составления карты ирригационной сети древнего Хорезма, но исследователей в данном случае больше интересовал возраст поселений, чем самый их облик.

Однако, несмотря на все эти исследования, сельские поселения Хорезма разных эпох изучены крайне неравномерно; обследование античных и средневековых (исключая памятники VI—VIII вв.) еще только начинается, они почти не затронуты раскопками, в то время как по афригидскому периоду в нашем распоряжении существует обильный материал сплошного обследования Беркут-калинского оазиса. Такая неравномерность, безусловно, очень мешает работе, затрудняя постановку и разрешение многих вопросов, важных для понимания экономики Хорезма. В то же время изучение Беркут-калинского оазиса открывает перед исследователем исключительные возможности для воссоздания жизни его населения во всей ее полноте.

Беркут-калинский оазис — как бы одно огромное единовременно заброшенное селение, занесенное песками, сквозь которые отчетливо проступают следы планировки древних полей, русла каналов, а сами усадьбы вполне сохранили свой архитектурный облик.

Оазис был открыт в 1937 г. А. И. Тереножкиным, тогда аспирантом Московского отделения Института истории материальной культуры, работавшим под руководством С. П. Толстова в составе основанной в тот год Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР. Тогда же в целях разведки была раскопана жилая башня замка № 4. В 1938—1939 гг. Хорезмская экспедиция произвела детальное изучение части Беркут-калинского оазиса от Кум-Баскан-калы до Уй-калы, была составлена карта расположения усадеб, предприняты раскопки одного из крупнейших замков оазиса — Тешик-калы и двух более мелких — № 34 и 36. Важность этих работ заключается в том, что благодаря им впервые дана характеристика афригидской культуры (названной по имени правившей в VII—VIII вв. н. э. в Хорезме династии) и определена в общих чертах сущность социально-экономических отношений в Хорезме того времени.

В послевоенные годы работы в оазисе продолжались. В 1953 г. раскопано небольшое сооружение № 50, оказавшееся весьма интересным погребальным памятником, и заложены

разведочные раскопы в усадьбе № 32, многослойной, отличавшейся от окружающих архаичностью планировки и обилием керамики раннеафригидского периода. В 1954—1955 гг. центром внимания стала Беркут-кала. В первый сезон работы велись только в замке и в жилой башне — донжоне, где выявлена картина сложных перестроек и перепланировок. В дальнейшем раскопками была захвачена и южная пристройка, где первый рекогносцировочный шурф еще в 1938 г. заложил А. И. Тереножкин с целью определения стратиграфии памятника. В полной мере исследователю это сделать не удалось, так как, углубившись на 1 м, он наткнулся на архитектурные конструкции и, боясь повредить их, остановился. Тем не менее в раскопе, несмотря на его небольшие размеры, найдено много интересных вещей, в том числе открыты следы жертвоприношений — пять глиняных лепных горшочков; в каждом из них лежало по одному овечьему или козьему астрагалу, а в двух, кроме того, — по медной монете с припаянными железными иголками. Невдалеке был обнаружен кувшин, наполненный песком, поверх которого лежало несколько целых яиц⁸.

В 1955 г. была выполнена задача, стоявшая в 1938 г., — определение стратиграфии памятника; подтверждено наличие слоев античного времени, что предполагалось ранее, по материалу, найденному на поверхности развалин, установлена очередность наслоений, их мощность и дата. Были получены данные, позволявшие судить о величине античного поселения и его конфигурации. Таким образом, в общих чертах вырисовывалась история формирования ранне-средневекового городка на развалинах более раннего поселения.

В 1956—1960 гг. основными объектами исследований сделались усадьбы № 92, 28, 19, 30, 8, 11 и 18, а также отдельно стоящие здания № 115, 59. Две первые усадьбы были за это время раскопаны целиком, третья (№ 19) — почти полностью, остальные затронуты раскопками в незначительной степени. В число перечисленных памятников входят и крупные, хорошо укрепленные замки (№ 8, 30), и меньшие по площади усадьбы рядовых общинников (№ 19, 28), и отдельные нежилые сооружения. Поэтому полученные в результате проведенных работ данные позволили довольно разносторонне охарактеризовать жилище обитателей оазиса и их материальную культуру.

Параллельно с раскопками велись разведочные работы по оазису, в 1954 г. охватившие уча-

⁷ Н. Н. Вактурская, О. А. Вишневская. Памятники Хорезма эпохи Великих Хорезмшахов (XII — начало XIII в.). МХЭ, вып. 1, М., 1959.

⁸ А. И. Тереножкин. Археологическая разведка в Хорезме. СА, VI, стр. 176.

сток от Уй-калы до Большой Кырк-кыз-калы, до того остававшийся необследованным. В 1955 г. здесь, как и вообще на всей территории оазиса, работал археолого-топографический отряд под руководством Б. В. Андрианова, уточнявший систему оросительной сети.

В последние годы (1961—1963 гг.) основное внимание Беркут-калинского отряда переключилось на изучение Якке-Парсанского оазиса (начатое в 1958 г.), где с 1959 г. велись раскопки центрального по положению и значению памятника, одного из красивейших и крупнейших замков в древнем Хорезме — Якке-Парсана. Однако попутно продолжались работы в Беркут-калинском оазисе. В 1963 г. там детально изучалась планировка древних полей в районе усадеб № 13—66; кроме того, велось обследование остатков ремесленного производства в окрестностях Большой Кырк-кыз-калы, где раскопана гончарная обжигательная печь. Тогда же было расчищено несколько керамических печей в окрестностях Якке-Парсана и Кош-Парсана. В результате получены важные сведения для характеристики занятий населения, состояния ремесел и ремесленных центров, существовавших в оазисе в VII — начале VIII в. н. э. и в более раннее время.

Итогом исследований в Беркут-калинском оазисе посвящено пока еще очень немного работ. Из них прежде всего следует упомянуть книги С. П. Толстова «Древний Хорезм» (М., 1948), «По древним дельтам Окса и Яксарта» (М., 1962) и ряд статей А. И. Тереножкина, где нашли отражение результаты работ довоенных лет. С. П. Толстов, дав краткое описание оазиса, затронул в своих трудах многие важные вопросы социальной структуры населения афригидского Хорезма, его истории и материальной культуры, сделав интересные экскурсы в области нумизматики, одежды, вооружения. Весьма важным является определение С. П. Толстовым периода VI—VIII вв. н. э. как раннефеодального, когда феодальные отношения только складывались и крупную роль еще играло рабовладение. Четкая характеристика кушано-афригидского (III—V вв. н. э.), афригидского (V—VIII вв.) и афригидо-саманидского (XI—X вв.) периодов дана в созданной С. П. Толстовым периодизации истории Хорезма.

В работах А. И. Тереножкина уделяется внимание отдельным вопросам афригидского периода. В статье «О гончарстве древнего Хорезма»⁹ впервые дано подробное описание керамики Хо-

резма III—VIII вв., но на имевшемся материале автор не смог проследить эволюцию форм посуды и найти им аналогии в сопредельных областях. В статье «К истории искусства Хорезма»¹⁰ А. И. Тереножкин особо останавливается на поразительном сходстве хорезмского замка Тешик-калы и здания, изображенного на Аниковском блюде, что дает автору основание выдвинуть предположение о происхождении блюда из Хорезма. В работе «Жилые постройки XI—XII вв...»¹¹ А. И. Тереножкин прослеживает изменение типов хорезмийского жилища на протяжении VII—XII вв., отметив особенности расселения хорезмийцев, эволюцию построек от сильно укрепленных усадеб к простым неукрепленным домам и др. Весьма важной представляется нам попытка наметить тенденцию к уменьшению численности семьи при переходе от афригидского к хорезмшахскому периоду.

Итоги исследований послевоенных лет в оазисе кратко изложены в нескольких работах автора настоящей монографии¹².

Из других книг, в которых в большей или меньшей степени трактуются проблемы, касающиеся истории сельских поселений Средней Азии и используются сведения об усадьбах Беркут-калинского оазиса, следует упомянуть работы В. А. Лаврова и В. Л. Ворониной.

В. А. Лавров в книге «Градостроительная культура Средней Азии» (М., 1950) широко использует материалы Хорезмской экспедиции. В разделе, посвященном периоду VI—VIII вв. н. э., автор дает классификацию типов усадеб Беркут-калинского оазиса, характеристику их архитектуры, находя им ближайшие параллели среди синхронных построек среднеазиатских областей, в частности в Мервском оазисе, так называемые гофрированные постройки которого действительно близко напоминают кёшки Тешик-калы или Якке-Парсана внешним оформлением и внутренней планировкой. В основу классификации памятников В. А. Лавров положил только один признак — особенности расположения донжона в общей системе планировки усадьбы. Но эта схема оказалась неверной. Так, наиболее ранним планировочным приемом исследователь считает положение донжона в центре

¹⁰ «Искусство», 1939, № 2.

¹¹ «Известия Узбекского филиала АН СССР», 1940, № 7.

¹² Е. Е. Неразик. Раскопки в Беркут-калинском оазисе в 1953—56 гг. МХЭ, вып. 1. М., 1959; она же. Раскопки Якке-Парсана. МХЭ, вып. 7, М., 1963; она же. Хорезм в III—VIII вв. н. э. «Очерки по истории СССР», т. II. М., 1959; она же. Государство Афригидов и памятники их владычества на территории Каракалпакии. «Очерки по истории Каракалпакии», т. 1. Ташкент, 1964.

⁹ «Известия Узбекского филиала АН СССР», 1940, № 6.

усадьбы, приводя в качестве примеров замки № 4, 6, 10, 11, 15, 16, 65, 82. Сейчас установлено, что эти памятники либо поздние, возникшие в последний период жизни в оазисе (VII — начало VIII в. н. э.) — № 10, 11, 15, 82, либо перестроенные в этот период, и именно в результате этой перестройки жилая башня — кёшк — и заняла центральное место в усадьбе.

В. Л. Воронина, занимаясь вопросами строительной техники Средней Азии в период от сложения первых рабовладельческих государств до VIII в. н. э., также обращалась к результатам работ Хорезмской экспедиции. Специально посвящена строительной технике древнего Хорезма одна из статей, где использованы данные изучения конструкций некоторых памятников Беркут-калинского оазиса и строительных материалов¹³. В других работах В. Л. Воронина проводит сравнительное изучение строительных материалов и видов конструкций на территории различных среднеазиатских государств VII—VIII вв. и в более раннее время и делает вывод об их большом сходстве¹⁴, отмечая также преемственность традиций в народном строительстве.

В серии работ В. Л. Ворониной, являющихся частями ее монографии о раннесредневековом городе Средней Азии, рассматриваются вопросы планировки и фортификации среднеазиатских памятников, причем автор приводит обширный материал по сельским поселениям¹⁵, среди которых скромное место занимают усадьбы Беркут-калинского оазиса. В статьях В. Л. Ворониной о современном жилище населения Средней Азии также содержится много полезного для исследователя древних сельских поселений Средней Азии¹⁶.

В заключение нельзя не сказать, хотя бы очень кратко, о литературе, посвященной рассматриваемой категории памятников на остальной территории Средней Азии. Это работы А. Н. Бернштама, Ю. А. Заднепровского и

Б. А. Литвинского о памятниках Ферганы и Семиречья¹⁷, С. К. Кабанова — о Каршинском оазисе¹⁸, Л. И. Альбаума — о Сурхан-Дарьинских замках¹⁹, Н. Н. Негматова о поселениях средневековой Усрушаны²⁰, Г. А. Пугаченковой и других — о памятниках южной Туркмении²¹, А. Ю. Якубовского, О. А. Смирновой — о поселениях на Зеравшане²², В. А. Шишкина — о Бухарском оазисе, и др.²³

Как мы уже упоминали, в большинстве из этих книг сельские поселения не служат предметом специального рассмотрения, однако в них приводятся описания отдельных построек, данные по их планировке, укреплениям и т. п. В некоторых трудах разрабатывается классификация типов сельских поселений (А. Н. Бернштама, С. К. Кабанова) и намечается эволюция типов жилищ в связи с развитием социально-экономических отношений.

В отличие от вышеупомянутых работ статья В. А. Нильсена «Сельские постройки периода раннего феодализма в Узбекистане»²⁴ посвящена специально интересующей нас теме. Автор выделил три типа сельских построек и установил большое отличие феодальных замков от крестьянского жилья. Он подвергает сомнению правильность суждения С. П. Толстова о том, что раннесредневековые жилые постройки землевладельческой аристократии ничем, кроме

¹⁷ А. Н. Бернштам. Археологический очерк северной Киргизии. Фрунзе, 1941; он же. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1951; он же. Древняя Фергана. Ташкент, 1940; он же. Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина», МИА, вып. 14, М.—Л., 1950; Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района; Ю. А. Заднепровский. Древняя Фергана. Автореф. канд. дисс. Л., 1954.

¹⁸ С. К. Кабанов. Археологические данные по истории Нахшеба в III—V вв. ВДИ, 1956, № 2; он же. К вопросу о столице кидаритов. ВДИ, 1953, № 2; он же. Археологические разведки в Шахрисябском оазисе. «Известия АН Узбекской ССР», 1951, № 6.

¹⁹ Л. И. Альбаум. Некоторые результаты изучения ангорской группы археологических памятников за 1953—1954 гг. «Известия АН Узбекской ССР», 1955, № 7; он же. Балалык-тепе.

²⁰ Н. Н. Негматов. Усрушана в VII—IX вв. н. э. Душанбе, 1959; Н. Н. Негматов, Т. И. Зеймаль. Усрушанский замок в Шахрисябстане. СА, 1959, № 2.

²¹ Г. А. Пугаченкова. Основные черты средневекового архитектурного наследия южного Туркменистана (VI—XV вв.). «Труды ЮТАКЭ», 1963, т. XII.

²² А. Ю. Якубовский. Итоги работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг. МИА, вып. 15, М.—Л., 1950; О. И. Смирнова. Археологические разведки в бассейне Зеравшана. Там же.

²³ В. А. Шишкин. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Ташкент, 1940; он же. Варахша. М., 1963.

²⁴ «Архитектурное наследство», 1964, № 17.

¹³ В. Л. Воронина. Строительная техника древнего Хорезма. ТХЭ, т. I, М., 1952.

¹⁴ В. Л. Воронина. Древняя строительная техника Средней Азии. «Архитектурное наследство», 1953, № 3.

¹⁵ В. Л. Воронина. Раннесредневековый город Средней Азии. СА, 1959, № 1; она же. К вопросу о типе общественных сооружений раннесредневекового города Средней Азии. СА, 1957, № 4; она же. Культурные сооружения Средней Азии. СА, 1960, № 2; она же. Проблемы раннесредневекового города Средней Азии (по археологическим материалам). Докт. дисс. (рукопись), М., 1961. Архив ИЭ АН СССР.

¹⁶ В. Л. Воронина. Узбекское народное жилище. СЭ, 1949, № 2; она же. Дома таджиков верхнего Зеравшана. СЭ, 1957, № 3; она же. Заметки по народному творчеству таджиков бассейна Зеравшана. СЭ, 1953, № 3 и др.

размеров и отделки, не отличались от крестьянских. Но, во-первых, С. П. Толстов имел в виду только афригидский Хорезм, а не всю территорию Узбекистана, и, во-вторых, хотя его представление о раннесредневековом сельском хорезмском жилище и изменилось в итоге дальнейших работ в оазисе, но в основе осталось верным. Что же касается типологии сельских построек, созданной В. А. Нильсеном, то неверно относить такие памятники, как Балалык-тепе и Тешик-кала, к одному типу (№ 2) замков, построенных обособленно от жилых построек крестьян. Балалык-тепе, Аул-тепе (так же как замки южной Туркмении — Большая Нагим-кала и др.) — это действительно отдельно стоящие двухэтажные здания на цоколе, подобные поставленным изолированно донжонам хорезмских усадеб, но, как правило, бóльшие по площади. К ним скорее применимо название «кёшк», чем замок. Такие отдельно стоящие здания есть и в Беркут-калинском оазисе, но они гораздо меньше, скромнее и по своей архитектуре и планировке ни в какое сравнение не идут с вышеупомянутыми. В Тешик-кале, Якке-Парсане, да и в любом крупном и небольшом замке Хорезма к донжону примыкает плотная жилая и хозяйственная застройка, обведенная стеной, и поэтому, следуя типологии В. А. Нильсена, их скорее следовало бы отнести к первому типу, чем ко второму. Не касаемся здесь вопроса о социальном аспекте всех категорий памятников, в некоторых случаях, по нашему мнению, требующем уточнения.

Интересна для историка и историка архитектуры древней Средней Азии книга Г. А. Пугаченковой «Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма». Жаль только, что автор, характеризуя отдельные усадьбы и замки Мерва как архитектурные сооружения, не ставил перед собой за-

дачи проследить эволюцию типов сельских поселений в связи с развитием социально-экономических отношений.

В настоящей работе главное внимание уделено периоду жизни Беркут-калинского оазиса, относящемуся к VII—VIII вв. н. э., поскольку усадьбы этого времени сравнительно хорошо обследованы. Однотипность археологического материала из этих памятников вынудила нас, чтобы избежать повторений, изложить результаты исследования в общей форме, вынеся подробности раскопок каждой усадьбы в приложение. Во многих случаях привлекаются материалы обследования замков соседнего Якке-Парсанского оазиса, главным образом самого крупного из них — Якке-Парсана, благодаря раскопкам которого получены сведения, важные для разработки многих поднятых в монографии вопросов.

Книга иллюстрирована чертежами, рисунками и фотографиями архитекторов М. С. Лапирова-Скобло, Ю. В. Стеблюка, Г. С. Костина, Д. С. Витухина, художников В. А. Иогансен и Н. П. Толстова, фотографов В. А. Родькина, Г. А. Павлиди и Ю. А. Аргиропуло. В работах отряда принимали участие В. Д. Берестов, Р. Л. Садоков, Н. П. Лобачева, С. А. Трудновская, О. А. Вишневская, В. Н. Ягодин, А. В. Гудкова и В. Ф. Белокопытова. Автор пользуется случаем выразить свою глубокую благодарность С. П. Толстову, осуществлявшему общее руководство при работе над темой, и всем упомянутым выше товарищам. Автор глубоко признателен также представителям партийных и советских организаций Турткульского района Каракалпакской АССР, особенно товарищам А. С. Сабурову, А. Ш. Шарипову, Р. С. Сеит-Ниязову, М. Р. Разбетову, Б. Курбановой, У. С. Суиндыкову и другим за постоянную помощь и поддержку, которую они оказывали работам отряда.

ПОСЕЛЕНИЯ В БЕРКУТ-КАЛИНСКОМ ОАЗИСЕ

ОАЗИС В ПОСЛЕДНИЕ ВЕКА ДО НАШЕЙ ЭРЫ — ПЕРВЫЕ ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ

Древний Беркут-калинский оазис вытянулся узкой и длинной полосой протяженностью около 40 км при ширине 4—5 км вдоль одноименного канала, называемого иногда Кырк-кызским, или, по имени современного канала, Тазабагьябским. Желтые барханные пески отделяют его от соседних поселений, располагавшихся по двум другим большим каналам — Якке-Парсанскому и древнему Кельтеминару. Равнина, на которой находились все эти и целый ряд других разновременных оазисов, образована наносами протоков Акча-Дарьи — одного из древних русел Аму-Дарьи.

Западную часть равнины ограничивают горы Султан-Уиздага, возвышающиеся кое-где на 40 м. Восточные отроги Султан-Уиздага — возвышенности Аяз-кала и Кокча близко подходят к окраинам оазиса.

Установлено, что ложа основных больших протоков в виде длинных такыровидных полос веерообразно расходятся от нынешнего русла Аму-Дарьи в районе городов Турткуля и Шурахаана, затем у подножия Султан-Уиздага сливаясь в одну обширную плоскость такыров. Древняя оросительная сеть была проведена по этим естественным руслам, и поэтому расположение такыровидных полос соответствует размещению древних оазисов¹, один из которых и является предметом нашего исследования.

Заселение Беркут-калинского оазиса началось еще в первобытную эпоху. Первые поселения тяготели к естественным руслам древних протоков Акча-Дарьи, следы которых и сейчас хорошо заметны в пустынных частях Беркут-калинского оазиса, где извилистая сеть старых естественных русел — крупных и мелких — густо переплела всю местность. Вдоль одного из таких протоков, прослеживающегося в левобережье Беркут-калинского оазиса у Кум-Баскан-калы и в местности к западу от Тешик-калы, Беркут-калы и Уй-калы, открыта цепь стоянок, относящихся к эпохе бронзы и раннего железа (точки 1001 — 1008)² (рис. 1). Одна из этих стоянок, наиболее крупная, получившая название Уй-кала I, раскопана в 1955 г. А. В. Виноградовым. Осколки лепных сосудов с прямым высоким венчиком, под которым расположен пояс косых насечек, найдены также к северу от замка № 60, около хорошо прослеживающегося широкого древнего русла, пересекающего этот участок оазиса с востока на запад.

² Эти стоянки, исследованные археолого-топографическим отрядом под руководством Б. В. Андрианова, являются продолжением открытой в 1938—1939 гг. С. П. Толстовым группы первобытных памятников (Б. В. Андрианов. Археолого-топографические исследования на землях древнего орошения Турткульского и Бирунийского районов Каракалпакской АССР в 1955—1956 гг. МХЭ, вып. 1. М., 1959, стр. 145). Номера точек, приведенные здесь и в дальнейшем тексте, зафиксированы на составленной Б. В. Андриановым карте древней ирригации Хорезма.

¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 39.

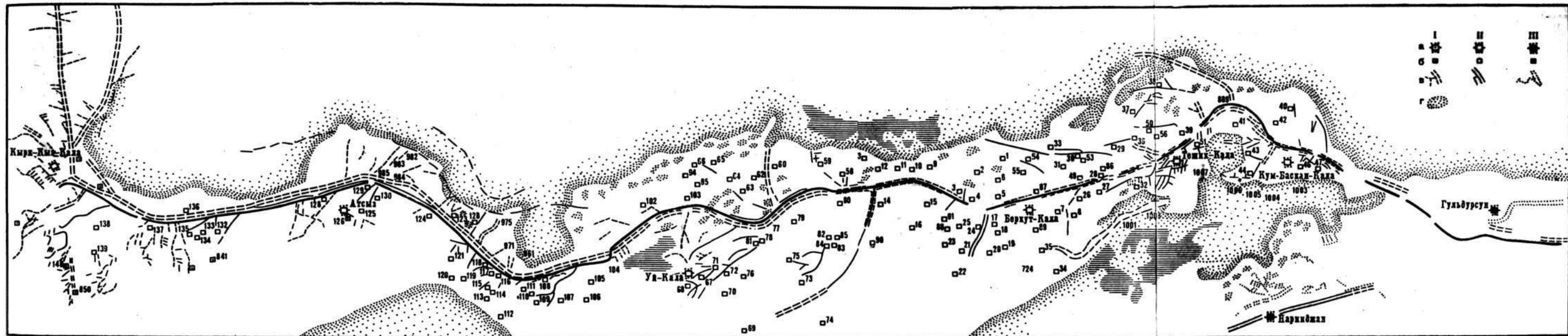


Рис. 1. Схематическая карта Беркут-калинского оазиса (составлена Б. В. Андриановым)

Условные обозначения: I — памятники античного периода, II — памятники раннесредневекового периода (VII—VIII вв. н. э.), III — памятники XI—XII вв. н. э.; а — города, крупные крепости, б — усадьбы, в — древние каналы, г — пески

Первые каналы в этой местности, где впоследствии возник Беркут-калинский оазис, были прорыты в архаический период (VII—V вв. до н. э.) по краю такырного щита³. Один из них обнаружен в левобережье оазиса. По-видимому, он был выведен из упомянутого выше протока, по которому расположены стоянки эпохи бронзы и раннего железа. Ложе канала прослеживается в виде плоского вала шириной около 30 м, тянущегося с юга на север. Вдоль него зарегистрированы скопления керамики архаического или кюзелигырского периода. Остатки разрушенных архаических поселений в виде отдельных скоплений осколков характерной для этого времени керамики,— например хумов и хумчей⁴, зафиксированы около замков № 34 (точка 724)⁵, № 38 (точки 889 и 882) и Кум-Баскан-калы. Развалины жилищ архаического времени не обнаружены. Очевидно, посуда встречена в переотложенном виде, так как остатки жилищ, по-видимому, были распаханы позднейшими обитателями оазиса. Поэтому вид этих построек остался неизвестен.

Древний Тазабагыябский канал прослежен не на всем его протяжении, так как территория его головной части во время первого обследования района, проведенного С. П. Толстовым в 1938—1939 гг., была занята колхозными полями. К моменту работ археолого-топографического отряда в 1955 г. земли колхозов распространились уже почти на весь древний оазис. Тем не менее в некоторых местах русло этого основного канала, питавшего водой всю округу, прослеживается хорошо. Невдалеке от Кум-Баскан-калы оно выражено плоским валом шириной около 40 м и высотой 1—1,5 м. С. П. Толстов в довоенные годы проследил русло канала от Большого Гульдурсуна до Большой Кырк-кыз-калы, отметив особо хорошую его сохранность в районе последней крепости, где оно представляет собой двойной вал с широкой ложбиной посередине⁶.

Поперечные профили, заложенные Б. В. Андриановым на русле канала, выявили два его ложа: более широкое, в среднем 40—50 м и между валами 10—11 м, и проложенное в нем более узкое русло, не шире 6—8 м, местами перекрывающее старое, совпадая с ним по направлению, местами отступающее незначитель-

но в сторону⁷. Подробное топографическое обследование местности, проведенное С. П. Толстовым в 1938—1939 гг. и продолженное Б. В. Андриановым в 1955 г., позволило заключить, что более широкий канал функционировал в кангюйско-кушанский период. Больше всего следов построек этого времени сохранилось в местности между Уй-калой и Ат-сызом и далее до Большой Кырк-кыз-калы. С. П. Толстов, обследовавший этот район, когда он еще представлял собой пустыню, отметил около Беркут-калы большое античное поселение. Такие же поселения, по его наблюдениям, были около замка № 13⁸. По соседству, возле замка № 10 на карте он показал следы могильника⁹. Заметим, что в 1963 г. к северо-западу от замка № 37 обнаружен другой грунтовой могильник, относящийся скорее всего к началу нашей эры.

Возвращаясь к описанию поселений античного периода, отметим, что, судя по результатам обследования участков, еще не занятых полями, оазис был в эту пору довольно густо заселен, причем материал последних веков до нашей эры постоянно встречается в сочетании с керамикой первых веков нашей эры и в чистом виде найден лишь в нескольких пунктах (точки 975, 982, 983 в правобережье оазиса, на участке между Уй-калой и Ат-сызом). Здесь собраны характерные для IV—III вв. до н. э. по форме и технологическим особенностям изготовления хумы, горшки и обломки бокаловидных сосудов¹⁰. Однако отдельные скопления керамики последних веков до нашей эры позволяют только констатировать факт существования жилищ, но не дают основания судить об их планировке и размерах. Несколько больше возможностей в изучении поселений кушанской эпохи.

Следы распаханых в афригидский период остатков жилищ первых веков нашей эры обнаруживаются возле замков № 13 и 60. Здесь на поверхности видны остатки вкопанных в землю хумов, а обломки керамики сосредоточены на площади 80×100 м; среди них попадаются фрагменты зернотерок. В правобережье канала возле Уй-калы, Ат-сыза и Большой Кырк-кыз-калы местность изобилует следами интенсивного освоения в кушанскую эпоху (точки 961, 971, 984, 985 и др.). В некоторых случаях

³ Б. В. Андрианов. Археолого-топографические исследования на землях древнего орошения...

⁴ М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода. ТХЭ, т. IV, М., 1959, стр. 69—70, рис. 2, 14—32, 15, 16.

⁵ Б. В. Андрианов. Археолого-топографические исследования на землях древнего орошения..., стр. 145.

⁶ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 132.

⁷ Б. В. Андрианов. Археолого-топографические исследования на землях древнего орошения..., стр. 144.

⁸ С. П. Толстов. Древний Хорезм. Комплекс Беркут-кала. Схематический план, рис. 76.

⁹ Там же.

¹⁰ См. аналогичные сосуды: М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода, рис. 9, 3, 4, 8 и др.; рис. 17, 16.

обломки посуды разбросаны на большой площади: 50×30 м (точка 985), в другом пункте поселение тянется на 300 м (точка 971)¹¹.

Основанием для установления времени существования первого поселения (точка 985) служат фрагменты хумов с округло-уплощенным венчиком-валиком и широким туловом; под венчиком видна полоса, проведенная пальцем по сырой глине. Хум сделан из хорошо промешанной глины и достаточно обожжен¹². Второе поселение, по-видимому, существовало несколько дольше: наряду со светлоангобирванными горшками¹³ и хумчами¹⁴, которые могут датироваться началом нашей эры, здесь были найдены сосуды, тяготеющие к концу кушанской эпохи.

Отметив следы античных поселений в районе Уй-калы, Тешик-калы, замков № 9, 10 и т. д., С. П. Толстов высказал предположение, что крупнейшие крепости оазиса — Беркут-кала и Уй-кала¹⁵ возникли на основе античных сооружений, что и подтвердилось дальнейшими исследованиями.

Теперь установлено, что под наслоениями раннесредневековой Беркут-калы находятся развалины крупного (около 200 × 150 м) укрепленного поселения с мощными прямоугольными башнями по углам. Возникнув, видимо, в последние века до нашей эры, оно продолжало существовать в кушанское время: найденная в одном из шурфов керамика — чаши, кувшины, горшки — прекрасно обожжена, часто покрыта красным ангобом и очень сходна с сосудами из кушанского слоя Куня-Уаза и Топрак-калы¹⁶. Хумы очень характерной формы, найденные в шурфе, и отдельные осколки сосудов со спиралевидной росписью красным ангобом среди подъемного материала из этого поселения дают основание установить другую, нижнюю границу существования поселения — последние века до нашей эры¹⁷.

Труднее установить время существования поселения, на развалинах которого построена Уй-кала. Скорее всего оно относилось к кушанской эпохе, так как более ранней посуды среди подъемного материала здесь нет. Судя по очертаниям этой постройки, большей по площади, чем раннесредневековый замок, и потому вы-

ступающей за его пределы, она была укреплена и снабжена башнями. Недалеко от Уй-калы на берегу огромной котловины, сейчас заполненной сбросовыми водами современной ирригационной сети, обнаружено несколько десятков обжитых керамических печей, составляющих два обширных гончарных ремесленных квартала, разделенных километровым расстоянием. Одна из печей была в 1956 г. раскопана М. Г. Воробьевой¹⁸. Она относится к первым векам нашей эры.

Также укрепленные, но меньшие по площади строения находились там, где в афригидский период возникли замки Ат-сыз и № 9. В первом случае раннесредневековый замок построен рядом с развалинами античной усадьбы, очертания которой хорошо видны с воздуха. Античная Ат-сыз-кала представляла собой квадрат площадью 65 × 65 м с тремя прямоугольными башнями вдоль каждой стороны. Такой же формы башни обороняли вход, находившийся посередине южной стены. Небольшой собранный на поверхности развалин керамический материал позволяет заключить, что эта постройка существовала в кушанское время.

Совершенно подобная по планировке, но еще меньшая по площади усадьба (40 × 40 м) находится под замком № 9. На ее развалинах построено главное жилое здание замка, для которого остатки античного послужили своего рода доколом. Как мы это уже видели на примере Уй-калы, и в этом случае часть развалин сооружения античной эпохи выступает за пределы афригидского доджона, и на аэрофотоснимке хорошо видны три прямоугольные башни, укреплявшие северную стену античной усадьбы. К двум угловым башням вплотную пристроены пахсовые стены замка, и при первых обследованиях памятника считалось, что башни синхронны стенам, но вызвала удивление их странная форма, так как они очень слабо выступали за линии стен. По-видимому, к этой усадьбе относилась и другая постройка, обнаруженная С. П. Толстовым в непосредственной близости от замка № 9, в 10—12 м к востоку от него и отнесенная им ко времени Кушанов¹⁹. Остатки постройки были целы еще и в 50-х годах, в период наших работ в оазисе, скопление же на ней типичных для упомянутой эпохи обломков хумов подтверждает предложенную дату.

¹⁸ М. Г. Воробьева. Опыт картографирования гончарных печей Средней Азии. Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. XLVIII. М.—Л., 1961, стр. 150.

¹⁹ Полевой дневник С. П. Толстова за 1939, № 1. Архив Хорезмской экспедиции.

¹¹ Б. В. Андрианов. Полевой дневник № 80 за 1955 г. Архив Хорезмской экспедиции.

¹² См. аналогичный сосуд: М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода, рис. 32, 31.

¹³ Там же, рис. 27, 16.

¹⁴ Там же, рис. 32, 23.

¹⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 134.

¹⁶ Е. Е. Неразик. Раскопки в Беркут-калинском оазисе. МХЭ, вып. 1, М., 1959, рис. 4, 15—19, 21—23.

¹⁷ Там же, стр. 108.

К приведенным данным об укрепленных постройках начала нашей эры в оазисе необходимо добавить, что наиболее крупными по площади, степени укрепленности и соответственно значению были, конечно, Большая Кырк-кыз-кала и Большой Гульдурсун, построенные, как считает С. П. Толстов, в античную эпоху. Средневековый Большой Гульдурсун по площади совпадал с античным, и таким образом, можно думать, что это была крепость площадью свыше 37 га, с мощными стенами и с обходной стрелковой галереей, снабженной многочисленными бойницами. С. П. Толстов считает ее городом кушанского времени²⁰.

К кушанскому же периоду относится и Большая Кырк-кыз-кала, прикрывавшая, по мнению С. П. Толстова, подступы к оазису со стороны пустыни. Вокруг Кырк-кыз-калы и далеко на север от нее сохранились следы обширных поселений и остатки железоплавильного производства, существовавшего в античный период²¹.

Таким образом, здесь можно наметить несколько разных по площади, но в каждом случае сильно укрепленных поселений кушанского времени: это (с юга на север) Гульдурсун, Кум-Баскан-кала, Беркут-кала, Уй-кала (и между ними усадьба, скрытая под замком № 9), Ат-сыз-кала, Большая Кырк-кыз-кала. Любопытно, что, начиная от Беркут-калы, их разделяют примерно равные расстояния — 9 км, интервалы между первыми тремя короче — 6 км. Каждое из них, вероятно, было средоточием определенной сельской округи. Такую округу мы отметили выше, говоря об окрестностях Уй-калы, Ат-сыз-калы, Большой Кырк-кыз-калы. Скорее всего перечисленные крепости были окружены неукрепленными крестьянскими жилищами. Утверждать это категорически нельзя, так как развалины жилищ, как говорилось выше, распаханы, но уже это обстоятельство заставляет усомниться в их фундаментальности. Кроме того, это предположение можно проверить, если обратиться к синхронным поселениям в соседних оазисах, где нет оснований подозревать иные формы расселения. Так, у подножия Аяз-калы расположен теперь широко известный благодаря работам С. П. Толстова комплекс Аяз-кала III. Данное поселение, датированное I—III вв. н. э. по найденным в нем монетам, не подвергалось впоследствии перестройкам, и поэтому оно представляет значительно более благодарным материалом для исследования, чем распаханые или перестроен-

ные в VII—VIII вв. остатки жилищ первых веков нашей эры в Беркут-калинском оазисе.

Аяз-кала III — довольно обширное поселение площадью не менее 70 га, центром которого была принадлежавшая, по-видимому, одному из представителей земледельческой знати усадьба, хорошо укрепленная многими башнями и стрелковым коридором. Многокомнатный жилой дом разделен двумя коридорами на четыре части²². Вокруг этой усадьбы-крепости среди полей компактно располагались небольшие неукрепленные дома свободных общинников. Дом находился внутри ограды, окружавшей приусадебный участок, занятый огородом и виноградником.

Однако можно ли считать Аяз-кала III характерным сельским поселением Хорезма периода Кушанов? Не сказалось ли в чем-либо окраинное положение этого комплекса на стыке предгорий Султан-Уиздага и песков Кызылкумов? Обратимся к другим оазисам Кызылкумов, например к Джанбас-калинскому, запустевшему в первые века нашей эры и более не возрождавшемуся.

Джанбас-калинское поселение находится примерно в 4 км к западу от Джанбас-калы и, таким образом, в отличие от Аяз-калинского, не тяготеет непосредственно к какому-либо укрепленному центру. Значительно менее компактное, оно также занимает площадь около 100 га и расположено по обе стороны крупного канала, тянущегося к Джанбас-кале мимо Анга-калы и Базар-калы. Внутри каждой из неукрепленных усадеб поселка, примерно равных по величине, находится дом и приусадебный участок. Дома невелики и обычно состоят из пяти-восьми комнат и небольшого внутреннего двора. Время существования поселения устанавливается в пределах первых веков нашей эры по такой типичной для этого времени керамике, как хумы с уплощенным венчиком-валиком, под которым заметна полоса, проведенная пальцем, а также красно- и желтоангобированные кувшины, горшки и чаши. Постройки, подобные описанным, обнаружены возле Анга-калы (точка 291), Адамли-калы и в других местах, но они сохранились хуже. Наряду с ними там имеются остатки строений, выделяющихся своей большей фундаментальностью, нечто вроде небольшой «цитадели». В некоторых случаях жилое здание было сводчатым. Следовательно, поселения и большинство усадеб, существовавших в первые века нашей эры у Аяз-калы, Джанбас-калы и в Беркут-калинском оазисе,

²⁰ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 170.

²¹ Полевой дневник Б. В. Андрианова № 80 за 1955 г.

²² С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 157.

оказались однотипными. Забегая вперед, отметим, что и в IV—V вв. продолжали существовать поселения, не отличавшиеся от вышеописанных: так, в районе урочища Дингильдже располагался компактный поселок, состоявший из примыкавших друг к другу оградами неукрепленных усадеб, внутри которых находились небольшие домики.

Для решения вопросов, связанных с эволюцией сельских поселений древнего Хорезма, было бы очень интересно проследить расположение жилищ античного периода, в частности кушанского, относительно оросительной сети. Пока, по предварительным данным, собранным археолого-топографическим отрядом Хорезмской экспедиции, можно думать, что жилища в этот период тяготели к основному каналу, как правило, находясь в непосредственной близости от него. В отдельных случаях удалось заметить (в частности, на участке Беркут-калинского оазиса от Уй-калы до Большой Кырк-кыз-калы и в Джанбас-калинском поселении), что вода к каждому из жилищ или небольшой их группе подводилась из главного канала по самостоятельным отводным арыкам, однако какую-либо подчиненность в пользовании водой при этом расположении заподозрить трудно.

Немаловажным для изучения сельских поселений Хорезма поры, предшествующей афригидскому периоду, явилось бы сравнение их с

жилищами сельского населения на территории соседних древних среднеазиатских государств. Однако сельские поселения античной эпохи в Средней Азии до сих пор почти не изучены.

В последнее время благодаря работам Хорезмской экспедиции на северной и северо-восточной периферии древнехорезмийского государства, в дельтах Аму- и Сыр-Дарьи выявлены поселения местных племен. При всем своеобразии, вызванном и условиями ведения хозяйства, и социально-экономическим уровнем развития, на котором находились оставившие их племена, и вообще многими причинами, эти поселения имеют известное сходство с хорезмскими античными поселениями; они также представляют собой совокупность неукрепленных жилищ (причем небольших — двух, трехкомнатных домиков), группирующихся вокруг одного или нескольких укрепленных центральных зданий. Речь идет о поселениях Баланды (IV—III вв. до н. э.)²³ и Барак-там (IV в. н. э.)²⁴.

Таким образом, и здесь, в этих периферийных областях, населенных преимущественно полуседлыми племенами, как и в исконно земледельческих хорезмских оазисах, мы видим выделение знати из массы рядовых общинников.

²³ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1963, стр. 248.

²⁴ Там же, рис. 149.

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ В БЕРКУТ-КАЛИНСКОМ ОАЗИСЕ

Расположение усадеб

В Беркут-калинском оазисе афригидской эпохи прежде всего бросается в глаза одна черта: все жилища представляют собой укрепленные усадьбы, располагавшиеся изолированно одна от другой на расстоянии 200—300 м, иногда вдали от основного канала. В этой изолированности жилищ нашла отчетливое выражение та форма расселения, которая становится в Хорезме в дальнейшем традиционной. Так, в изолированных усадьбах жили земледельцы по каналу Гавхорэ, в так называемом Кават-калинском оазисе XII—XIII вв. н. э., хотя жилища здесь находились довольно близко друг к другу, плотность населения была очень высока и по подсчетам превышала цифру 200 человек на 1 кв. км, т. е. превосходила современную в Хорезмском оазисе.

Проезжая в 1219 г. через Хорезм, Якут отметил, что это «прекрасная возделанная область». «Я проезжал по ней... и никогда не видел области более процветающей, чем она..., в ней непрерывная возделанная полоса с селениями, расположенными близко друг к другу. В их степях множество отдельных домов и замков»²⁵.

И, наконец, все исследователи Хивинского оазиса, включавшего, как известно, часть территории древнего Хорезма, также писали, как, например, М. И. Иванов, что «селения его состоят из множества недалеко отстоящих один от другого хуторов или замков, в которых жили по одному, по два или по три хозяина, большей частью родственников. Таким образом,

²⁵ Якут. «Китаб му'джам ал-булдан». МИТТ, т. I, М.—Л., 1939, стр. 419.

главная часть народонаселения в Хивинском владении расселена по хуторам»²⁶.

Некоторые из современных исследователей Средней Азии подчеркивают, что сельские поселения афригидского Хорезма резко отличались от тех, которые находились на территории других среднеазиатских областей, например Согда. Так, А. Ю. Якубовский, имея в виду период VIII в. н. э., отметил следующее: «Земледельческое население Мавераннахра, в подавляющем большинстве своем согдийское, ... жило в укрепленных поселениях. Тип земледельческих поселений Хорезма, сравнительно с согдийским, имел свои особенности. В Хорезме земледельцы не знали селений, а располагались отдельными укрепленными усадьбами, занятыми большими патриархальными семьями»²⁷.

Облик согдийских селений почти неизвестен. Некоторое представление о том, как они могли выглядеть, дают материалы археологических исследований в Усрушане и в Кашка-Дарьинском оазисе, где в VI—VIII вв. н. э. находились владения Кан-и-Нахшеб, так же как и средневековая Усрушана, входившие в VIII в. в широкое объединение Кан с центром в Самарканде²⁸.

Классифицируя поселения Каршинского оазиса, С. К. Кабанов выделил укрепленные селения, к категории которых он отнес Кала-и-Захаки-Морон и Мудин-тепе (III—V вв. н. э.). Первое состоит из трех террас, уступами возвышавшихся к центру, где помещался квадратный в плане замок. Площадь поселения — 16 га²⁹.

Мудин-тепе — прямоугольное в плане поселение, занимает территорию около 1,5 га. В северо-восточном углу его бугор, отделенный от остальной застройки неглубокой ложбиной, образовавшейся, видимо, на месте рва. Предполагается, что этот бугор образован развалинами замка³⁰. Памятники типа Кала-и-Захаки-Морон С. К. Кабанов считает остатками поселений земледельческой аристократии, а Мудин-тепе — поселениями сельской общины с

четко выраженной классовой дифференциацией, о которой свидетельствуют остатки замка. Однако Мудин-тепе и Кала-и-Захаки-Морон возникли еще в последние века до нашей эры³¹, и пока не установлено, как они менялись на протяжении своего существования до V в. н. э. (и менялись ли?) в планировочно-топографическом отношении; считается, правда, что в III в. н. э. замок с прилегающим к нему поселением в Кала-и-Захаки-Морон уже существовал; впоследствии оно разрослось и было окружено еще одной стеной.

В Усрушане к числу укрепленных селений относятся Калла-хана, Курган-тепе и некоторые другие памятники, планировка которых напоминает Мудин-тепе. Площадь их колеблется от 1,5 до 3 га³². Укрепленные поселения Усрушаны, в которых жили согдийцы, восходят, как полагает исследователь, к укрепленным земледельческим городкам, уже известным здесь во второй половине I тысячелетия до н. э.³³ Однако пока еще не проведены раскопки этих памятников и неизвестна их внутренняя планировка, характер занятий населения и т. д. Поэтому мы очень мало знаем о том, что они собой представляли. Ясно только, что основанием для классификации типов поселений недостаточно считать один лишь внешний вид памятника и его размеры.

Возможно, в какой-то мере эти раннесредневековые укрепленные селения Средней Азии были подобны тем позднейшим бухарским, описания которых привел Нершахи. Он пишет, что они всегда имели кёшки дихкан или даже дворцы, базарную площадь и часто были основательно укреплены и окружены рвами. Почти каждое селение представляло собой небольшой торгово-ремесленный центр, славившийся каким-либо ремеслом, чаще всего ткацким. Таковы были Зандана, Исканджкат и др.³⁴

Наряду с укрепленными селениями в Усрушане и в Каршинском оазисе существовали в интересующее нас время укрепленные и неукрепленные усадьбы, имеющие сейчас вид двухъярусных или одноярусных бугров — тепа. Двухъярусные — бугор с примыкающей к нему площадкой, несколько приподнятой над уровнем окружающей поверхности; одноярусные — бугор овальной или прямоугольной формы. Площадь их колеблется в пределах 0,03—2,25 га.

²⁶ М. И. Иванин. Хива и река Аму-Дарья. СПб., 1878, стр. 32.

²⁷ «История Узбекской ССР», т. I, кн. 1. Ташкент, 1955, стр. 151.

²⁸ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, стр. 310—316.

²⁹ С. К. Кабанов. Археологические данные по истории Нахшеба в III—V вв. н. э. ВДИ, 1956, № 2, стр. 163—164; он же. Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе. «Труды Института истории и археологии АН Узбекской ССР», т. II. Ташкент, 1950, стр. 87—88.

³⁰ С. К. Кабанов. Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе, стр. 85—86.

³¹ С. К. Кабанов. Археологические данные по истории Нахшеба в III—V вв., стр. 164.

³² Н. Н. Негматов. Усрушана в VII—X вв. Канд. дисс. Л., 1952, стр. 96 (ГБЛ).

³³ Н. Н. Негматов. Усрушана в древности и раннем средневековье. Душанбе, 1957, стр. 117.

³⁴ Нершахи. История Бухары. Ташкент, 1897, стр. 20, 23.

В Бухарском оазисе на исследованной В. А. Шишкиным площади около 50 кв. км обнаружено около 100 тепе, располагающихся группами, тяготеющими к одному, наиболее крупному внутри каждой из них³⁵.

Большинство из этих тепе состоит из более или менее высокого холма, к которому, обычно с южной стороны, примыкает другой — более низкий и плоский. В. А. Шишкин полагает, что первый является остатками укрепления — жилой башни, второй — поселения (служб и хозяйственных помещений при укреплении)³⁶. Далеко не все эти тепе одновременны, но часть из них, безусловно, существовала в V—VII вв.³⁷ Таким образом, и здесь в этот период отмечается усадебное расселение. Любопытно, что, по словам В. А. Шишкина, «едва ли не большая часть остатков древних укрепленных поселений (замков), сохранившихся на территории оазиса в огромном количестве (около полутысячи), восходит по времени к первым векам до и первым векам после начала нашей эры»³⁸ и как будто можно говорить об очень раннем появлении здесь замков, если под этим термином подразумевать определенное сооружение, которое обычно имеется в виду, когда речь идет о раннесредневековых укрепленных усадьбах. Этот вопрос требует дальнейшего выяснения.

Постепенно накапливаются данные о том, что и в северном Тохаристане (нынешняя Сурхан-дарьинская область) феодальный замок становится очень распространенным типом построек в рассматриваемый нами период³⁹, однако какие-либо сведения о существовании там усадеб пока отсутствуют.

Несомненно сходным с тем, что наблюдается в сельском афригидском Хорезме, было расселение в Фергане кушанского периода. Типичными для этого времени А. Н. Бернштам и Т. Г. Оболдуева считают сельские жилища в виде отдельных укрепленных домов — замков. Появление их, по мнению А. Н. Бернштама,

результат разрыва родообщинных связей, приведшего к выделению патриархальных семей, которые жили в домах-замках⁴⁰.

Каждый такой дом представляет собой «мощную башню, сложенную из крупного сырцового кирпича или блоков, стоящую внутри огороженного стеной двора. Сам дом строился на высоком цоколе»⁴¹.

Появление укрепленных усадеб в Фергане в первых веках нашей эры могло быть вызвано ее окраинным положением, окружением кочевыми племенами, отсутствием государственной власти, достаточно сильной, чтобы создать организованную защиту сельского населения. В следующий период («между тюрками и арабами», как назвал его А. Н. Бернштам) отмечается «стягивание» неукрепленных сельских поселений вокруг феодального замка, что указывает на развивающуюся феодализацию общества⁴².

Остатки таких неукрепленных открытых сельских поселений VI—VIII вв. н. э., располагавшихся на равнине у подножия «крепостей на скалах», видимо, обнаружены в Сурхе⁴³ и в южной Туркмении, на территории бывлой Парфии, где рядовое сельское население VI—VIII вв. н. э. жило в неукрепленных глинобитных постройках у подножия замка⁴⁴. Относительно усадебного расселения здесь в эту пору ничего не известно, ясно лишь, что широко распространены хорошо укрепленные замки. В то же время среди построек, относящихся к значительно более раннему времени — парфянского периода, некоторые исследователи выделяли и укрепленные деревни, и «замки», и «крестьянские хутора»; развалины последних стоят то поодиночке, в нескольких сотнях метров друг от друга, то небольшими группами⁴⁵. И хотя в литературе, посвященной памятникам южной Туркмении, почти совсем нет сведений о сельских жилищах кушанского времени, быть может, со временем, по мере накопления новых данных можно будет говорить, что здесь, как и в Фергане в VI—VIII вв., происходил процесс «стягивания» сельских построек к

⁴⁰ А. Н. Бернштам. Древняя Фергана. Ташкент, 1951, стр. 17.

⁴¹ Там же.

⁴² А. Н. Бернштам. Древняя Фергана, стр. 24.

⁴³ Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР», т. XXXV. Душанбе, 1955, стр. 166.

⁴⁴ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958, стр. 122.

⁴⁵ А. А. Росляков. Мелкие археологические памятники окрестностей Ашхабада. «Труды ЮТАКЭ», т. V. Ашхабад, 1955, стр. 83.

³⁵ В. А. Шишкин. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Ташкент, 1940, стр. 16.

³⁶ Там же, стр. 16, 17 и сл.; В. А. Шишкин. Варахша. М., 1963, стр. 128, 129, 146.

³⁷ В. А. Шишкин. Варахша, стр. 128, 129; В. А. Шишкин. Археологические работы 1937 г., стр. 16, 17 и сл.

³⁸ В. А. Шишкин. Некоторые итоги археологических работ на городище Варахша (1947—1953 гг.). «Труды Института истории и археологии АН Узбекской ССР», т. VIII. Ташкент, 1956, стр. 10.

³⁹ Л. И. Альбаум. Балалык-тепе. Ташкент, 1962, стр. 54—60; он же. Раскопки замка Заг-тепе. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 4. Ташкент, 1963, стр. 73—83.

жилищу феодала и образования неукрепленных сельских поселений.

Итак, сельское население Средней Азии в раннем средневековье, во всяком случае в VII—VIII вв. н. э., жило в укрепленных селениях и, видимо реже, в усадьбах, а жилищем мелкой, средней и крупной земледельческой знати стал замок.

Чем же в таком случае нужно объяснить своеобразие в этом отношении Хорезма, где в это время почти не было⁴⁶ таких селений и подавляющее большинство сельского населения жило в укрепленных усадьбах?

Причины, вызвавшие различие типов поселений, различное расселение земледельцев в Средней Азии как в древние, так и в недавние времена, совершенно не изучены, и этим усугубляются трудности в разрешении поставленного вопроса.

В виде гипотезы мы полагаем, что расселение земледельцев Хорезма афригидского периода в усадьбах было связано со спецификой хозяйства, основанного на поливном земледелии, которое в условиях дельты Аму-Дарьи носило особый характер, отличный от известного на других территориях Средней Азии. Историк XIX в., занимавшийся изучением хозяйства в Хивинском ханстве, близко подошли к пониманию этих причин, отмечая, что Аму-Дарья — капризный водный источник, водный режим ирригации, основанный на выведении из нее каналов, весьма неустойчив, и поэтому удобнее располагать жилища поблизости от полей и арыков, чтобы постоянно наблюдать за уровнем воды во избежание наводнений⁴⁷. Большая же длина каналов в Хивинском ханстве объяснялась тем обстоятельством, что при изменчивости Аму-Дарьи население не могло селиться по берегам реки⁴⁸. Действительно, близость домов к полям и орошавшим их каналам, конечно, была большим удобством. Яркое подтверждение этого — этнографические материалы Таджикистана более позднего времени.

Население Таджикистана XIX в. селилось в долинах усадьбами, а в горах — кишлаками, высвобождая каждый клочок земли для пашни. Скученность в кишлаках приводила к тому, что с началом весны мужчины переселялись на

⁴⁶ Мы говорим «почти», так как в южном левобережном Хорезме, под Хивой, нами обследованы остатки большого поселения, скорее всего неукрепленного, сложившегося вокруг небольшой цитадели в раннеафригидский период. Однако пока неясно, не являлось ли это поселение зародышем городка, посадом у замка, как, например, Беркут-кала в Хорезме.

⁴⁷ О. Шкапский. Аму-Дарьинские очерки. Ташкент, 1900, стр. 97.

⁴⁸ Там же, стр. 98.

летний ток, так как этого требовала подготовка пашни под посевы, наблюдение за ними, уборка урожая, не говоря уже об уходе за оросительной сетью. Близость дома облегчала этот труд⁴⁹. Стремление сократить расстояние от поля до дома объясняется также необходимостью вывозить на поливные участки удобрения; важность этой проблемы убедительно показал М. С. Андреев⁵⁰.

Таким образом, разбросанное усадебное расселение, при котором к тому же возможно избегнуть чересполосицы, было удобно для земледельцев древнего Хорезмского оазиса, учитывая, что в условиях равнинного рельефа местности и больших пространств пригодной для обработки земли населению не было необходимости тесниться в скученные поселки.

Усадебное расселение было возможно только при индивидуальном владении землей, и поэтому выделение отдельных небольших коллективов из более крупных в качестве хозяйственно самостоятельных единиц было необходимой предпосылкой распространения усадебного расселения. Такими единицами являлись большие патриархальные семьи.

Типологические и хронологические группы памятников Беркут-калинского оазиса

Все постройки Беркут-калинского оазиса распадаются по планировке на две большие группы: усадьбы с донжоном и без него. Термин «усадьба»

применительно к ним весьма условен⁵¹, ибо, как показали раскопки и разведки, памятники обеих групп представляют собой большие домомассивы с подведенной под общую крышу сплошной застройкой, делившейся пополам коридором или располагавшейся вокруг небольшого дворика. Кроме упомянутых групп усадеб в оазисе существовали отдельно стоящие здания. Типологически они примыкают к первой группе, так как это всего лишь как бы построенные изолированно донжоны (рис. 2).

Усадьбы с донжоном количественно преобладали в оазисе, создавая впечатление единообразия построек. Однако наличие усадеб без донжонов требовало выяснения взаимоотношения

⁴⁹ А. Н. Кондауров. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. М.—Л., 1940, стр. 30—31.

⁵⁰ М. С. Андреев. Таджики долины Хуф. «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР», т. LXI, вып. II. Душанбе, 1958, стр. 29.

⁵¹ Тем более условен в приложении к этим сооружениям термин «замок», который мы, однако, сохраняем, так как он принят в литературе. Обозначения «замок» и «усадьба» применительно к сооружениям Беркут-калинского оазиса равнозначны.

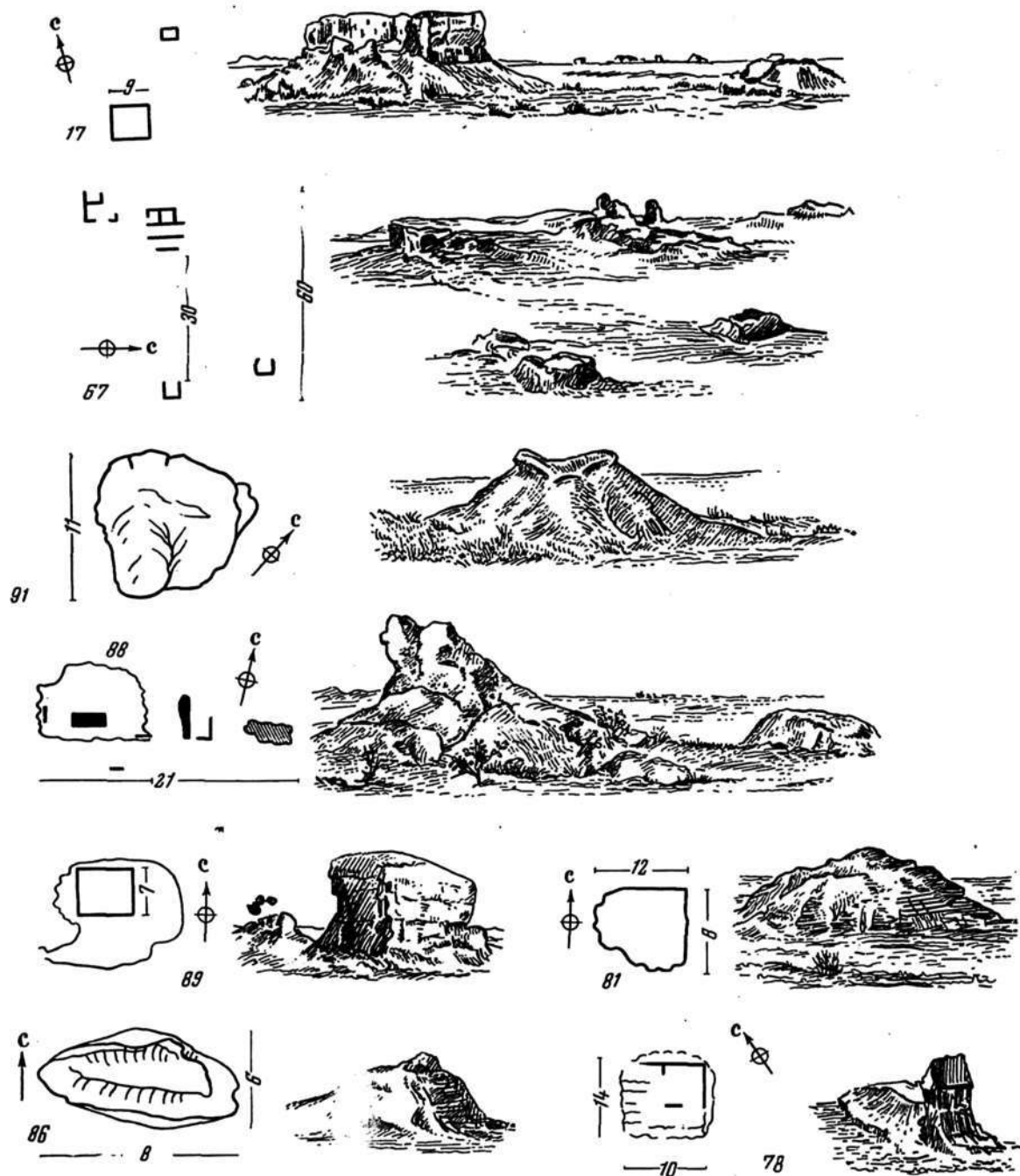


Рис. 2. Отдельно стоящие здания
 (Цифрами здесь и в последующих таблицах обозначены номера усадеб)

между собой обоих типов памятников, прежде всего хронологически.

Исследование различных усадеб привело к выводу, что многие донжоны со сплошным паховым или кирпичным цоколем возникли в результате перестройки: внутри цоколя очень часто заключены остатки более ранних сооружений. Впервые это обстоятельство установил С. П. Толстов, открывший в цоколе жилой башни Тешик-калы часть какого-то строения, стоявшего непосредственно на земле без всякого фундамента⁵². Обследование позволило С. П. Толстому предположить, что в VII—VIII вв. большинство усадеб оазиса было перестроено⁵³.

Дальнейшие работы подтвердили это предположение, и, что особенно важно для решения стоящей перед нами задачи датировки памятников оазиса, удалось выявить облик усадеб, подвергшихся перестройке.

Установлено, что в большинстве случаев при перестройке донжон воздвигался на месте первоначального входа в усадьбу, имевшего прямоугольное предвратное сооружение или находившегося между двумя башнями (рис. 3). Эти сооружения оказывались замурованными в цоколь донжона. Гораздо реже внутри цокольного этажа позднейших донжонов заключена более ранняя постройка, состоявшая из комнат со сводчатым перекрытием. Приведем конкретные примеры.

Замок № 18, расположенный возле Беркут-калы, — обычная усадьба с донжоном на паховом цоколе посреди южной стены. К моменту раскопок от всей усадьбы уцелел только очень разрушенный донжон в виде останца высотой 5—6 м и площадью 8 × 10 м. Заполнение его было частично вычерпано, в результате чего выявились контуры помещения с двойными стенами: внутренними — кирпичными и внешними — паховыми. Оказалось, что эти стены сооружены одновременно, и паховые служили обкладкой — внешним «чехлом», скрывающим остатки кирпичного сооружения, от которого целиком сохранилась одна комната с остатком сводчатого перекрытия и очень не-

большая часть другой, смежной. Судя по следам орудий, отпечатки которых сохранились на сырцовых кирпичках, здание было частично срублено, а оставшаяся часть забутована и превращена в массивный цоколь донжона, снаружи одетого дополнительно в паховую облицовку. Следы верхнего этажа донжона не сохранились; также неясно, имело ли раннее здание второй этаж.

Аналогичные результаты дали раскопки дома № 59, относящегося к категории отдельно стоящих зданий (см. приложение).

Другого типа сооружение оказалось в основе донжона замка № 30 (рис. 4). Во время раскопок сразу же обратили на себя внимание два обстоятельства: во-первых, здание делится на две половины крепостной стеной, которая в месте соприкосновения со стенами донжона, западной и восточной, образует уступ; во-вторых, в каждом из этих уступов находилась бойница, «смотрящая» внутрь здания, что с точки зрения обороны совершенно необъяснимо. Затем в крепостной стене внутри здания был обнаружен заложённый кирпичами проем и такой же проем — в восточной стене донжона у юго-восточного угла. Таким образом, стало ясно, что вначале здесь было прямоугольное предвратное сооружение (по типу тех, которые известны в античных городах Хорезма — Топрак-кале, Кургаши-кале и др.), простреливавшееся из косых бойниц, расположенных в его углах. Затем к нему с внутренней стороны были пристроены два помещения, а само предвратное сооружение разгорожено на две половины. Так вместо входа возник донжон со сводчатыми комнатами в нижнем этаже (видимо, сводчатое перекрытие было уже у предвратного сооружения)⁵⁴.

Несколько более сложным, но в основе также состоящим из крытой сводом прямоугольной постройки являлось и предвратное сооружение в раннем замке № 28 (о нем будет подробно сказано в следующей главе), впоследствии заложённое глиной и превращённое в донжон на паховом цоколе.

Такое же прямоугольное предвратное сооружение, из которого при перестройке получился донжон, зафиксировано и в других памятниках оазиса (№ 40 и 60) (рис. 14, 3). В первом из них это сооружение было забито глиной и осколками кирпичей и превращено в цокольный этаж донжона, во втором — к нему, как и в замке № 30, пристроено здание, через нижний этаж которого шел узкий сводчатый ход, открывавшийся внутрь усадьбы арочным проемом.

⁵⁴ Подробно о раскопках донжона замка № 30 см. в приложении.

⁵² С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 143. Это явление нельзя считать особенностью только хорезмского строительства — и в других областях древней Средней Азии наблюдается то же самое: более ранние конструкции заключены в цоколе цитадели Варахша (VI—VII вв. н. э.) в Бухарском оазисе, замка Кала-и-Боло в Исфаре и т. п. Это естественно, так как условия того исторического периода, к которому относится создание этих памятников, требовали мощных укреплений, поднятых на высокий цоколь, и при строительстве таких сооружений для экономии труда и времени проще было использовать старые руины, чем строить непосредственно на земле.

⁵³ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 134.

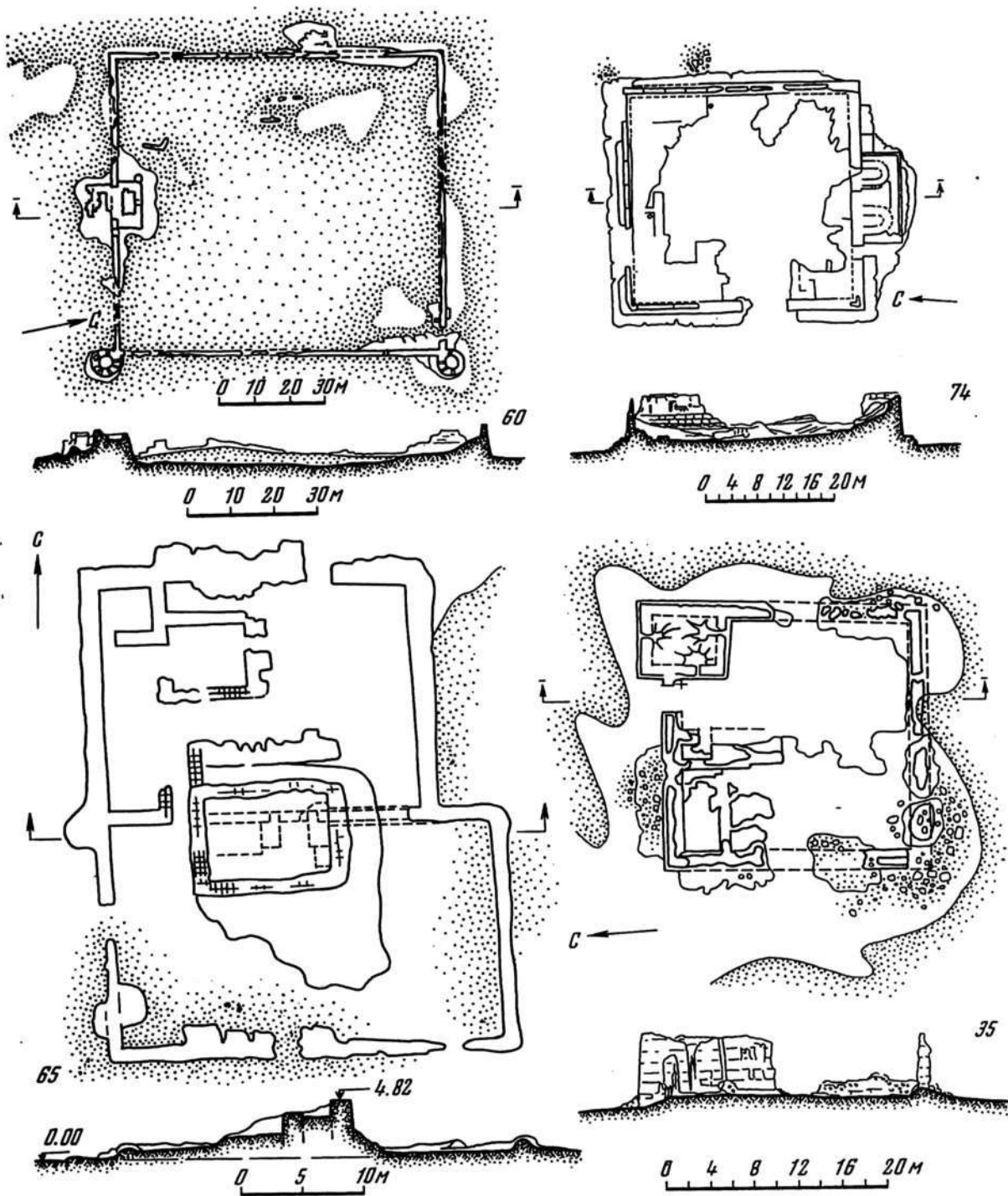


Рис. 3. Усадьбы с донжоном

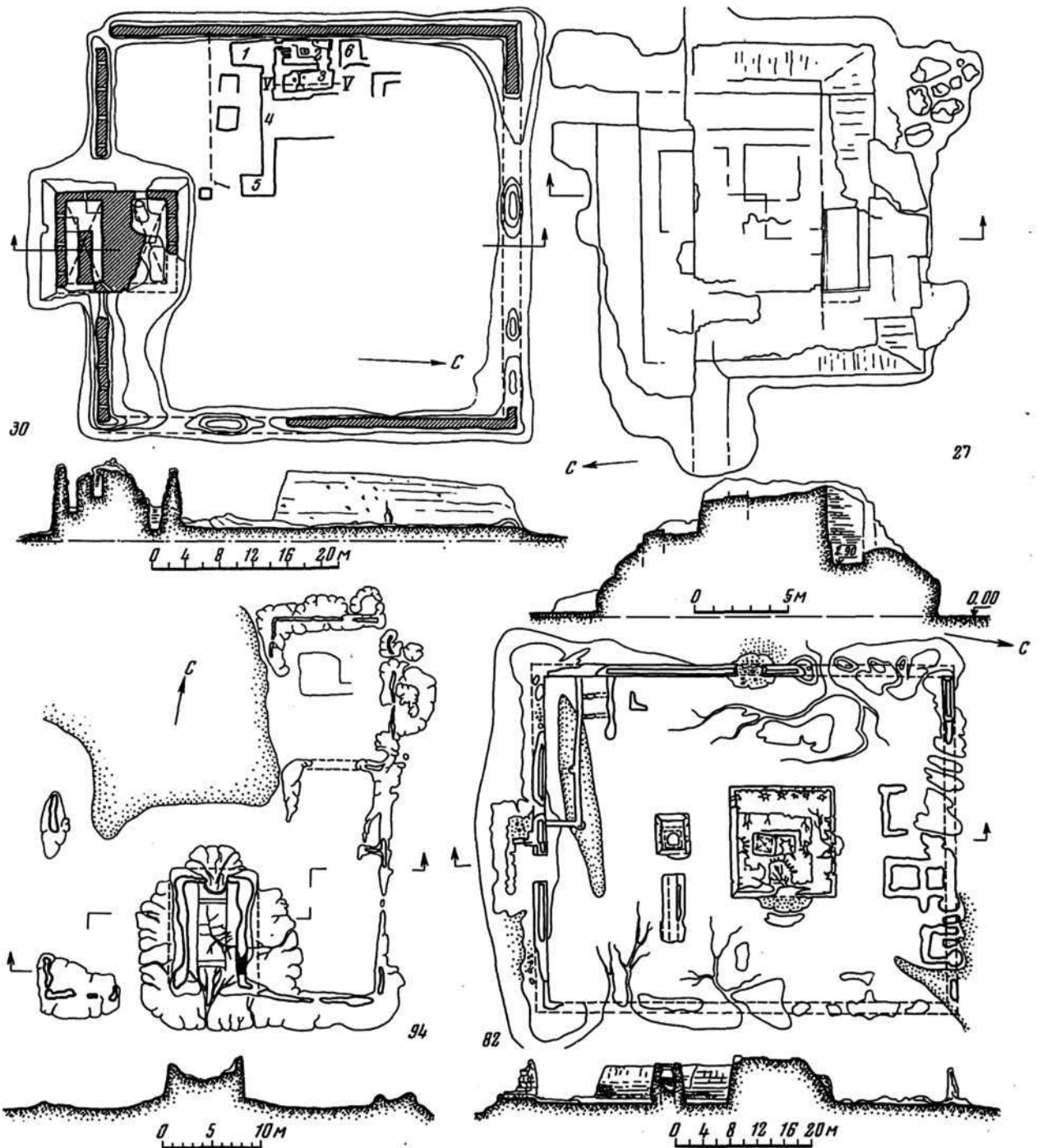


Рис. 4. Усадьбы с донжоном

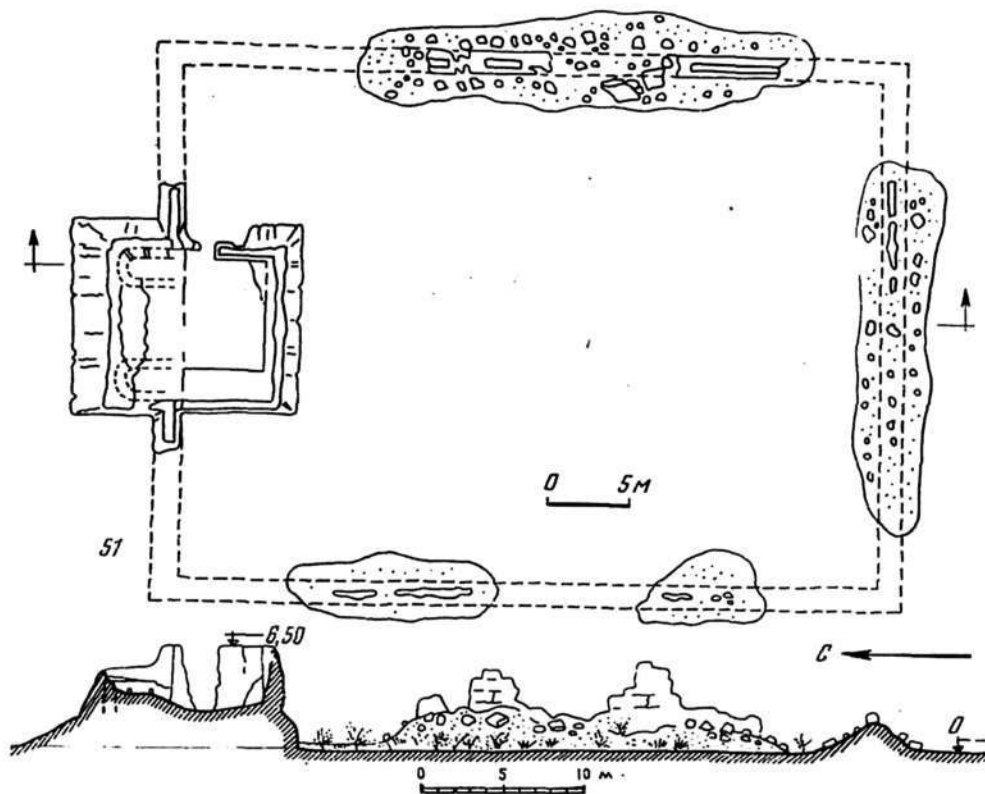


Рис. 5. Усадьба № 51

В других случаях в цоколях донжонов были замурованы две башни, фланкировавшие вход. Две башни со стрельчатыми бойницами открыты внутри донжона замка № 74 (рис. 3). По-видимому, они почти на всю высоту были включены в цоколь. Такая же картина выявилась после расчистки замков № 51 (рис. 5) и 16 (рис. 6) (в последнем центральное здание было сильно разрушено при выборке земли для строительства на соседних колхозных участках), причем во всех перечисленных памятниках башни примерно одинаковые в плане — очень удлиненные овалы. Отметим, что помещение, замурованное в цоколь Тешик-калы, также имеет вытянутые пропорции и закругленный внешний угол, напоминая по форме башни, оборонявшие входы в вышеперечисленные усадьбы. Поэтому возможно, что и в ранней Тешик-кале посреди южной стены был проход между двумя башнями овальной формы. Наряду с подобного рода укреплениями ворот строились и другие — прямоугольные башнеобразные пилоны или, быть может, просто башни. Контуры таких выступов-пилонов, осложненных какими-то пристройками, возможно не одновременными самой

конструкции ворот, выявились при зачистке поверхности донжона замка № 65.

Таким образом, в ранних усадьбах № 30, 28, 16, 51, 74 и 65 донжона не было⁵⁵ (рис. 3—6, 40).

⁵⁵ Мы перечислили сейчас только часть усадеб оазиса, подвергшихся перестройке. Они сохранились и были нами обследованы. Многие усадьбы центральной части оазиса, где жизнь протекала особенно интенсивно до нас, к сожалению, не дошли, однако прекрасные рисунки и схемы Н. П. Толстова настолько подробно передают детали их планировки, что, основываясь на них, можно предположительно восстановить историю некоторых памятников. Так, в районе Беркут-калы можно считать архаичными и тяготеющими к раннему периоду существования поселения замки № 20, 21, 22, 17, 25, 26, 27 и 55. Это постройки без донжона на высоком цоколе. Все они, за исключением № 55, похожи скорее на большие одноэтажные дома, к которым иногда (№ 17) примыкала ограда, может быть, двор. Замок № 20 имел в середине западной стороны укрепленный вход. В замках № 21 и 22 высокий мощный донжон так сильно отличается от примыкающих к нему (№ 21) или расположенных изолированно построек, что кажется возведенным позже. Сами же усадьбы очень напоминают ранние. И, наконец, замки № 26 и 27 также перестраивались, так как в основе их донжонов находятся какие-то кирпичные, впоследствии срубленные и забутованные

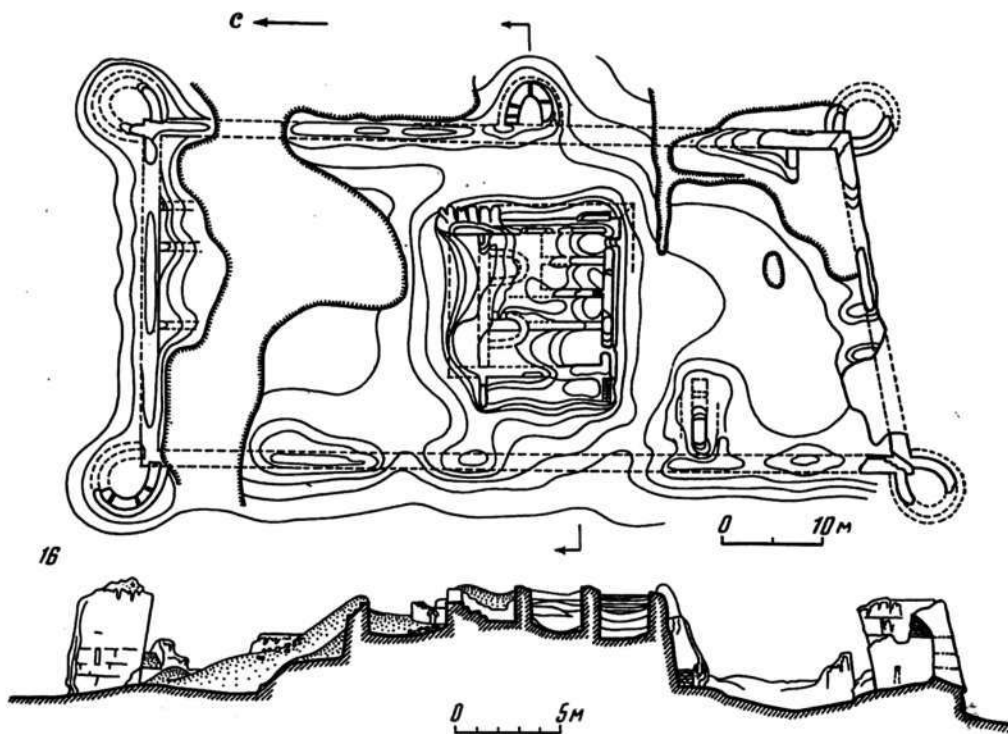
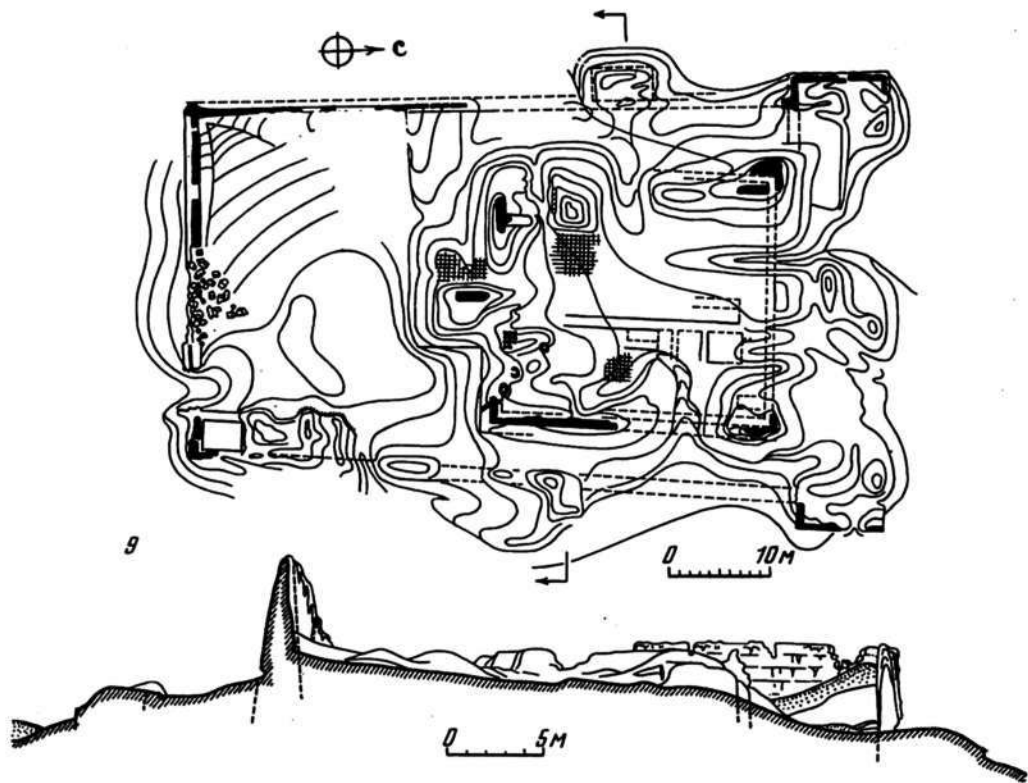


Рис. 6. Усадьбы с донжоном

Это обстоятельство, а также целый ряд других признаков, в том числе типы укреплений входов, сближают эти памятники с усадьбами без донжона, и поэтому можно думать, что именно эти последние определяли первоначальный облик оазиса.

Кроме того, анализ приведенных наблюдений позволяет считать, что донжоны со сплошным монолитным цоколем в замках могут служить некоторым основанием, чтобы отнести замки к более позднему времени сравнительно с усадьбами без донжона. Установленная закономерность не исключает того, что отдельные, архаичные по плану усадьбы могли строиться и существовать одновременно с позднейшими. После этих предварительных замечаний перейдем к характеристике усадеб и определению времени их возникновения.

Усадьбы без донжона, не подвергшиеся, по-видимому, сколько-нибудь серьезным перестройкам и поэтому не изменившие своего первоначального облика, в основном концентрируются возле Уй-калы и на всем протяжении участка оазиса между ней и Большой Кырк-кыз-калой. Некоторые из этих памятников находятся в центральной части оазиса (№ 12, 58, 32, 66, дом возле замка № 35). Ни один из них, к сожалению, не раскопан (основным предметом нашего исследования, как уже говорилось выше, были замки VII—VIII вв. н. э.), однако часть из них настолько хорошо сохранилась, что становится возможным составить в общих чертах представление о плане подобных усадеб (рис. 7, 8, 11), который даст некоторое основание для выяснения времени их строительства.

Наиболее интересен с точки зрения поставленной задачи замок № 68, расположенный в непосредственной близости от Уй-калы. В плане это квадрат размерами 44×44 м с хорошо прослеживаемым вдоль всех стен рядом помещений, заключенных между двумя параллельными стенами — крепостной и внутренней, менее широкой, отстоящей от первой на 4 м (рис. 7 и 9). Все эти комнаты имели сводчатые перекрытия, прекрасно сохранившиеся в помещениях северного ряда. Обращает на себя внимание огромное количество самана в кирпичях перекрытия; кажется, что они буквально сделаны из него одного с ничтожной примесью глины в качестве связующего материала. Рас-

строения. Все сказанное заставляет предполагать, что и среди памятников центра оазиса — округи Беркут-калы — существовали архаичные по планировке усадьбы, однако были ли они заброшены еще до VII—VIII вв. или без изменений дожили до этого времени, уже установить невозможно.

клинка отсутствует. Расположение комнат наводит на мысль, не была ли здесь сначала обходная стрелковая галерея, разгороженная затем на отдельные помещения. Это тем более правдоподобно, что так выглядел ранний Якке-Парсан, построенный во вполне античных традициях с обходной сводчатой стрелковой галереей, впоследствии (в VII в. н. э.) разгороженной на отдельные помещения⁵⁶.

К помещениям «стрелковой галереи» примыкал, может быть не везде, еще ряд комнат; была застройка и в середине усадьбы, однако, по-видимому, не сплошная. Вход находился между двумя вытянутыми внутрь усадьбы сторожевыми помещениями, если и выступавшими за линию стен, то очень незначительно. Их длина могла достигать 12, ширина — 6 м. Пространство перед входом, находившимся посредине южной стены, было обнесено оградой, кое-где сохранившейся в виде низкого расплывшегося вала.

Та же идея лежит в основе планировки усадьбы № 58 — это по существу большой жилой дом (размерами по внутренним границам 35×30 м) с коридорами вдоль стен (рис. 8). По северной, южной и западной сторонам он прослеживается хорошо, восточная почти вся закрыта песком. Местами видны остатки стен, перегородивших коридоры на длинные узкие помещения. Они были сводчатыми, судя по расположению кирпичей в завале, очень отчетливо прослеживаемом на поверхности. В середине восточной внешней стены заметны округлые башнеобразные выступы, не соединенные между собой стеной. Возможно, здесь был вход.

Еще более отчетлив план усадьбы № 66 (рис. 7). Центром его было большое квадратное помещение, может быть, открытый дворик, окруженный со всех сторон одним рядом комнат, расположенных между двумя параллельными стенами — дворика и внешней ограды. На нескольких участках у стен сохранился завал кирпичей свода, перекрывавшего помещения. В середине южной стены между двумя выступами-башнями находился вход в дом. К северной стене примыкал огороженный участок неправильной конфигурации, ближе всего напоминавший двор с глубокой нишей — айваном. Несмотря на то, что заполнение этой пристройки очень размыто и разрушено, а стены превратились в оплывшие валы, сомнений в ее назначении не возникает, настолько насыщен оказавшийся на поверхности культурный слой керамикой, мелко раздробленными костями,

⁵⁶ Е. Е. Н е р а з и к. Раскопки Якке-Парсана. МХЭ, вып. 7. М., 1963, стр. 20.

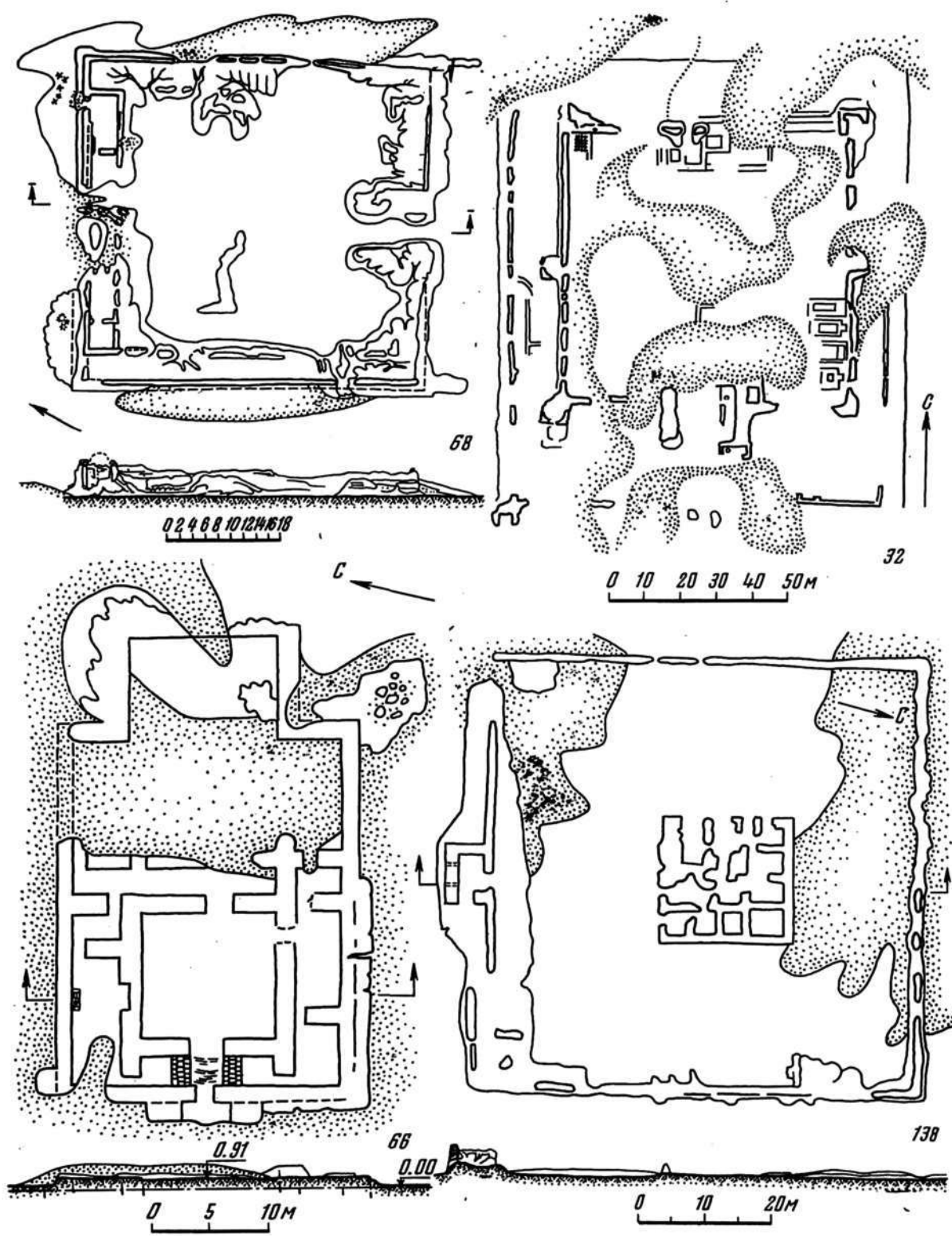


Рис. 7. Усадьбы без донжона

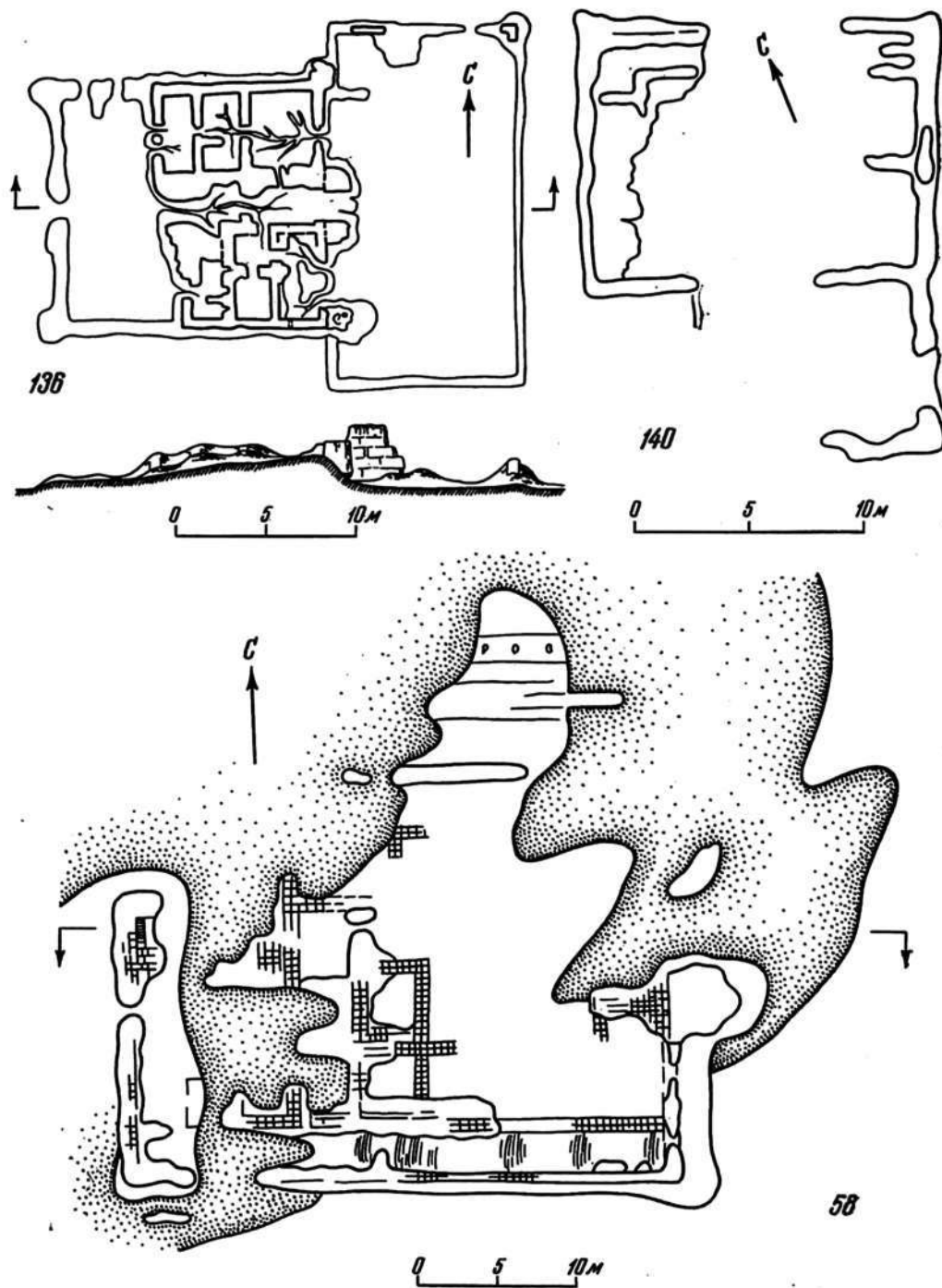


Рис. 8. Усадьбы без двора

уголками и т. п. Видимо, это был летний дворик, где сосредоточивалась большую часть года вся жизнь обитателей дома.

Дом, обнаруженный в районе замка № 35, по существу в миниатюре повторял этот план (исключая пристройку с айваном) в несколько более усложненном виде: центральное квадратное помещение окружено с трех сторон двумя линиями длинных узких коридоров, причем южный открывается прямо во двор, примыкавший к дому с запада.

Значительно менее правилен план усадьбы № 12. Это тоже единый жилой дом-массив (рис. 11). Он был сплошь застроен и лишен, в отличие от усадьбы № 66, какого-либо центра. Вдоль северной стены прослеживается одно большое помещение, западная часть которого отделена стенкой. Были ли такие же комнаты у других стен, неясно: почти весь дом разрушен настолько, что его стены почти сровнены с поверхностью окружающих такыров и занесены песком. Только в середине южной стены возвышается бугор высотой около 5 м. Оказалось, что здесь был дверной проем шириной 1,2 м с хорошо заметными гнездами от деревянных стояков и балок дверной рамы, перед которым находилось нечто вроде крытых сеней, образованных двумя выступающими на 3,5 см за линию стены кирпичными прямоугольными башнями. Сохранился только цоколь башен, достигавший высоты 4,5 м (по отношению к поверхности такыров, принятых за нулевой репер), ширина их вряд ли превышала 4,5 м, как об этом можно судить по одной из башен, где выявлены обе границы — восточная и западная. С площадок цоколя внутрь предвратного сооружения «смотрели» сильно скошенные бойницы — по одной с каждой стороны. В последний период существования усадьбы дверной проем и вход в «сени» были заложены, однако определить, были ли они превращены в донжон, нам не удалось.

Из памятников этой группы по планировке выделяется усадьба № 136 (рис. 8). В центре ее расположен многокомнатный квадратный дом без цоколя, построенный прямо на земле. Вдоль стен усадьбы в один ряд идут помещения, отделенные от центрального дома незастроенным пространством. В середине южной стены возвышается прямоугольное предвратное сооружение с коленчатым входом: в его стенах видны плоско перекрытые узкие бойницы. Сплошное обследование оазиса дает нам основание предположить, что подобные усадьбы были редкостью.

Таким образом, исследование планировки усадеб показывает стремление следовать прин-



Рис. 9. Усадьба № 68

ципам, положенным в основу строительства античных хорезмских крепостей с обходной стрелковой галереей вдоль стен. Одно это обстоятельство склоняет нас считать строительство этих памятников значительно более ранним, чем замков, имеющих донжон, о которых речь пойдет ниже.

Однако в описанных небольших домах-массивах Беркут-калинского оазиса видно уже вырождение этой идеи — вокруг стен идут скорее узкие отдельные комнаты, чем коридор стрелковой галереи. Коридоры разгорожены поперечными, но не глухими стенками на общающиеся между собой отсеки (это естественно, так как они приспособлены для жилья), не всегда опоясывающие весь дом-массив (№ 58, 12). Наши данные далеко не полны и мы, например, не можем ответить на вопрос, были ли эти помещения двухэтажными. Как уже говорилось, наилучшее выражение основы планировки античных крепостей нашли в раннем Якке-Парсане, представляющем собой большую усадьбу, не уступавшую по размерам и укреплённости Ангка-кале и подобную ей по плану, только вместо квадратных башен по углам и в центре стен Ангка-калы в Якке-Парсане мы видим овальные. Есть основания полагать, что обе эти крепости существовали, если не синхронно, то почти в одну эпоху.

Строительство Ангка-калы С. П. Толстов относит к IV в. н. э. Нижний слой Якке-Парсана (имеется в виду только замок) совсем не раскопан, за исключением очень незначительных по площади участков, вскрытых в шурфах и в двух комнатах среднего горизонта⁵⁷. Поэтому пока мало материала для определения

⁵⁷ Е. Е. Неразник. Раскопки Якке-Парсана, стр. 17, 20, 23.

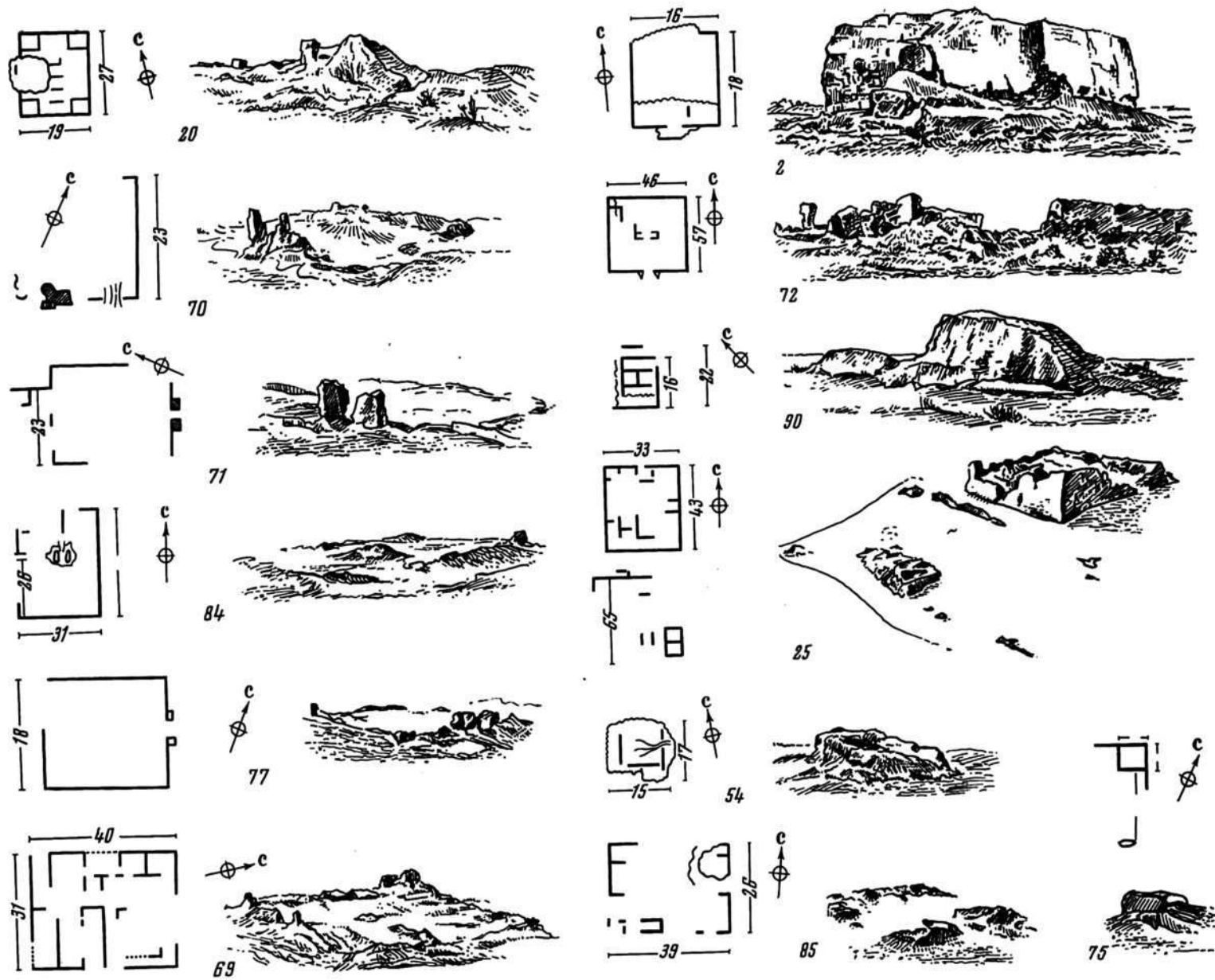


Рис. 10. Усадьбы без двора

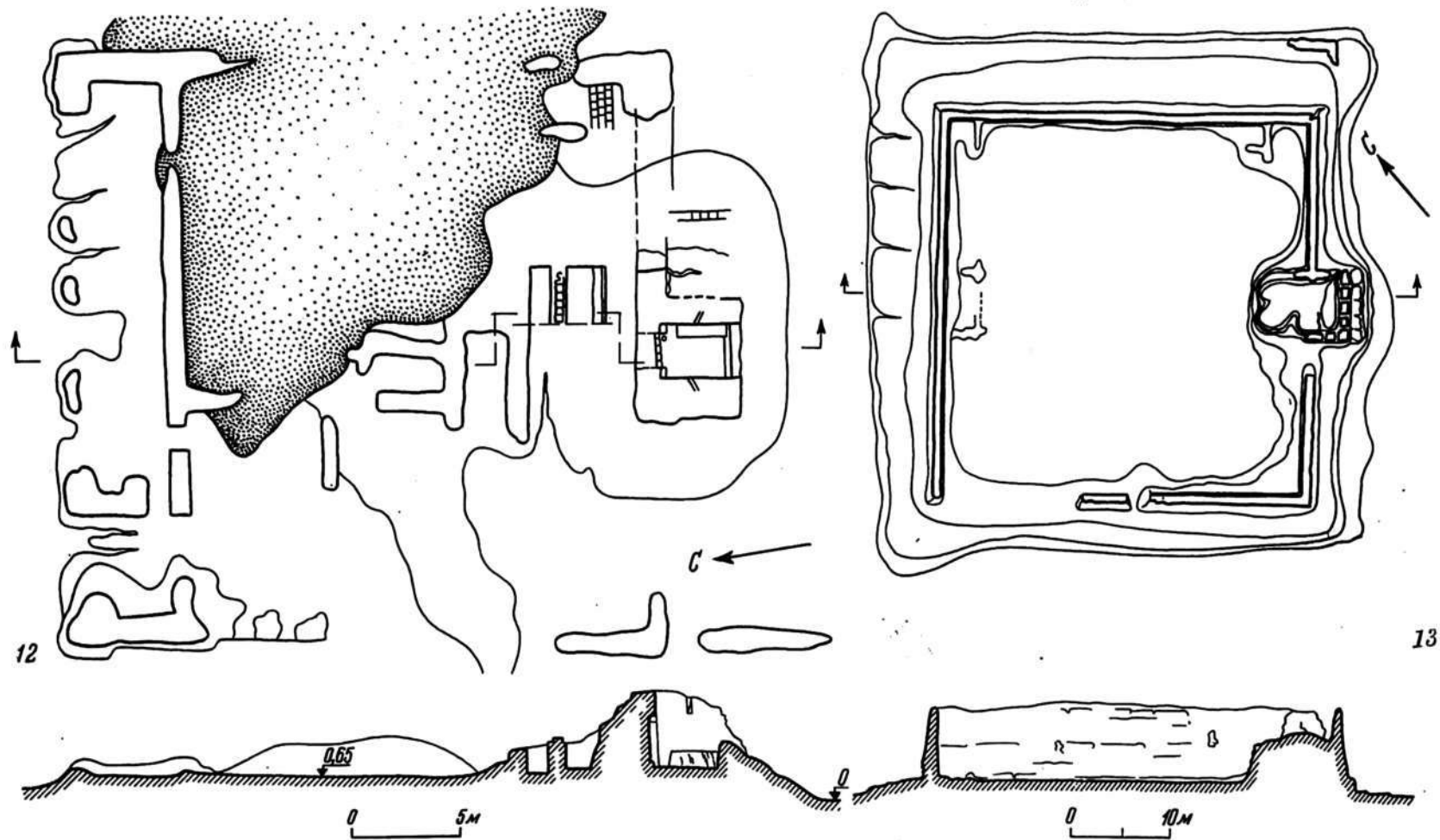


Рис. 11. Усадьбы № 12 и 13

времени постройки Якке-Парсана, а именно этот материал мог бы послужить отправным моментом при разработке хронологии усадеб первой группы, сходных по планировке. Найденная в нижнем слое Якке-Парсана керамика, главным образом фрагменты стенок сосудов, по ряду признаков примыкает к посуде из памятников позднеантичного Хорезма. Она сделана из хорошо промешанной глины без крупноразмолотых примесей и хорошо обожжена, поскольку черепок в изломе одноцветный, красный. В то же время сочетание таких форм керамики, как сосуд с близким к треугольному сечением, как бы прогнутым посередине венчиком, сделанный на кругу, покрытый красным ангобом и подобный кувшинам из слоя III—начала IV в. н. э. на Куня-Уазе⁵⁸, с горшками ручной лепки, также встречающимися полнейшие аналогии среди посуды из того же слоя по форме⁵⁹, но уже отличающимися по выработке (вместо красного они покрыты зеленовато-желтоватым ангобом, а в глине, из которой они сделаны, много дресвы, что уже сближает их с керамикой IV—V вв. из того же Куня-Уаза), как будто бы указывает на IV в. как на возможное время постройки Якке-Парсана.

Среди керамики из некоторых замков этой группы обнаруживаются формы, близкие по времени посуде из нижнего слоя Куня-Уаза.

Рассмотрим посуду из усадеб № 66 и 68, которые кажутся нам построенными в одно и то же время и наиболее ранними из интересующей нас категории памятников. В усадьбе № 66 с поверхности собраны обломки следующих видов сосудов (материал очень фрагментарен и немногочисленен).

1. Хум с сильно уплощенным вытянутым венчиком. По форме венчика он переходный от хумов с массивным округлым валиком по краю горла к хумам без венчика; покрыт снаружи желтым ангобом; черепок в изломе красный, крупноразмолотых примесей мало; диаметр горла — 30 см (рис. 12, 4).

2. Кувшиновидный сосуд с высоким горлом, профилированным венчиком (диаметр горла — 12 см), тонкостенный, покрыт снаружи темным ангобом; черепок в изломе красный, пористый (рис. 12, 20).

3. Горшки: а) с округлым туловом, уступом при переходе к плечикам, на которых сделан налп с дырочкой для подвешивания, покрыт

снаружи красным ангобом, диаметр горла около 15 см; б) подобный же по форме сосуд (рис. 12, 5), но горло более прямое, сильно отогнутое, к глине примешана дресва, стенки снаружи покрыты зеленовато-бурым ангобом.

4. Сосуды, видимо сходные с описанными горшками по форме (найжены только обломки верхней части тулова), однако уже имеется венчик, лежащий прямо на плечиках сосуда и украшенный налепной гофрированной пальцами глиняной полоской. К краю венчика прикреплена ручка; на ее верхней плоскости прорезаны две глубокие бороздки. Диаметр горла — 15—18 см (рис. 12, 8, 13). На поверхности замка найдено несколько экземпляров этих сосудов, некоторые из них покрыты желтым ангобом, другие неангобированы. Все они тонкостенны, черепок слегка порист, груборазмельченных примесей нет.

5. Хумчи без горла, но с венчиком (рис. 12, 14, 15), лежащим прямо на плечиках. У одного из двух имеющихся экземпляров венчик сделан в виде округлого массивного валика (диаметр устья 29 см), у другого между двумя узкими валиками налеплена глиняная гофрированная пальцами полоска (диаметр горла 32 см). Первый из сосудов покрыт снаружи черноватым ангобом, второй — неангобирован. В глину в качестве примеси добавлена дресва, черепок очень порист от большого числа известковых включений.

6. Хумча со слегка расходящимися кнаружи краями горла и гофрированным пальцами глиняным жгутиком, налепленным между двумя узкими валиками венчика. В глиняное тесто, из которого сосуд сформован, добавлена дресва, есть известковые включения.

7. Лепной горшок, изготовленный из плохо промешанной глины с большим количеством мелкой дресвы; края горла широко расходятся, тулово округлое (рис. 12, 9).

Определение времени производства этой керамики представляет известные трудности, поскольку она подъемная, очень фрагментарна и такие, например, ее виды, как хумы с уплощенным валиком-венчиком и хумчи (5), кажутся происходящими из разных по времени слоев. По-видимому, так оно и было, и замок № 66 — памятник многослойный.

Основная масса керамики находит аналогии среди посуды из позднеантичных слоев хорезмских памятников (горшки, кувшинообразные сосуды, хумы), но часть ее отличается от античных образцов по выделке, отражает упадок керамического производства и сближается с керамикой из верхнего слоя Куня-Уаза (IV—V вв. н. э.), а по ряду специфических

⁵⁸ Е. Е. Неразик. Археологическое обследование городища Куня-Уаз в 1952 году. ТХЭ, т. II, М., 1958, стр. 385, рис. 9, второй в первом ряду.

⁵⁹ Там же, рис. 9, второй во втором ряду.

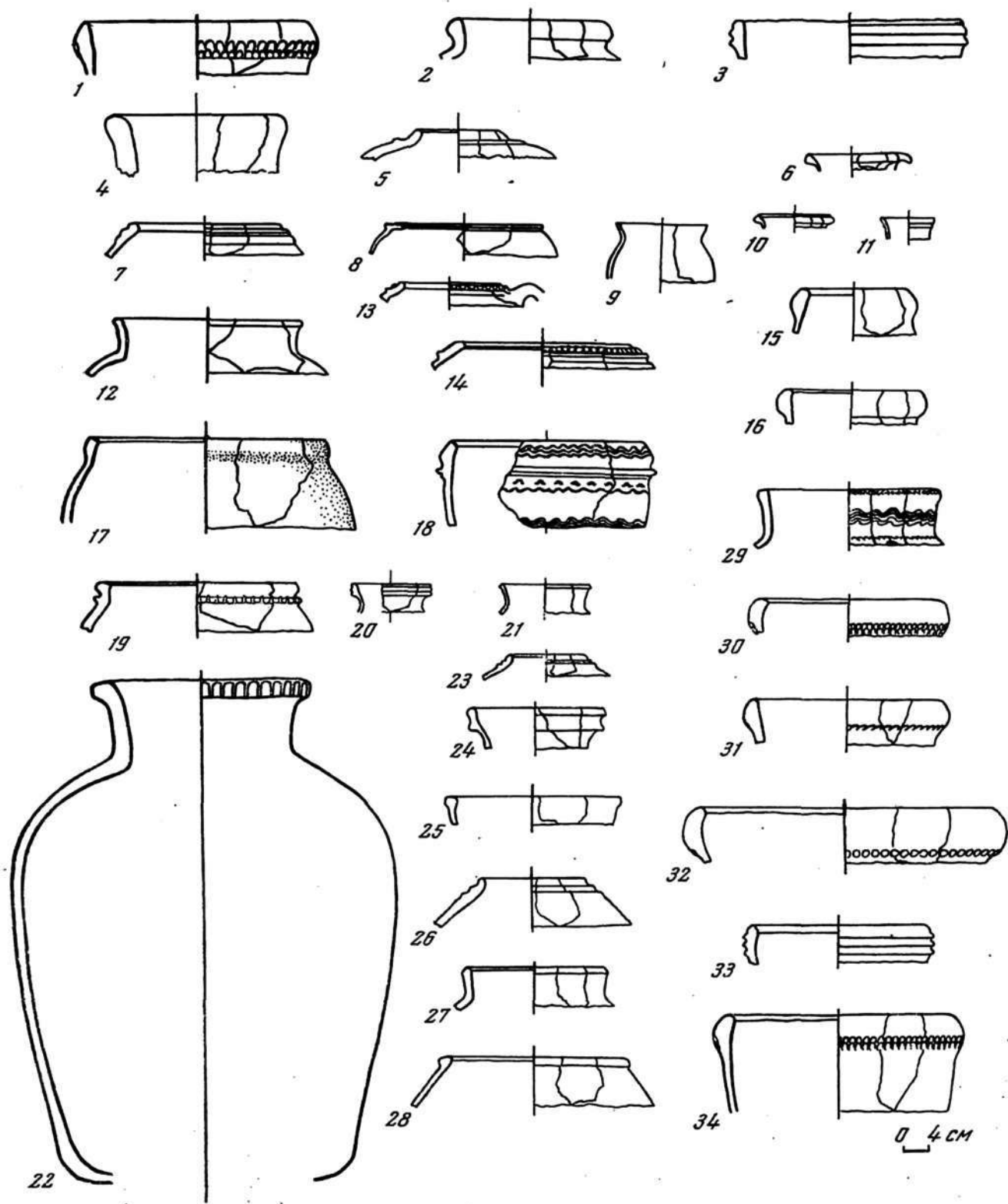


Рис. 12. Керамика из ранних усадеб оазиса

особенностей — с посудой из курганного комплекса Чаш-тепе (середина I тысячелетия н. э.)⁶⁰.

Эта группа керамики из замка № 66 покрыта зеленовато-желтым, зеленовато-бурым или черноватым ангобом, в глину, из которой формировались хумчи, хумы и другая толстостенная посуда, добавлялись примеси, оставившие после обжига поры. Наряду с ней, как указывалось, на замке собраны красноглиняные и иногда красноангобированные сосуды тех же форм. Конечно, важно было бы знать, какая из этих двух групп керамики преобладала, но подсчеты подъемного выборочного и крайне малочисленного материала не могут дать точных результатов. Тем не менее уже сам факт находки желтоангобированной небрежной выделки посуды позднеантичного времени позволяет с уверенностью предполагать слой IV—V вв. н. э. в замке. Следует оговорить, что мы исходим из предположения, что обе группы посуды происходят из одного слоя — возможность такого сочетания мы отмечали, говоря о нижнем слое Якке-Парсана. В противном случае нам пришлось бы отнести памятник к концу III — может быть, самому началу IV в. н. э.

С другой стороны, на Куня-Уазе в слое IV—V вв. н. э. нет еще таких сосудов, как хумчи без горла, с венчиком, украшенным наклепным глиняным жгутиком, и хумчи с подобным же венчиком, но другой формы (см. 6, стр. 28), но они есть уже на Топрак-кале (VI в. н. э.) и продолжают существовать позднее, в VI—VIII вв. н. э. Впрочем, не исключено, что на протяжении этого времени изменяется форма их тулова — пока нет ни одного целого экземпляра этих хумчей VI в. н. э. Этим веком, очевидно, определяется последний период существования усадьбы № 66.

Керамика из другой усадьбы — № 68 — тоже кажется одновременной. Более раннюю характеризуют обломки тех же видов посуды, что и найденные в усадьбе № 66. Это хум с уплощенным вытянутым валиком-венчиком и хумча горшкообразной формы с округлым и тоже слегка уплощенным венчиком, покрытая черным ангобом, а также обломки сосудов, форму которых не удалось установить, но по очень характерным технологическим признакам они сближаются с зелено-ангобированной посудой из усадьбы № 66.

Все это свидетельствует о наличии в обеих усадьбах синхронных слоев IV—V вв. н. э.

От этой керамики очень отличается хум с

⁶⁰ Раскопки курганов произведены Ю. А. Рапопортом в 1963 г. Предварительный отчет о раскопках могильника. Архив Хорезмской экспедиции АН СССР.

овальным венчиком, украшенным по низу ямками, вдавленными пальцами, обломки которого подобраны внутри усадьбы (рис. 12, 1). Он датируется VII — началом VIII в. н. э., однако, поскольку осколки весьма немногочисленны, они могли попасть сюда случайно из соседней Уй-калы, существовавшей в позднеафригидский период истории Беркут-калинского оазиса.

Возникшими несколько позднее нам кажутся усадьбы № 32, 64 и 12, так как в подъемном материале отсюда совершенно отсутствует красноангобированная посуда, характерная для поздней античности и изготовлявшаяся еще в IV в. н. э. Кроме того, ассортимент грубой желтоангобированной керамики значительно шире, чем в двух вышеописанных усадьбах, и представлен рядом форм, аналогии которым имеются среди посуды с городищ Топрак-кала (VI в. н. э.), Думан-кала (V—VI вв. н. э.) и Куня-Уаз (IV вв. н. э.). Это хумы с приземистым туловом, от которого четко отделена шейка с горлом в виде раструба, утолщенный край которого украшен вдавлениями пальцев (рис. 12, 22); хумчи той же формы, с венчиком в виде трех валиков; сосуды с профилированным венчиком и четко выделенным горлом (рис. 12, 20) и др.

Среди керамики из усадьбы № 32, кроме того, широко представлены различной величины горшкообразные широкогорлые сосуды с двумя валиками-уступами на плечиках, демонстрирующие, как нам кажется, развитые формы горшков предшествующего античного периода (начало нашей эры) — с уступом при переходе от горла к плечикам (рис. 12, 23, 26).

Две первых усадьбы (№ 32 и 64) продолжали существовать и в VII—VIII вв. н. э., судя по наличию там посуды этого времени, а в замке № 32 — и монет начала и середины VIII в. н. э. Кроме того, раскопки в этой усадьбе выявили несколько строительных горизонтов, подтвердив сложившееся на основании изучения керамики представление о длительном существовании замка.

В замке № 12 хотя и были предприняты попытки перестройки с целью укрепления, однако вряд ли жизнь там после этого долго продолжалась, так как керамика VII—VIII вв. н. э. не найдена.

Почти все остальные усадьбы, отнесенные нами к этой группе, не сохранились, и в нашем распоряжении только подъемный материал (керамика) с некоторых из них (№ 134, 136, 137, 138, 139, 140). Перечисленные усадьбы были расположены к северу от Уй-калы, недалеко от Большой Кырк-кыз-калы. Керамика представлена обломками немногочисленных

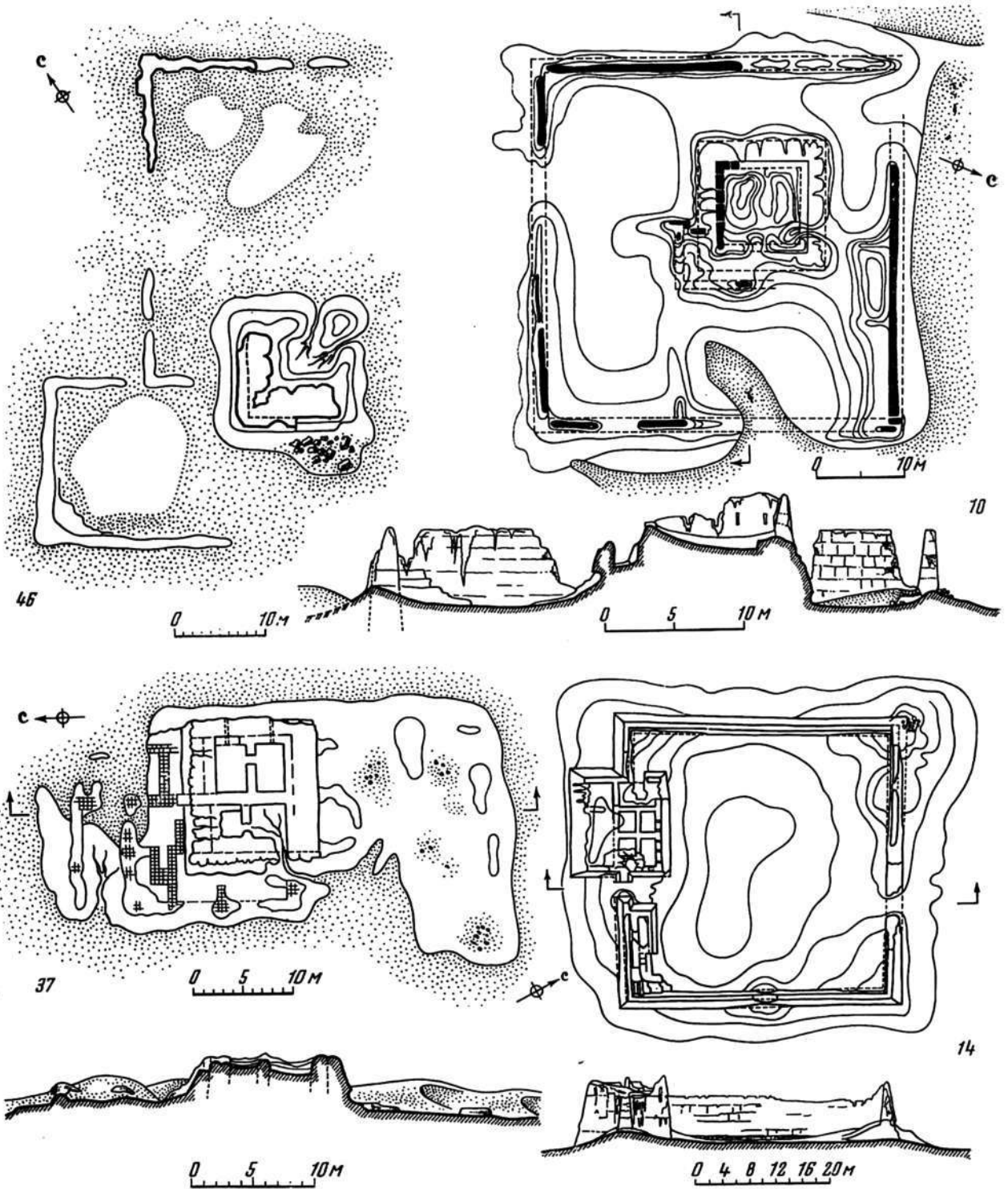


Рис. 13. Усадьбы с дождевом

сосудов, однако достаточно выразительных, чтобы сделать заключение о времени существования памятника. Почти все они, за исключением, быть может, только усадьбы № 137, возникли в период, предшествовавший VII в. н. э., хотя некоторые из них продолжали существовать и в это время. Так, в усадьбах № 136, 137 и 138 найдена посуда, характерная для позднеафригидского времени, — хумы с овальным валиком-венчиком, украшенным понизу одним или несколькими рядами ямок от вдавлений пальцами, хумчи двух типов — в виде перевернутого колокола (или горшкообразные) и другие, подобные по форме хумам с тремя узкими валиками, опоясывающими горло, встречались обычные широкогорлые водоносные кувшины (рис. 12, 30—32, 34) и т. д. Наряду с этими сосудами везде на поверхности усадеб этого района собраны обломки керамики, никогда не встречающейся на памятниках VII—VIII вв. н. э. и тяготеющей к более раннему времени. Среди них фрагменты своеобразного толстостенного сосуда (в замке № 138), подобного хумам, найденным в замке № 32, в верхнем слое Куны-Уаза и на других памятниках (без венчика с прямыми, слегка расходящимися краями горла), но обильно украшенном, расположенным на плечиках и шейке, и глубокими вдавлениями полулунной формы на перегибе шейки при переходе к тулову (рис. 12, 29). Такие же сосуды, но без орнамента, встречаются среди подъемного материала из усадьбы № 12.

Весьма любопытна посуда, собранная в замке № 139 и обнаруживающая параллели в керамике из сборов на развалинах памятников афригидского периода в урочище Дингильдже (VI в. н. э.). Это хумчи, очень тонкостенные, с венчиком в виде четырех узких валиков (рис. 12, 33) и сосуды с широким и высоким горлом, края которого, несколько утолщенные, имеют вид округлого массивного бережка (рис. 12, 6, 10). Приведенные аналогии позволяют относить постройку перечисленных усадеб к V—VI вв. н. э.

Таким образом, ясно, что самые ранние усадьбы без донжона, известные в оазисе, построены в начале IV в. н. э., они существовали на протяжении нескольких столетий, были стандартными жилыми постройками сельского населения, а некоторые из них строились даже в VII в. н. э., почти на грани того периода, когда большинство усадеб подверглось перестройке, связанной с сооружением донжонов.

Усадьбы с донжонами составляют более 60% всех построек оазиса. При общем их боль-

шом сходстве можно выделить несколько вариантов планировки по расположению донжона в общей системе застройки⁶¹.

Донжон может быть расположен в центре усадьбы, вне ее, в углу или в середине одной из стен. В крупных замках он чаще всего находился посредине двора. В таком случае это — многокомнатное сооружение, к которому вполне приложимо определение жилого башня (замки № 82, 11, 10, 16, Тешик-кала и др.). Против него почти всегда располагалась башенка, соединявшаяся в прошлом с донжоном посредством перекидного мостика. Такая же композиция повторялась и в том случае, если донжон помещался посредине стены или в углу (№ 14, 35, 13, 38, Уй-кала и др.).

Особо интересен по планировке замок № 29 (рис. 14). С первого взгляда кажется, что его следовало бы отнести к категории отдельно стоящих зданий, так как в нем нет огражденной крепостными стенами усадьбы и большой многокомнатный донжон на высоком паховом цоколе со стоящей возле него башенкой построен вне ограды. Однако после тщательного обследования близлежащей местности метрах в тридцати к западу от здания обнаружены остатки поселения, вернее дома, судя по керамике, одновременного донжону, очень разрушенного и если и укрепленного когда-либо, то крайне слабо.

Возможно, что такие постройки имелись и возле некоторых так называемых отдельно стоящих зданий, но они не сохранились по причине их неукрепленности и легкости конструкций.

Во многих усадьбах этой группы донжоны — сравнительно небольшие по площади башни, состоящие из нескольких маленьких комнат, а иногда даже из одного помещения (№ 74, 40, 13, 28 и др.). Такие однокомнатные здания — часто явление вторичное, возникшее в результате перестройки, о которой речь шла выше. По конструкции донжоны — это двухэтажные сооружения, причем нижний этаж делался либо монолитным, паховым (реже кирпичным), либо состоял из сводчатых помещений. Некоторые здания со сводчатым нижним этажом велики по размерам, занимают большую часть площади всей усадьбы, являясь, по-видимому, в этом случае основным жилым сооружением (№ 37,

⁶¹ Исследователи среднеазиатской архитектуры, в частности В. А. Лавров, рассматривают эти варианты планировки усадеб с точки зрения требований фортификации (В. А. Лавров. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950, стр. 40). Мы же рассмотрим этот вопрос в связи с историей возникновения донжонов.

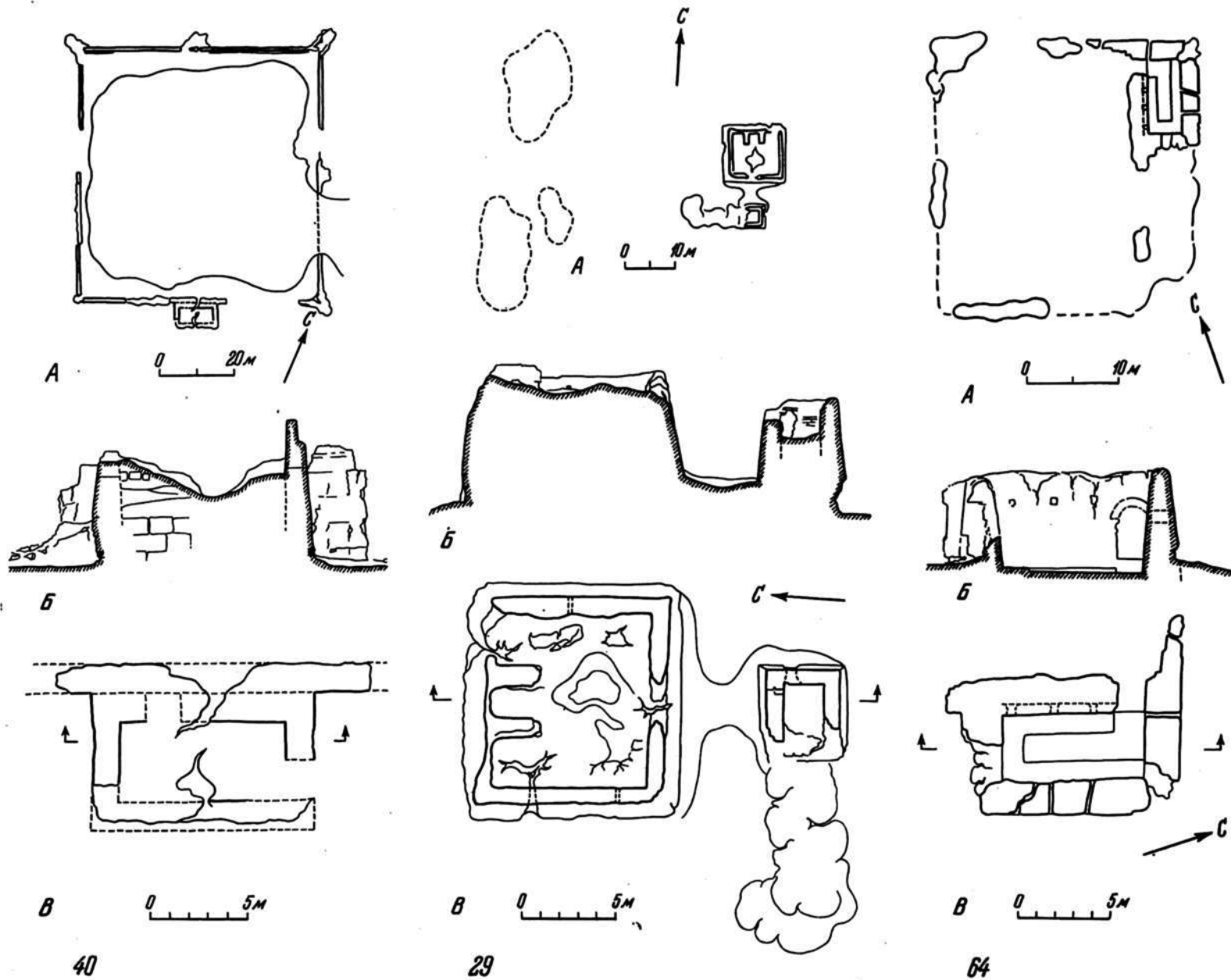


Рис. 14. Усадьбы с дождевом
 А — план усадьбы, Б — разрез дождева, В — план дождева

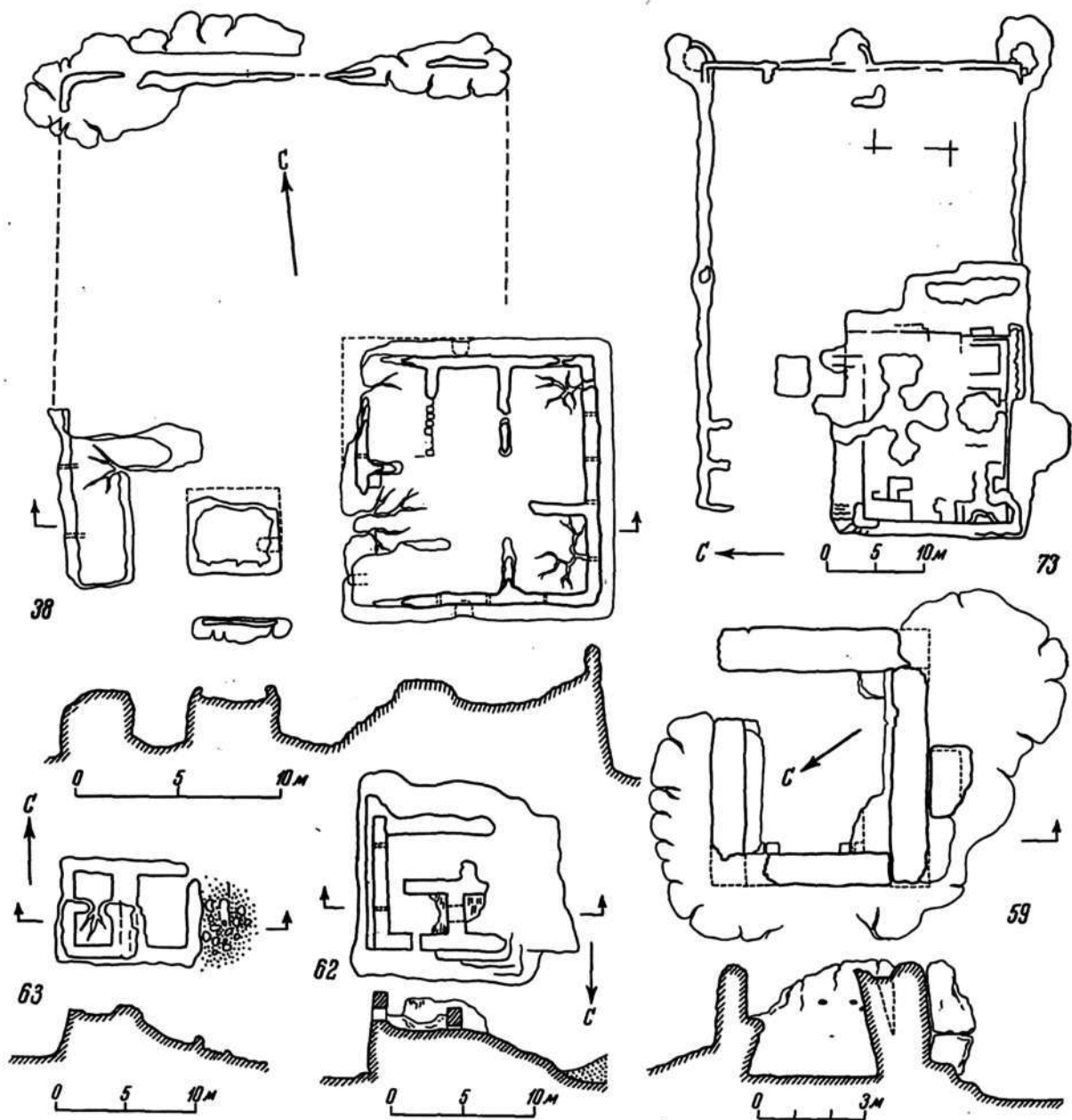


Рис. 15. Усадьбы с донжоном

38, 39), в то время как обычно основная масса жилых помещений (рис. 3, 4) сосредотачивалась в застройке «двора».

Типологически донжоны такой конструкции справедливо считаются восходящими к зданиям античной эпохи, например, подобным Кзыл-кале или Кузы-Крылган-кале II⁶². Наиболее древним прообразом афригидских донжонов, по

мнению С. П. Толстова, могло быть укрепленное здание в Бабиш-мулле, благодаря этой ассоциации также получившее название донжона⁶³.

Вариантами такого типа зданий в усадьбах Беркут-калинского оазиса следует считать донжоны замков № 36 и Беркут-калы. В первом из них в цоколе находится сводчатый коридор с

⁶² С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 128.

⁶³ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 162.

наклонным полом — пандусом для подъема в верхний этаж, во втором — кирпичная лестница. В таких случаях, естественно, башня для перекидного мостика отсутствует.

Не останавливаясь на подробном описании усадеб с донжонами, внутренняя планировка которых подробно разбирается во второй главе, перейдем к определению времени их возникновения.

В нашем распоряжении имеются материалы раскопок Тешик-калы, Беркут-калы, замков № 36, 30, 8, 28, 19, 92, 32 и некоторых других, а также из сборов на поверхности еще целого ряда памятников. Все они относятся ко второй из описанных групп усадеб, за исключением замка № 32, принадлежащего к первой. Очень важно для датировки, что среди этих материалов имеется около 70 монет, из которых 18 происходят из раскопок. Из всей серии только 8 монет относятся к первым трем четвертям VII в., большинство же датируется концом VII — началом и серединой VIII в.

Это прежде всего медные монеты с тамгой



на реверсе⁶⁴ и монеты чекана Хамгри, или Хангири, причем последнего С. П. Толстов отождествляет с царем Хамджердом, правившим в Нижнем Хорезме и убитым арабами в 712 г.⁶⁵

Находки монет обоих правителей в одном и том же слое (замок № 8, Якке-Парсан), а также тот факт, что большинство монет «Хамджерда» из клада на Ток-кале является перечеканом монет Чегана⁶⁶, предполагает одновременность или близкое по времени обращение этих денежных знаков. Датировка их уточняется двумя согдийскими монетами начала VIII в. н. э.⁶⁷, найденными в кладах из Ток-калы. Наряду с описанными почти во всех раскопанных памятниках найдены медные монеты с изображением на аверсе повернутой вправо головы царя в ступенчатой короне и надписи на древнехорезмийском языке, на реверсе — всадника, также в

⁶⁴ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 184.

⁶⁵ Там же, стр. 191. Работа над серией этих монет продолжается. В результате новых попыток чтения легенд В. А. Лившицем сделаны некоторые уточнения имен чеканивших их правителей. По-видимому, моне-

ты с тамгой  чеканились хорезмшахом Азкава-

ром, который может быть отождествлен с Чеганом, фигурирующим в отрывке текста Бел'ами, где речь идет о событиях 712 г. в Хорезме (см.: Б. И. Вайнберг. Эфталитская династия Чаганиана и Хорезм. «Нумизматический сборник ГИМа». В печати).

⁶⁶ А. В. Гудкова. Ток-кала. Ташкент, 1964. стр. 112.

⁶⁷ Там же.

обрамлении надписи. Надпись аналогична надписи на серебряных монетах Шаушафара (середина VIII в.), что дает основание считать данные монеты медным чеканом этого правителя. Весьма существенно для определения времени перестройки в оазисе и возведения донжонов распределение монет по слоям. Из 18 монет, найденных в раскопках, только одна принадлежит чекану царя Хамджерда, 10 — Чегана и остальные 7 — Шаушафара. Монеты Чегана встречаются на верхних и нижних полах помещений, Шаушафара — только на самых верхних (замки № 28, 92, 8, Тешик-кала). Возведение мощного донжона замка № 92 датировано монетой Чегана. Все это позволяет присоединиться к мнению С. П. Толстова, считающего, что массовое строительство донжонов в усадьбах оазиса произошло на рубеже VII и VIII вв.

Для определения времени тех памятников, где монеты и другие точно датированные вещи отсутствуют, очень важен анализ форм керамики. Рассмотрение всего массового материала из раскопок оазиса⁶⁸ позволило прийти к выводу, что всюду повторяется один и тот же комплекс керамики, и это особенно важно потому, что на таких замках, как № 8, 92, 19, Тешик-кала, Беркут-кала, он датирован концом VII — серединой VIII в. Приводя краткое описание этого комплекса, возьмем за основу коллекцию керамики из раскопок замка № 28, так как интересующая нас посуда в нем представлена наиболее полно.

В состав комплекса входят следующие сосуды⁶⁹.

1. Толстостенные хумы с горлом в виде раструба и краем, обрамленным массивным валиком-венчиком, украшенным понизу ямками пальцевых вдавлений, расположенными в один или два ряда. В некоторых случаях венчик сильно уплощен и почти не выделен, имел в сечении благодаря легкой изогнутости горла форму, близкую к треугольной. Однако хумы с такого типа венчиком всегда встречаются в сочетании с сосудами с массивным венчиком-валиком. Тулово яйцевидное, шейка четко выделена. Высота превышает метр, диаметр самых крупных достигает 0,5 м. Такие хумы делались очень крупными; остальные большие сосуды аналогичной

⁶⁸ См. приложение.

⁶⁹ В свое время анализ посуды из Беркут-калипского оазиса послужил основой для статьи о «Керамике афригидского Хорезма», где подробно описана посуда, характерная для VII—VIII вв. н. э. Однако, поскольку в данном случае керамический комплекс служит основой для датировки памятников с донжоном, для которых нет другого датирующего материала, мы считаем необходимым кратко перечислить входящие в него виды посуды.

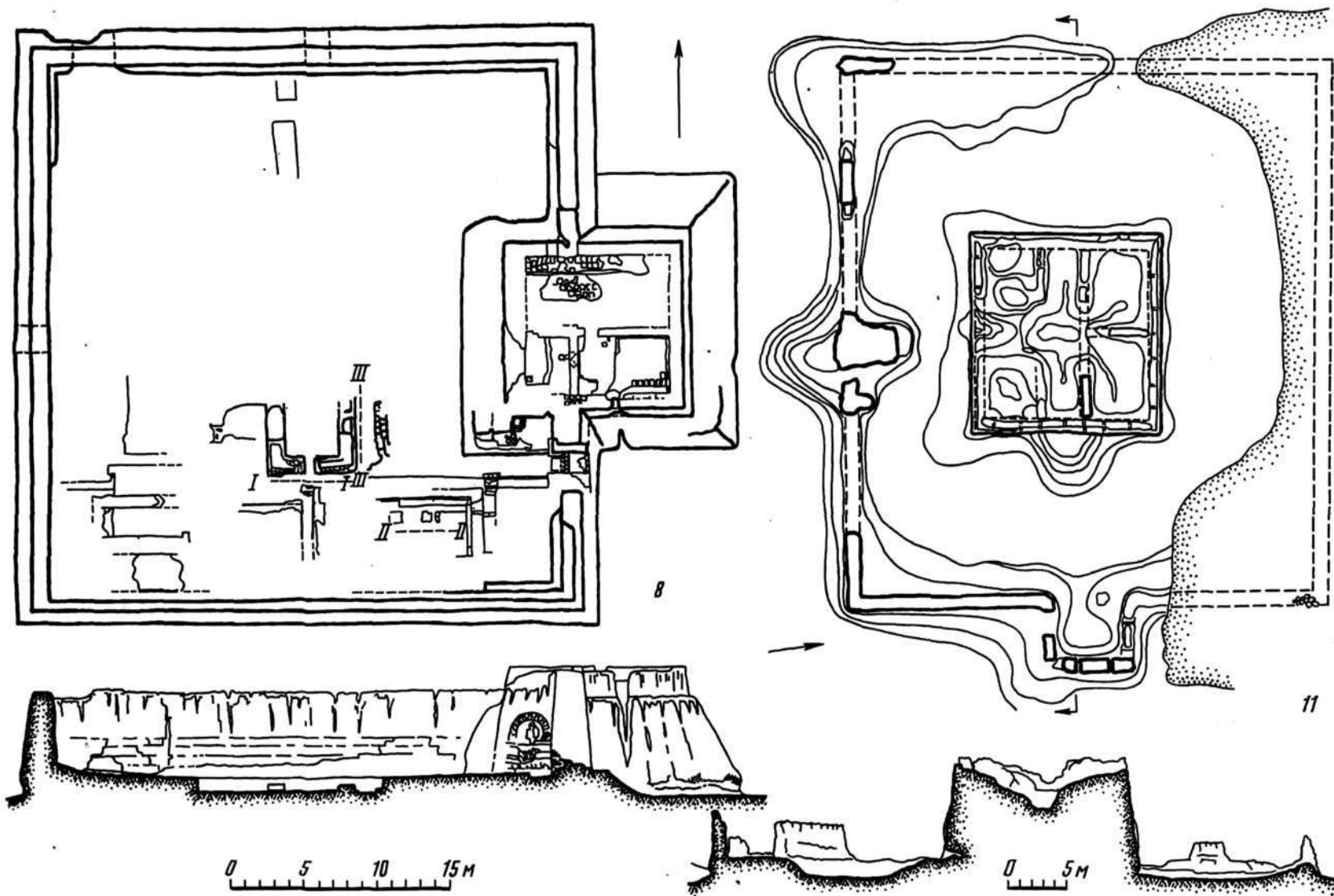


Рис. 16. Усадьбы с донжоном

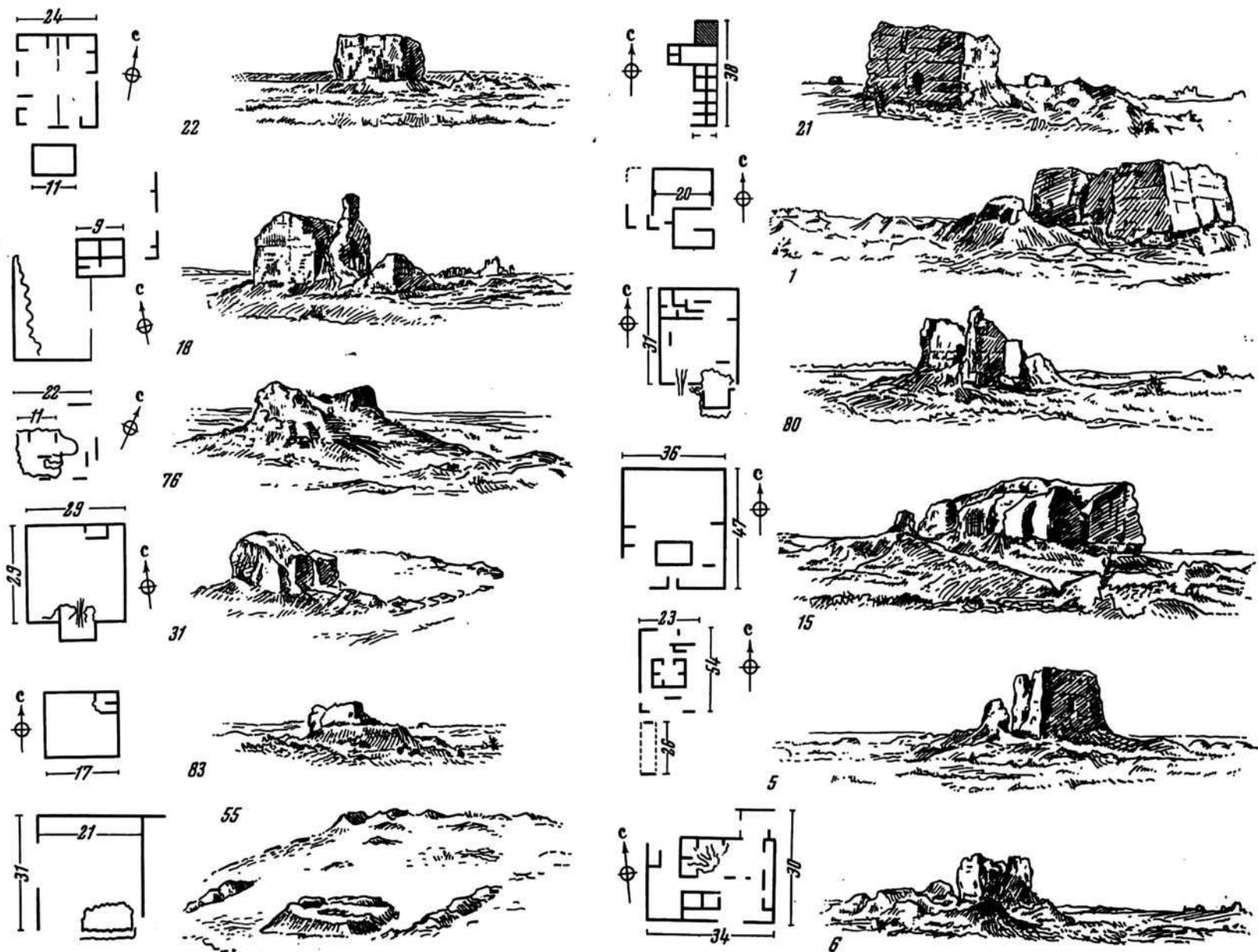


Рис. 17. Усадьбы с дождюном

формы скорее, видимо, должны быть отнесены к разряду хумчей поскольку они гораздо меньше и более тонкостенны (рис. 18, 1—7).

2. Хумчи с венчиком в виде двух или трех валиков; иногда между двумя валиками наклепывался глиняный гофрированный пальцами жгутик. Высота сосудов по двум целым экземплярам с венчиком в виде трех валиков — 0,65 и 84 см. Тулово часто украшается прочерченным крупнозубчатым штампом орнаментом, располагающимся на плечиках сосуда полосой крупных зигзагов в обрамлении мелких. Диаметр горла — 29—27, 33 см, диаметр тулова — 44—56 см (рис. 18, 8—15, 24, 29—37; рис. 21, 1—4).

3. Хумчи с широким округлым туловом без горла, венчик лежит прямо на плечиках сосуда; по форме венчика различаются те же варианты, что и у вышеописанных (рис. 18, 16—23, 25—28).

В последнее время благодаря раскопкам Якке-Парсана, в верхних слоях которого, точно датированных VII—VIII вв. н. э. по найденным в них монетам, обнаружена керамика, аналогичная описываемой⁷⁰, установлено, что форма тулова этих хумчей очень различна. У некоторых экземпляров оно сильно вытянуто, суживаясь книзу, из-за чего сосуд приобретает сходство с хорезмскими хумами IX—X вв. н. э. (рис. 18, 21), в других случаях это — приземистые горшковидные сосуды (рис. 18, 20, 22).

Хумы и хумчи всех видов делались из глины с большой примесью дресвы и в меньшей степени шамота и известковистых включений, оставляющих в черепке при обжиге поры, и почти все без исключения покрыты снаружи зеленоватым ангобом различных оттенков — от желтоватого до сероватого.

4. Кувшины широкогорлые, с высокой, четко выделенной шейкой, яйцевидным туловом, треугольным в сечении венчиком и плоской, сужающейся книзу ручкой, прикрепленной одним концом к краю горла, а другим — к плечикам, украшенным почти всегда прочерченными концентрически расположенными линиями. Различаются варианты с уплощенным и массивным венчиком, с суживающимся к дну и более приземистым туловом, но все они сосуществуют в одном слое. Высота сосудов — 37—40 см, диаметр горла — 9—13 см, диаметр тулова — 22—28 см (рис. 19, 1—10, 13).

5. Кувшины с узким горлом со сливом, широким округлым туловом и высокой, круглой в сечении ручкой. Высота сосудов — 23—25 см, диаметр горла — 4—5 см, дна — 12—14 см, ту-

лова — 22 см. Покрывались ангобом редко. Черепок в изломе сиренево-красного цвета (рис. 19, 11, 12; рис. 21, 6).

6. Кружки небольшие, с округлым туловом, слегка расходящимися краями устья и петле-видной маленькой ручкой, прикреплявшейся к тулову. На плечиках часто рельефный поясок. Диаметр горла — 6,5—7 см, высота — 12—13 см. Часто покрыты зеленовато-сероватым ангобом (рис. 20, 4, 5). Кружки и кувшины делались из хорошо промешанного глиняного теста без грубо размолотых примесей.

Все сосуды описанных форм изготавливались на кругу. Лишь изредка встречаются лепные хумчи.

7. Лепные кухонные горшки. У них обычно сравнительно высокая, более или менее изогнутая шейка, плавно переходящая в округлое тулово, одна ручка, одним концом прикрепленная к плечикам, другим — к краю горла. В глину в качестве примеси добавлена мелкая дресва. Крупные экземпляры достигают высоты 32,2 см, диаметр горла — 20,5 см, диаметр тулова — 30,5 см; у мелких высота 14—17 см, диаметр горла — 10—13 см, диаметр тулова — 15—17 см⁷¹ (рис. 20, 10—30; рис. 21, 15—17).

Следовательно, если на том или ином памятнике обнаружен подобный комплекс посуды или только несколько ее видов, можно предполагать, что памятник относится к концу VII — середине VIII в. н. э. Ограничить время существования памятника рубежом VII — VIII вв. или серединой VIII в. можно только по монетам, так как попытки выделить внутри комплекса посуды раннюю и позднюю хронологические группы пока не удалось, несмотря на возможность выделить определенные слои. Так, керамика из однослойного замка № 19 (см. таблицу и описание в приложении) датирована по трем монетам Чегана концом VII — началом VIII в., но она не отличается от керамики из верхних слоев Тешик-калы или замка № 92, где есть медные монеты Шаушафара. Посуда из замка № 92, в котором стратиграфически установлены два строительных периода (нижний, датирующийся по монете Чегана, и верхний, где найдена также и монета Шаушафара), представляет собой единый комплекс, в котором нельзя проследить эволюции форм. Не исключено, однако, что выделить посуду VII в. из общего комплекса, пока датированного концом VII — серединой

⁷¹ Кроме сосудов перечисленных форм, обязательно встречающихся на всех раскопанных памятниках оазиса, на отдельных из них найдены и другие виды керамики, изображения которых приведены в таблицах, помещенных в приложении.

⁷⁰ См.: Е. Е. Неразник. Раскопки Якке-Парсана, рис. 15 и 16.

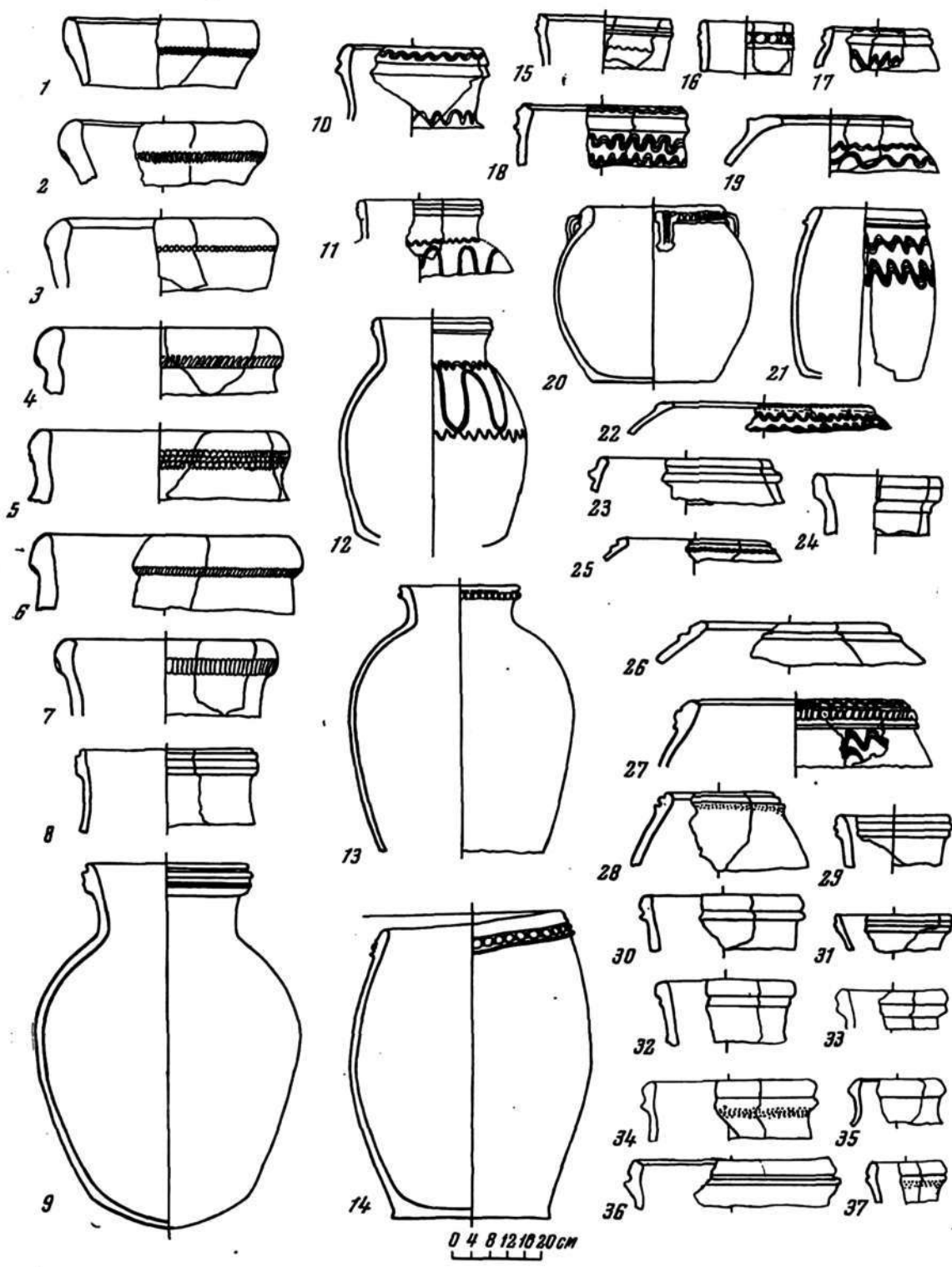


Рис. 18. Керамика VII—VIII вв.
1—7 — хумы, 8—37 — хумчи

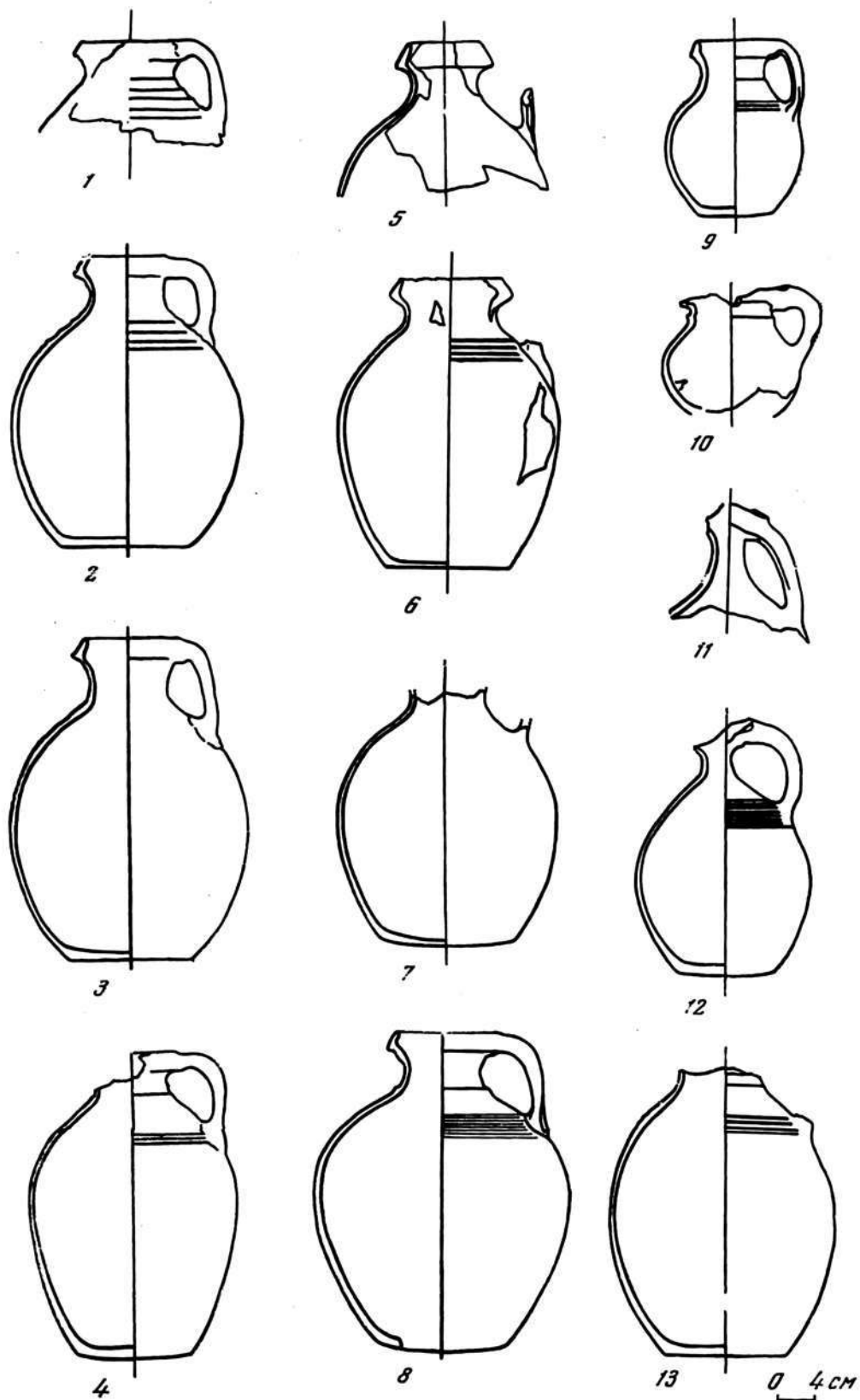


Рис. 19. Керамика VII—VIII вв. — кувшины

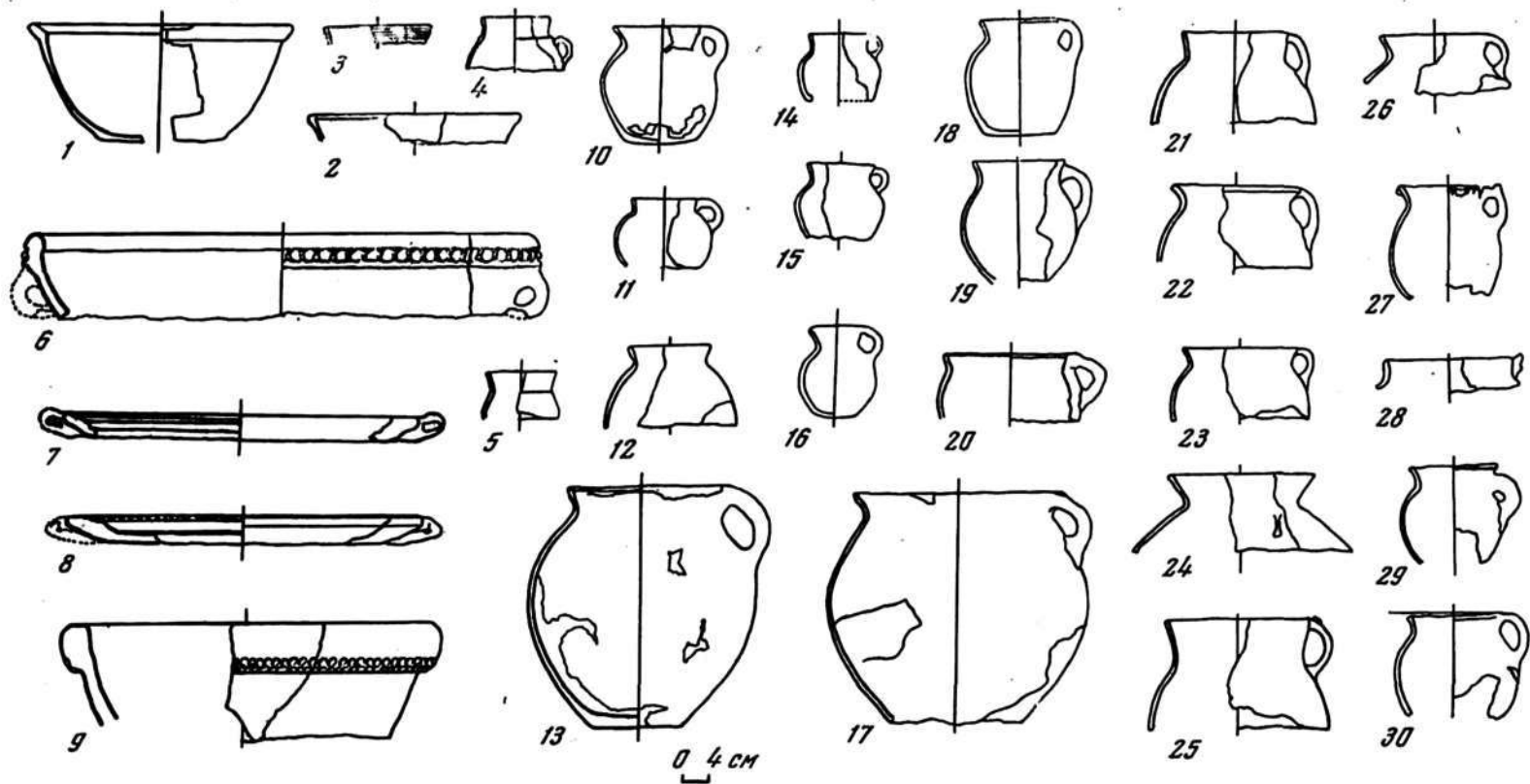


Рис. 20. Керамика VII—VIII вв.

1, 2 — миски, 3 — чаша, 4, 5 — кружки, 6, 9 — тазы, 7, 8 — блюда, 10—30 — лепные горшки

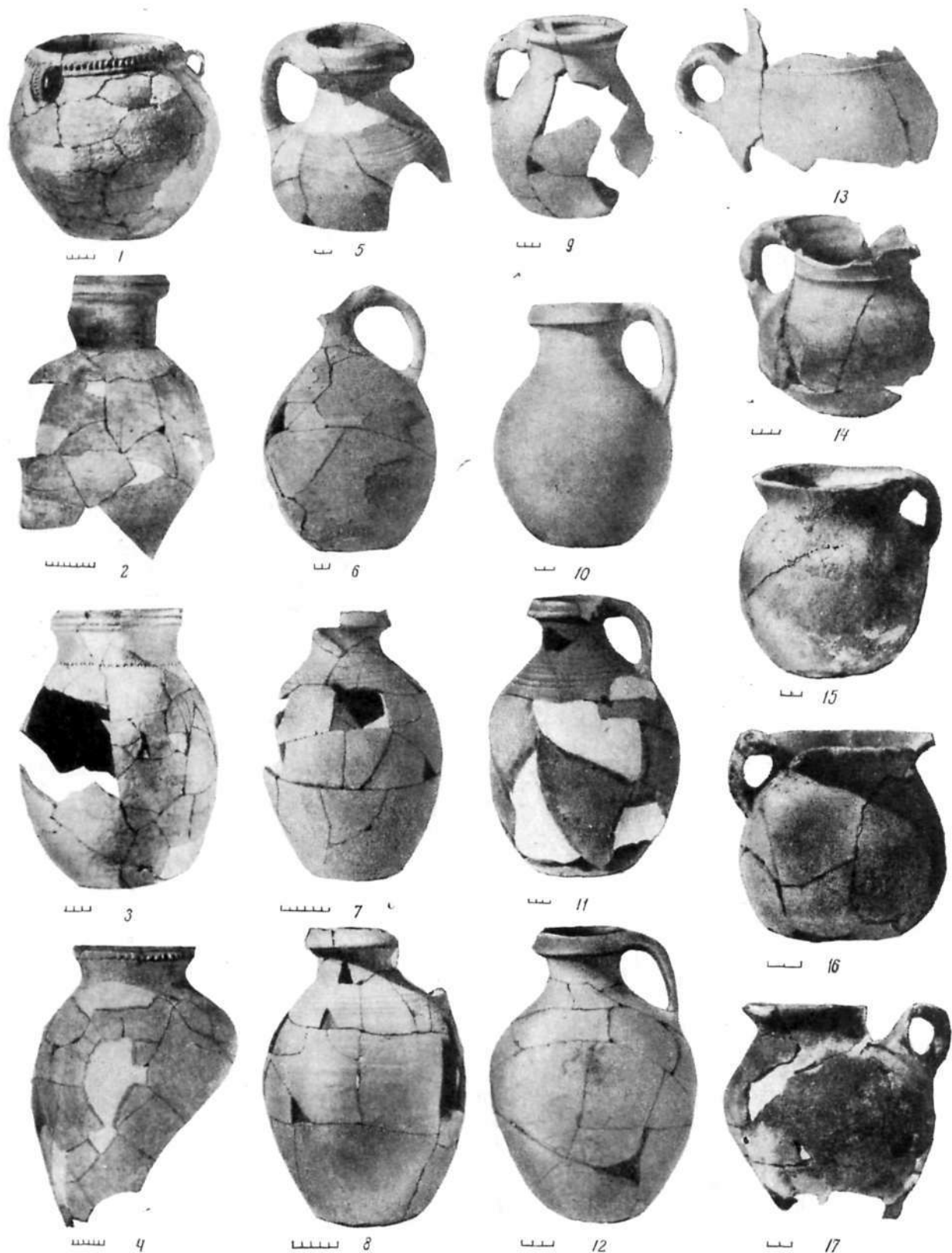


Рис. 21. Керамика VII—VIII вв.

1—4 — хумчи, 5—12, 14 — кувшины, 13 — кружка (масштаб см. 16), 15—17 — лепные горшки

VIII в. или даже VII — VIII вв., можно будет в результате раскопок Якке-Парсана, где есть монеты середины VII и середины VIII в. и очень четко установлена стратиграфия слоев.

В заключение мы должны обратить внимание на следующее обстоятельство.

Замок № 30, как уже было сказано, однослойный и первоначально не имевший донжона, представлял собой усадьбу с укрепленным прямоугольным предвратным сооружением — входом. Так как керамика из его раскопок вполне «укладывается» внутри комплекса VII — середины VIII в., следует полагать, что усадьбы подобной планировки строились и в VII в. н. э. С другой стороны, замок № 32, верхний слой которого датируется по монетам Чегана началом VIII в. н. э., сохранял и в это время архаичный облик (донжон здесь построен не был), на основании чего памятник должен быть отнесен к первой из выделенных нами групп усадеб, описание которой мы дали выше⁷².

Об относительной хронологии усадеб и динамике ирригационной сети в оазисе

Выделив типологически ранние и поздние группы усадеб и наметив в общих чертах хронологические границы существования целого их ряда, легче бу-

дет перейти к вопросу об относительной хронологии усадеб, который мы будем рассматривать в связи с учетом особенностей расположения памятников в системе ирригационной сети, прослеживая, по возможности, ее динамику.

Еще в 1938—1939 гг. С. П. Толстов, обследовавший оазис, тогда целиком лежавший в зоне пустыни, и проследивший русло магистрального канала и его боковых ответвлений, отметил, что усадьбы образовывали несколько групп, более или менее компактно объединившихся по отдельным каналам. Таких групп, по мнению исследователя, можно было насчитать от восьми до тринадцати, причем командное положение в каждой из них занимал крупный замок, находившийся у истоков канала⁷³. Усадьбы оазиса резко отличаются по величине. Из 88 усадеб, известных нам на участке оазиса от Кум-Баскан-калы до Уй-калы, крупных всего 5: Беркут-кала — 62 700 кв. м, Кум-Баскан-кала —

34 400 кв. м, Уй-кала — 19 200 кв. м, замок № 32 — около 12 960 кв. м и Тешик-кала — 10 000 кв. м; размеры 33 усадеб — от 2000 до 1000 кв. м; 31 — величиной не превышает 250—470 кв. м и, наконец, площадь отдельно стоящих зданий (их 19) колеблется в пределах от 100 до 200 кв. м. (рис. 22)

Дальнейшие исследования в оазисе позволили несколько уточнить эту схему и изучить оставшийся ранее почти вне поля зрения участок оазиса от Уй-калы до Большой Кырк-калы.

На площади от Большого Гульдурсуна до Кум-Баскан-калы сейчас все занято хлопковыми полями, и древние постройки отсутствуют. Кум-Баскан-кала расположена в непосредственной близости от магистрального канала. Возле нее хорошо видны очертания древних полей, примыкающих к берегу канала; немного ниже крепости виден отвод арыка к усадьбам № 43, 44 и 45, чуть выше — правостороннее ответвление на замки № 40, 42 и др. С. П. Толстов полагает, что по этому ответвлению располагалась самостоятельная группа, возглавляемая большим замком № 40⁷⁴.

На поверхности земли отчетливо прослеживается правобережный канал, вдоль которого располагаются замки № 86, 54, 30, 31, 33 и, возможно, также № 1, 55. Этот канал был, вероятно, проложен по какому-то более раннему, может быть античному, каналу, который в свою очередь прорыли по руслу естественного протока. В районе замка № 30 канал раздваивается: одна его ветвь как бы придвинулась к замку № 30, вторая идет на усадьбу № 33. Возможно, что это произошло в связи со строительством замка № 30, который, как сказано выше, воздвигнут в последний период жизни в оазисе, не раньше конца VII — начала VIII в. н. э.⁷⁵ Так как эта вторая ветка, идущая на замок № 30, перекрывает ложе первой, то не исключено, что участок, на котором находилась усадьба № 33, к той поре был заброшен. Однако полное отсутствие керамики и какого бы то ни было другого материала для обоснования времени существования памятника затрудняет проверку этого предположения.

В голове канала стоит Тешик-кала, которая получала таким образом возможность контролировать пуск воды к перечисленным усадьбам, так же как и к усадьбам № 29 и 36, построенным вдоль арыка, отведенного от магистрального канала чуть выше Тешик-калы. У самой кре-

⁷² Вопрос о датировке усадеб с донжоном, нижний этаж которого состоит из сводчатых помещений, еще недостаточно изучен, и мы его только затрагиваем. Как показывает пример замка № 30, такие здания строились и в VIII в. н. э.; так же датируется замок № 34, раскопанный А. И. Тереножкиным (см. С. П. Толстов. «Древний Хорезм», стр. 128). Однако когда впервые появились в оазисе подобного рода сооружения, мы пока не знаем, хотя и пытались это выяснить.

⁷³ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 135.

⁷⁴ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 135.

⁷⁵ О раскопках этого и других замков см. в следующем разделе и в приложении.

пости начинается канал, идущий на замки № 32 и 27 (см. рис. 1). Возможно, что первоначально основным пунктом во всем этом районе была усадьба № 32, построенная значительно раньше остальных в округе, не позднее V в. н. э., и без условно превывшавшая по площади Тешик-калу в ее первоначальном виде, возникшую позже. Как можно судить сейчас, довольно густо населенная в VII—VIII в. н. э. округа Тешик-калы была значительно менее освоена во время существования раннего замка № 32. К VII—VIII вв. произошло перераспределение ролей: замок № 32 остается в тех же пределах, а перестроенная Тешик-кала, выросшая в мощный замок, одно из крупнейших в оазисе фортификационных сооружений, заняла главенствующее положение на этом участке оазиса.

В промежутке между Кум-Баскан-калой и Тешик-калой от основного канала было отведено еще одно ответвление на усадьбы № 38 и 37 (см. рис. 1), по расположению своему мало связанные с остальными постройками района.

Округа Беркут-калы до настоящего времени не сохранилась. По наблюдениям С. П. Толстова, город-крепость контролировал три арыка, отведенных от магистрального канала ниже по течению, и один — выше, вдоль которых располагалось несколько групп усадеб, общее число которых равнялось 25 (см. рис. 1).

Видимо, к Беркут-кале тяготела и группа замков, расположенная по каналу, русло которого «просвечивает» через современную сеть арыков и полей, идущему мимо усадьбы № 26 на замки № 8, 7, 34 и 35, причем командное положение в этой группе занимал замок № 8, построенный, как помогли выяснить раскопки, не раньше начала VIII в. н. э., однослойный, существовавший очень недолго, затем около двухсот лет пустовавший и вновь заселенный в X—XI вв. н. э.⁷⁶ (рис. 23). Скорее всего и в этой группе, как и в округе Тешик-калы, к VIII в. н. э. произошла внутренняя перестановка сил, закончившаяся возникновением сильно укрепленной усадьбы крупного землевладельца — замка № 8 с огромным донжоном. Часть построек по этому каналу, сооруженных раньше замка № 8, существовала более длительный срок. Так, явные следы перестройки обнаруживает усадьба № 26 — донжон этого здания включил в свой цоколь более раннее кирпичное сооружение, в котором видны остатки комнат, перекрытых сводами, впоследствии разрушенных и забутованных обломками кирпича и глиной.

Далее, около замка № 35, очевидно, довольно позднего (конец VII — начало VIII в.), судя по

керамике, найденной там, и по особенностям укрепления (донжон на сплошном цоколе и напротив него башня для перекидного мостика), отмечены остатки другого здания — простого одноэтажного дома с центральным квадратным помещением, вокруг которого группируются небольшие узенькие комнаты. К дому примыкает двор, окруженный сравнительно тонкой пахсовой стеной. Усадьба была, видимо, неукрепленной.

Выше, при описании планировки усадеб без донжона, упомянув об этом доме (см. стр. 25), мы старались показать, что по ряду признаков он должен был быть построен до VII—VIII в. н. э. Скорее всего ко времени строительства замка № 35 дом был заброшен, так как в керамике, собранной на его развалинах, отсутствуют формы, характерные для VII—VIII вв. н. э.

Правобережье оазиса, начиная от замка № 9 и до Уй-калы, буквально опутано густой сетью древних протоков Акча-Дарьи, русел античных и более поздних средневековых каналов, сильно занесено песком и разрушено современными сбросами, местами перепахано, и поэтому отличить в этом переплетении каналы афригидского времени оказалось делом крайне трудным, а порой невозможным. Выявляются лишь следы небольшого арыка, ведущего к полям у замка № 13 и далее к усадьбе № 58 (см. рис. 1). Оба строения резко отличаются друг от друга. Замок № 13 (рис. 24) по всем признакам сближается с поздними памятниками оазиса, построенными в VII—VIII вв. н. э. (например, с замками № 8 и 35)⁷⁷. Вторая постройка (см. ее описание на стр. 22) выглядит иначе, типологически примыкая к усадьбам № 66 и 68, построенным, как мы говорили, не позже IV в. н. э.

Соседние замки № 9, 10 и 11⁷⁸ (рис. 25 и 26) кажутся синхронными: для них характерен мощный донжон на высоком сплошном цоколе. Именно такие донжоны, как мы видели, возникают в результате перестройки в Тешик-кале и в других замках и являются неотъемлемой деталью усадеб, построенных в начале VIII в. н. э. Усадьба № 12, так же как и дом у замка № 35 и другие, являвшаяся осколком раннеафригидского оазиса, была к этому времени заброшена.

Таким образом, были ли объединены замки этой части оазиса общим каналом или располагались на отдельных ответвлениях, сказать сейчас трудно, но скорее следует склоняться к последнему, имея в виду отдельный арык, ведущий только к полям замка № 13.

⁷⁶ См. в приложении описание раскопок замка № 8.

⁷⁷ См. описание замка № 13 в приложении.

⁷⁸ См. их описание в приложении.

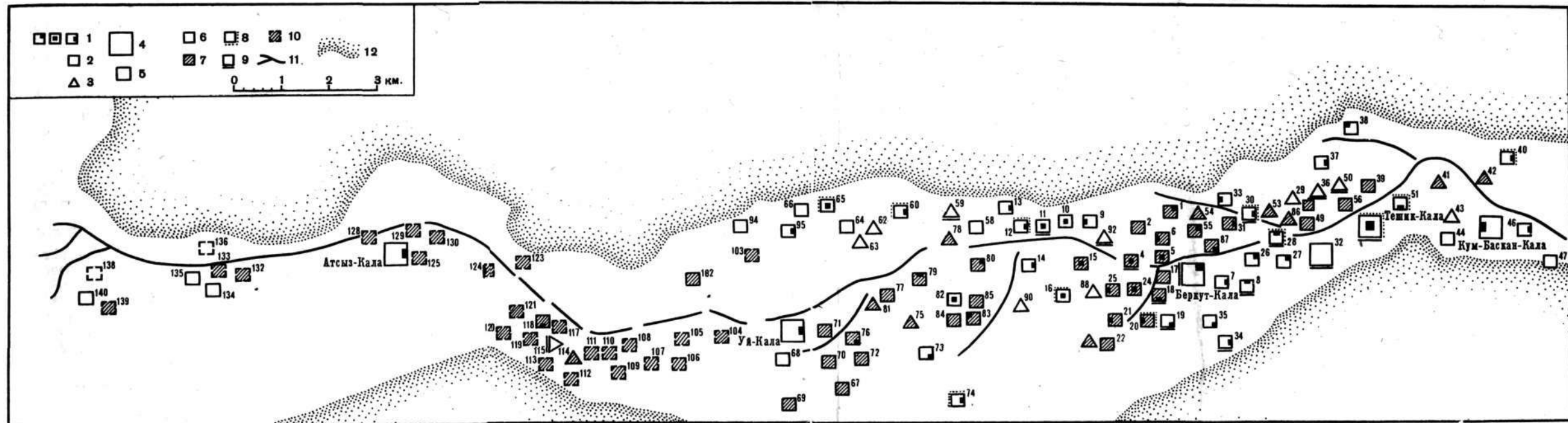


Рис. 22. Схематическая карта Беркут-калинского оазиса.

Условные обозначения. Типы усадеб: 1 — с жилой башней, 2 — без жилой башни, 3 — отдельно стоящее здание. Размеры усадеб: 4 — площадью свыше 1 га, 5 — площадью от 0,1 до 1 га, 6 — площадью до 0,1 га, 7 — несохранившиеся усадьбы, 8 — перестроенные усадьбы, вначале донжона не имевшие, 9 — усадьбы, где велись раскопки, размер не выяснен, 10 — несохранившиеся, размер не выяснен, 11 — каналы, 12 — пески (136, 133 — плохо сохранившиеся усадьбы без донжона)

Следующий по направлению к северу участок, где находятся усадьбы № 60, 61, 62, 63, 64, 65 и несколько других, пока еще плохо обследованных (№ 94 и 95), орошался, видимо, одним каналом, головная часть которого хорошо различима у замка № 60, в месте, где магистральный канал пересекает русло протока Акча-Дарьи. Не исключено, что к орошаемым площадям, очертания которых видны на поверхности между замками № 60 и 13, подходил еще один канал, отведенный от магистрального почти под прямым углом. Большинство усадеб этой группы единообразны по планировке: у всех больший или меньший по размерам донжон (соответственно размерам самой усадьбы), все окружены более или менее массивными стенами (см. рис. 3, 4). Однако замок № 60, крупнейший из них, значительно превышает по площади остальные, превосходит их площадью укреплений и, без сомнения, был основным по значению в этой группе⁷⁹. Он же, как видно на карте, находился недалеко от истока, общего для всех перечисленных усадеб канала.

Теперь уже ясно, что и в этой группе, как и в соседних, ряд замков был построен в раннеафригидский период (№ 60, 66, 65, 64). В последующее время некоторые из них были перестроены и укреплены (№ 60 и 65), причем перестройка усадьбы № 65 была особенно сложна. Как и в Тешик-кале, усадьба № 65 сильно выросла по площади, и к квадрату стен ранней постройки была пристроена новая часть, также обведенная стеной, почему и вся усадьба получила неправильные очертания (см. рис. 3). Вход в старую часть, фланкированный двумя массивными прямоугольными башнеобразными выступами, оказался в центре усадьбы и был превращен в донжон, причем выступы были замурованы в мощный паховый доколь. Что же касается усадеб № 64 и 66, то первая продолжала существовать в VII—VIII вв. без изменений, а вторая была заброшена.

В левобережье оазиса против описанных нами памятников также зафиксировано несколько ответвлений каналов. Прежде всего отчетливо выражен большой арык, проложенный, видимо, по руслу более древнего, античного, и идущий до замка № 74. У истоков этого арыка находится замок № 14, укрепленный паховыми высокими стенами с донжоном, поднятым на высокий доколь (рис. 27). Замок № 74, так же как и большинство других памятников оазиса, претерпел перестройку. Донжон, возвышающийся посреди южной стены усадьбы, был построен вместо входа, фланкирован-

ного двумя округлыми башнями⁸⁰ (см. рис. 3). По-видимому, он возник в более раннее время, чем замок № 14, и здесь, как и в других группах усадеб, также со временем произошли некоторые изменения во внутренней расстановке сил: выросший у истока канала замок № 14 затмил своего оказавшегося более слабым соседом.

Севернее античного, позже подновленного канала видны следы другого, явно проложенного по руслу протока, сильно меандрировавшего и на местности выраженного извилистой, поросшей густой растительностью полосой. Полоса тянется до замка № 73 и дальше теряется в песках. У этого канала построена сильно укрепленная усадьба № 82, имевшая тот же план, что Тешик-кала (поздняя) и замки № 8, 10, 11 и другие, но менее сильно укрепленная — без оборонительных башен⁸¹ (см. рис. 4). Слабые следы естественных протоков, видимо тоже переуглубленных, тянутся от основного канала, у которого построен замок № 82, к другим усадьбам — № 84, 85, 83 и 80. К сожалению, все четыре сейчас погибли для науки — они скрыты при освоении пустыни под современные поля, но, судя по рисункам, фотографиям и обмерам, первые два очень отличались от замка № 82, напоминая отсутствием донжона замок № 32 и другие (см. рис. 7). Это были сравнительно небольшие постройки с выделенными длинными узкими пилонами или пилонообразными башнями входом (замок № 84), либо же по обе стороны входа находились вытянутые узкие, по-видимому, сторожевые помещения, не выступавшие за линию внешних стен (замок № 85).

Усадьбы № 80 и 83 имели по небольшой и скорее всего невысокой башенке, расположенной в одном случае в северо-восточном углу усадьбы (№ 83), в другом — в юго-восточном (см. рис. 17). Не вызывает сомнений, что в данной группе центром был замок № 82, возникший позже, чем усадьбы № 84 и 85, которые, может быть, ко времени его возведения перестали существовать. Не исключено, что первоначально усадьбы № 84, 85, 74 и, может быть, 80 и 83 базировались на канале, выведенном, как указывалось выше, по направлению к замку № 74. Впоследствии, в конце VII — начале VIII в. в ходе внутреннего развития возникают два мощных замка — № 14 и 82. Из них первый строится у истоков упомянутого канала, при строительстве другого переуглубляется русло естественного протока, и замок получает

⁷⁹ См. описание памятника в приложении.

⁸⁰ См. описание замков № 14 и 74 в приложении.

⁸¹ См. описание замка в приложении.



Рис. 23. Замок № 8



Рис. 24. Замок № 13



Рис. 25. Замок № 11



Рис. 26. Замок № 10

свое «водное владение». Возможно, что продолжавшие существовать замки № 83 и 80 «меняют ориентацию». Так, топографически как будто можно проследить новые явления, происходящие в оазисе, например возникновение сильно укрепленных замков, располагавшихся у истоков каналов, чего до этого времени, судя по расположению более ранних замков, не наблюдалось.

Сходная ситуация зафиксирована в районе Уй-калы. При первом взгляде на карту кажется, что Уй-кала стоит на хвостовых частях канала, вдоль которого находятся усадьбы № 70, 71, 67, 68, 69, 72, 78 и 77 и чуть в отдалении — № 79 (см. рис. 1). Однако при подробном обследовании местности выяснилось, что канал

был проведен к античной Уй-кале и что к ней подходит и другой, прорытый несколько севернее, очевидно, в то время, когда возникла раннесредневековая Уй-кала. Все перечисленные памятники, расположенные вдоль канала античного периода, очень сходны между собой: почти все это — уже знакомые нам усадьбы без донжона, с укрепленным башнеобразными прямоугольными пилонами входом (см. рис. 10). Замок № 78 — просто маленькое, отдельно стоящее здание типа небольшого донжона на сплошном глинобитном цоколе. Усадьба № 67, по-видимому, очень слабо укрепленная (если вообще укрепленная), так же как и вышеперечисленные усадьбы, без донжона, но отличалась от них тем, что была лишена правильных квадратных или прямоугольных очертаний и что близко к ней находились две маленькие однокомнатные постройки, одинаковые по размеру (6 × 6 м) (см. рис. 2). Эта усадьба, к сожалению, не сохранилась. Учитывая все, что говорилось выше о времени существования памятников без донжона, в том числе усадьбы № 68, можно предполагать, что проведение нового канала к Уй-кале было вызвано строительством там и упадком жизни в районе старого канала, где некоторые усадьбы пришли в запустение. Строительство Уй-калы могло положить начало возникновению нового района, и, если этого не произошло, то объясняется, видимо, прекращением существования всего оазиса вскоре после возникновения раннесредневекового замка на развалинах античного поселения.



Рис. 27. Замок № 14



Рис. 28. Ат-сыз, вид с воздуха

Обращаясь к рассмотрению расположения замков на участке оазиса от Уй-калы до Большой Кырк-кыз-калы, прежде всего нужно отметить отсутствие здесь более или менее длинных боковых ответвлений от основного канала. Все постройки здесь, как правило, жмутся к берегам магистрального канала, повторяя в какой-то степени расположение более ранних поселений античного периода. Крупных, сравнительно хорошо укрепленных замков типа Тешик-калы, Уй-калы и т. п. здесь тоже нет, за исключением Ат-сыза (65 × 65 м), у которого по три башни овальной формы вдоль каждой из трех (восточной, северной и западной) сторон и донжон в середине южной (рис. 28). Подавляющее большинство памятников этой зоны (29 из 35) лишено донжона и должно было мало отличаться по виду от усадеб Уй-калинской округи, описанных выше⁸², по-видимому возникнув, так же как и они, в античное или раннеафригидское время. С большой уверенностью можно предполагать это относительно

усадеб № 134, 136, 138, 139 и 140, особенности керамики которых были разобраны выше.

Усадьбы № 118, 122 и 124 имеют высокие донжоны в середине одной из стен или в углу, что уже само по себе предполагает их существование в VII—VIII вв. н. э., к тому же времени относится одна из двух (№ 114 и 115) отдельно стоящих башен (№ 115), которая была нами раскопана и на описании которой мы подробно остановимся ниже.

Говоря об округе Большой Кырк-кыз-калы, следует добавить, что внутри нее и вокруг, в непосредственной близости от ее стен обнаружены остатки ремесленных производств — гончарного, железоделательного и др.

Итак, рассмотренный в данной главе материал позволяет проследить определенные изменения в облике сменившихся в оазисе поселений.

В первых веках нашей эры здесь располагались неукрепленные жилища, группировавшиеся вокруг более или менее значительных по площади укрепленных усадеб или поселений.

Как выглядел оазис в IV—V вв. н. э., пока неясно, можно только утверждать, что находившиеся там крупные по площади усадьбы были укрепленными. В то же время не исключено, что в этот период существовали и неукрепленные жилища. Это тем более вероятно, что

⁸² Предположительность этого высказывания объясняется тем, что большинство из этих памятников не сохранилось и наше представление о них основано исключительно на данных аэрофотосъемки 1953 г., дополненных сведениями, полученными при обследовании некоторых уцелевших (№ 134, 136, 138, 140 и др.).

в соседних оазисах, в частности на древнем Кельтеминаре, в урочище Дингильдже в IV—V вв. вокруг крупной и укрепленной усадьбы располагались неукрепленные жилища, и поселение не отличалось по типу, например, от Аяз-калинского. Тем не менее можно подозревать, что именно в тот период в оазисе произошли большие перемены, в результате которых пришли в упадок старые укрепленные центры — античная Беркут-кала, Уй-кала и др. Немаловажным является и тот факт, что в последующие века изменился облик самого оазиса — усадьбы стали укрепленными. В VII—VIII вв. в оазисе появились сильно укрепленные замки, часть которых возникла в результате перестройки усадеб, часть была построена заново. Эта схема в общем известна по работам С. П. Толстова, наши данные только подтверждают ее, иллюстрируя смену типов поселений на конкретном материале только одного оазиса.

В результате работ последних лет появилась возможность проследить, как менялось расположение усадеб по отношению к ирригационной сети.

В свое время С. П. Толстов сделал очень важное наблюдение, установив, что усадьбы VII—VIII вв. располагались группами вдоль отдельных каналов, у истоков которых стоял наиболее крупный и хорошо укрепленный замок. Здесь нет надобности подробно анализировать смысл этого явления — это уже сделал С. П. Толстов, истолковавший его как доказательство возникновения новых социально-экономических отношений — раннефеодальных. Важно отметить, что наши материалы показывают этот процесс в становлении. Прежде всего такое групповое расположение усадеб наблюдается только в центральной части оазиса, где жизнь протекала наиболее интенсивно и возник даже небольшой городок у подножия крупнейшего замка — Беркут-кала. Благодаря изучению относительной хронологии памятни-

ков можно было проследить, как в наиболее экономически выгодных пунктах в VII—VIII вв. выросли крупные замки земельной знати, а более ранние центры оазиса приходили в упадок.

В то же время в хвостовой части канала, на участке оазиса между Уй-калой и Большой Кырк-кыз-калой в VII—VIII вв. все остается почти без перемен: усадьбы сохраняют старый облик, только некоторые из них перестают существовать.

Кроме того, в расположении жилищ здесь не наблюдается той закономерности, которая отмечалась в центральной части оазиса; напротив, прослеживается тенденция самостоятельных отводов воды к отдельным домам или к небольшой их группе, но подчиненности в расположении домов здесь нет, как нет здесь и крупных замков. Такая система расположения сельских жилищ, по-видимому, характерна для античного периода истории Хорезма.

Все это заставляет согласиться с высказанным в литературе предположением о становлении феодальных отношений в VII—VIII вв., причем в этот период наблюдается только начало тех процессов, которые будут определять социально-экономическое развитие в последующие эпохи средневековья.

В дальнейшем, в XI—XII вв., в Кават-калиском оазисе опять, как и в античное время, неукрепленные усадьбы тяготеют к укрепленным замкам, и как будто можно констатировать возврат к старому⁸³. Однако это лишь чисто внешнее сходство — на самом деле к этому времени новая система расположения замков, намечающаяся к VII—VIII вв., нашла свое наиболее полное выражение: замки контролируют уже целые пучки каналов, по которым разбросаны усадьбы крестьян.

⁸³ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 156; он же. По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 258; Б. В. Андрианов. Археолого-топографические исследования на землях древнего орошения..., стр. 148.

ЖИЛИЩЕ И КУЛЬТОВЫЕ ПОСТРОЙКИ VII — VIII ВВ. Н. Э.

УКРЕПЛЕНИЯ ЖИЛИЩ

Как мы видели в первой главе, все усадьбы Беркут-калинского оазиса в VII—VIII вв. н. э., а в значительной степени и более ранние были укреплены, и в этом состояло одно из важных их отличий от хорезмийского сельского жилища античной эпохи. Большое значение, которое придавалось в VII—VIII вв. развитию частной фортификации, неудивительно, так как это диктовалось требованиями времени; становление феодализма, возникновение крупных хозяйств, основанных на эксплуатации труда общинников, попытки феодалов захватить общинные земли вызывали ответную реакцию членов общины, стремившихся защитить свою собственность и свободу. Феодализация общества должна была вызвать тенденцию к политической раздробленности, проявлением которой, как полагают некоторые исследователи, было восстание Хурразада¹.

Кроме того, в южных областях Средней Азии в VII в. н. э. уже появились арабы, захватившие к тому времени ряд среднеазиатских земель и откровенно стремившиеся к дальнейшим походам и грабежам. Да и взаимоотношения с ближайшими соседями, обитателями степей у Арала, в низовьях Сыр- и Аму-Дарьи, также, вероятно, не всегда были мирными (в частности, они безусловно стали враждебными в период восстания Хурразада).

Хорезмийское военное искусство, слагаясь на протяжении столетий, задолго до афригидского периода выработало много приемов, нашедших применение при сооружении крупных крепостей и городов античности, таких, как Кой-Крылган-кала, Ангка-кала, Аяз-кала, Топрак-кала и др.

Роль основного препятствия для врага в большинстве беркут-калинских усадеб VII—VIII вв. н. э. играли стены и донжоны. Большое внимание уделялось укреплению входа как наиболее уязвимого места для прорыва врага. Письменные источники сохранили описания осады раннесредневековых среднеазиатских городов арабами. Обычно она длилась долго и была рассчитана на измор. В одном случае город был окружен кольцом пожара, который подступил к его стенам, в огне сгорели их деревянные детали, в частности ворота города, через которые прорвался враг². При наступлении применялись стенобитные машины, причем каменными ядрами стремились пробить ворота и прилегающие участки стен³. Во время раскопок Адамли-кала — замка VII—VIII вв. — на древнем канале Кельтеминар, у входа-калитки обнаружено скопление каменных глыб, разрушивших угол квадратной оборонительной башни, находившейся рядом⁴.

² Tabari-Bel'ami. Chronique de Tabari traduite sur la version persane d'Abou Ali Mohammad Bel'ami par Zotenberg, t. IV. Paris, 1867, p. 158.

³ Там же, стр. 173, 180.

⁴ Дневник Хорезмской экспедиции № 39 за 1953 г. Архив Хорезмской экспедиции АН СССР.

¹ С. П. Толстов. Новогодний праздник каландас у хорезмийских христиан XI в. СЭ, 1946, № 2; Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957, стр. 123.

В раннесредневековых хорезмских усадьбах выявлены два вида предвратных сооружений: 1) предвратный лабиринт, 2) две башни, фланкирующие находящийся между ними вход. Наиболее распространенным был второй вариант, причем можно проследить его развитие. В простейшем случае (в ранних усадьбах IV—V вв. н. э.) сооружался короткий входной коридор, образованный двумя выступающими за линию стен массивными пилонами или двумя сильно вытянутыми узкими помещениями, выделяющимися по размерам и конфигурации среди других построек (например, в усадьбах № 65 и 68).

Был ли этот коридор крытым и замыкался ли снаружи воротами, не всегда удается установить (№ 70, 84, 71, 77). Проведенные в усадьбе № 12 раскопки предвратного сооружения дают основание утверждать, что оно представляло собой крытые сени. Двумя их сторонами служили стены прямоугольных кирпичных башен. Заключенное между ними пространство площадью $2,2 \times 3,5$ м было прямоугольных очертаний. В северном торце сеней находился вход, закрывавшийся деревянной дверью (и сейчас в кирпичной стене видны пазы от балок дверной рамы) (см. рис. 29, 10). Снаружи сени также, видимо, закрывались дверью (или скорее воротами) — здесь в полу остался след от деревянной балки. Вдоль восточной стены сеней устроена из пахсы полочка или лавочка высотой 0,7 м и шириной 0,5 м. Полное отсутствие намывов и наносов над полом, которые бы обязательно отложились, если бы этот проход между башнями был открытым, свидетельствует о том, что над ним была крыша.

Более сложно и интересно устройство входа в усадьбе № 32, дожившей, как мы видели, без изменений до VIII в. н. э. В середине южной стены — обширное квадратное строение размером 17×17 м (см. рис. 7). Обращает на себя внимание значительная толщина ограничивающих его западной и восточной стен — 3,5 м, большая, нежели толщина крепостных стен на том же уровне от поверхности земли. Восточная часть постройки отделена на всем ее протяжении с севера на юг стенкой. Внутри отделенной ею площади видны очертания кирпичного возвышения, может быть суфы, и остатки хума, врытого рядом. Оставшееся пространство размерами 17×13 м незастроено и служило проходом. Логично предположить, что предвратное сооружение — сени — было крытым (восточная его часть безусловно), причем опорной стеной могла служить перегородка, отделявшая восточную часть сеней.

Очень интересно небольшое прямоугольное

сооружение (10×5 м), примыкавшее к торцу восточной стены сеней. Не была ли это сторожевая башня, оборонявшая вход, учитывая полное совпадение ее размеров и конфигурации с оборонительными башнями, размещавшимися вдоль стен и возле углов усадьбы?

Описанное предвратное сооружение усадеб № 12 и особенно № 32 вызывает ассоциации с крытым коридором — доломом в жилищах узбеков южного Хорезма, причем важно подчеркнуть, что долом имел ворота, фланкировавшиеся круглыми контрфорсами — гюльдаста, которые расцениваются как позднейшие подражания раннесредневековым оборонительным башням у входа⁵.

Проведенная параллель (а сходство раннесредневековых усадеб Хорезма с узбекскими жилищами XIX — начала XX в., как мы покажем ниже, этим не исчерпывается) наводит на мысль, что и в замке № 32 крытые сени оборонялись двумя башнями, одна из которых могла полностью разрушиться.

Крытые предвратные сооружения — сени в усадьбах № 12 и 32 напоминают нам также входные коридоры некоторых современных старых усадеб в Горном Бадахшане (Ягулеме, Ванче, Хуфе): «Дверь жилого помещения никогда не выходит прямо наружу..., а перед домом всегда делаются закрытые сени «дализ»... Таким образом, хуфцы попадают в дом, минуя две двери, что способствует сохранению в доме драгоценного тепла»⁶.

А. К. Писарчик, описывая дома горцев Хуфа, отмечает также, что по обе стороны прохода часто устраиваются нары. Здесь зимою хранятся запасы топлива, а в более теплое время кто-нибудь ночует⁷.

Разумеется, закрытые или открытые сени в усадьбах Беркут-калинского оазиса предназначались прежде всего для обороны, однако цель сохранить тепло также преследовалась. Как мы покажем ниже, хорезмийцы — обитатели Беркут-калинского оазиса много внимания уделяли задаче поддержания тепла в жилищах, делая высокие пороги, устраивая специальные очаги, долго сохраняющие тепло. Климатические условия Хорезма были, по-видимому, довольно суровы, на что, в частности, обратил внимание Ибн-Фадлан⁸, пораженный холодом,

⁵ В. Л. Воронина. Узбекское народное жилище. СЭ, 1949, № 2, стр. 81, 82.

⁶ В кн.: М. С. Андреев. Таджики долины Хуф. «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР», т. LXI, вып. II. Душанбе, 1958, стр. 471.

⁷ Там же.

⁸ Извлечения из «Записки» Ибн-Фадлана. МИТТ, т. I. М.—Л., 1939, стр. 157, 158.

которым его встретила эта страна зимой 922 года. Вряд ли что-нибудь изменилось в этом смысле за два столетия, отделяющие Хорезм X в. от Хорезма VIII в. н. э.

Предвратное сооружение — лабиринт — был очень распространен. Он, конечно, строился значительно меньших размеров и был более прост, чем в античных хорезмских городищах Джанбас-кала, Топрак-кала, Кургашии-кала и других, но устроен по тому же принципу. Это прямоугольная или квадратная постройка в замках № 30, 40 и других с проходами, расположенными под углом по отношению друг к другу, причем входное пространство простреливалось из бойниц большей частью целевидной формы. Более сложным был предвратный лабиринт замка № 28, который по первоначальному проекту являлся образцом рациональности и целесообразности сочетания элементов фортификации, чем он очень выделялся из небольших по площади рядовых усадеб оазиса, о которых сейчас идет речь (см. рис. 40). В основе его лежит такой же коленчатый ход, крытый сводом, как и в других, однако его огибал коридор шириной 1,7 м, по-видимому, без перекрытия (иначе его устройство лишалось смысла), простреливавшийся с донжона. Кроме того, остатки кирпичной стены в верхних слоях завала, над обрушившимся сводом донжона, просевшей вниз вместе с ним и расположенной поперек него, свидетельствуют о том, что над донжоном было еще какое-то помещение⁹, может быть боевая башенка над воротами. Такие башенки известны и в укреплениях Средней Азии¹⁰, и в архитектуре средневековых европейских замков, с которыми среднеазиатские имеют много общего¹¹. В период позднего средневековья эти башенки приобрели чисто декоративное значение, размещаясь, например, в туркменских усадьбах над воротами или попарно в ограде около калитки¹². Их описывает исследователь туркменской фортификации XVIII—XIX вв. А. А. Росляков, который считает, что боевые навесные башенки «были обязательной принадлежностью средневековых замков Средней Азии, особенно Хорезма, с которым связаны истоки эрсаринской архитектуры»¹³.

⁹ См. приложение.

¹⁰ Г. А. Пугаченкова. К характеристике крепостной архитектуры Старой Нисы. «Известия АН Туркменской ССР», 1952, № 1, стр. 19.

¹¹ См.: В. Яковлев. История долговременной фортификации. М., 1931, стр. 32 и др.

¹² А. А. Росляков. Основные черты туркменской фортификации XVIII—XIX вв. «Исследования по истории культуры народов Востока». М.—Л., 1960, стр. 223.

¹³ Там же.

При наличии донжона в середине какой-либо из стен или в углу усадьбы вход в нее всегда делался рядом, под надежным прикрытием этого мощного здания, очень часто между ним и башней для перекидного мостика, располагавшейся напротив. Следует сказать, что вообще входные проемы делались не очень широкими — 2—3 м, чаще 2 м, для того, чтобы их легче было заложить при нападении врага. Иногда у входа в усадьбу устраивали пандус, шедший вдоль крепостной стены или вдоль стены предвратного сооружения (Беркут-кала, усадьба № 2). Кроме ворот, в стенах некоторых замков (№ 8, 40) были калитки — две или одна в виде сравнительно узких арочных проемов. В замке № 40 — арки стрельчатых очертаний¹⁴, очень необычных для построек оазиса (см. рис. 30, 5); как полагают исследователи, калитки предназначались для вылазок¹⁵.

Стены в большинстве усадеб оазиса VII—VIII вв. были, как уже выше сказано, основным препятствием для врага, особенно в тех случаях, когда не было донжона. В то же время они не отличались большой толщиной; так, толщина крепостных стен у основания очень редко достигает 3 м, даже в крупных замках, таких как Беркут-кала или Уй-кала. Зато высота стен (а во многих замках, учитывая их хорошую сохранность, она и сейчас лишь немногим меньше первоначальной) была довольно значительной: больше 8 м в таких усадьбах как № 92, 60, 14, больше 6—7 м — во многих других. Как установлено, высота крепостных стен определялась общепринятыми размерами осадных лестниц и материалом, из которых они сделаны. Кроме того, специалисты полагают, что древние строители Востока применяли в своем искусстве возводить крепостные стены и другие укрепления известное правило, основанное на определенном соотношении ширины стены и ее высоты. Рассчитывая запас прочности, они стремились к тому, чтобы ширина основания стены была равна $\frac{1}{3}$ ее высоты¹⁶. Если под этим углом зрения проанализировать наш материал, то можно заметить, что это соотношение в основном выдерживалось, хотя и с отклонениями. Так, в усадьбах № 14, 28, 8, 35, 92, 9 размеры высоты и ширины стен у основания соответственно равнялись — 8 и 2,5 м, 7,5 и 2,5 м, 7,5 и 3 м, 6 и 2 м, 8,3 и 3 м, 8,91 и 2,97 м.

¹⁴ См. о ней: В. Л. Воронина. Строительная техника древнего Хорезма. ТХЭ, т. I, М., 1952, стр. 102.

¹⁵ В. Д. Блаватский. Очерки военного дела в античных государствах северного Причерноморья. М., 1954, стр. 97.

¹⁶ В. Ф. Шперк. История фортификации, т. I, М., 1948, стр. 119.

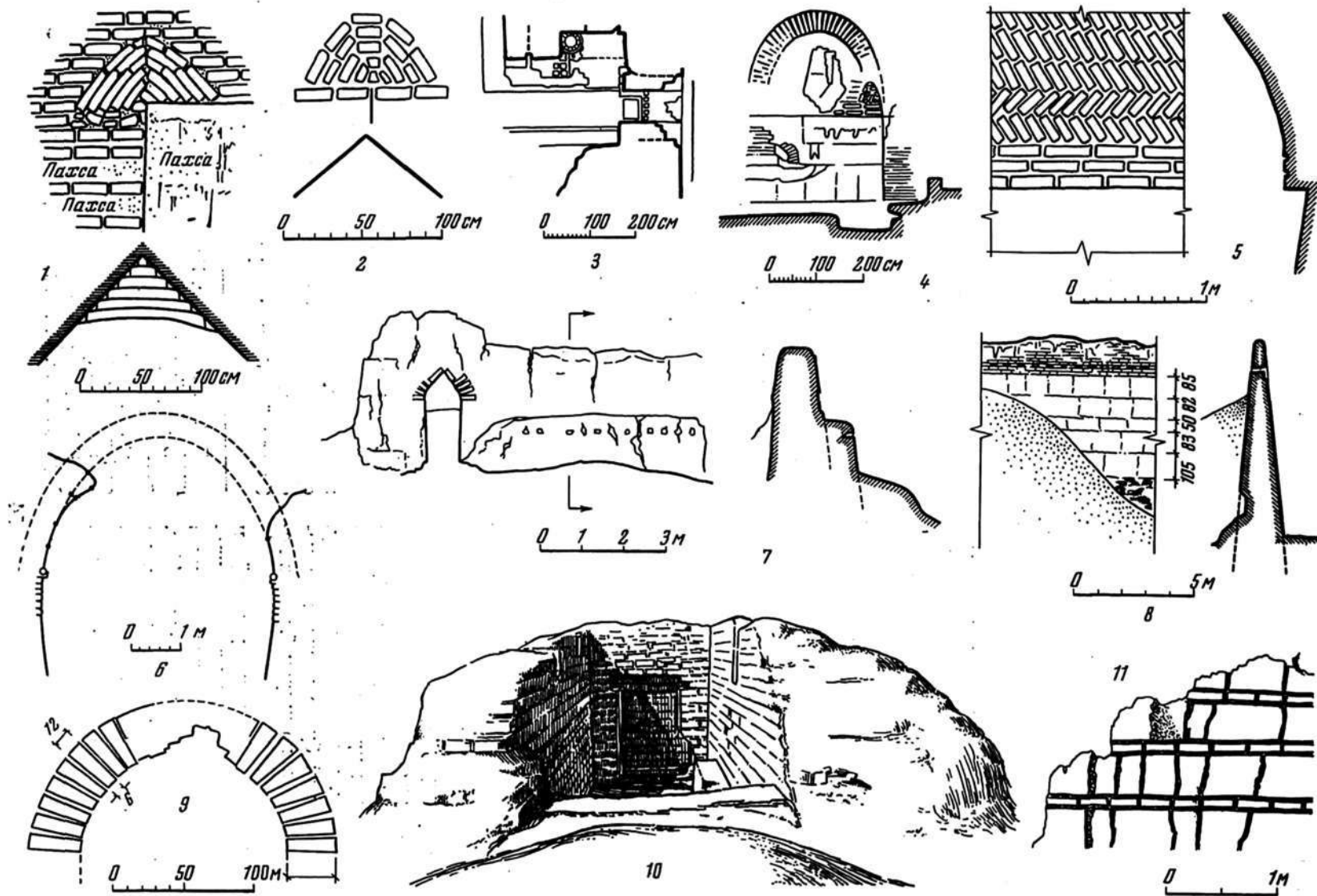


Рис. 29. Детали укреплений и строительных конструкций

1 — тропь купольного сооружения в замке № 36, 2 — тропь полукупола доджона в замке № 8, 3 — план раскопа в замке № 8, 4 — полукупол доджона в замке № 8, 5 — конструкция и очертания свода в замке № 28, 6 — очертания свода в доджоне замка № 30, 7 — разрез и фасад участка крепостной стены замка № 40, 8 — разрез и фасад крепостной стены замка № 60, 9 — арка в доджоне замка № 64, 10 — вход в замок № 12, 11 — детали кладки крепостной стены Уй-калы

Бойницы в стенах усадеб, даже в самых крупных, делались редко. Например, из обследованных 50 усадеб (на участке между Кум-Баскан-калой и Уй-калой) только в стенах шести были бойницы — всегда щелевидные плоско-перекрытые.

Незначительная толщина верха стен большинства усадеб исключает возможность сооружения помостов для стрелков. Возможно, что для этой цели могли использоваться крыши прилегающих к стене построек: кое-где на внутренних фасадах стен видны гнезда от балок, расположенные на 1,2—1,5 м ниже края стены, который, таким образом, возвышался над крышами не более чем нужно, чтоб обеспечить возможность стрельбы из лука (см. рис. 29, 7, 8). Кроме того, оттуда безусловно можно было сбрасывать на врага камни, лить смолу и т. д.

Оборонительные башни в рядовых усадьбах оазиса — явление очень редкое. Действительно примерно из 100 известных нам усадеб¹⁷ только 14 с оборонительными башнями, причем из этих 14 девять относятся к категории крупных и крупнейших, таких, как Беркут-кала, Уй-кала и др. Строительство донжонов не меняло картины и, таким образом, рядовые усадьбы оазиса нельзя назвать хорошо укрепленными, во всяком случае их оборонные средства были гораздо примитивнее, чем в крупных усадьбах — в тех центрах оазиса, о которых мы говорили в первой главе (Беркут-кала, Уй-кала, Кум-Баскан-кала, Тешик-кала и Ат-сыз). Сильно был укреплен и замок № 32, хотя в нем отсутствовал донжон.

При строительстве крупнейших замков оазиса прежде всего тщательно выбирался участок: если отсутствовали естественные возвышенности, замки строили на буграх, в которые превратились разрушившиеся древние постройки. Мы видели выше, что Беркут-кала расположена на развалинах античной крепости, в основе Уй-калы (и Якке-Парсана в соседнем оазисе) также находятся остатки античных поселений. Не исключено, что наиболее крупные замки оазиса были окружены рвами, подобно Якке-Парсану, который возвышался как будто посреди искусственного озера — настолько широк был ров вокруг него.

Использование естественных условий и искусственного заболачивания для защиты крепости очень широко применялось в древности, в частности в Средней Азии и в Хорезме. Так, Пиль-кала, построенная в античную эпоху, но продолжавшая жить в афригидский период,

¹⁷ Всюду идет речь только об участке от Кум-Баскан-калы до Уй-калы, как лучше сохранившемся и обследованном.

окружена болотом, через которое можно было попасть в крепость по единственной узкой тропе¹⁸.

Болотные городища — Кескен-куюк-кала, Джанкент-кала, Куюк-кала — располагались по берегам протоков, пересекающих местность, ограниченную с севера Сыр-Дарьей, с запада — Аральским морем, с юго-востока — болотистыми плавнями староречья Куван-Дарьи¹⁹. Город Тараб, расположенный в Бухарской области и состоящий из цитадели и зародыша шахристана в виде двух небольших поселений, был окружен широким рвом, через который попадали в город по узкой дамбе, ведущей к входу²⁰.

В известном рассказе Ибн-Факиха (X в.) содержатся сведения об обеспечении безопасности города путем заболачивания окружающей местности²¹.

В крупных замках Беркут-калинского оазиса вдоль стен обычно располагалось по несколько башен, причем последние часто были двухэтажными (в Беркут-кале — рис. 31, 3, 4, — Кум-Баскан-кале, Тешик-кале). Башни круглой или овальной формы и всегда закрытого типа, т. е. общались с соседними постройками через дверной проем. В. Л. Воронина в своей работе, посвященной некоторым вопросам среднеазиатской фортификации, отмечает, что для средневековья более характерны башни открытого типа, нежели закрытого²². Проведенное нами сплошное обследование Беркут-калинского оазиса позволяет утверждать, что башни открытого типа в нем не встречаются. Любой, особенно крупный, замок строился с тем расчетом, чтобы можно было продолжать обороняться и тогда, когда враг прорвется внутрь. Этому способствовало широкое применение деревянных лестниц; затрудненный доступ в башни преследовал те же цели.

Остановимся на описании укреплений наиболее крупных замков оазиса.

Замок Беркут-калы — в плане квадрат размерами 100×100 м окружен стенами, возвышающимися над поверхностью внутри замка на 10,48 м. Имея в основании 2,5 м ширины, они суживаются кверху до 0,8 и 0,9 м. Стены построены из пахсы, надрезанной на блоки ромбической формы размерами 1,3×0,7 м,

¹⁸ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 21.

¹⁹ В. А. Лавров. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950, стр. 14.

²⁰ А. Н. Бернштам. Памятники старины Талаской долины. Алма-Ата, 1941, стр. 10.

²¹ Там же, стр. 60.

²² В. Л. Воронина. Из истории среднеазиатской фортификации. СА, 1964, № 2, стр. 48.

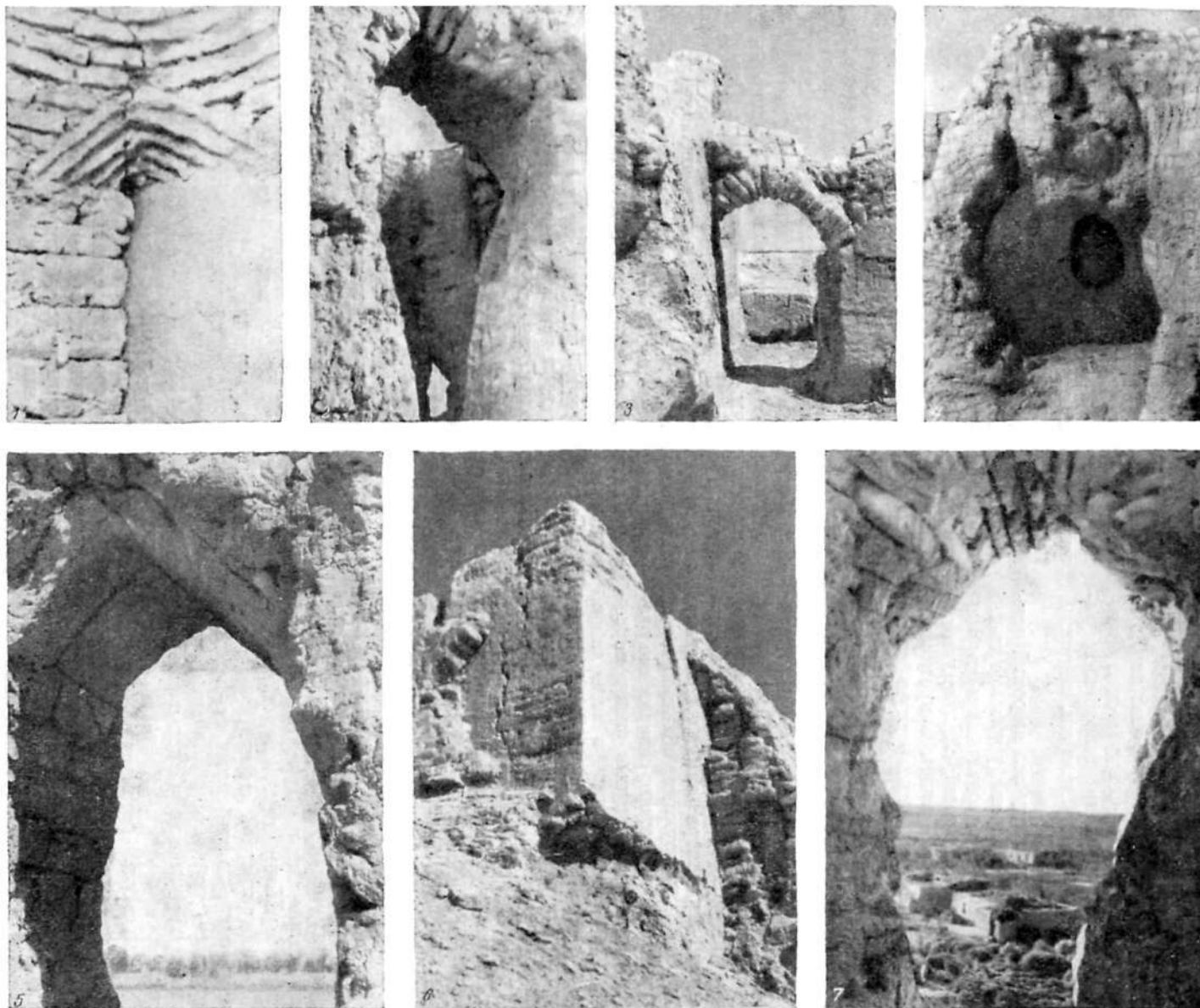


Рис. 30. Детали укреплений и строительных конструкций

1 — тропи в купольном помещении замка № 36, 2 — арочный проем в замке № 64, 3 — арочный проем в замке № 34, 4 — полукупол замка № 8,
5 — арочный вход в замке № 40, 6 — башня Уй-калы, 7 — арочный проем в северо-западной башне Беркут-калы

0,7×0,8 м, 0,8×0,9 м, причем нижние ряды состоят из более крупных блоков.

Развалины античного городка, на которых воздвигнут замок, выступают за его границы на 5—7 м, возвышаясь над примыкающими, еще не распаханными такырами более чем на 7,5 м. Четыре башни защищали каждую стену замка, кроме южной, в середине которой находился вход, а в углу — высокий донжон, поднятый на 8-метровый цоколь.

Из центра двора ко входу вел широкий пандус (впоследствии заложенный) длиной около 14 м и шириной 3,8 м, подходивший к кирпичной лестнице из семи ступеней, с площадки которой через 2,5-метровый проем в крепостной стене можно было попасть в квадратную башню, вернее квадратное предвратное сооружение, и оттуда, опять по пандусу, — в город. Второй пандус был построен в лучших традициях античной фортификации: войны, взбиравшиеся по нему, были обращены правым, незащищенным плечом к башне, стену которой он огибал. Замок перестраивался²³, в результате чего вход был сужен до 1 м, вместо пандуса, подводившего к нему из центра замка, возведены какие-то другие конструкции, облик которых не совсем понятен, так как они совершенно разрушены. Кирпичные крепостные стены первоначального замка сохранились в виде валов, тянущихся у основания новых пахсовых по периметру замка и с внутренней его стороны, причем выходы из башен вели на гребень этих валов. У западной стены поверх упомянутых кирпичных остатков старой крепостной стены лежат ряды пахсы, постепенно повышающиеся к северо-западному углу замка так, что оказываются примерно на одном уровне с площадкой верхнего этажа башни. Нужно полагать, что пахсовые блоки положены специально в целях усиления обороны стены, но конкретный смысл этого сооружения остался не вполне ясным, так как весь северо-западный угол замка засыпан огромным барханом, почти перехлестнувшим через верх крепостной стены.

Все башни замка двухэтажны, но верхний этаж сохранился относительно хорошо только в северо-западной угловой. Основываясь на данных сопоставления уровней, можно думать, что башни у разных стен различались не только формой (вдоль восточной стены — круглые, вдоль западной — овальные), но и высотой этажей. Так, в частности, в северо-западной высота помещений в обоих этажах достигала 5 м; в то время как у средних башен западной

стены самая высокая точка купола перекрытия нижнего этажа не должна была превышать 3,5 м, верхнего — 4 м. Бойницы в башнях расположены таким образом, что из них можно было простреливать все ближайшее, прилегающее к стенам крепости, пространство. В этом легко убедиться на примере северо-западной башни, где, как уже сказано, уцелели оба этажа. В верхнем — стены прорезаны пятью стреловидными бойницами, в нижнем — двенадцатью щелевидными, расположенными в два ряда в шахматном порядке (см. рис. 31, 3, 4). Бойницы имеют ширину 20 см и высоту изнутри около 30 см, снаружи — около 1 м. Направление двух крайних бойниц первого этажа строго параллельно направлению стены, в верхнем же этаже этой параллельности уже нет. Учитывая, что башни расположены часто, через 25 м (следуя Витрувию, расстояние между ними не должно превышать убойной дальности полета стрелы), можно полагать, что фланговый обстрел из бойниц надежно защищал подступы к замку. К тому же в Беркут-кале он сочетался с фронтальным обстрелом из-за венчания стен: толщина крепостных стен позволяла устроить парапет для бойцов. Остатки его заметны на поверхности северной стены замка на уровне около 9 м от основания стены.

Большая высота крепости, верх стен и донжона которой возвышаются над окружающей местностью более чем на 20 м, позволяла ее защитникам вести надзор из-за зубцов крепостных укреплений и из бойниц верхних этажей башен за дальними подступами к замку. Из бойниц нижних этажей контролировалось пространство между замком и низкой стеной — барьером, поставленным на краю выступающей за линию стен площадки — бермы. В этой стенке также были щелевидные бойницы (см. рис. 31, 5).

Выносные стенки — барьеры отмечены и в нескольких других замках — Кум-Баскан-кале, Якке-Парсане, замках № 13 и 32. Классическим примером сооружений, окруженных несколькими рядами стен, может служить замок Африга в Ал-Фире, как его описывает Бирруни: «Ал-Фир — крепость на краю города Хорезма, построенная из глины и сырцового кирпича в виде трех укреплений, одно внутри другого. Они следовали друг за другом в отношении высоты, а выше всех были дворцы царей, наподобие Гумдана в Йемене, когда он был местопребыванием тоббов»²⁴.

²³ Е. Е. Неразлик. Раскопки в Беркут-калинском оазисе в 1953—1956 гг. МХЭ, вып. 1, М., 1959, стр. 98—100 и сл.

²⁴ Бирруни. Памятники минувших поколений. Избранные произведения, т. I. Ташкент, 1957, стр. 48.

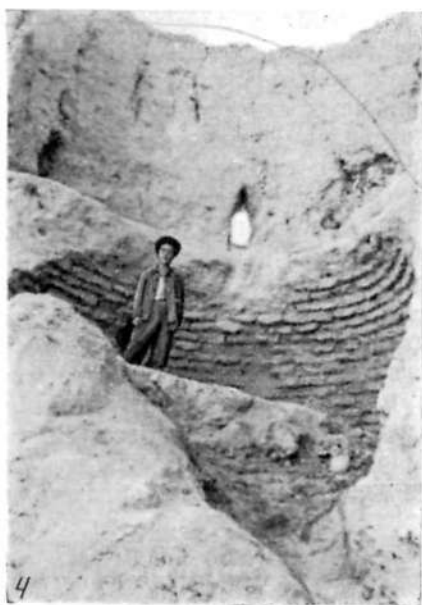
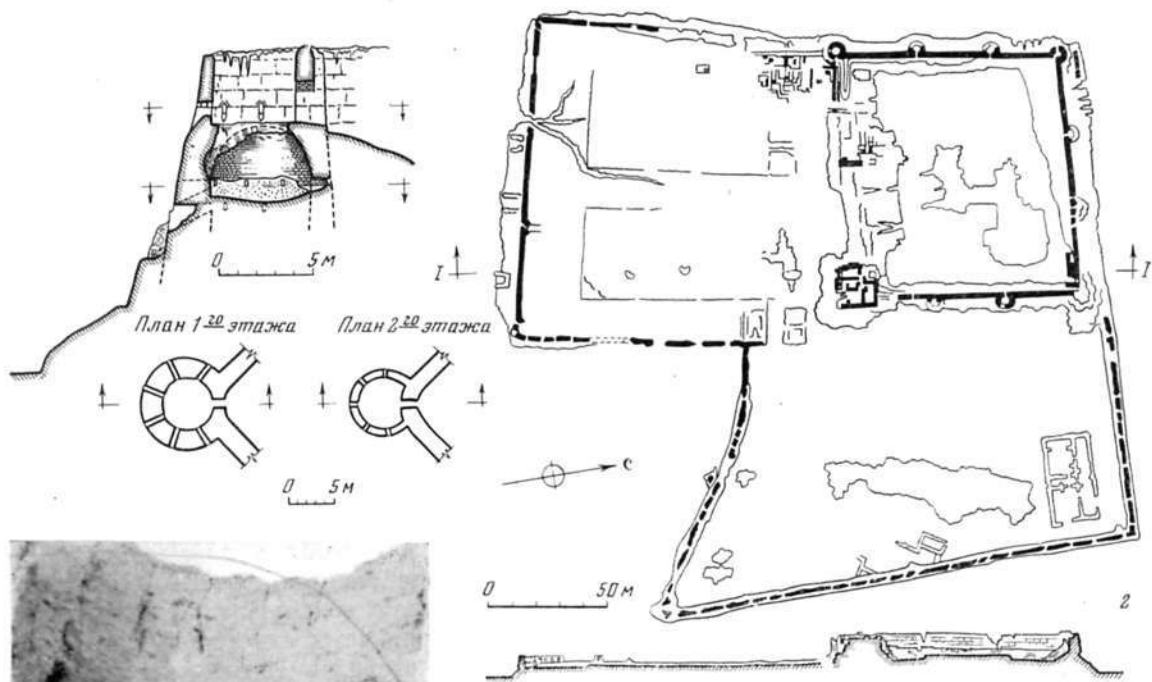


Рис. 31. Беркут-кала

1 — общий вид с восточной стороны, 2 — план крепости, 3, 4 — северо-западная башня, 5 — северо-западная башня и предстенный барьер

Строительство дополнительных низких стенок — барьеров известно в фортификационном искусстве с глубокой древности. В странах Ближнего и Среднего Востока крупнейшие древние города окружались двойными и тройными линиями стен (Сузы, Вавилон, Экбатаны, Ашур и др.)²⁵. Двойной и тройной линией стен обведены и многие среднеазиатские укрепления²⁶. Низкие барьерные стенки защищали основания крепостных стен от действия стенобитных машин. Этой же цели служили и скошенные цоколи стен. В Гяур-кале Султан-Уиздагской при помощи насыпи на платформе был придан уклон основаниям стен²⁷. В Пенджикенте основание стены вынесено наружу и образует нечто вроде ступеньки или бермы²⁸. Такая скошенность цоколя несколько уменьшала также «мертвое пространство», образовавшееся у подножия стен.

В замках Беркут-калинского оазиса этой цели служила усеченно-пирамидальная форма цоколей донжонов. Иногда и основаниям крепостных стен придавалась форма цоколя посредством приставных паховых блоков, что явно преследовало те же цели (усадебка № 74).

Таким образом, оборонительные сооружения замка Беркут-калы состояли из ряда связанных между собой звеньев: с парапета можно было попасть в верхние этажи башен и в донжон, а оттуда через узкий лестничный ход в толще цоколя — в город. В то же время в случае необходимости их легко можно было разъединить, так как сообщение между отдельными опорными пунктами обороны поддерживалось главным образом при помощи переносных лестниц. Только подобным способом могла осуществляться связь между этажами в башнях; кроме того, при помощи приставных лестниц можно было попасть в нижний этаж башен у западной стены, поскольку поверхность вала, остатка ранней крепостной стены, превышала уровень пола в башнях на 1,75 м.

Нужно сказать, что лестницы вообще играли важную роль в обороне усадеб оазиса. Например, в предвратном сооружении замка № 30 бойницы расположены так высоко над поверхностью внутри него (свыше 4 м), что пользо-

ваться ими можно было только при помощи лестниц или специальных помостов. Может быть это и не представляло особого удобства, но зато имело ту выгодную сторону, что бойницы были трудно доступны врагу в случае осады. Следовательно, хорошо связанные между собой звенья обороны замка Беркут-калы при прорыве врага в замок могли быть быстро разобщены и превращались каждое в изолированный пункт, продолжавший защиту даже тогда, когда остальные уже были захвачены. Поэтому были удобны башни закрытой формы, сообщение с которыми велось через узкий проем. Точно такое же устройство башен и большое использование лестниц отмечают С. А. Трудновская и Ю. А. Рапопорт, анализируя принципы, положенные в основу укрепления Гяур-калы на Султан-Уиздаге²⁹.

Укрепления Уй-калы и Тешик-калы не представляют ничего нового сравнительно с Беркут-калой; в целом они защищены слабее.

В Тешик-кале при той же протяженности стен, что и в Беркут-кале, есть только угловые башни, промежуточные отсутствуют, и поэтому предстенное пространство менее надежно контролировалось. В какой-то мере отсутствие средних башен компенсировалось, по-видимому, фронтальным обстрелом из-за парапета, с открытого хода для стрелков, следы которого видны на высоте 8 м от основания стены; на этом уровне ее толщина превышала 2 м.

В Уй-кале такого открытого валганга, видимо, не было ввиду небольшой толщины крепостных стен, не достигавшей и 1 м на той высоте, на которой в Тешик-кале отмечены остатки парапета. В остальном Уй-калы была довольно хорошо укреплена. Развалины античного поселения, на котором она была построена, послужили своего рода фундаментом. Края его выступали за линию стен Уй-калы как бы мощным глинобитным цоколем, неприступным для стенобитных машин. Каждая сторона замка защищалась тремя башнями, а вход находился между донжоном и башенкой для перекидного мостика. Кроме того, в этом месте за линию стен выступало прямоугольное предвратное сооружение, и, таким образом, вход в замок имел многоступенчатую оборону (рис. 32).

Те же принципы положены в основу укрепления Кум-Баскан-калы, которая раскопкам не подвергалась и поэтому изучена значительно меньше Беркут-калы и Тешик-калы. Замок Кум-Баскан-калы чуть больше беркут-калинского:

²⁵ В. Ф. Шперк. История фортификации, т. I, стр. 140—142.

²⁶ В. Л. Воронина. Раннесредневековый город Средней Азии. СА, 1959, № 1, стр. 95; М. Г. Воробьева, М. С. Лапиров-Скобло, Е. Е. Неразик. Археологические работы в Хазараспе в 1958—1960 гг. МХЭ, вып. 6, М., 1963, стр. 190, 191, 195, 196.

²⁷ Ш. С. Ташходжаев. Разрез городской стены Гяур-калы. «Труды ЮТАКЭ», т. XII, 1963, стр. 103.

²⁸ В. Л. Воронина. Раннесредневековый город... стр. 94.

²⁹ Ю. А. Рапопорт, С. А. Трудновская. Городище Гяур-кала. ТХЭ, т. II, М., 1959, стр. 352.

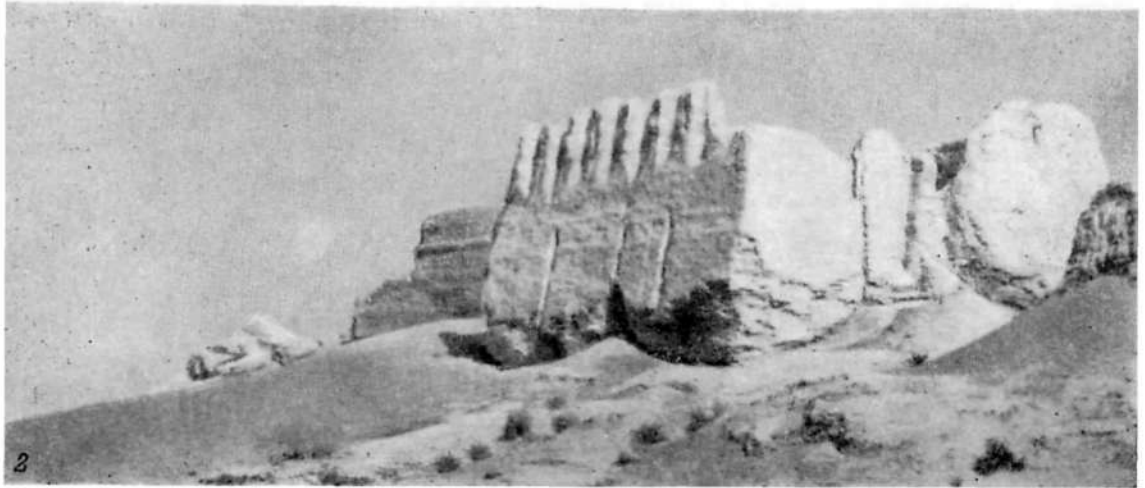
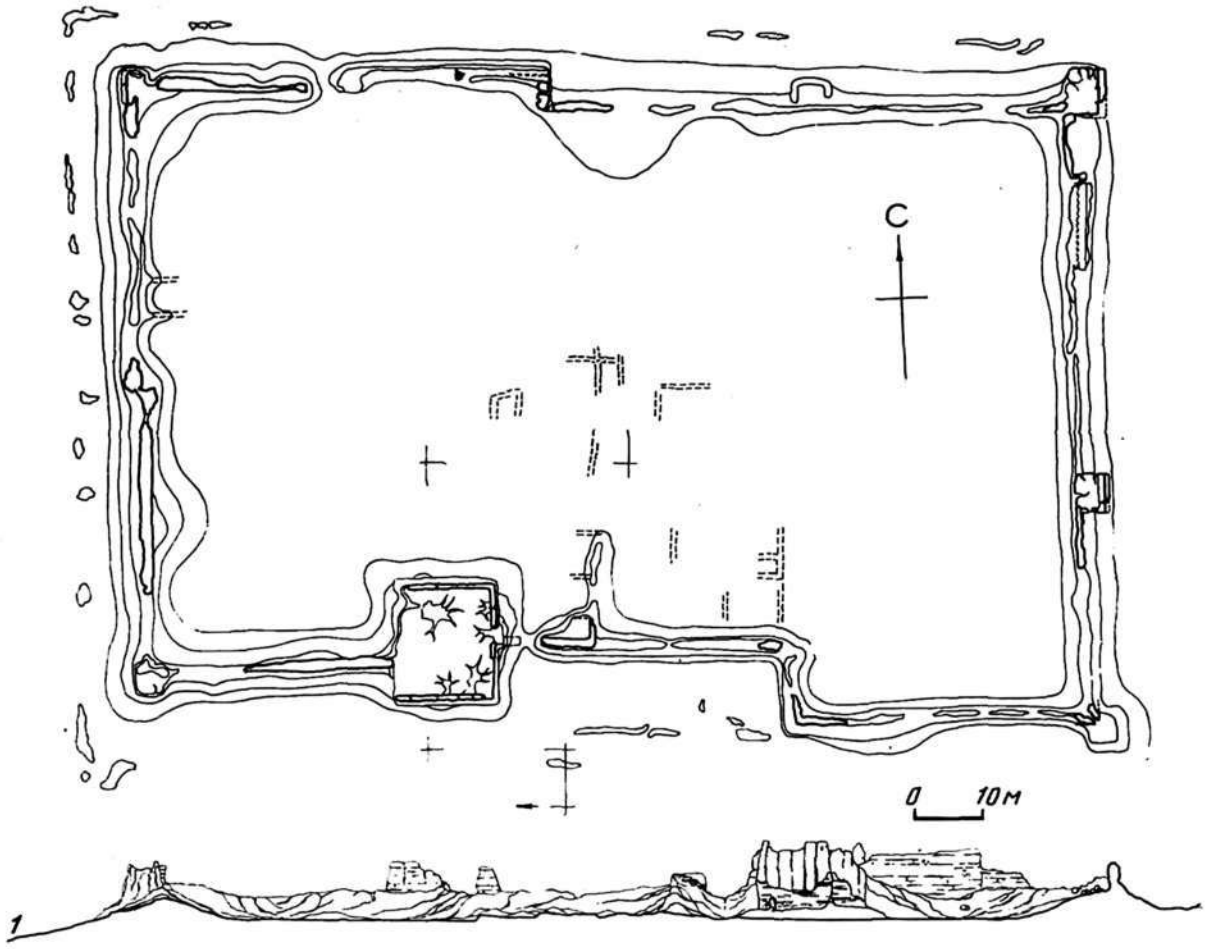


Рис. 32. Уй-кала

1 — план и разрез, 2 — вид с юга на донжон

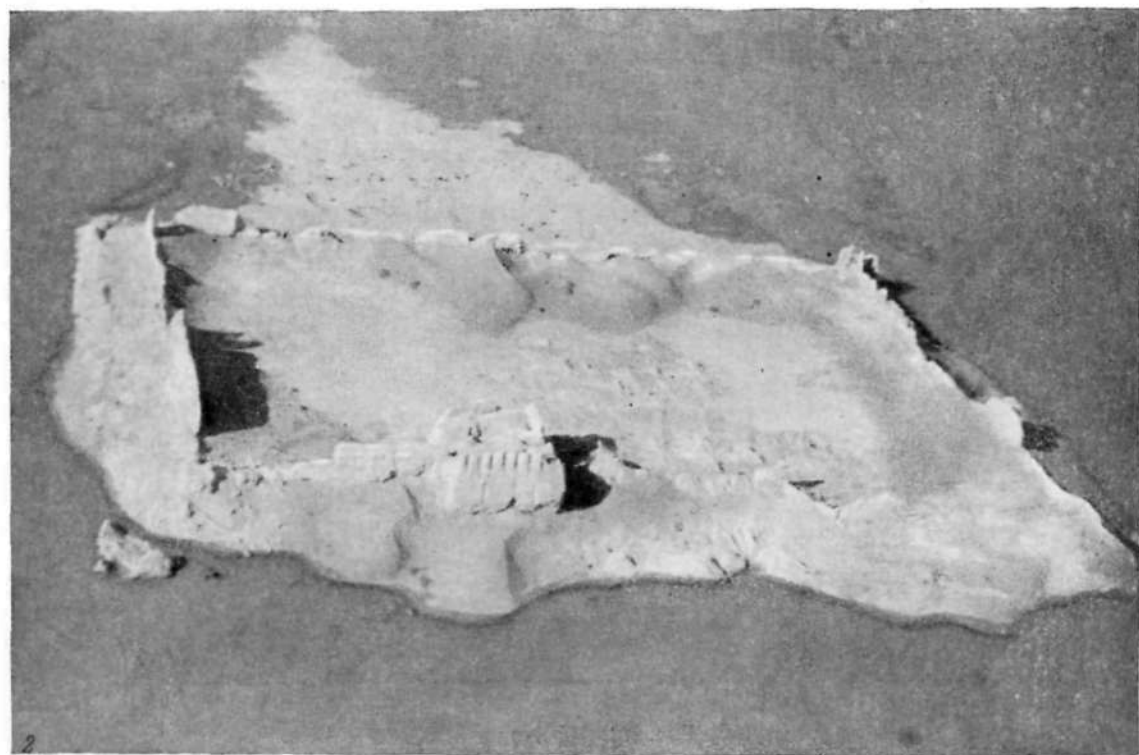


Рис. 32а. Уй-кала

1 — восточная стена с башнями, 2 — вид с воздуха

его площадь равна 110×115 м, каждая из сторон защищалась пятью башнями. Угловые, направленные так, что их ось является продолжением диагонали замка (это характерно для расположения угловых башен также и в Беркут-кале и других усадьбах оазиса), выступают за линию стен на 10 м (рис. 33, 1, 34, 2). Сохранившись в высоту более чем на 8 м, они имеют вытянутые подковообразные очертания. Размеры башен понизу $13 \times 10,5$ м. Угловые башни были, безусловно, двухэтажными, но без раскопок определить высоту каждого этажа невозможно.

Строительным материалом служили пахса и кирпич; нижние этажи и частично верхние возводились из пахсы, а затем кладка велась из кирпичей обычного для рассматриваемой эпохи стандарта — $37 \times 37 \times 9$ (8) см. Стены верхнего этажа прорезаны десятью щелевидными бойницами шириной 12—15 см, высотой изнутри 60 см. Уклон их дна равен 35° . Направление бойниц в передней части башни перпендикулярно стене, расположенных у края — ей параллельно (как это мы видели и в башнях Беркут-калы). Из бойниц нижнего этажа уцелела лишь одна; она, в отличие от верхних, — стрельчатых очертаний, и, кроме того, верхняя и нижняя плоскости ее наклонны. Все башни, входившие в систему обороны замка, были закрытого типа.

Вход находился между донжоном и башней, стоящей против него. Донжон — монументальное сооружение — поднят на пахсовый цоколь и состоит из нескольких комнат; одна из них была перекрыта куполом. Вход в поселение, примыкающее к замку и обведенное стеной, оборонялся двумя пилообразными башнями. Оборону замка усиливал предстенный барьер.

Таким образом, и в Кум-Баскан-кале важнейшую роль в обороне играли башни, расположенные часто (через 30 м) и хорошо «проглядывавшие» из довольно многочисленных бойниц дальние и ближние подступы к стенам. Однако Беркут-кала, несомненно, была более неприступной.

Весьма продуманной представляется система укреплений Якке-Парсана, соединявшая в себе многие из важнейших известных в то время в военном искусстве приемов. Прежде всего следует отметить глубину обороны замка; чтобы добраться до донжона, находившегося в его центре, противник должен был преодолеть несколько препятствий. Первым из них был широкий 23-метровый ров, по внутреннему краю которого шла низкая стенка. Далее через промежуток в 15—20 м следовала вторая, основная двойная крепостная стена с башнями, внутри

которой заключена обходная стрелковая галерея³⁰.

И, наконец, всю систему увенчивал большой восьмикомнатный донжон, высота которого превышала 15 м при высоте цоколя, равной 9 м. По расположению, внешнему оформлению и внутренней планировке донжон Якке-Парсана очень похож на донжон Тешик-калы. На примере этих двух зданий удобнее всего показать, что представляли собой донжоны крупных замков в фортификационном отношении.

Донжоны строились в основном для жилья и состояли из жилых и хозяйственных помещений. В донжонах Тешик-калы и Якке-Парсана были колодцы — на случай долговременной осады. Сообщались донжоны с остальными постройками замков посредством перекидного мостика, и в случае, если он был поднят или уничтожен, мощные здания на высоких глинобитных цоколях становились совершенно неприступными для врага. В большинстве крупных многокомнатных донжонов в стенах есть бойницы — почти всегда узкие, щелевидные, расположенные в один ряд или в шахматном порядке (замок № 36). Внешние же стены центральных зданий Тешик-калы и Якке-Парсана снабжены ложными бойницами, рассчитанными главным образом на чисто декоративный эффект. Способ защиты этих жилых башен менее понятен, поскольку они, таким образом, лишены возможности обороны подошвенным или навесным лучным боем, а это давало возможность противнику сосредоточиться для штурма в непосредственной близости от стены. Правда, наличие огромных, сильно скошенных цоколей уменьшает «мертвое пространство» у подножия донжонов, однако при этом предполагается обстрел сверху. В связи со всем сказанным обращает на себя внимание большая толщина стен центральной комнаты донжона Тешик-калы, могущих служить опорой для конструкций верхнего, второго, этажа. Это предположение подкрепляется открытием в стене одного, примыкавшего к центральному, помещения Адамли-калы³¹ (донжон которой также весьма сходен по планировке с описываемыми зданиями) узкой кирпичной лестницы, ведущей наверх (рис. 36). Возможно, что стены второго этажа не являлись прямым продолжением сырцовых стен первого, а были выполнены как легкая каркасная конструкция на основе деревянных стоек. Могло быть также, что второй этаж размещался лишь

³⁰ См.: Е. Е. Неразиков. Раскопки Якке-Парсана. МХЭ, вып. 7. М., 1963.

³¹ Материалы Хорезмской экспедиции о раскопках Адамли-калы. Дневник № 19 за 1962 г. Архив Хорезмской экспедиции АН СССР.

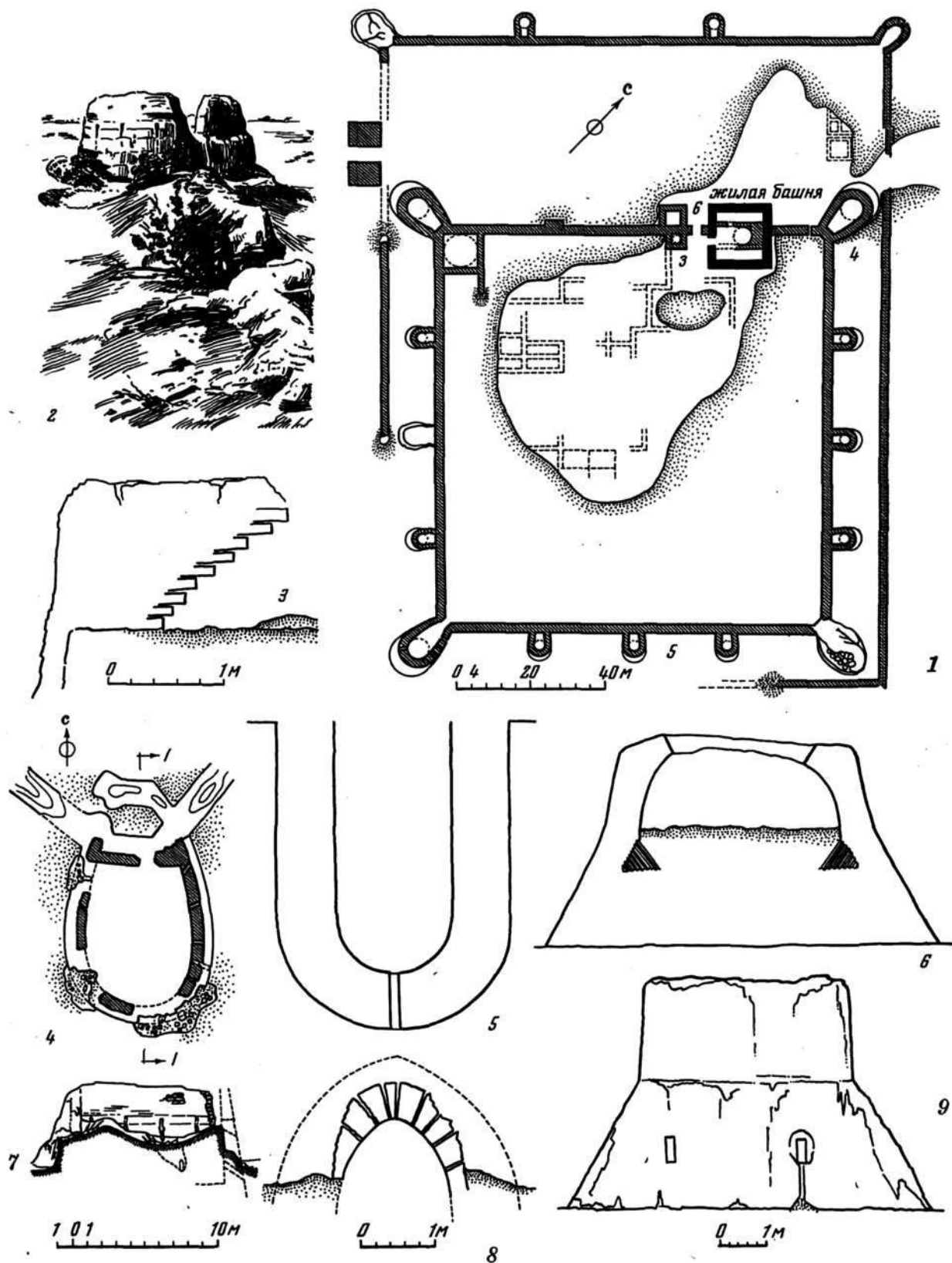


Рис. 33. Кум-Баскан-кала

1 — план, 2—9— башни и архитектурные детали (номер на плане соответствует номеру рисунка на таблице)



Рис. 34. Кум-Баскан-кала

1—общий вид северной стороны замка, 2—вид с воздуха, 3—северо-западная башня ограды, 4—общий вид



Рис. 35. Замок № 28, юго-восточная башня

над центральной частью нижнего³². Возможное существование второго этажа в донжоне Тешик-калы увеличивает уже отмеченное в литературе сходство его с кёшком, изображенным на Аниковском блюде³³, о происхождении которого до сих пор ведется спор³⁴. Замок на блюде изображен в момент осады, и это делает очень наглядной систему его обороны. Осажденные отстрели-

ваются из-за зубцов и с машикул. Последнее обстоятельство очень важно. Быть может, так ликвидировался тот существенный пробел в обороне донжонов Тешик-калы и Якке-Парсана, на который мы указали выше. Для обеспечения более гибкого и маневренного обстрела машикулы на изображении лишены каких-либо заграждений, защищающих верхнюю половину тела бойцов; вероятно, они обслуживались отборными стрелками, снабженными тяжелым защитным вооружением. Использование машикул далеко не новость в военном искусстве Востока: они были известны, например, в Египте уже в IV—III тысячелетиях до н. э.³⁵ Есть сведения об их применении и в средневековье; так, они зафиксированы в предвратных укреплениях города Jazd в центральном Иране, которые датируются XII—XIV вв., и в стенах, окружающих мавзолеей Olyetu³⁶.

Наличие донжона отличает укрепления усадьб VII—VIII вв. н. э. от ранних построек оазиса. В последующие эпохи средневековья эти башни больше не строились в сельских усадьбах

³² Именно таким способом был построен второй этаж в Балалык-тепе, обнаруживающем в этом смысле большое сходство с Тешик-калой. Помещения с облегченными конструкциями, предназначенные для летнего пребывания, отмечаются во втором этаже Джумалак-тепе.

См.: В. А. Нильсен. Сельские постройки раннего феодализма в Узбекистане. «Архитектурное наследие», 1964, № 17, стр. 178, рис. 1, стр. 183.

³³ А. И. Тереножкин. К истории искусства Хорезма. «Искусство», 1939, № 2; С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 192.

³⁴ Г. А. Пугаченкова. Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах. «Труды Института истории и археологии АН Узбекской ССР», 1950, т. II, стр. 54. Мы не вдаемся в подробности этой проблемы, скажем только, что огромный интерес для ее решения могут представить найденные в Якке-Парсанае обрывки текста на коже и палочке. По предварительным данным, сама манера письма, начертание букв сближают эти тексты с надписью на Аниковском блюде.

³⁵ В. Ф. Шперк. История фортификации, т. I, стр. 146.

³⁶ А. Роу. A Survey of Persian Art, v. II. New York, 1936, p. 1241.

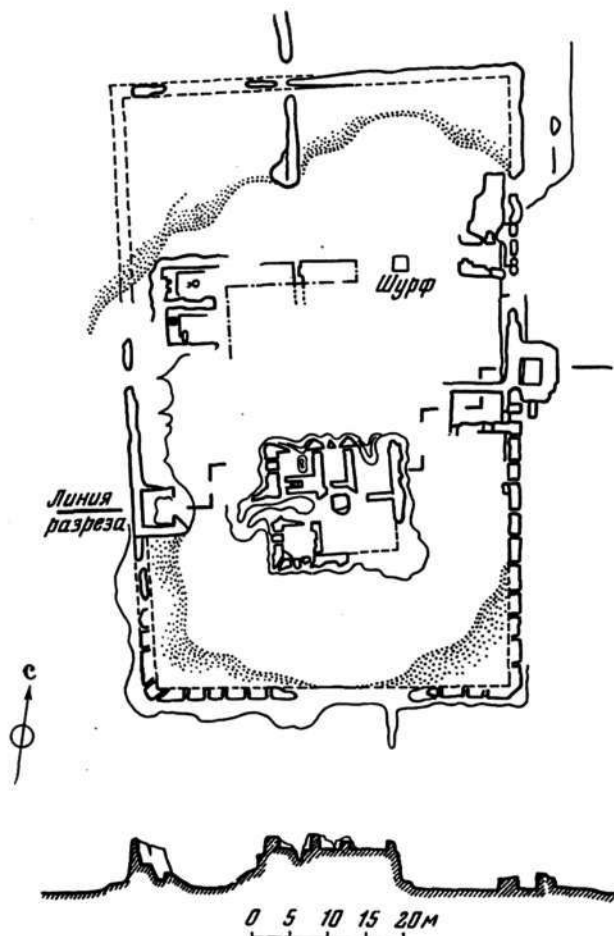


Рис. № 36. — Адамли-кала, план и разрез

Хорезма, которые опять, как и в предшествовавший афригидскому период, становятся неукрепленными.

Ниже мы остановимся на мысли С. П. Толстова, усматривающего в «каптар-хане» усадеб Кават-калинского оазиса вырождение идеи донжона в новых мирных условиях империи Великих Хорезмшахов³⁷. Сейчас мы привели это сопоставление для того, чтобы показать, что строительство донжонов — явление временное, вызванное особо суровыми условиями существования земледельцев. Междоусобицы крупных и мелких дикхан, усиленный натиск на свободу общин, осложнявшийся внешней угрозой нашествия турков и арабов, — все это, естественно, диктовало необходимость возведения укреплений. Самое мощное из них — донжоны — способно было противостоять действию стенобитных машин, боязнь которых и была, как нам

³⁷ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 164.

кажется, причиной их возведения, очень часто, как мы увидим ниже, поспешного. Трудно объяснить такое весьма трудоемкое предприятие, как сооружение цоколя, иначе как необходимостью обезопасить башню от пролома тараном, противопоставив ему сплошную массу вязкой глины.

До перестройки усадьбы оазиса были приспособлены только для отражения натиска кочевников или во всяком случае врагов, не владевших стенобитными орудиями, для которых стены сами по себе служили непреодолимым препятствием. Но эти постройки при незначительной толщине стен и отсутствии цоколей не могли противостоять стенобитным орудиям. И тот факт, что массовое строительство донжонов в оазисе приходилось именно на конец VII — начало VIII в. н. э., объясняется, как нам кажется, тем, что как раз в это время над Хорезмом нависла реальная угроза появления врага, владевшего мощными средствами нападения, — арабов.

Осадные орудия применялись на территории Средней Азии значительно раньше прихода арабов, например их использовал еще Александр Македонский³⁸. Что же касается арабского нашествия, то в источниках встречается множество указаний на использование этих орудий. Так, согласно Нершахи, во время первой попытки арабов завоевать Бухару «Убайдулла выстроил свои войска в боевой порядок и поставил стенобитные орудия»³⁹. Осадные машины применялись, по упоминанию Белазури, при завоевании Хорасана⁴⁰.

О широком использовании арабами осадных орудий говорит письмо владетеля Самарканда Гурека:

«...Тогда да-ши (арабы) осадили город; они поставили против стен триста стенобитных машин; в трех местах они вырыли большие траншеи; они хотели разрушить наш город и наше царство». Ат-Табари сообщает, что при этой же осаде были применены и камнеметные орудия — «маджаники», метавшие на город тяжелые камни⁴¹.

В цитированном выше письме Гурека интересно упоминание о том, что осаждавшие в трех местах вырыли большие траншеи. По-видимому, речь идет о подкопах. Нершахи, описывая осаду Пайкенда войсками Кутейбы-ибн-Муслима, так-

³⁸ Арриан. Поход Александра, IV, 3. М.—Л., 1962, стр. 134.

³⁹ Нершахи. История Бухары. Ташкент, 1897, стр. 90.

⁴⁰ МИТТ, т. I, стр. 65.

⁴¹ «История народов Узбекистана», т. I. Ташкент, 1950, стр. 162.

же говорит о подкопе, при помощи которого город был взят. Тот же прием использован при взятии крепости Нершах⁴². Есть известия о применении в осадной технике огня. Все эти сведения — свидетельство широкого применения арабами во время осады среднеазиатских городов и крепостей стенобитных машин, наряду с которыми применялись подкопы, поджоги и пр.

В том, что жители оазиса готовились к нападению врага, стремительно продвигавшегося к Хорезму, убеждает нас поспешность, с которой перестраиваются к рубежу VII—VIII вв. старые усадьбы. Строительство донжонов иногда приводило к ослаблению общей системы укрепления, поскольку главной задачей было создание укрытия от стенобитных машин, где можно отсидеться, спрятаться от грозного врага. Владельцы многих усадеб, перестраивая их, не рассчитывали, однако, на долговременную осаду, поскольку построенные ими здания не были к ней приспособлены, в отличие от монументальных сооружений типа донжонов Тешик-калы или Якке-Парсана. Наиболее отчетливо это видно на примере перестройки усадьбы № 28. Небольшие размеры усадьбы при наличии крупных, сравнительно с общими пропорциями замка, башен, выступающих за линию стен на 3,5 м, мощного предвратного сооружения, на описании которого мы уже останавливались, а также бойниц, прорезанных в стенах, создавали возможность прекрасной обороны⁴³. Перестройка донжона, происшедшая, судя по материалу, не раньше начала VIII в. н. э., свелась к тому, что все предвратное сооружение было забито плотной глиной примерно на половину его высоты и вместо него возник донжон на мощном пахсовом цоколе.

Кроме того, пахой же оказалось забито и все пространство между донжоном и угловой юго-восточной башней, к которой вплотную примыкал пахсовый массив, обведенный, видимо для удобства строительства, стенкой в толщину одного ряда кирпичей. При этом, естественно, юго-восточная башня не использовалась для защиты донжона; отсюда можно было только вести прострел пространства вдоль южной стены усадьбы. Вход был прорублен в противоположной, западной, стене и мог обороняться только с башен, непосредственно к нему не примыкавших, что ослабляло его защиту.

Упомянутая забивка глиной пространства между донжоном и башней может рассматриваться, видимо, как увеличение площади донжо-

на, которая могла быть недостаточной для того, чтобы вместить все население усадьбы, хотя жилой массив в последний период обитания в усадьбе и явно сократился. В донжоне не было колодца, его вообще не оказалось внутри замка, и поэтому обитатели явно не могли выдержать долговременную осаду, так же как и жители некоторых других усадеб (№ 74, 51, 40 и др.), донжоны которых были слишком малы, чтобы там могло длительное время жить все население замка да еще поместиться запасы пищи и воды.

Приведем для доказательства соотношения площадей донжонов и всей территории усадеб № 40, 74, 13: площадь первой 4900 м, площадь донжона, состоящего из одного помещения (возник в результате перестройки входа, как и в усадьбе № 74), — 27,9 м; во втором и третьем случаях соответственно 1520 и 84 м, 1184 и 46 м. При этом расчете мы исходим из проверенного раскопками предположения, что усадьбы были плотно застроены и представляли собой по существу сплошной дом-массив. Исключения возможны, но для избранных нами в качестве примера случаев мало вероятны.

Страх перед грозным противником был не напрасен: некоторым замкам пришлось подвергнуться действию стенобитных и камнеметных машин; так, огромные каменные глыбы, видимо разбившие участки стен, обнаружены в донжоне Тешик-калы.

Интересно было бы сравнить укрепления жилищ Беркут-калинского оазиса и сельских поселений на других территориях Средней Азии в VII—VIII вв. Выше мы показали, что отдельные укрепленные усадьбы существовали в то время во многих среднеазиатских областях, и «замковая» архитектура не является особенностью раннесредневекового Хорезма. Создается впечатление, что укрепления усадеб мало отличались от описанных нами. В горном Согде, в Бутаме, обследованы замки, окруженные двойной и тройной линией стен с цитаделью внутри⁴⁴. Часто в укрепленных усадьбах имелся донжон и иногда — перекидные мосты как средство сообщения с ним⁴⁵. По-видимому, замок Тали-Барзу в VII—VIII вв. мало отличался своими укреплениями от крупных усадеб Беркут-калинского оазиса⁴⁶. В Семиречье, в райо-

⁴⁴ А. Ю. Якубовский. Итоги работ Согдийско-Гаджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг. МИА, № 15, М.—Л., 1950, стр. 13, 16, 17, 22.

⁴⁵ Л. И. Альбаум. Балалык-тепе. Ташкент, 1960, стр. 115.

⁴⁶ Г. В. Григорьев. Тали-Барзу. «Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Эрмитажа», вып. II, Л., 1940, стр. 97.

⁴² Нершахи. История Бухары, стр. 90.

⁴³ Подробное описание замка см. в приложении.

нах согдийской колонизации А. Н. Бернштам обнаружил тот же тип расселения, что и в Беркут-калинском оазисе, — отдельными укрепленными усадьбами. Здания, к которым прилегали площадки (остатки дворовых построек), обнесенные стеной, были двухэтажными и состояли из сводчатых помещений, построенных из пахсы и сырца. В стенах нижнего этажа имеются бойницы⁴⁷. Наконец мы также упоминали выше поселения Каршинского оазиса, окруженные двумя линиями стен, с цитаделью⁴⁸. Число примеров можно было бы умножить, однако, так как все эти сельские усадьбы изучены несравненно меньше хорезмийских, мы должны ограничиться только констатацией сходных элементов. Но сейчас, на современном уровне знаний о системе укреплений раннесредневековых поселений Средней Азии, сопоставляя их в фортификационном отношении с хорезмийскими, нельзя не остановиться на одной их особенности.

Речь идет о длинных стенах, которыми окружались среднеазиатские города с примыкающими к ним землями для защиты от набегов кочевников. Такие стены окружали древнебухарский оазис, Самарканд с его пригородами и другие согдийские земли, древний Ташкентский оазис и т. д.⁴⁹ Наиболее подробно обследовалась стена «Канпирак», окружавшая Бухарский оазис. Она была воздвигнута в VI в. н. э. и подновлялась в VIII—IX вв.⁵⁰ В «Истории Бухары» содержится рассказ об этом вторичном строительстве стены, что было вызвано, по приведенным Нершахи словам жителей Бухары, необходимостью защиты от тюрков: «Мы терпим бедствие от тюркских кафиров, которые постоянно неожиданно приходят и разрушают наши селения»⁵¹. Таким образом, стена должна была задержать кочевников, лишить их набег главной его силы — неожиданности. Башни, располагавшиеся, по словам Нершахи, через каждый километр, по-видимому, служили местом пребывания караульных постов, сообщавших о приближении врага и вызывавших помощь из окрестных селений.

Стены, подобные бухарской, в Хорезме на

протяжении всего времени работ Хорезмской экспедиции не обнаружены. Нет о них сообщений и в письменных источниках. Причина отсутствия в Хорезме «длинных стен» пока еще недостаточно ясна, однако благодаря работам, проведенным Каракалпакским филиалом АН УзССР в течение последних лет в низовьях Аму-Дарьи, где пролегла зона тесного контакта хорезмийцев с их кочевыми и полуоседлыми соседями, получены некоторые весьма интересные сведения о характере взаимоотношений Хорезма с этими племенами. Анализ этих сведений может внести ясность при решении поставленной задачи.

Эти исследования выявили цепь античных поселений, построенных на возвышенностях непосредственно вдоль берега Аму-Дарьи и поэтому контролировавших все нижнее течение реки. Установленная закономерность в расположении поселений послужила одним из главных оснований для предположения, что это пограничные крепости Хорезма⁵². Большинство поселений разрушено, и, учитывая величину площади распространения обломков керамики, можно только сказать, что они были крупных размеров. Токкала сохранилась лучше, и она действительно напоминает по архитектурно-фортификационным особенностям крепости Хорезма — Аяз-калу I и Гяур-калу Султан-Уиздагскую⁵³, которые были государственными военными укреплениями. Если все это так, то подступы к северным и северо-восточным границам античного Хорезма со стороны сырдарьинских степей прикрывались военными форпостами. Кроме того, возможно, что земли низовий Аму-Дарьи в то время (последние века до нашей эры — первые века нашей эры) были мало обжиты; во всяком случае исследователи этого района не упоминают о каких-либо других поселениях, кроме тех, которые они считают остатками пограничных крепостей. Не исключено поэтому, что вся зона, прилегавшая к Хорезму со стороны Аральского моря, была довольно безлюдной и опасность ожидалась с дальних границ.

Что же касается VII—VIII вв. н. э., то в это время в дельте располагалась обширная область Кердер⁵⁴, населенная племенами с весьма

⁴⁷ А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1943, стр. 55, 56.

⁴⁸ С. К. Кабанов. Археологические данные по истории Нахшеба в III—V вв. ВДИ, 1956, № 2, стр. 164.

⁴⁹ Х. Мухамедов. Из истории древних оборонительных стен вокруг оазисов Узбекистана. «Стена Канпирак» древнебухарского оазиса. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1961, стр. 4.

⁵⁰ Там же, стр. 22, 24.

⁵¹ Нершахи. История Бухары, стр. 46.

⁵² А. В. Гудкова, В. Н. Ягодина. Археологические исследования в правобережной части приаральской дельты Аму-Дарьи в 1958—1959 гг. МХЭ, вып. 6, М., 1963, стр. 267.

⁵³ Там же, стр. 256.

⁵⁴ С. П. Толстов. Города гузов. СЭ, 1947, № 3, стр. 77; В. Н. Ягодина. К вопросу о локализации Кердера. «Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР», 1963, № 2.

своеобразной культурой⁵⁵. Многие археологические данные говорят, что обитатели Кердера поддерживали прочные связи с Хорезмом, причем есть некоторые основания полагать, что эта

⁵⁵ А. В. Гудкова, В. Н. Ягодин. Указ. соч., стр. 267 сл.; Е. Е. Неразик, Ю. А. Рапопорт. Куюк-кала в 1956 г. МХЭ, вып. 1, М., 1959.

область входила (вероятно, не все время) в одно с ним государственное объединение⁵⁶. В таком случае надобность в оборонительных сооружениях на границе между обеими областями отпадает.

⁵⁶ В. Н. Ягодин. К вопросу о локализации Кердера, стр. 68.

ПЛАНИРОВКА И ВНУТРЕННИЙ ОБЛИК УСАДЕБ VII — VIII вв. н. э.

Крупные замки В литературе наметилась тенденция считать основным жильем в хорезмийских усадьбах VII—VIII вв. н. э. донжон, не делая различий между крупными усадьбами феодалов и мелкими, где жили рядовые общинники, хотя и в том и в другом случае это утверждение либо просто неверно, либо требует оговорок.

Например, В. А. Лавров пишет: «Население усадьбы — кеда состояло из главы дома «кедхуда», членов его семейства и родственников, живших в центральном жилом доме — кёшке, «кедиверов» — клиентов и «чакиров» — рабов. Хозяйственные постройки находились внутри стен усадьбы, окружавшей кёшк. Тут же размещалось и семейное кладбище»⁵⁷. В дальнейшем тексте более определено, чем в приведенном отрывке, указывается, что двор застроен жилыми помещениями слуг и хозяйственными постройками⁵⁸.

В. Л. Воронина также отмечает, что в хорезмийских раннесредневековых усадьбах «жилое помещение поставлено на высокой массивной платформе ...»⁵⁹, не делая никаких добавлений. Однако уже после первых лет работы в оазисе С. П. Толстов заметил, что донжоны в небольших замках использовались в мирное время в качестве хранилища, в военное — убежища⁶⁰. Это, как правило, маленькие двух-, трех- или даже однокомнатные здания. Что же касается многокомнатных донжонов в крупных замках (и в части небольших), то они действительно были жилыми, но там ввиду их сравнительно небольших размеров мог обитать только сам владелец замка и его ближайшие родственники, в то время как основная масса членов семейной общины (а не только рабы и слуги) размещалась внизу, в постройках, занимавших площадь между донжоном и крепостной стеной, плотно

застроенную, как показали раскопки, в значительной мере жилыми помещениями.

В основу планировки донжонов положена единая схема, осуществлявшаяся лишь с небольшими отклонениями: комнаты прямоугольных или квадратных очертаний группировались вокруг центральной, к которой подводил небольшой коридор. Уже давно отмечено, что эта схема была совершенно иной, чем нашедшая воплощение в согдийских раннесредневековых кёшках и цитаделях⁶¹. Такие здания, как замок на горе Муг⁶², казарма, пристроенная к цитадели Варахши⁶³, согдийский дом в районе Сарыга⁶⁴, цитадель Пенджикента⁶⁵, состоят из коридорообразных комнат, расположенных параллельно друг другу и соединенных одним коридором. Причина этой разницы пока еще не нашла удовлетворительного объяснения, хотя и выдвинуто заманчивое предположение о том, что она могла определяться не столько «локализацией архитектурных вкусов и строительных традиций», сколько семейно-бытовыми отношениями⁶⁶. Поиски в этом направлении весьма интересны, но они могут быть успешными лишь в том случае, если назначение комнат четко выяснено, что сделать пока удалось далеко не во всех

⁶¹ В. Л. Воронина. Изучение архитектуры древнего Пенджикента, МИА, № 15, М.—Л., 1950, стр. 190—191; В. А. Лавров. Указ. соч., стр. 44.

⁶² А. И. Васильев. Согдийский замок на горе Муг. «Согдийский сборник», Л., 1934.

⁶³ В. А. Нильсен. Варахшская цитадель. «Труды Института истории и археологии АН Узбекской ССР», т. VIII. Ташкент, 1956, стр. 49, рис. 5, стр. 87.

⁶⁴ А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии, стр. 56.

⁶⁵ В. Л. Воронина. Изучение архитектуры древнего Пенджикента, стр. 190.

⁶⁶ В. Л. Воронина. Изучение архитектуры древнего Пенджикента, стр. 191. Коридорная система предположительно расшифровывается В. Л. Ворониной так: каждую из комнат занимала отдельная парная семья, входящая в состав большесемейной общины. Кухня в таком случае должна быть вынесена во дворик помещения. Но тогда пришлось бы считать, что большая семья к VII—VIII вв. несколько не продвинулась в своем развитии со времен первобытнообщинного строя и раннеклассовых государств.

⁵⁷ В. А. Лавров. Указ. соч., стр. 39.

⁵⁸ Там же, стр. 40.

⁵⁹ В. Л. Воронина. Городище древнего Пенджикента как источник для истории зодчества. «Архитектурное наследство», 1957, № 8, стр. 125.

⁶⁰ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 132.

случаях. Кроме того, необходимо иметь в виду, что некоторые из согдийских построек были предназначены явно не для постоянного жилья, а для военных целей: здание, пристроенное к варахшской цитадели, было казармой⁶⁷, замок на горе Муг не был местом постоянного жилья, а лишь убежищем в случае военной угрозы. Это обстоятельство тоже могло найти отражение в специфике планировки.

В противоположность памятникам ранне-средневекового Согда замки Мерва, относящиеся к VI—VIII вв., по внешнему облику — высокие здания на пахсовом цоколе с «гофрированными» полуколонными стенами — и внутренней планировке сходны с синхронными хорезмийскими. В центре Большой Нагим-калы, Большой и Малой Кыз-калы, — квадратный зал с четырьмя расположенными попарно друг против друга нишами; вокруг него группируются разнообразные помещения⁶⁸.

В донжонах хорезмийских замков назначение комнат, окружавших центральную, всегда очень четко определяется. Рассмотрим это на примерах Тешик-калы, Якке-Парсана и замка № 92. План Тешик-калы хорошо известен, поэтому мы остановимся на его описании очень кратко.

С правой стороны от входа располагаются две смежные, сходные по плану жилые комнаты, с кирпичными неширокими суфами вдоль трех стен и кирпичными очажными выкладками в центре. Стены одной из них (№ 1) украшает глиняный фриз, в другой — глубокая ниша, обрамленная пилонами, — «почетное место», как считает С. П. Толстов, полагающий, что это была парадная приемная владельца замка⁶⁹.

С левой стороны от входа находились скромные по убранству комнаты (№ 5 и 3). Первая — с одной узкой лежанкой и закромами, наполненными растительными остатками, с ямами в полу — предназначалась для хозяйственных целей, может быть, здесь жили слуги. Вторая, на полу которой сохранились остатки навоза, могла служить хранилищем топлива. Восточный угол донжона занимало обширное хранилище с хумами, вкопанными в пол; их здесь было больше десяти. В западном углу находилась по существу одна комната (№ 6), часть которой была отгорожена и разделена тонкой кирпичной перегородкой на две «клетушки» — № 4а и 4б. В одной из «клетушек» открыта кирпич-

ная вымостка с вмазанным в нее большим сосудом; вероятно, это был тандыр. Другой очаг, выложенный из кирпичей, но настолько разрушенный, что конструкцию его восстановить невозможно, был сделан около суфы, построенной у восточной стены. Раскопки этого помещения позволили выяснить, что внутренняя планировка комнат донжона менялась и для их первоначального вида характерны суфы по всем стенам⁷⁰; однако составить сколько-нибудь полное представление о раннем облике здания не удалось.

Планировка донжона Якке-Парсана не отличается от вышеописанной: помещения группируются вокруг центрального, особая парадность которого подчеркнута перекрывавшим его куполом. Как и в Тешик-кале, четыре прохода соединяют эту комнату с соседними. Следует отметить своеобразную и нигде более в Средней Азии не зафиксированную их конструкцию — они двухтамбурные с тремя деревянными дверьми. В Тешик-кале эти проходы были сводчатыми.

Жилые комнаты располагались в северной части донжона Якке-Парсана; их было два, может быть, три (№ 5, 3 и 4 — ?) помещения. Внутренняя планировка хорошо сохранилась только в одной, занимавшей северо-восточный угол, так как она не перестраивалась. Подобно жилым тешик-калинским комнатам, вдоль трех ее стен устроены сравнительно узкие кирпичные суфы — лежанки, в середине расчищены остатки очага-кострища с двумя большими углублениями, заполненными золой. В юго-восточном углу помещались две хозяйственные комнаты — № 6 и 2. Одна (№ 6), хранилище, сплошь занята закромами, образованными пересекающимися кирпичными перегородками. В комнате № 2 был колодец. Его стенки, так же как и в колодце Тешик-калы, выложены сырцовыми кирпичами.

Помещения в обоих донжонах — обширные, просторные и высокие (например, в Якке-Парсанае их высота превышала 4 м) — были удобны для жилья. Глиняные фризы на стенах донжона Тешик-калы, высокие арочные проемы центрального зала — все это создавало впечатление парадности. Убранство помещений Якке-Парсана было скромное, хотя, впрочем, можно только догадываться обо всех его деталях, так как в здании бушевал пожар, после которого произвели ремонт; новая обмазка покрыла стены комнат, «мебель» внутри помещения тоже была изменена, хотя в процессе раскопок

⁶⁷ В. А. Нильсен. Варахшская цитадель, стр. 88.

⁶⁸ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. «Труды ЮТАКЭ», т. VI. М., 1958, стр. 141 и рис. на стр. 138.

⁶⁹ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 141.

⁷⁰ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 141.

удалось выяснить, какова она была до ремонта. Те же традиции сохраняются и в планировке других зданий, например донжона замка № 92, который, безусловно, являлся жильем дикхана, хотя сам памятник и не принадлежит к числу крупных по площади. В то же время архитектура донжона отличается некоторыми особенностями, выделяющими его из всех известных нам в оазисе построек. Напоминающая конструкция стен, всеми своими пропорциями и внутренней планировкой донжона на цоколях типа якке-парсанского и тешик-калинского, в действительности он такого огромного цоколя не имел. Помещения построены на паховой платформе, толщина которой не превышала 0,9 — 1,1 м. Кроме того, в угол здания встроена двухэтажная башня, защищавшая вход, и это придавало ему сходство с обычными усадьбами с донжоном только в миниатюре (рис. 38). Правда, если учесть, что над всеми остальными комнатами, судя по высоте внешних стен здания (около 8 м), тоже должен был быть второй этаж, башня не выделялась так в общем ансамбле, как это кажется теперь, когда все стены помещений разрушены почти до основания, но все-таки она представляла собой особое сооружение. От входа внутрь донжона шел довольно широкий коридор с колодцем и наклонным полом — пандусом. Коридор был значительно длиннее, чем обычные входные «вестибули» жилых башен, и заменял центральную комнату, которая здесь отсутствовала. Крутые короткие пандусы — по два в южной и северной стенах — вели в северные и южные ряды комнат. Вернее, у южной стены в последний период существования замка была всего одна комната, вытянувшаяся во всю длину крепостной стены (24 м). Одна ее часть, занимавшая юго-восточный угол, была жилой с суфой в форме буквы «Г» и кострищем-очагом; другая, в противоположном углу, служила хранилищем. У северной стены замка находилось два помещения — также хранилище (№ 6) и хозяйственное с двумя кирпичными суфами и тандыром возле одной из них. И, наконец, у западной стены донжона расположена еще одна комната, примыкавшая к торцу коридора с колодцем, лишенная каких-либо внутренних конструкций, с пятном кострища на полу.

Верхнее помещение в башне, частично сохранившееся над сводом, перекрывавшим нижнее, использовалось, судя по найденным там вещам, для хранения продуктов, нижнее было жилым — с кирпичной высокой суфой у западной стены и кострищем-очагом около нее. Замок перестраивался, приведенное описание относится к последнему периоду его жизни, хотя

перестройка, собственно, ничего принципиально нового в его планировку не внесла⁷¹.

Снаружи к стенам донжона примыкал ряд комнат жилого и хозяйственного назначения с тандырами и очагами, причем можно проследить, что площадь этой застройки постепенно расширялась: если вначале комнаты лепились на цоколе, выступающем за стены донжона, то с течением времени платформа была расширена и к первым помещениям пристраивались новые.

Упомянув о помещениях за пределами донжона, мы уже перешли, собственно говоря, к описанию построек во «дворах» крупных замков. Однако вопрос о том, что представляли собой эти «дворы», лучше рассмотреть на примере других памятников, так как замок № 92 лишен той обычной дворовой застройки, обведенной стеной, которая была в большинстве усадеб оазиса (за исключением отдельно стоящих зданий). В этом отношении характерны Тешик-кала и особенно Якке-Парсан, где вскрыто больше половины всей площади.

В Тешик-кале раскопан небольшой участок застройки между восточной крепостной стеной и донжоном, причем оказалось, что она разделена несколькими параллельными глухими стенами на ряд несообщающихся комплексов, или секций, состоящих из двух комнат и напоминавших, по образному сравнению С. П. Толстова, небольшие худжры. Секции вытянуты от крепостной стены к центру двора и очень единообразны по виду и, вероятно, назначению составлявших их помещений. Приведем описание некоторых из них.

Секция III⁷². Три стены помещения № 1, расположенного в торце секции, огибают кирпичные суфы, в центре на полу заметен след от кострища в виде округлого пятна диаметром 42 см. В комнате № 2 видны остатки кирпичных выгородок-закромов. В одном из углов были сконцентрированы сильно обожженные обломки толстостенного сосуда типа хумчи. Может быть, это развалившийся тандыр.

Секция IV. В торцевой комнате № 1 вдоль двух стен тянутся кирпичные суфы, на одной помещался очаг, сделанный из хума, похожий на тандыр. На полу — прокаленные докрасна обмазки, гарь и сажа от кострища с стремя углублениями, заполненными золой. Пол второй

⁷¹ Подробнее о планировке здания и его перестройке см.: Е. Е. Неразник. Раскопки в Беркут-калинском оазисе в 1953—1956 гг., стр. 110—113.

⁷² Описание составлено по дневнику и чертежам А. И. Тереножкина за 1938 г. Документы хранятся в архиве Хорезмской экспедиции АН СССР. Секциям по нашей терминологии соответствуют «помещение I» и т. п. дневников.

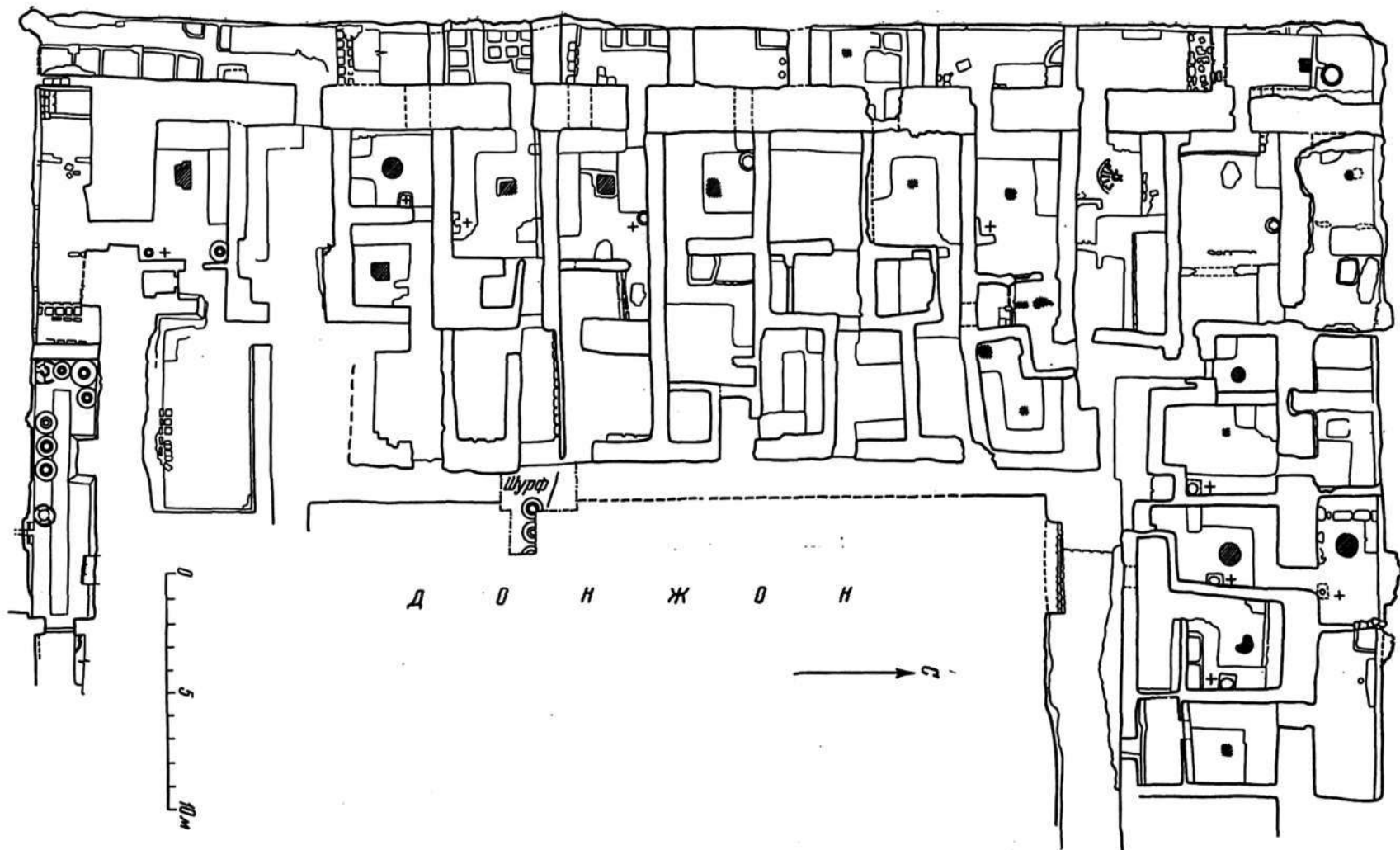


Рис. 37. Якке-Парсан, план вскрытой части застройки
(заштрихованы очаги, крестиком обозначены тандыры)

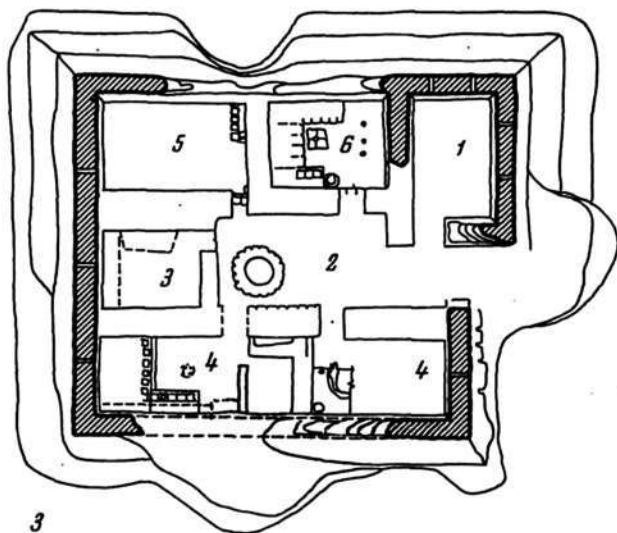
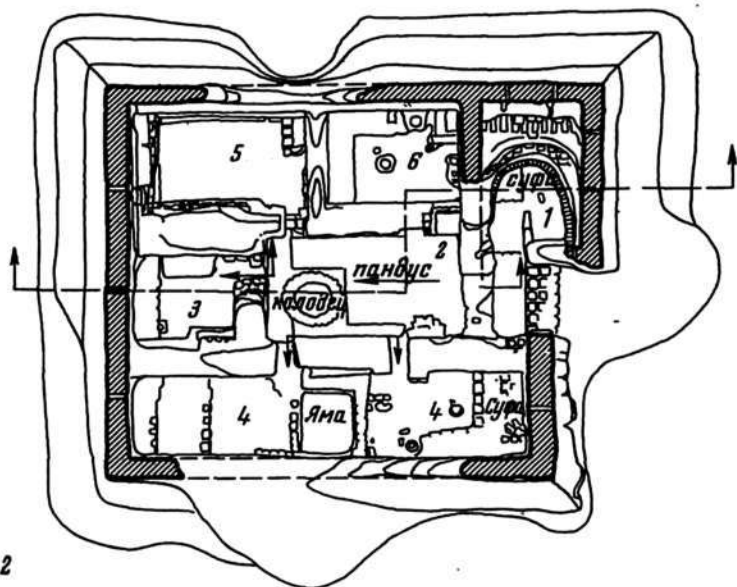
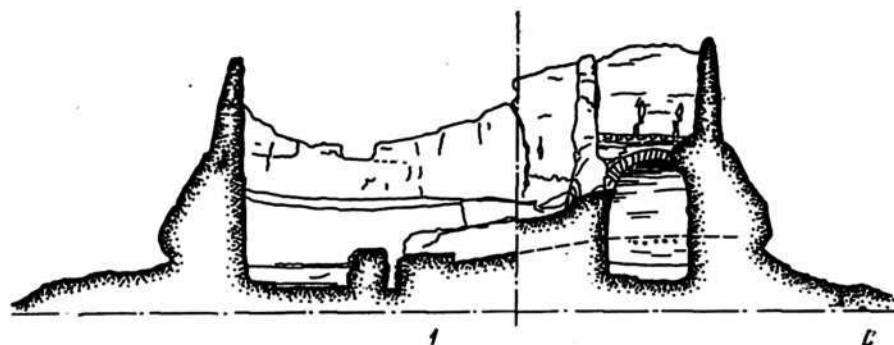


Рис. 38. Замок № 92:
 1 — разрез, 2 — план по верхнему
 горизонту, 3 — план по нижнему
 горизонту



Рис. 39. Замок № 92, общий вид

комнаты, лишенной внутренних сооружений, сплошь изрыт разного размера ямами. Часть из них, несомненно, осталась от стоявших здесь хумов.

Секция V. В торцовом помещении — суфы вдоль трех стен и кирпичная прямоугольная очажная выкладка с сильно обожженной поверхностью в центре. На одной из суф зафиксированы обломки раздробленного упавшей стеной тандыра, изготовленного из старой хумчи. В другом помещении пол сплошь изрыт большими и маленькими ямами. В нем также найдены обломки ручного каменного жернова и зернотерки.

Два неперечисленных нами комплекса (I и II) более разрушены, и планировка их менее определена. Отметим только, что в помещении № 2 секции I находились хумы, а в углу — остатки лестницы, сложенной из сырцового кирпича и ведущей наверх⁷³. Это обстоятельство приводит к предположению о существовании второго этажа в дворовых постройках Тешик-калы (во всяком случае в некоторых из них). Большая роль второго этажа в архитектуре раннесредневекового Согда хорошо показана В. Л. Ворониной⁷⁴ на материалах

Пенджикента. Раскопки афригидских замков как будто подтверждают это и в Хорезме.

Возвращаясь к описанным секциям Тешик-калы, мы видим, что в состав каждой из них входят жилое помещение и хранилище продовольственных запасов. Очень сходная картина обнаружилась при раскопках Якке-Парсана. Весь вскрытый участок (половина площади замка) оказался занятым сплошным жилым массивом, состоящим, как и в Тешик-кале, из отдельных комплексов, или секций, разделенных глухими параллельными стенами. Всего раскопано 16 таких секций⁷⁵.

В западной половине замка, более широкой, чем северная, в каждый комплекс входят три комнаты (см. рис. 37). Одна из них почти везде занята высокими закромами с кирпичными стенками, разделенными перегородками на отдельные ячейки, где хранились, судя по остаткам, джугара и просо. Такие закрома (по конструкции) еще совсем недавно, в первые десятилетия XX в., делали в своих домах жители долины Язгулем⁷⁶. В некоторых из хозяйственных комнат Якке-Парсана находилась суфа, иногда — очаг. В связи с тем, что эти ком-

⁷³ Дневник А. И. Тереножкина, 1938. Архив Хорезмской экспедиции, $\frac{33-1-m}{9}$.

⁷⁴ В. Л. Ворониная. Архитектурные памятники древнего Пенджикента. МИА, № 37, М.—Л., 1953, стр. 115; она же. Архитектура древнего Пенджикента. МИА, № 66, М.—Л., 1958, стр. 209.

⁷⁵ Часть из них еще не вскрыта до нужного уровня (помещения № 6 и 4, 15а, 24, 32 и 33, 18), чем объясняются некоторые, заметные на плане отклонения от общей схемы.

⁷⁶ Л. Ф. Моногарова. Материалы по этнографии язгулемцев. «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. 47. М., 1959, стр. 48.

наты-хранилища располагались у крепостной стены (они были устроены в разгороженном поперечными стенками нижнем этаже стрелковой галереи⁷⁷, сохранившейся в ряде случаев до пяти сводчатых перекрытий на высоту от 2 до 2,5 м), о них складывается значительно более полное представление, чем о комнатах у джона, гораздо более разрушенных. Так, в частности, впервые раскрыты фасады стен с несколькими небольшими прямоугольной или скругленной формы нишами; некоторые были закопчены: видимо, в них находился светильник.

Кроме хозяйственных, во все секции включены совершенно однотипные по плану помещения с двумя суфами и одним или несколькими очагами. Примерно в центре таких комнат находилась прямоугольная выкладка — очаг или кострище. В большинстве случаев около суфы или на ней помещался еще один очаг, сделанный из старой хумчи, обмазанной снаружи толстым слоем глины. Вокруг очагов, на полу обнаружено большое количество обломков кухонной посуды и ямки от сосудов, вкопанных в пол, фрагменты каменных ручных жерновов, глиняные пряслица, остатки различного металлического хозяйственного инвентаря.

В числе этих предметов — масса сосудов из тыквы — кабак, употребившихся до настоящего времени в быту народов Средней Азии, например у узбеков дельты Аму-Дарьи, для ношения воды, хранения масла и молока и называемых в зависимости от назначения су-кабак (для воды), тухум-кабак (для дынных семечек), катык-кабак (для кислого молока), май-кабак (для масла)⁷⁸.

Любопытно, что в стенах комнат совершенно отсутствуют крупные ниши, в которых могли складывать, как это делают теперь, различные бытовые вещи, например одеяла, подушки и пр. Эту же особенность внутреннего убранства отметила и В. Л. Воронина, изучавшая архитектуру цитадели Пенджикента⁷⁹.

В целом все это очень напоминает внутреннее убранство жилища таджиков горного Памира, которое описал Н. А. Кисляков:

«На суфах, разделенных перегородками на ряд отделений (декун), расположены были чаще всего в беспорядке различные предметы:

⁷⁷ Е. Е. Неразик. Раскопки Якке-Парсана, стр. 20.

⁷⁸ К. Л. Задыхина. Узбеки дельты Аму-Дарьи. ТХЭ, т. 1, М., 1952, стр. 372.

⁷⁹ Анализируя архитектуру цитадели Пенджикента, она пишет: «Можно заключить, что ассортимент домашней утвари был довольно ограничен, и необходимые в быту предметы помещались на лежанках или прямо на полу». (В. Л. Воронина. Изучение архитектуры древнего Пенджикента, стр. 192).

деревянная прялка, лук для обивания шерсти, плетеные лукошки с шерстью и различным тряпьем, старая одежда, а ближе к очагу — разные горшочки, деревянные блюда, маслобойка и прочая хозяйственная утварь. На настенных полочках разложены различные мелочи, а на вбитых здесь же или на столбах деревянных гвоздях развешены гирлянды или пучки красного перца, лука и различных целебных или съедобных горных трав. Для освещения дома служили черные светильники — прутья, обваленные в массе из льняного семени и масла. Менее употребительны были жировые и масляные светильники — сосуды, в которые опускался фитиль»⁸⁰.

Описанное Н. А. Кисляковым зимнее помещение — тўг, сочетавшее и жилые, и хозяйственные функции (здесь в зимнее время работали, отдыхали, готовили пищу), сохранило очень древнюю планировку, традиционную, как показывают археологические данные, для жилищ Средней Азии эпохи раннего средневековья. Такой план — суфы вдоль всех или трех стен — характерен для комнат многих построек Беркут-калинского и соседних оазисов, в том числе Тешик-калы, Якке-Парсана, усадеб № 19, 92, 32 и др. Парадные залы и более скромные приемные в зданиях Пенджикента, жилые комнаты городища Варахша⁸¹, домов-массивов Джеты-асара № 3 и 9⁸², Куюк-калы⁸³ и Ток-калы⁸⁴, в дельте Аму-Дарьи (VI—VIII вв. н. э.), в замке Балалык-тепе в Тохаристане⁸⁵ и на городище Шахристан II в Усрушане⁸⁶ — все это является свидетельством существования единой схемы, выработанной к VII—VIII вв. н. э. древними зодчими и общей для большей части территории Средней Азии.

Исходя из приведенной параллели между тўгом горных таджиков и комнатами с суфами в секциях Тешик-калы, можно думать, что и их назначение было сходно: в них работали, отдыхали, готовили пищу. Однако, так как

⁸⁰ Н. А. Кисляков. Жилище горных таджиков бассейна реки Хингоу. СЭ, II, М., 1939, стр. 160.

⁸¹ М. Х. Урманова. Раскопки на центральном бугре городища Варахша в 1953 г. «Труды Института истории и археологии АН Узбекской ССР», вып. VIII. Ташкент, 1956, стр. 134.

⁸² Архив Хорезмской экспедиции АН СССР.

⁸³ Е. Е. Неразик, Ю. А. Рапопорт. Куюк-кала в 1956 г., стр. 131.

⁸⁴ А. В. Гудкова. Раскопки городища Ток-кала (сообщение второе). «Вестник Каракалпакского филиала АН СССР», 1962, 4 (10), стр. 50 и др.

⁸⁵ Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, стр. 108, 116, рис. 92.

⁸⁶ Н. Н. Негматов. О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1957 году. «Археологические работы в Таджикистане в 1957 г.». Душанбе, 1959, стр. 123.

одной приведенной параллели из области этнографии недостаточно, для доказательства этого предположения следует остановиться на роли очага в данном помещении, иначе можно было бы думать, что он служил просто для обогрева, а готовили на каком-нибудь другом, возможно, в специально выделенном помещении. Тогда усадьба напоминала бы узбекские большесемейные дома — хаули, в которых имелись и жилые комнаты, и кладовые, и кухня и прочее⁸⁷, или, например, дома осетин, где жила неразделенная большая семья, — с одинаковыми помещениями для брачных пар и отдельной общей кухни⁸⁸; или же старинные дома Франции, где вокруг высокого зала располагались спальни брачных пар, представителей нескольких поколений одной и той же семьи⁸⁹. Одинаковая форма семьи влечет за собой появление у разных народов, иногда очень отдаленных, домов, однотипных по составу и назначению комнат, хотя они могут быть и совершенно по-разному архитектурно оформлены.

Отсюда ясно, что конкретизация назначения очагов имеет важное, если не определяющее, значение при решении вопроса о структуре коллектива обитателей усадьбы. Однако, пытаясь определить назначение очагов, мы сталкиваемся с большими трудностями, так как до сих пор, за редкими исключениями, этот вопрос не считался существенным при раскопках археологических памятников. Необходимость постановки его уже отметила В. Л. Воронина, тщательно описавшая и классифицировавшая большой материал в разделе своей диссертации, посвященном очагам⁹⁰.

В комнатах, о которых идет речь, встречаются следующие типы очагов: кирпичные открытые площадки — вымостки, кострища, часто со следами трех или двух ямок, очаги из старой хумчи, обмазанные глиной.

Открытые очаги-площадки известны в Хорезме во всяком случае уже с последних веков до нашей эры. Они распространены в жилых домах и других территориях Средней Азии, а также в постройках раннего средневековья. В. Л. Воронина относит их к отопительным приспособлениям, считая прообразом хивинской «тандырчи». Тандырча, по ее описанию, — это

небольшая прямоугольная или овальная площадка, вокруг которой греются люди, выгребая из находящегося рядом очага — «учек», угли⁹¹, иногда на ней разводят огонь для кипячения чая. Возможно, именно таковым и было назначение очагов в некоторых хорезмийских постройках и на соседних территориях Средней Азии, но те, которые открыты на Якке-Парсане и Тешик-кале, имеют с «тандырчей» только чисто внешнее сходство. Множество обломков лепной кухонной закопченной посуды, сосредоточенное вокруг каждого из таких очагов, расположенных в комнатах с суфами, не оставляет сомнений в том, что на них готовили пищу. Кроме того, выкладки сильно обожжены от разводимого на них костра, а горшки всегда закопчены не только снаружи, но и внутри по венчику, как бывает только при пребывании в открытом огне.

Такой же вид был у посуды в комнатах, где костер разводился не на кирпичной выкладке, а просто на полу. Два или три углубления, часто заметные на обожженном полу, вероятно, оставили колья для подвешивания сосуда над огнем или тренога-подставка под сосуд. Употребление ее для варки пищи известно по данным этнографии в быту скотоводов и вообще полуоседлых и кочевых племен⁹². Существовали и специальные трехногие котлы: они найдены⁹³ на Баласагуне в слое VII—VIII вв. н. э.

Что же касается третьего вида очагов, сделанных из старой хумчи и встречающихся в сочетании с каким-нибудь из вышеописанных, то они по виду и даже по размерам почти не отличаются от современных туркменских тандыров, потому что поставлены вертикально, а не наклонно, как узбекские. Очаги эти имеют только небольшое поддувало, но топки у них нет, следовательно, топливо в них закладывалось сверху, и они скорее всего служили для обогрева и для выпечки лепешек. Не исключено, однако, что в некоторых редких случаях в тандыр, после того как он достаточно раскалится, ставили сосуд с пищей для подогревания или варки. Расположение очага в комнате, часто на суфе, в то время как в нынешних поселках тандыры всегда находятся вне дома, было, вероятно, связано с отоплением жилища; кстати, очень похожий очаг «inkir» ягнобцев или

⁸⁷ М. В. Сафонова. К этнографии узбеков южного Хорезма. ТХЭ, т. I, стр. 283, 285, 286.

⁸⁸ Б. А. Калоев. Поселения и жилища агулов. КСИЭ, 1955, XXIII, стр. 38—39.

⁸⁹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, М., 1961, стр. 63.

⁹⁰ В. Л. Воронина. Черты раннесредневекового жилища Средней Азии. СЭ, 1963, № 6, стр. 87—92.

⁹¹ В. Л. Воронина. Изучение архитектуры древнего Пянджикента, стр. 492.

⁹² Г. П. Васильева. Туркмены-нохурли. Труды Института этнографии АН СССР, т. XXI, М., 1954, стр. 141.

⁹³ Коллекции Баласагунского отряда Киргизской археолого-этнографической экспедиции АН СССР за 1953 г., хранятся в Институте археологии АН СССР.

«degdon» горных таджиков, используемый и для обогрева, и для выпечки лепешек, и для варки пищи (он имел топку), также всегда находился в комнате на суффе⁹⁴.

Таким образом, вскрытые в Тешик-кале и Якке-Парсане секции представляли собой комплексы из хозяйственного (хранилище продовольственных запасов) и жилого (одновременно кухня) помещений и (на Якке-Парсане) третьего, назначение которого пока не совсем ясно. Скорее всего оно служило местом отдыха, спальней, поскольку лишено всякой внутренней «мебели» — суфф, очагов. Кроме того, почти в каждой секции западной половины Якке-Парсана было маленькое помещение (1,2×1,7 м), иногда проходное, условно названное нами «тамбуром». В нем, как правило, находились сосуды — преимущественно лепные горшки, стоявшие на глинобитной полке или на полу за тонкой глиняной перегородкой. Это своего рода благоустройство, потому что часть посуды из хозяйственных комнат с суфами и очагами переносилась в «тамбур», в то время как в других усадьбах, в том числе и в Тешик-кале, хозяйственные помещения были загромождены разнообразной домашней утварью, а полы и суффы изрыты ямками от сосудов, колышков и пр.

В северной части Якке-Парсана секции были короче, так как здесь расстояние от крепостной стены до донжона меньше, чем в восточной, и включали только две комнаты. «Тамбуры» здесь пока не открыты. Чувствуется заметная разница в степени «комфортабельности» жилых комплексов северной и восточной частей усадьбы. Может быть, это объясняется различием в положении членов общины, обитавших в них.

В других крупных по площади усадьбах, где проводились исследования, «дворовая» застройка слабо затронута раскопками, но тем не менее и там проявляется тенденция к выделению отдельных групп помещений. Так, в замке № 30 на вскрытой небольшой площади отчетливо выделяются три сообщавшиеся между собой комнаты (№ 1, 2 и 3), остальные (№ 6, 7, 9, 10) входили, видимо, в другие группы.

Помещения № 1 и 3 — довольно обширны и без всякой глиняной «мебели», зато в последнем (№ 3) два очага — кирпичная вымостка, сильно опаленная, засыпанная пеплом и золой, и тандыр, сделанный из старого хума, вмазанного в кирпичную вымостку.

В замке № 32 к восточной крепостной стене у юго-восточного угла примыкали двухкомнатные постройки, причем есть основания полагать, что подобные строения располагались и у других стен. Сохранились только комнаты у крепостной стены (второй ряд полностью разрушен), но они очень интересны. Это обширные помещения с кирпичными суфами, идущими по периметру, причем одно из них, самое короткое — в торце у крепостной стены — значительно шире остальных (достигает 4 м), что придает комнате парадный облик. Впечатление парадности усиливается благодаря устройству в двух из них глубоких ниш, перекрывавшихся, видимо, аркой, подобно тому, как это отмечено в парадной комнате донжона Тешик-калы. Поверхности суфф и пола была буквально засыпана осколками керамики, однако, так как культурный слой и вообще все заполнение построек полностью смыты и развеяны, а стены снелировались с уровнем суфф, отдельные детали планировки могли не уцелеть: так, совсем не замечено остатков очажных конструкций, только кое-где видны пятна кострищ.

Тешик-кала и Якке-Парсан, безусловно, замки дикхан. Конечно, не всегда размеры усадеб, укрепленность и т. п. являются надежным критерием для определения социальной принадлежности их обитателей. Сходство внешнего облика и планировки большинства усадеб оазиса (недаром они все получили название «замки») очень затрудняет решение этого вопроса. Последние из описанных построек (№ 30 и 32), возможно, являлись усадьбами независимых земледельцев.

Большинство небольших усадеб Хорезмского оазиса населяли крестьяне.

Небольшие усадьбы Рассмотрим планировку усадеб № 28 и 19, чтобы охарактеризовать жилища простых общинников. Эти постройки могут быть описаны полнее, чем замок сельской знати оазиса, так как раскопаны целиком или почти целиком.

Усадьба № 28 делится коридором трехметровой ширины на две половины: всю ее западную часть занимает обширный двор (рис. 40). Южная половина занята целиком (за исключением западного конца) четырьмя двухкамерными секциями. В одной из комнат каждой секции обязательно был очаг (помещения № 4, 9, 6, 14). В первых трех — это просто кострище, причем сосуд, видимо, подвешивался на столбиках, от которых остались отчетливые округлые ямки. В комнате № 14 обнаружена сильно обожженная очажная выкладка. Вокруг всех очагов найдено много обломков разбитой посуды, в том числе закопченных снаружи и изнутри по венчику лепных одноручных горшков, пашлычниц.

⁹⁴ Н. А. Кисляков. Жилище горных таджиков бассейна реки Хингоу, стр. 163; Л. Ф. Моногарова. Материалы по этнографии язгулемцев, стр. 43; А. Н. Кондауров. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. М.—Л., 1940, стр. 72.

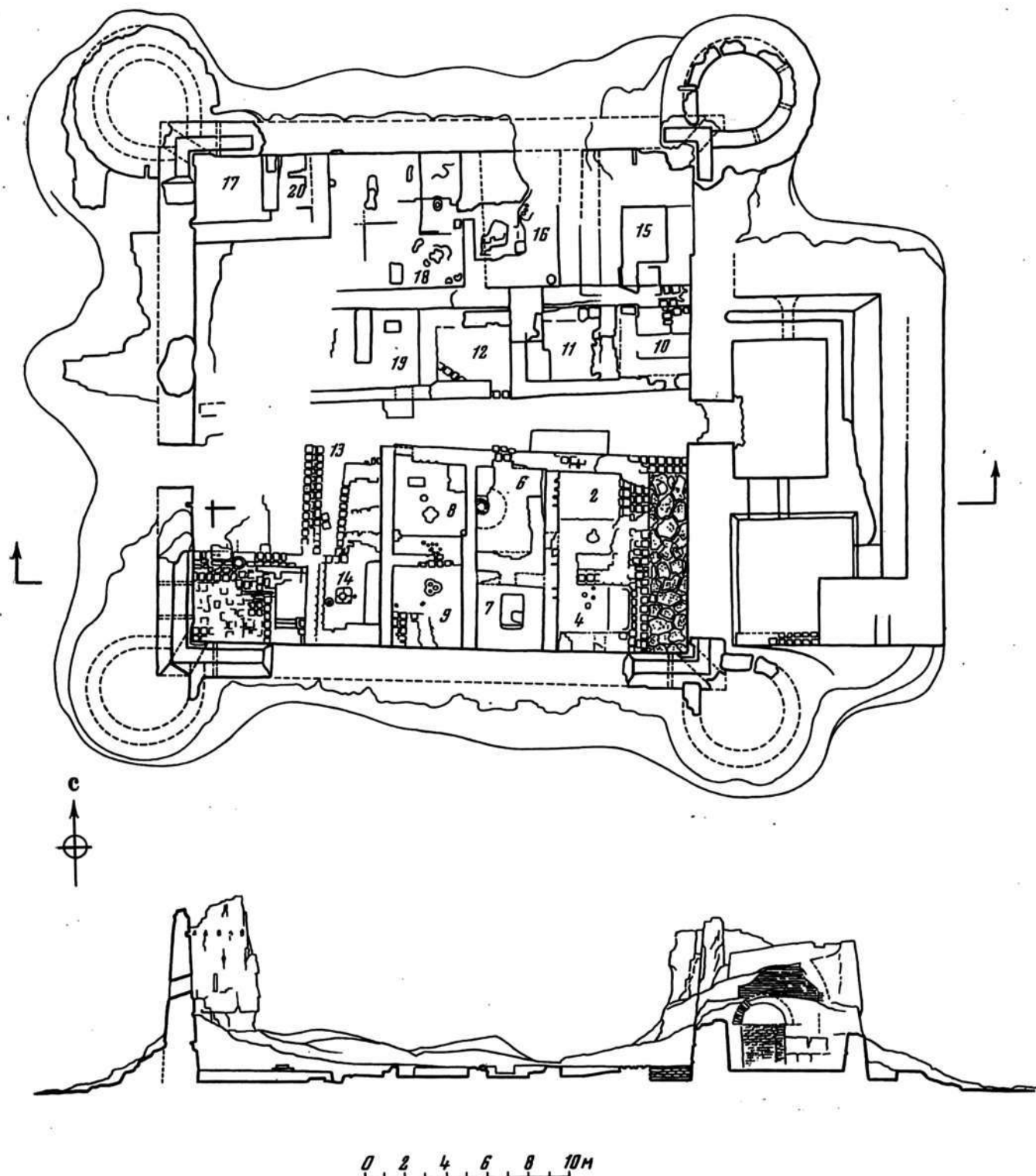


Рис. 40. Замок № 28, план и разрез



Рис. 41. Замок № 28, общий вид раскопок

Пол на значительном по площади участке покрыт пеплом, сажей, обгорелыми сучьями. Тут же находились куски жерновов. В общем картина мало отличалась от описанной выше, где речь шла о жилых комнатах с суфами и очагами в Тешик-кале и Якке-Парсане. В усадьбе № 28 суфы в помещениях очень редко сочетаются с очагами: только в одном случае повторился уже знакомый нам по Тешик-кале и Якке-Парсану план — суфы по трем стенам (в виде буквы «П») и очажная кирпичная выкладка в центре (помещение № 14)⁹⁵. Обычно в комнате с очагом бывает либо только одна неширокая суфа, либо ее вовсе нет, зато во второй иногда почти всю площадь занимает суфа (помещения № 2 и 8), сделанная из глины и всякого строительного мусора, выложенная кирпичом только по краю и покрытая сверху плотной глиняно-саманной обмазкой. Такой вид комнаты необычен для замков, он скорее напоминает помещения в средневековом Ярбекюре XI—XIII вв. н. э.⁹⁶, где тоже $\frac{2}{3}$ площади занимала суфа. Трудно искать аналогии и в античном хорезмийском жилище, где, насколько об этом можно судить по раскопкам Куния-Уаза, дома № 1 около Аяз-калы, Кой-Крылган-калы, суфы бывали редкостью, а длинная суфа-лежанка вдоль трех или всех четырех стен вообще не делалась; кроме того, в жилищах античного Хорезма устраивались ниши, очень редко встречающиеся в усадьбах. Если обратиться к более поздним материалам, то ближе всего к секциям замка № 28 окажутся жилища таджиков по верхнему Зеравшану. Они разделены перегородкой на две половины, но перегородка настолько легка, что это по суще-

ству однокамерный дом. Всю переднюю, меньшую, часть дома занимает кухня с большим очагом, в задней — «чистой» — комнате пол приподнят, образуя огромную суфу⁹⁷. Это как будто разобщенные ячейки-секции усадьбы № 28, потому что каждая ее секция — это в принципе одно большое помещение, разгороженное тонкой стенкой на две части — кухонную и «чистую».

Северная половина усадьбы более разрушена, чем южная, особенно помещения, примыкавшие к крепостной стене, поэтому их вид и соответственно назначение не всегда удастся установить. Однако можно с уверенностью выделить и здесь несколько двухкомнатных изолированных секций, например помещения № 15 и 10 и 16 и 11 (см. план)⁹⁸.

Двор, площадью примерно 20×8 м, с неровной вытоптанной поверхностью, был пуст, только у крепостной стены устроена невысокая и узкая «скамейка», а в юго-западном углу — кирпичное возвышение, в которое вмазан тандыр.

За исключением остатков нескольких маленьких закровов в комнате № 15, в усадьбе нет ни намека на хранилища пищевых запасов. В то же время в завале, заполнявшем комнаты и перекрывавшем остатки стен, найдено много обломков хумов. Это обстоятельство может быть свидетельством того, что в усадьбе был второй этаж, где и находились кладовые с запасами продуктов, стояли хумы.

В связи с этим обращают на себя внимание на стенах в северном и юго-западном углах усадьбы гнезда от балок перекрытия,

⁹⁵ Судя по данным раскопок, такая планировка более типична для нижнего слоя замка № 28.

⁹⁶ Н. Н. Вактурская. О средневековых городах Хорезма. МХЭ, вып. 7, 1963, стр. 44.

⁹⁷ В. Л. Воронина. Заметки по народному творчеству таджиков бассейна Зеравшана. СЭ, 1953, № 3, стр. 176.

⁹⁸ Подробнее о северной половине замка см. в приложении.

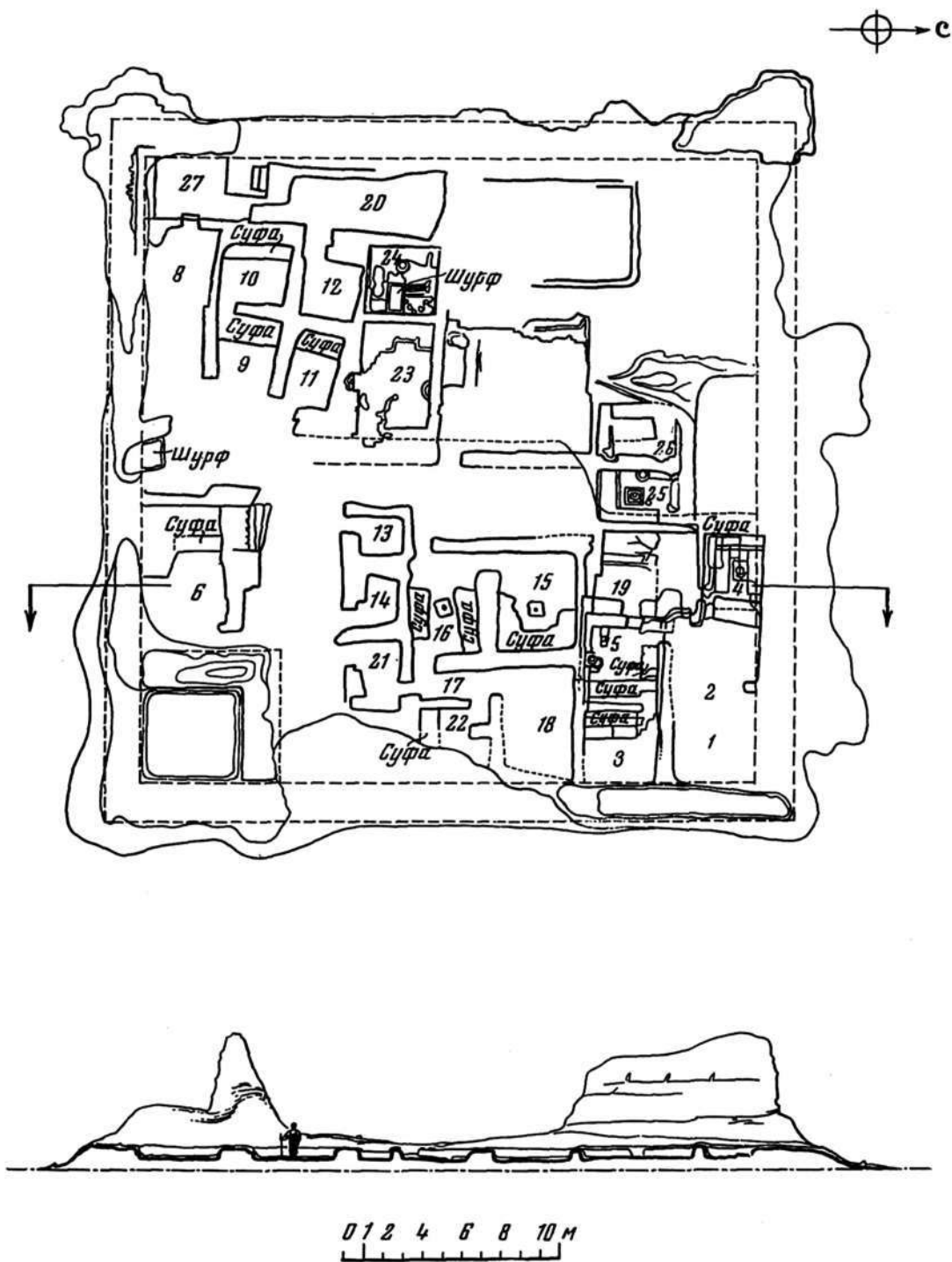


Рис. 42. Замок № 19, план и разрез

расположенные на высоте около 7,5 м от уровня полов. Вряд ли они относились к перекрытиям первого этажа и помещения были так высоки, скорее балки поддерживали кровлю верхнего этажа, который мог быть просто навесом над крышами нижних комнат.

Описывая укрепления памятника, мы отметили следы перестройки, которая свелась не только к замене предвратного сооружения донжоном, но за счет жилого массива был расширен двор, распространившийся на всю западную часть усадьбы.

Перестройка произошла после пожара в предвратном сооружении и частичного разрушения крепостных стен, и после нее жизнь в замке продолжалась довольно долго; комнаты ремонтировались, и иногда менялось их назначение⁹⁹. Возможно, что сооружение вместо ворот донжона и перепланировка внутри усадьбы не были сделаны одновременно, хотя все это, безусловно, произошло в начале VIII в. н. э.

Планировка усадьбы № 19 отличается от Тешик-калы, Якке-Парсана и замка № 28. Прежде всего в ней труднее выделить комплексы помещений, застройка кажется более слитной, менее правильной, хотя и разделена коридором на две примерно равные половины (рис. 42). Кроме того, комплексы, хотя и намечаются, но уже не двух-, трехкомнатные, а многокомнатные и, что нам кажется особенно важным, в состав каждого входит несколько (по большей части — два) «стандартных» жилых помещений.

В усадьбе вскрыто несколько таких комплексов: два — в восточной половине, один расположен в северной (вскрыт частично), замыкая коридор, и один — в южной части западной половины. Северо-западный угол усадьбы не раскапывался.

В первый комплекс (счет идет от донжона к северу) входят помещения № 15, 16, 17, 18, 22 и 24; во второй — № 1, 2, 3, 4, 5 и 19; в третий — № 25 и 26 (полностью не расчищены); в четвертый — № 9, 10, 11, 12, 23 и 24.

Возможно, впрочем, что две последние комнаты относились уже к самостоятельной группе. Упомянутые «стандартного вида» помещения (№ 15, 16, 5, 25, 26, 24) — с двумя или тремя суфами у стен и очагом — кирпичной выкладкой в центре. В некоторых (№ 25) устроен еще и тандыр, иногда он вынесен в соседнюю комнату (в пределах того же комплекса), только в одном случае костер разводился не на выкладке, а прямо на полу, где сохранился след от треножника — три углубления, заполненных золой (помещение № 9). Пол вокруг очагов сохранил

признаки сильного горения, засыпан золой, в нем много ямок от посуды, найдены целые сосуды, вкопанные по горло или середину тулова, а также осколки лепных кухонных закопченных горшков. Здесь же обнаружены и другие остатки хозяйственной утвари: обломки жерновов, зернотерок, пряслица и пр.

Назначение других комнат менее определено — они почти всегда пусты, лишь у одной из стен часто тянется узкая суфа. В некоторых из них слой над полом был насыщен перегнившими органическими веществами (№ 10, 11, 12) — может быть, это остатки растительных подстилок, не исключено также, что здесь хранили продукты. Скорее всего хранилищем продуктов служила трехкомнатная постройка, замыкавшая первый комплекс с юга. В маленьких комнатах (№ 13, 14 и 21), не сообщавшихся друг с другом, в зеленовато-желтоватом перегнойном слое найдены груды персиковых и абрикосовых косточек.

Для хозяйственных целей использовали и донжон — двухэтажный, с одной комнатой в каждом этаже. Так же, как и в замке № 28, в помещениях нет закровов, не открыто и следов хумханов, хотя обломки хумов в обилии встречались в завалах, заполнявших комнаты и перекрывавших останцы стен (сохранившиеся в высоту на 0,4—0,5 м). По-видимому, и здесь запасы воды и продуктов хранились в хумах на крышах построек, под навесами.

Усадьбы VII—VIII вв.
как прототипы
позднейших сельских
построек Хорезмского
базиса

Проследивая пути развития среднеазиатской архитектуры, исследователи поставили вопрос о глубоких местных традициях жилого строительства современного населения Средней Азии (узбеков, таджиков, туркмен)¹⁰⁰.

Раскопки усадеб Беркут-калинского оазиса, впервые показавшие, что представляло собой раннесредневековое жилище сельского населения Хорезма, внесли много нового материала, существенного для разработки поднятой проблемы. Целый ряд деталей внутренней планировки этих построек дожил чуть ли не до наших дней, сохранившись почти без изменения в наиболее отдаленных глухих углах. Так, в Припамирье и в юго-восточных районах Таджикистана в начале 30-х годов XX в. в домах горных таджиков — потомков древнего согдийского и

¹⁰⁰ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1963, стр. 257; В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова. Архитектура туркменского народного жилища. «Труды ЮТАКЭ», т. III. М., 1953, стр. 47; В. Л. Воронина. Узбекское народное жилище, стр. 81, 82.

⁹⁹ Подробнее об этом см. в приложении.

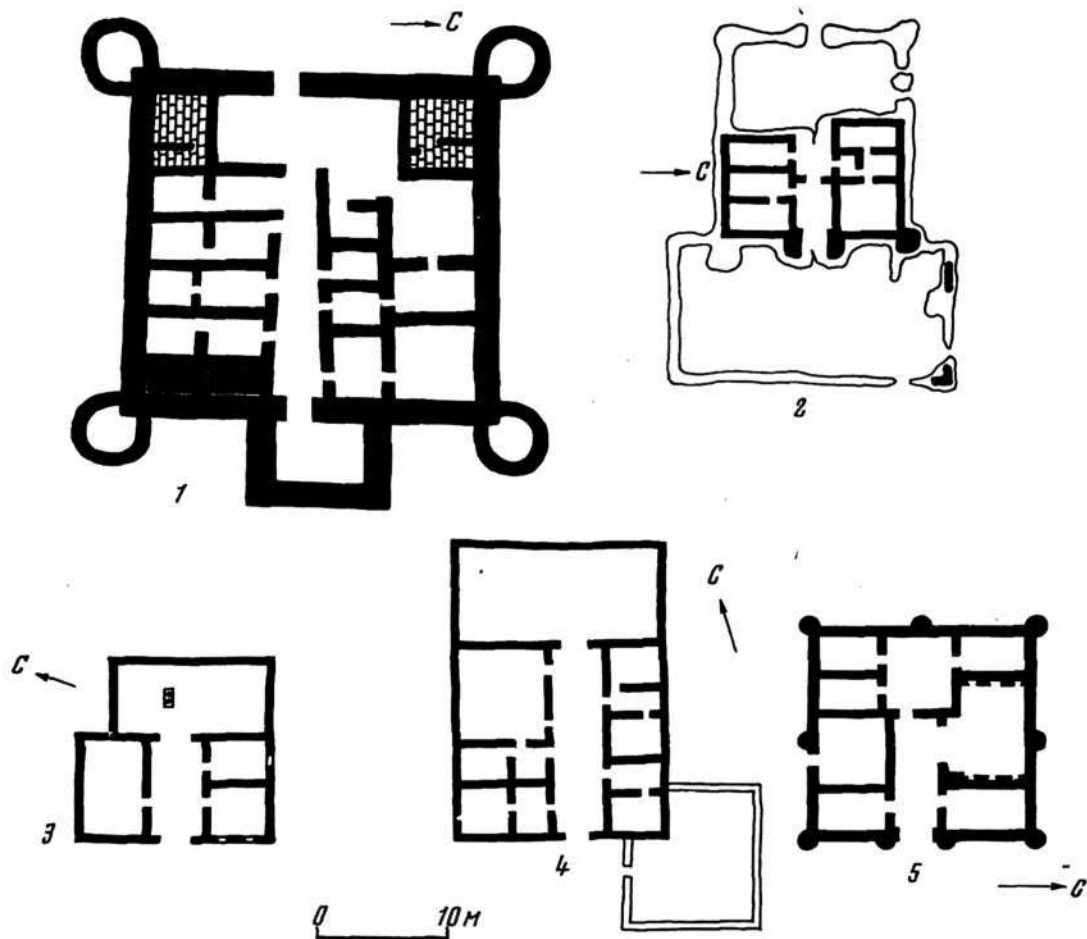


Рис. 43. Сравнительная таблица планов хорезмийских усадеб VII—VIII вв. и современных сельских жилищ Хорезмского оазиса

1 — замок № 28, 2 — замок № 136, 3, 4 — туркменские дома, Тахтинский р-н Туркменской ССР и Кегейлинский р-н Каракалпакской АССР, 5 — узбекский дом, г. Турткуль Каракалпакской АССР

бактрийского населения — еще существовали жилые комнаты «түйг» ягнобцев, «код» или «кхун» Горно-Бадахшанской области, представлявшие собой образцы старинной планировки, восходящей к эпохе раннего средневековья. Все стены комнат огибают глинобитные суфы, часто очень широкие и разделенные перегородками на отсеки для отдельных брачных пар¹⁰¹.

Такая схема прочно и почти повсеместно легла в основу строительства и жилых комнат, и парадных зал в Средней Азии VII—VIII вв. Большое сходство наблюдается в устройстве

¹⁰¹ В. Л. Воронина. Заметки по народному творчеству таджиков бассейна Зеравшана, стр. 183, 184; Н. Н. Зарубин. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. МАЭ, т. V, вып. 4, Пг., 1918, стр. 120, 121; Н. А. Кисляков. Жилище горных таджиков реки Хингоу, стр. 169, 170 и др.

очагов, закомов, перекрытий и т. п. в жилищах хорезмийцев раннесредневековых оазисов и современного населения Средней Азии. Нельзя, например, не отметить, что очаги-тандыры, делавшиеся из старой хумчи и стоявшие на суфе или возле нее в помещениях Якке-Парсана, Тешик-калы и других, очень напоминают тандыры туркмен и в то же время похожи на очаги таджиков долины Хуф; их очаги были корчагообразны и находились в комнате, в суфе¹⁰².

Однако гораздо более важны не эти отдельные детали, а установление того факта, что планировка построек VII—VIII вв. н. э. стала традиционной для сельского населения Хорезма последующих периодов его истории (рис. 43).

¹⁰² М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. II, стр. 471.

Сельская хорезмская усадьба VII—VIII вв. вне зависимости от того, замок ли это феодала или усадьба рядового общинника, являлась по существу единым домом-массивом, все помещения которого подведены под общую кровлю. Отличия сводились к тому, что феодальный замок был лучше укреплен, тщательней построен и отделан, больших размеров и часто с многокомнатным донжоном. Единство принципов планировки мелких и крупных усадеб объясняется, по-видимому, одинаковым строем семьи, распорядка ее жизни, и, естественно, общие черты отмечают исследователи, изучавшие поселения и жилища народов Средней Азии. Н. А. Кисляков писал, имея в виду горных таджиков бассейна реки Хингоу, что «в прежние времена жилище зажиточной части кишлака и даже байства по принципу своего устройства не отличалось от жилища человека среднего достатка. Резкие отличия наблюдались лишь в размерах дома, крепости и тщательности его постройки, в лучшем качестве дерева, употребленного для этой постройки»¹⁰³.

То же самое можно сказать и о туркменах-эрсаринцах: «Имущественное положение владельцев (усадб.— Е. Н.) находило свое выражение лишь в масштабах: крупные ховлы занимали площадь 45×100 м, малые — 17×18 м, но общие принципы планировки в них более или менее едины»¹⁰⁴.

Установлено далее, что планировка ранне-средневекового сельского жилища афригидского Хорезма делилась пополам коридором или же помещения располагались вокруг центрального двора. Последний вариант был более распространен в народном строительстве раннеафригидского времени, но встречался и позже, в VII—VIII вв. н. э.

В результате археологических работ в Хорезме известно, что усадьбы с центральным коридором существовали там еще во времена ранней античности. М. Г. Воробьева в окрестностях замка Дингильдже на древнем канале Кельтеминар раскопала крупную усадьбу V в. до н. э., равную по площади 53×50 м. Она состояла из обширных жилых, хозяйственных и парадных помещений, разделенных на две части коридором¹⁰⁵. Однако сейчас еще нельзя сказать, насколько типична эта планировка для сельских жилищ раннеантичного и вообще античного Хорезма, так как

они почти не подвергались обследованию. Сельские поселения средневекового Хорезма обследовались больше, и на основании их изучения можно утверждать, что и в хорезмшахский, и в последующий, золотоордынский, периоды усадьбы с центральным коридором были широко распространены явлением.

Так, в левобережном Хорезме подобные усадьбы зафиксированы в поселениях хорезмшахского времени в урочище Дарьялык и в междуречье Дарьялыка и северного Даудана; в поселении золотоордынского периода — к северу от Мангыр-шардара¹⁰⁶.

На правом берегу Аму-Дарьи дома с подобной планировкой есть в широко известном Кават-калинском оазисе (XII—XIII вв. н. э.¹⁰⁷). Пока они не раскопаны, нельзя судить о назначении и расположении комнат, но общий тип планировки, безусловно, един.

Больше материала для сравнения дают хорошо изученные этнографами усадьбы современного населения Хорезмского оазиса, в планировке которых чувствуются древние традиции. Особенно наглядно это видно из этнографического обследования современных поселков Кырккыза, совпадающего территориально с ранне-средневековым Беркут-калинским оазисом. Дома Дурды Каландарова или Абдраима Сабурова¹⁰⁸, построенные по проекту местных мастеров с центральным дализом, по обе стороны от которого расположены жилые и хозяйственные помещения, очень напоминают усадьбы афригидского периода, например расположенный в непосредственной близости от дома Абдраима Сабурова замок № 28. Южноузбекские хорезмские «хаули» также очень похожи по плану на ранне-средневековые хорезмские усадьбы, причем некоторые из этих «хаули» почти тождественны замку № 28. Такова усадьба Якуб-бая Джуманиязова в Турткульском районе Каракалпакской АССР¹⁰⁹ (см. рис. 43, 5). Она делится на две части коридором, упирающимся в обширный айван, занимающий всю северную часть усадьбы. Слева от входа находятся жилые комнаты и еще один айван, справа — михман-хана и хозяйственные помещения. М. В. Сазонова, описавшая это

¹⁰⁶ О. А. Вишневская. Археологические разведки на средневековых поселениях левобережного Хорезма. МХЭ, вып. 7, стр. 57, 61.

¹⁰⁷ Архив ХЭ, материалы по Кават-калинскому оазису. Указанное обстоятельство отметила В. И. Вайнберг в своей диссертации «Поздние туркменские поселения и жилища «земель древнего орошения» левобережного Хорезма» (М., 1961).

¹⁰⁸ Т. А. Жданко. Быт колхозников-переселенцев на вновь освоенных землях древнего орошения Каракалпакки. ТХЭ, т. II, 1958, стр. 741, 742, 748, рис. 19, 13.

¹⁰⁹ М. В. Сазонова. Указ. соч., стр. 283.

¹⁰³ Н. А. Кисляков. Жилища горных таджиков бассейна реки Хингоу, стр. 163.

¹⁰⁴ В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова. Архитектура туркменского народного жилища, стр. 29.

¹⁰⁵ М. Г. Воробьева. Раскопки архаического поселения близ Дингильдже. МХЭ, вып. 1, М., 1959, стр. 70.

«хаули», сравнивает его с усадьбой хорезмшахского времени из Кават-калинского оазиса¹¹⁰ так же, как это делает и Т. А. Жданко при описании плана дома Дурды Каландарова¹¹¹. Однако Кават-калинская усадьба еще мало раскопана, и, как нам кажется, с замком № 28 обе постройки имеют большее сходство.

Дом Якуб-бая Джуманиязова относится к рядовым усадьбам узбеков южного Хорезма. Усадьбы зажиточных больших семей, также описанные М. В. Сазоновой, с очень усложненным, сравнительно с рядовыми, планом, обнаруживают черты сходства с крупными замками раннесредневекового Хорезма. В частности, в усадьбе Матраим-бая (Хазараспский район) выделяются передняя половина — внутренний двор и хозяйственные помещения вокруг него — и комплекс жилых построек в глубине. Это деление на две половины, видимо, мужскую и женскую, имеет, как показала В. Л. Воронина¹¹², очень древние корни. Важно, что жилые постройки усадьбы Матраим-бая делятся на секции, состоящие из айвана, жилой комнаты и кладовой¹¹³. То же деление на трехкомнатные секции мы наблюдали в крупном феодальном замке — Якке-Парсане¹¹⁴. М. В. Сазонова считает, что такое распределение жилых помещений «соответствует состоянию большой семейной общины, находящейся на грани распада»¹¹⁵.

Дома узбеков северного Хорезма можно разделить на два типа: хаули и джай. Хаули подобны по плану усадьбам южных узбеков, в частности усадьбе Якуб-бая Джуманиязова. Джай, как считает их исследователь К. Л. Задыхина¹¹⁶, отличается от хаули только меньшими размерами и меньшим числом помещений внутри.

У каракалпаков Хорезмского оазиса дом старого типа — «там» представляет собой подобие узбекского хаули и джая: «Прямо от ворот в глубь дома идет коридор — дализ, соединяющий все внутренние помещения: жилые ожере (обычно два), уйжай, кладовую и хлев — сеисхона, который занимает обычно около $\frac{1}{3}$ тама и расположен во всю ширину задней стены дома, отделяясь от упирающегося в него дализа легкой калиткой из палок и ветвей»¹¹⁷. Каракал-

пакские бай в дореволюционные времена строили большие усадьбы-крепости по типу хивинских хаули¹¹⁸.

Рассматривая планировку жилищ хорезмских туркмен XIX в., Б. И. Вайнберг выделяет несколько типов усадеб и среди них многокамерные дома сакаров. Они делятся пополам коридором, по обеим сторонам которого располагались жилые и хозяйственные помещения.

Б. И. Вайнберг отмечает, что «этот тип туркменского жилища обнаруживает большую близость к современным жилищам туркмен-сакаров и эрсари, живущих в Чарджоуской области»¹¹⁹.

Жилища туркменских и каракалпакских баев строились узбекскими мастерами и так же, как и крупные хивинские хаули, разделялись центральным коридором на мужскую и женскую половины¹²⁰.

Усадьбы типа раннесредневековых с центральным крытым или обширным открытым двором также продолжали строиться и позже VII—VIII вв. н. э. О. А. Вишневская в поселениях левобережного Хорезма, относящихся к хорезмшахскому и золотоордынскому времени, обследовала дома с замкнутым вокруг центрального квадратного или прямоугольного двора каре хозяйственных и жилых построек¹²¹.

Нечто подобное этим постройкам описывает И. В. Захарова у семиреченских уйгуров, причем сама исследовательница сближает их жилища с хивинскими хаули. Это, по ее словам, обширные строения, объединяющие под одной кровлей жилые комнаты и хозяйственный двор. «Отдельные помещения связаны общим центральным крытым двором, который сообщается с улицей и усадьбой и из которого ведут двери во все остальные помещения»¹²².

Некоторое сходство с уйгурскими усадьбами имеет часть построек хорезмских туркмен (йомутов, емрели), в частности выделенные Б. И. Вайнберг в пятый тип¹²³. В целом же в специальной литературе давно отмечено, что планировка, когда помещения группируются вокруг квадратного или прямоугольного зала, двора или комнаты, получила самое широкое распространение и в Средней Азии, и в странах

¹¹⁰ М. В. Сазонова. Указ. соч., стр. 283, 284.

¹¹¹ Т. А. Жданко. Указ. соч., стр. 741.

¹¹² В. Л. Воронина. Узбекское народное жилище, стр. 81.

¹¹³ М. В. Сазонова. Указ. соч., стр. 286, рис. 18.

¹¹⁴ Е. Е. Неразик. Раскопки Якке-Парсана, стр. 23—28.

¹¹⁵ М. В. Сазонова. Указ. соч., стр. 308.

¹¹⁶ К. Л. Задыхина. Узбеки дельты Аму-Дарьи, стр. 355.

¹¹⁷ Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса. ТХЭ, т. I, М., 1952, стр. 539.

¹¹⁸ Т. А. Жданко. Быт каракалпакского колхозного аула. СЭ, 1949, № 2, стр. 50.

¹¹⁹ Б. И. Вайнберг. К истории туркменских поселений XIX в. в Хорезме. СЭ, 1959, № 5, стр. 38.

¹²⁰ Там же, стр. 39.

¹²¹ О. А. Вишневская. Указ. соч., стр. 57, 61, 67.

¹²² И. В. Захарова. Материальная культура уйгуров Советского Союза. «Труды Института этнографии АН СССР», т. XLVII. М., 1959, стр. 248.

¹²³ Б. И. Вайнберг. Указ. соч., стр. 38.

Ближнего и Среднего Востока¹²⁴ и, безусловно, восходит к очень древним приемам застройки¹²⁵.

Крупные усадьбы Беркут-калинского оазиса с открытым центральным двором типа усадьбы № 32 очень напоминают (правда, в миниатюре) иранские укрепленные деревни (кала) конца XIX в. Внутри деревни находится дома, «которые фактически представляют собой вытянутые вдоль крепостных стен (несообщающиеся. — Е. Н.) комнаты, задняя стенка которых служит частью стены селения. Двери комнат выходят во внутренний общий двор»¹²⁶. Крыши, часто куполообразные, соединены в одно целое.

Внешний вид укрепленных иранских деревень, а также и узбекских хаули — глухие стены с массивными воротами между двумя округлыми башенками, такие же башенки, иногда сплошные, монолитные, иногда полые, вдоль стен и по углам — вызывает самые близкие ассоциации с хорезмскими раннесредневековыми усадьбами, укрепления которых с течением времени (в XII в.) приобрели чисто декоративное значение¹²⁷.

Ховлы эрсаринцев Чарджоуской области и части туркмен Хорезма с кладовыми-телеками и учеками, возвышавшимися над стенами, придавая постройкам своеобразные очертания, имеют большое сходство с раннесредневековыми усадьбами Хорезма, над которыми также высились башни — донжоны. Донжоны по своему силуэту — башня усеченно-пирамидальной формы — очень напоминают динги южнотуркменских селений¹²⁸, а также телеки и учеки. Сходство особенно усугубляется в тех случаях, когда нижний этаж такой кладовой представляет собой просто пахсовый цоколь, которому придавались те же формы, что и мощным цоколям среднеазиатских замков VI—VIII вв. н. э. Особенно близки по форме этим кладовым донжоны небольших рядовых усадеб оазиса, которые состояли, как правило, из одного помещения. Выяснено, что они напоминают телеки и учеки не только

внешним видом, но и функционально, используя в мирное время как кладовые — хранилища запасов продовольствия. Таков, например, донжон замка № 19.

Г. А. Пугаченкова ставила вопрос о перерождении кёшка в гофрированную башню — динг при усадьбе туркмен¹²⁹. Целиком соглашаясь с нею (добавив сюда другую линию эволюции донжонов во времени — телек-учек), остановимся подробнее на еще одной теме, намеченной С. П. Толстовым, — на перерождении хорезмских кёшков — донжонов афригидского периода в каптар-хана — михман-хана усадеб хорезмшахского времени¹³⁰.

Каптар-хана, так же как и донжоны, помещались отдельно от усадьбы, вблизи от нее или же включались в нее, отличаясь от прочих помещений большей монументальностью и своеобразным орнаментом в виде мелких ниш-ячеек, покрывавших стены. В связи с этим внимание при обследовании замков Беркут-калинского оазиса привлек донжон усадьбы № 64, возникшей в раннеафригидский период и не претерпевшей в позднейшее время существенных перестроек (см. рис. 14). Донжон расположен в системе остальных помещений усадьбы, с которыми он сообщался посредством очень высокого арочного проема, и вмещает большую комнату (размерами 7,60 × 3,07 м), выделенную из жилого комплекса усадьбы массивными пахсовыми стенами с щелевидными бойницами. Цоколя нет. На внутренней стороне стен — четыре большие квадратные ниши размерами 0,3 × 0,35 м, по трем стенам комнаты — суфы; в середине — пятно от кострища, среди находок — остатки приспособлений для курения опиума (?), циновки, столовая посуда, раздробленные кости животных. И по убранству, и по инвентарю — это комната для отдыха, может быть трапез, но не хозяйственная. Быть может, это и есть михман-хана обычного общинника, являющаяся одновременно и укреплением, если учесть общее положение в стране и, возможно, в оазисе. Ниши в стенках комнаты заставляют вспомнить ячеистые нишки каптар-хана; может быть, это возникновение позднейшего орнаментального приема, к которому прибегали для украшения своих михман-хана — каптар-хана жители Кават-калинского оазиса?

Если это так, то тогда мысль С. П. Толстова несколько конкретизируется. Получается, что особое парадное помещение — михман-хана существовала уже в усадьбах раннеафригидского

¹²⁴ В. Л. Воронина. Проблемы раннесредневекового города Средней Азии. Докт. дисс. (рукопись). М., 1961, стр. 180.

¹²⁵ В. А. Лавров. Указ. соч., стр. 50.

¹²⁶ А. З. Розенфельд. Qala (kala) — тип укрепленного иранского поселения. СЭ, 1951, № 1, стр. 24.

¹²⁷ Это внешнее сходство становится еще более ярко выраженным в хорезмшахский период истории Хорезма (XI—XII вв.), когда надобность в укрепленных усадьбах отпадает. Сопоставляя усадьбы Кават-калинского оазиса с «хаули», В. Л. Воронина удачно отметила, что последние «представляют сколок раннесредневекового жилища усадебного типа» (В. Л. Воронина. Проблемы раннесредневекового города Средней Азии, стр. 510).

¹²⁸ Е. Е. Неразиков. Раскопки в Беркут-калинском оазисе в 1953—1956 гг., стр. 126.

¹²⁹ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры..., стр. 184.

¹³⁰ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 164.

Хорезма до того, как там начали строить донжоны.

Сомкнувшись, обе линии строительства нашли отражение в архитектурном оформлении каптар-хана XII—XIII вв. н. э.

Приведенные данные свидетельствуют о сохранении глубоких местных традиций в материальной культуре современного населения Средней Азии, в частности Хорезмского оазиса, основные черты архитектуры народного жилища

которого восходят к глубокой древности, повторяя иногда почти в неизменном виде детали и общие принципы планировки сельских построек Хорезма середины I тысячелетия н. э. Отмеченное при этом безусловное сходство сельских усадеб каракалпаков, туркмен и узбеков находит объяснение, по-видимому, в сложных путях этногенеза населения Приаралья, но эта тема выходит за рамки нашего исследования.

КУЛЬТОВЫЕ ПОСТРОЙКИ

Говоря о типах построек в оазисе, мы выделили группу «отдельно стоящих зданий», имевших вид небольших и невысоких башенок, расположенных изолированно, без примыкающих к ним оград или других сооружений. Часть из них исследовалась, в том числе дома № 50 и 115, представляющие, как выяснилось, особый интерес для истории и истории архитектуры Средней Азии.

Дом № 50, полузасыпанный песком, расположен в 200 м к югу от усадьбы № 36, раскопанной С. П. Толстовым в 1939 г. Это маленькое кирпичное строение, очертания которого приближаются к квадрату со сторонами $7 \times 7,5$ м. В двух стенах его — южной и западной — глубокие ниши. Остатки полукупола из сырцовых кирпичей, перекрывавших одну из них — южную, были заметны при обследовании памятника в 1953 г. (рис. 44). Во время архитектурных обмеров в 1938 г., судя по чертежам архитектора И. Н. Тихомировой, еще существовала какая-то часть полукупола второй ниши. Глубина ниш почти одинакова и немногим превышает 1 м (рис. 44, 4). В южной нише и в одном из углов западной сохранились трюмы (рис. 44, 5). Они сделаны из нескольких небольших сырцовых кирпичиков толщиной 7 см и имеют вид небольших перспективно уходящих арок. Ширина и высота всех трюмов — $62-65 \times 30-40$ см. В двух нишах, южной и западной, находились суфы, разные по виду и конструкции. Южная, расположенная против входа, видимо, более торжественного характера: она сложена из квадратных сырцовых кирпичей, стандартных для памятников Беркут-калинского оазиса размеров (с длиной стороны от 35 до 37 см) и возвышалась над полом на 46 см. К ней приделана узкая ступенька, сложенная из половинок кирпича. Суфа в западной нише гораздо ниже (высота около 25 см) и менее тщательной отделки: кирпичи идут лишь по краю (в два ряда), а далее заменяются плохо промешанной пахсой, поверху покрытой несколькими слоями глиняной

обмазки с примесью самана. Восточная часть помещения очень разрушена, поверхность стен размыта, наружные ряды кирпичей обвалились. Трюмов здесь нет, и потому можно было бы считать, что ниша с полукуполом в этой части здания отсутствовала. Это делало план постройки очень неправильным, причем асимметричность усиливалась и оттого, что вход помещался не в середине северной стены, а был сдвинут к восточной. Однако в юго-восточном углу удалось определить контуры ступенчатого перехода к нише, такого же, как и в противоположном юго-западном углу, внезапно оборванного и заложенного прислоненным к нему массивом кирпичной кладки восточной стены. Это позволило предположить, что и здесь первоначально была ниша. После тщательной зачистки стен постройки это предположение подтвердилось: выяснилось, что здание подверглось основательному ремонту, было заключено в новую кирпичную оболочку, восточная стена поставлена заново, однако ниша уже не была сделана, чем и объясняется асимметричность постройки. В своем первоначальном виде — с тремя нишами — она просуществовала, по-видимому, сравнительно недолго, так как новая восточная стена стоит на той же поверхности, что и старая, и напластования второго периода использования здания под нее не идут.

В центре комнаты заметен небольшой обожженный участок пола, по цвету которого видно, что горение было слабое, а рядом с ним — небольшая овальная ямка, размером 65×25 см и глубиной не более 5—7 см.

Вход имел вид узкого и длинного из-за большой толщины стен проема, заложенного квадратными сырцовыми кирпичами стандартных размеров.

Заполнение помещения, мощностью около 1 м в южной части с постепенным понижением до 0,8 м по направлению к северной стене, почти не содержало остатков рухнувших конструкций, за исключением немногочисленных обломков сырцовых кирпичей с небольшой

примесью самана в верхних слоях завала и над самым полом. Они отличались по размерам от кирпичей, из которых сложены стены и суфа (40×?×9 см и ?×23×9 см). Можно думать, что это — остатки купола, перекрывавшего помещение и опиравшегося на три полукупола ниш. По расположению кирпичей в завале ясно, что он разрушался в несколько приемов: часть рухнула прямо на пол комнаты, оставшаяся часть — на уже наслоившийся путем наносов и постепенного размыва стен аморфный слой.

В заполнении помещения выявлены два слоя: первый, соответствовавший времени разрушения постройки, и второй, связанный с ее вторичным использованием.

Над полом лежал плотно утрамбованный завал, состоявший из обломков кирпичей, толщиной от 0,2 м в середине комнаты до 0,4—0,6 м у стен. В завале встретились только обломки толстостенной посуды с грубыми примесями дресвы и шамота. Поверхность суфы была покрыта глинисто-песчаными намывами с вкраплениями кирпичных обломков. На поверхности этого завала залегал мощный пласт (40 см толщины) навоза, остатков плетенных из растительных волокон подстилок, хвороста, веточек, соломинок и т. п. Нижний слой этого пласта превратился в сплошную черную гарь, верхний, значительно более тонкий, перегорел только там, где соприкасался с остатками кострища, залежавшими между этими двумя слоями. Пепел сосредоточивался в основном в восточной половине помещения, около западной стены гарь отсутствует (рис. 44, б).

В восточной части комнаты, поверх навоза и частично в нем найдены два человеческих скелета, лежавших на спине, головой к северу. Кости третьего были разбросаны в беспорядке в западной части помещения, череп обнаружен в юго-восточном углу. Захоронения не сопровождалось инвентарем, если не считать фрагмента алебастровой крышки от оссуария, найденной в навозном слое у северной стены, недалеко от входа, но она совершенно очевидно относится к более раннему времени. Кости не несли следов огня. Видимо, трупоположения некоторое, возможно длительное, время были открытыми: над костями, особенно в западной половине, накопились глинистые намывы, веточки и прочий наносный слой. Все это было перекрыто, как уже указывалось выше, кирпичным завалом, весьма незначительным по мощности.

Захоронения, очевидно, были сделаны внутри постройки лишь после того, как она уже разрушилась и была заброшена: над полом ко времени совершения погребения уже накопился слой, образовавшийся вследствие разруше-

ния стен и потолка. Заброшенное, но еще сравнительно хорошо сохранившееся здание с, возможно, еще частично существовавшей крышей служило пристанищем пугников, может быть пастухов, о чем свидетельствуют остатки очага-костра, подстилок и т. п., подвергнувшихся глению и превратившихся в черную гарь. И лишь позднее внутри здания были совершены захоронения. Наши соображения подтверждаются результатами произведенного Т. А. Трофимовой изучения антропологического материала. Она, отметив неоспоримое сходство антропологического типа и облика людей, погребенных в «замке» № 50 и на раннесредневековой части кладбища Наринджан-баба, склонна относить захоронения к одному и тому же времени — IX—X вв. н. э., исходя из того, что это время для Наринджан-бабы установлено относительно точно¹³¹. Строительство же описанного нами памятника, как мы сейчас постараемся показать, восходит к более раннему времени. Прежде всего весь оазис прекратил существование в VIII в. н. э. (основная масса усадеб была заброшена в середине VIII в. н. э.). Позднее новое строительство не производилось, лишь кое-где эпизодически осваивались сравнительно хорошо сохранившиеся замки. Уже одно это заставляло предполагать, что и дом № 50 одновременен всему комплексу памятников оазиса. В самом деле, он построен в той же строительной манере, с применением строительных материалов тех же образцов, что и другие памятники оазиса, относящиеся к VII—VIII вв. Так, например, кирпичи, использованные для строительства, обычных для этого периода размеров 35×35×9 (10), 36×36×9 (10), 37×37×9 (10) см, в то время как позже VIII в.н.э. кирпич делается мельче. Совершенно той же формы тромпы, что и в здании № 50, зафиксированы в купольной постройке замка № 36, датированной VIII в. н. э.¹³² Далее, возведение куполов в оазисе, по целому ряду данных, относится только к концу VII— началу VIII в. н. э. Кроме того, предлагаемая дата — конец VII — начало VIII в. н. э. — подтверждается и такими деталями внутренней планировки, как глубокие ниши в стенах здания под полукуполом и с суфами внутри, которые находят полнейшие аналогии в жилых помещениях верхнего горизонта в усадьбе № 32, датированных VIII в. н. э. по монетам. И, наконец, в слое над полом найдены фрагменты керамики, характерной только для афригидской эпохи. К сожалению, это обломки стенок

¹³¹ Т. А. Трофимова. Древнее население Хорезма по данным палеоантропологии. МХЭ, вып. 2, М., 1959, стр. 416.

¹³² С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 148.

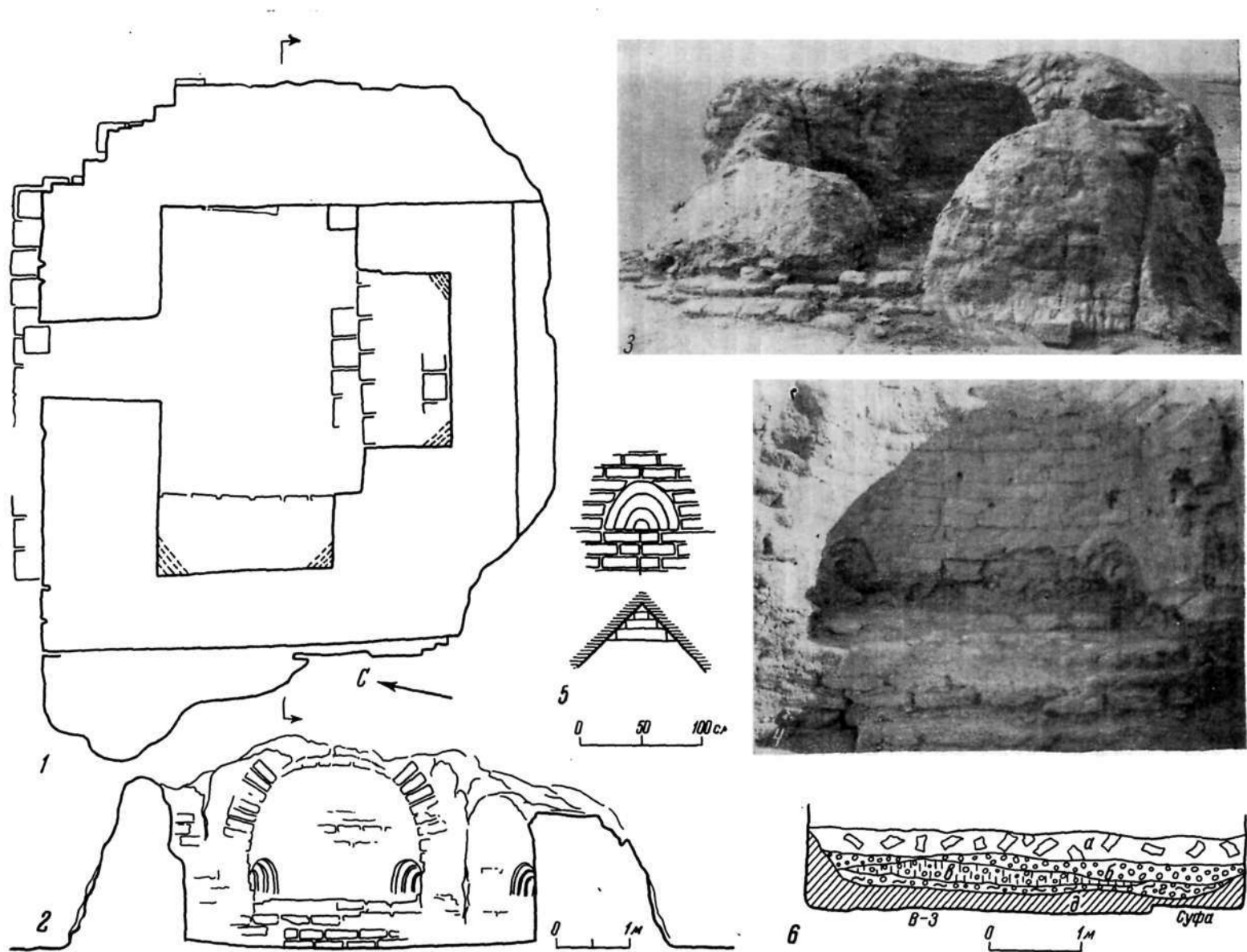


Рис. 44. «Дом» № 50

1 — план, 2 — разрез, 3 — общий вид, 4 — южная ниша, 5 — тропи, 6 — стратиграфический разрез: а — кирпичный завал, б — навозный слой, в — навозный слой с пещом, на его поверхности лежали костяки, г — темный сажистый слой перегнившего навоза, д — плотный аморфный завал

сосудов, по которым о формах судить невозможно, но состав глиняного теста (большая примесь дресвы и шамота), обработка поверхностей, особенности выделки сосудов — все это не позволяет отнести найденную керамику ко времени позже VIII в. н. э.

Теперь перейдем к вопросу о назначении постройки. Это, очевидно, не жилое строение, а скорее всего здание культового назначения. Обращает на себя внимание торжественный характер его архитектуры, подчеркнутый куполом и полукуполом ниш. Сразу же бросается в глаза сходство с мавзолеем IX—X вв. Кыз-Биби, находящимся близ Мерва¹³³. Не подлежит сомнению, что в основе обоих памятников лежит единая планировочная схема, хотя и более примитивно выполненная в хорезмском. С другой стороны, внутренняя планировка дома № 50 — две (а может быть, и три) суфы по стенам — типична для пнджикентских наусов, где на суфах размещались астаны и ставились сосуды¹³⁴. В связи с этим очень интересна находка в доме № 50 фрагмента крышки алебастрового оссуария. Четырехскатная с вертикальным опущенным бортиком, она подобна крышкам оссуариев из замка № 36, датированных VIII в. н. э. Можно предположить, что этот фрагмент в здании № 50 скорее всего имеет отношение к первоначальному использованию здания. Если это так, то тогда перед нами самый ранний из известных сейчас в Средней Азии мавзолеев типа центрических купольных киосков. В самом деле, аналогичные постройки южной Туркмении — сырцовый мавзолей Кыз-Биби в районе Мерва и два мавзолея из жженого кирпича (близ крепости Чарджуу и мавзолей Ахмада) датируются более поздним временем — соответственно IX и X—XI вв. Установление того факта, что описываемый нами памятник Беркут-калинского оазиса построен в доарабский период, имеет большое принципиальное значение. Еще до сравнительно недавнего времени традиция возводить мавзолеи над могилами особо почитаемых лиц связывалась с исламом. В 1948 г. Б. Н. Засыпкин предполагал, что строительство в Средней Азии мавзолеев «возникло лишь с распространением мусульманского культа», утверждая: «Были ли в Средней Азии мавзолеи в домусульманское время — неизвестно»¹³⁵. Однако в настоящее время возник-

ла возможность иного подхода к решению поставленного вопроса. В частности, открытие и исследование пнджикентского некрополя позволили Б. Я. Ставискому выявить генетическую функциональную связь между наусами и позднейшими мавзолеями, установив, что и те и другие возводились как семейные усыпальницы¹³⁶. Был сделан важный вывод о глубокой местной традиции возведения в Средней Азии мавзолеев¹³⁷. Определилась тенденция связывать становление архитектурной формы купольных центрических мавзолеев с развитием местного водчества.

В. Л. Воронина, согласившись с Б. Я. Стависким относительно функций построек, полагала, что с точки зрения архитектурной формы наусы вряд ли могли служить примером для строителей мавзолеев, имевших к тому же в своем распоряжении накопленный к этому времени богатый опыт гражданского строительства, а главное — умение возводить купольные жилые сооружения¹³⁸.

Г. А. Пугаченкова также полагает, что в основе строительства первых купольных киосков лежат традиции местной архитектуры, сравнимая надмогильное сооружение Кыз-Биби с точкой зрения его композиции с центральным купольным помещением среднеазиатских кёшкков, как бы выделившихся в самостоятельный объем¹³⁹. Генезис этих киосков, согласно ее концепции, восходит к «тем однокомнатным купольным постройкам, которые существовали в Хорасане еще до прихода арабов»¹⁴⁰. Речь идет о храме огня эпохи Сасанидов Кала-и-Духтар возле Нишапура¹⁴¹.

Сходство архитектуры надмогильных киосков ислама и храмов огня эпохи Сасанидов отметил также С. Ройтер, подчеркнувший, с другой стороны, что в них очень много общего также с христианскими церквями. Действительно, памятники Сирии, относящиеся к V—VI вв. н. э., — крестовокупольные церкви, мавзолеи (например, мавзолей Bizzos'a в Северной Сирии)¹⁴² — разительно напоминают зороастрийские постройки Ирана (чартаки, храмы огня).

¹³⁶ Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков. Е. А. Мончадская. Пнджикентский некрополь, стр. 95.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ В. Л. Воронина. Проблемы раннесредневекового города Средней Азии, стр. 291.

¹³⁹ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры..., стр. 344.

¹⁴⁰ Там же, стр. 186.

¹⁴¹ E. Herzfeld. Damascus. «Studies in Architecture». Ars Islamica, MCMXLII, part 1—2, v. IX, 1942, p. 33.

¹⁴² G. Tchalenko. Villages antiques de la Syrie des Nord, v. II. Paris, 1953, pl. LXXXVI.

¹³³ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры..., стр. 175.

¹³⁴ Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков, Е. А. Мончадская. Пнджикентский некрополь. МИА, № 37, М.—Л., 1953, стр. 65—66 и сл.

¹³⁵ Б. Н. Засыпкин. Архитектура Средней Азии. М., 1948, стр. 16.

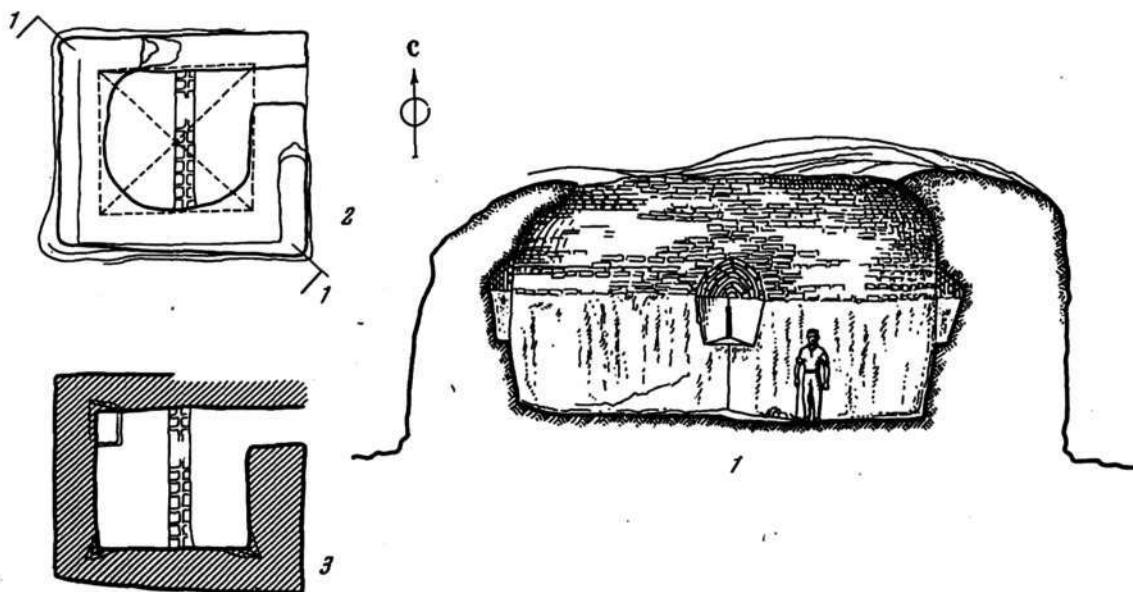


Рис. 45. «Дом» № 115

1 — разрез башни, 2 — план по уровню тротуара, 3 — план по полу

Однако С. Ройтер не видит в этом сходстве прямой связи, усматривая причину его в параллельном развитии по общему пути¹⁴³.

В то же время сходство настолько существенно (в основе всех этих зданий лежит так называемый обнаженный крест), что некоторые исследователи считают возможным искать истоки архитектуры мавзолеев мусульманского времени в христианской церковной архитектуре, с которой население Средней Азии познакомились задолго до прихода арабов¹⁴⁴.

Итак, ясно, что архитектурная форма, лежащая в основу строительства первых купольных центральных киосков, была выработана до арабского завоевания (может быть, на территории Ближнего и Среднего Востока). Открытие сооружения № 50 позволяет утверждать, что традиция постройки таких зданий над могилами также возникла в доисламские времена. Действительно, если первые центральные купольные киоски, известные на территории южной Туркмении, датируются IX—X вв. н. э., то мавзолей в Беркут-калинском оазисе был построен не позже начала VIII в. н. э. Очень важно, что здание предназначалось для выполнения погребального ритуала, ничего общего не имевшего с мусульманским. Оно, как и пенджикент-

ские наусы, по-видимому, являлось вместилищем оссуариев и, таким образом, связано с зороастрийским обрядом захоронений, в то время как в известных до сих пор мавзолеях совершались захоронения в традициях мусульманства — наземные или подземные труположения. Не исключено также, что в древних мавзолеях совершали определенные обряды, связанные с распределенными среди населения верованиями, и, таким образом, они сочетали функции погребального сооружения и храма.

Открытие и изучение дома № 50 позволяет несколько расширить существующее представление о способах захоронения в древнем Беркут-калинском оазисе. Обнаружение оссуариев в замке № 36 привело С. П. Толстова к заключению о захоронениях внутри усадеб, что вполне согласуется с замкнутым образом жизни хорезмийцев афригидской эпохи, ограниченным прочными стенами укрепленной усадьбы¹⁴⁵. На этом основании некоторые исследователи склонны противопоставлять погребальные обычаи раннесредневекового и античного Хорезма, так как в последнем, по их мнению, преобладали коллективные захоронения¹⁴⁶. Это противопоставление вряд ли правомерно, так как ни в одном из раскопанных замков погребений не было (№ 92, 28, 19, Якке-Парсан), и, по-видимому,

¹⁴³ S. Reuther. Sasanian architecture. SPA, v. I, p. 557.

¹⁴⁴ Р. Л. Кызласов. Исследования на Ак-Бешиме в 1953—1954 гг. «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. II. М., 1959, стр. 233.

¹⁴⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 150.

¹⁴⁶ В. Л. Воронина. Проблемы раннесредневекового города Средней Азии, стр. 288.

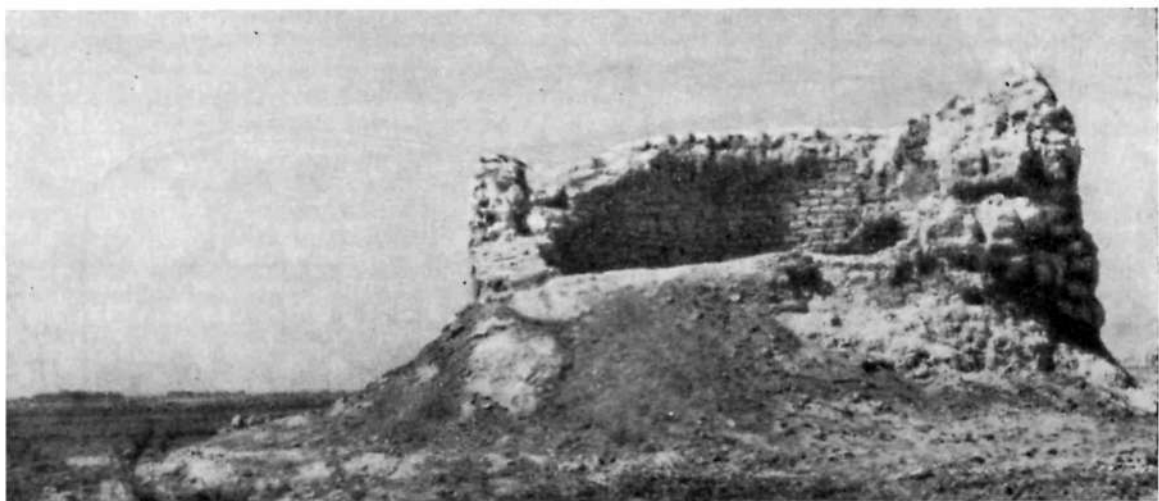


Рис. 46. «Дом» № 115

захоронения в усадьбах были не правилом, а скорее, исключением. В некоторых случаях на поверхности замков найдены обломки оссуариев, но, как выяснилось, асоданы были поставлены на развалины усадеб позднее. Осколки глиняных оссуариев с прочерченным волнообразным орнаментом на крышке, имевших, по-видимому, форму ящика на ножках наподобие обнаруженных в одном из помещений замка № 36, собраны на поверхности усадьбы № 64, переставшей существовать несколько раньше соседних. В некоторых комнатах Якке-Парсана на поверхности завала над полом были поставлены алебастровые оссуарии, потом раздавленные при падении стен и остатков потолка. Мы предполагаем, что замок к этому времени был уже заброшен и погребения совершались в наиболее сохранившихся комнатах. Думается, что местом массовых захоронений могла быть горная цепь Султан-Уиздаг, окаймлявшая древнюю «культурную зону» на западе и северо-западе. Горы эти, к сожалению, еще не обследовались детально с этой целью, однако там во время разведочных маршрутов Г. П. Снесаревым и М. Г. Воробьевой в 1960 г. уже найдены фрагменты статуарных оссуариев различных периодов.

Другое здание, упомянутое нами, — № 115 расположено в 6 км к северу от одной из крупнейших крепостей оазиса Уй-калы (кстати, дом № 50 находится недалеко от Тешик-калы). Сейчас, окруженное колхозными хлопковыми полями, оно имеет вид отдельно стоящей башни. Но и тогда, когда вокруг была еще пустыня, к нему не примыкали никакие постройки,

лишь метрах в 200—300 были два, теперь уже разрушенных, прямоугольных сооружения, обведенных низкой оградой.

Башня, квадратная в плане, сложена из пахсовых блоков высотой около 1 м и возвышается на 3,5 м над окружающей поверхностью. Благодаря такой высоте на стенах сохранились остатки тромпов (в северном, южном и восточном углах), посредством которых осуществлен переход от квадрата стен к куполу перекрытия (рис. 45). Кое-где видны также остатки барабана, сложенного из девяти рядов квадратных кирпичей ($34 \times 34 \times 9$ см), и начало купола, тоже кирпичного, но из прямоугольного сырца размерами $23 \times 11,5 \times 7$ см. Треугольной формы тромпы в виде перспективных арочек утоплены в оболочку стен, благодаря чему диаметр купола превышает поперечник основания башни (рис. 45, 1). То же явление отметила В. Л. Воронина, опубликовавшая и проанализировавшая обмеры подобной конструкции купольного перекрытия в усадьбе № 36¹⁴⁷. Строительная техника обоих памятников иллюстрирует первые шаги зодчих раннесредневекового Хорезма в области возведения куполов. По-видимому, древние строители не умели делать выступающей над плоскостью стен пояс подкупольной зоны, вместо чего они заглубляли углы здания, выкладывая арки тромпов.

Поверхность пола башни приподнята над уровнем прилегающих полей на 0,8 м. Всю западную половину здания занимает суфа, край

¹⁴⁷ В. Л. Воронина. Строительная техника древнего Хорезма, стр. 99, рис. 10.

которой выложен кирпичом. На суфе — квадратная очажная вымостка из четырех кирпичей, сильно обожженная и покрытая плотным слоем белой спрессованной золы. Низ стен и пол опалены до звонкости. По-видимому, постройка уже после того, как оазис был заброшен и население его ушло, долго не разрушалась, так как она хранит следы последующих (уже в XI — начале XIII в.) эпизодических посещений и стоянок случайных путников или пастухов. Поэтому наслоения афригидской эпохи VII—VIII вв. н. э. оказались нарушенными и перерывными, а материал перемешан с позднейшим¹⁴⁸.

¹⁴⁸ См. о раскопках башни: Е. Е. Неразник. Раскопки в Беркут-калинском оазисе в 1953—1956 гг., стр. 124.

Назначение башни, построенной, очевидно, не раньше VII — начала VIII в. (скорее в начале VIII в.), не совсем ясно, хотя такая бросающаяся в глаза особенность, как следы интенсивного пламени в ней, сохранение слоя белого пепла на очажной выкладке, говорит о том, что сооружение было посвящено культуре огня.

Однако только функционально можно сравнить эту постройку с известными святилищами — храмами огня; по планировке и внешнему оформлению она не имеет с ними ничего общего. Это различие может объясняться локальными чертами архитектуры Хорезма в ее провинциальном варианте, если предположение относительно назначения здания верно.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ОАЗИСА

ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Земледелие Краткие сведения письменных источников о Хорезме времени Афригидов не позволили бы составить представление об экономике афригидского Хорезма, не будь в нашем распоряжении других материалов, в частности археологических. Основываясь на них, можно контролировать сведения арабоязычных авторов IX—XI вв., уже гораздо подробнее характеризующих страну и занятия ее населения.

Следует также учесть, что пустыня, поглотив некогда возделанные земли раннесредневековых оазисов, создала исключительно благоприятные условия для изучения древней топографии и оросительной сети района, сохранив даже очертания полей.

Виды сельскохозяйственных культур и плодовых деревьев, произраставших в оазисе, можно довольно подробно охарактеризовать по найденным при раскопках усадеб семенам проса, джугары, пшеницы, ячменя, дынь, арбузов, винограда, хлопка, слив, вишен, яблок, абрикосов, персиков. Сорты многих из этих культур, по определению специалистов, подобны современным, выращиваемым в Средней Азии. Например, разновидности абрикосов и персиков близки распространенным сейчас очень ценным, промышленного значения сортами «Курсадык» (район Самарканда) и «Мирсанджели» (Фергана). Некоторые из них напоминают особо любимые населением за высокие вкусовые качества ферганские сорта «Кондак» и «Бобой». Персики

мало отличались от современного сорта «Инжиршафтамо»¹.

В усадьбах найдено много семян проса, джугары и дынь. Закрома в некоторых хозяйственных помещениях были буквально засыпаны просом, иногда его рассыпали прямо на пол комнаты, между суфами (видимо, для просушки). Известно, что эти культуры имели большое значение для населения средневекового Хорезма, поскольку давали важнейшие продукты питания. Это отметил Ибн-Фадлан, упомянув просо в числе сделанных им в Хорезме дорожных запасов². Многие исследователи, побывавшие в Хивинском оазисе конца XIX в., сделали вывод, что «дыня употребляется туземцами как почти единственное кушанье летом, с хлебом»³. Тот же факт подчеркнул А. Шишов относительно узбеков Ташкентского оазиса⁴.

По данным исследователей Хивинского ханства, «наибольшие выгоды население получает от посева дынь и проса, так как первые высеваются главным образом на малоценных низинах,

¹ Определение сделано кандидатом сельскохозяйственных наук В. Назаркиным, доцентом Самаркандского сельскохозяйственного института.

² Извлечение из «Записки» Ибн-Фадлана. МИГТ, т. I, стр. 158.

³ Краузе. О хивинском земледелии. ИРГО, 1874, т. X, стр. 43.

⁴ А. Шишов. Сарты. Сборник для статистики Сыр-Дарьинской области, вып. XI. Ташкент, 1901, стр. 225.

требуют малой обработки почвы и растут без полива, а просо высевается на неокончательно вымоченных еще низинах и вообще землях малоплодородных и дает огромные урожаи»⁵.

Пшеница же требует много воды, и поэтому в XIX в. в Хиве ее сеяли преимущественно богатые люди⁶. Как обстояло дело в Беркут-калинском оазисе, неизвестно, но, хотя находки зерен пшеницы встречаются гораздо реже, чем проса или джугары, это была, безусловно, важнейшая зерновая культура, которую издавна сеяли среднеазиатские жители. Ее большая роль, в частности в сельском хозяйстве Согда VII—VIII вв., засвидетельствована текстами хозяйственных документов из архива замка с горы Муг⁷.

Зерна риса обнаружены только в Тешик-кале (донжон), поэтому пока остается невыясненным, какую роль играла эта культура в экономике афригидского Хорезма.

Кроме того, как установлено, в Беркут-калинском оазисе сеялся тонковолокнистый сорт хлопка, из которого делались высокосортные хлопчатобумажные ткани; на их описании мы остановимся ниже.

Возле некоторых усадеб, как уже говорилось, видны очертания полей. Обычно это система различной длины и ширины гряд, квадратов и прямоугольников, причем, пользуясь сравнительными данными, почерпнутыми из описания полеводства в Хивинском ханстве и в современной практике земледелия, в некоторых случаях удается определить по форме полей, для каких культур они предназначались.

Так, квадратный или прямоугольный участок под бахчу или виноградник делился каналом на две неравные части, и обе они в свою очередь разбивались узкими арычками шириной 0,7—0,9 м на гряды 3,6—4 м × 32—35 м⁸. Эти гряды и арыки древних «огородных плантаций» почти не выражены в рельефе поверхности и выглядят как чередование темных и светлых полос разной ширины (рис. 47).

Зафиксирована и другая планировка — система прямоугольников размерами 9×34 м, 20×20 м, 27×28 м, которые скорее всего исполь-

зовались под посевы злаков, так как и в конце XIX в. пашня разделялась земляными валиками на прямоугольники различной площади.

Мы подробно обследовали поля в районе усадеб № 13, 60 и 66. Во всех случаях это система различных планировок, включающая бахчи или виноградники и разной величины квадраты и прямоугольники. При изучении планировок полей, относящихся скорее всего к крупному замку № 60, мы обратили внимание на расположенный примерно посреди занимаемой ими территории бугор — развалины постройки. В результате раскопок оказалось, что это однокомнатный домик, сложенный из пахсы и кирпичей. Стены сохранились на высоту 1—1,5 м, перекрытия не выяснены из-за небольшой высоты стен. У стены с наружной стороны были вкопаны хумча и два водоносных кувшина. Внутри помещения не оказалось никаких конструкций. Вероятно, это было жилье сторожа, используемое, быть может, только в период полевых работ.

Сходство очертаний полей оазиса с современными может служить доказательством близости приемов их орошения. Данные археолого-топографического отряда Хорезмской экспедиции свидетельствуют об усовершенствовании ирригационных сооружений, предпринятом к периоду раннего средневековья и выразившемся в том, что оросительные каналы стали делаться более глубокими и узкими, чем в предшествующее время, а это говорит о более рациональном использовании воды. Если ширина каналов периода хорезмийской античности была в среднем 10—15 м, а наиболее крупных — 30 м, то ширина каналов афригидской эпохи — 7—8 м. В XI—XII вв. они становятся еще более узкими, не превышая, как правило, 3—4 м. Кроме того, с II—III вв. н. э. арыки стали отводить от основной водной артерии не под прямым углом, а под острым, что облегчало распределение воды на поля⁹. С. П. Толстов пришел к выводу, что конфигурация полей в VII—VIII вв. становится более разнообразной и сложной, чем в первых веках нашей эры, знаменуя «приближение нового периода в развитии системы полеводства»¹⁰. Кроме того, есть основания полагать, что уже с IV—V вв. применялись искусственные удобрения полей, для чего использовались пахса и сырец старых построек¹¹.

⁹ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1963, стр. 246; С. П. Толстов, Б. В. Андрианов. Новые материалы по истории развития ирригации в Хорезме. КСИЭ, 1957, XXVI, стр. 5—11.

¹⁰ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. ТХЭ, т. II, стр. 111.

¹¹ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 246.

⁵ Гиршфельд, Галкин. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Ташкент, 1903, стр. 168.

⁶ Гальперин. Хива в нынешнем ее состоянии. «Отечественные записки», 1840, кн. VIII, стр. 117.

⁷ Согдийские документы с горы Муг, вып. III. Хозяйственные документы. М., 1963, стр. 30, 32, 34 и др.

⁸ Размеры грядок современной бахчи — 3,3—3,5 м. ширина разделяющих их арыков 60—90 см; для виноградника они делались примерно той же ширины. Данные взяты из полевого дневника Б. В. Андрианова № 81 за 1955 г. Архив Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР.

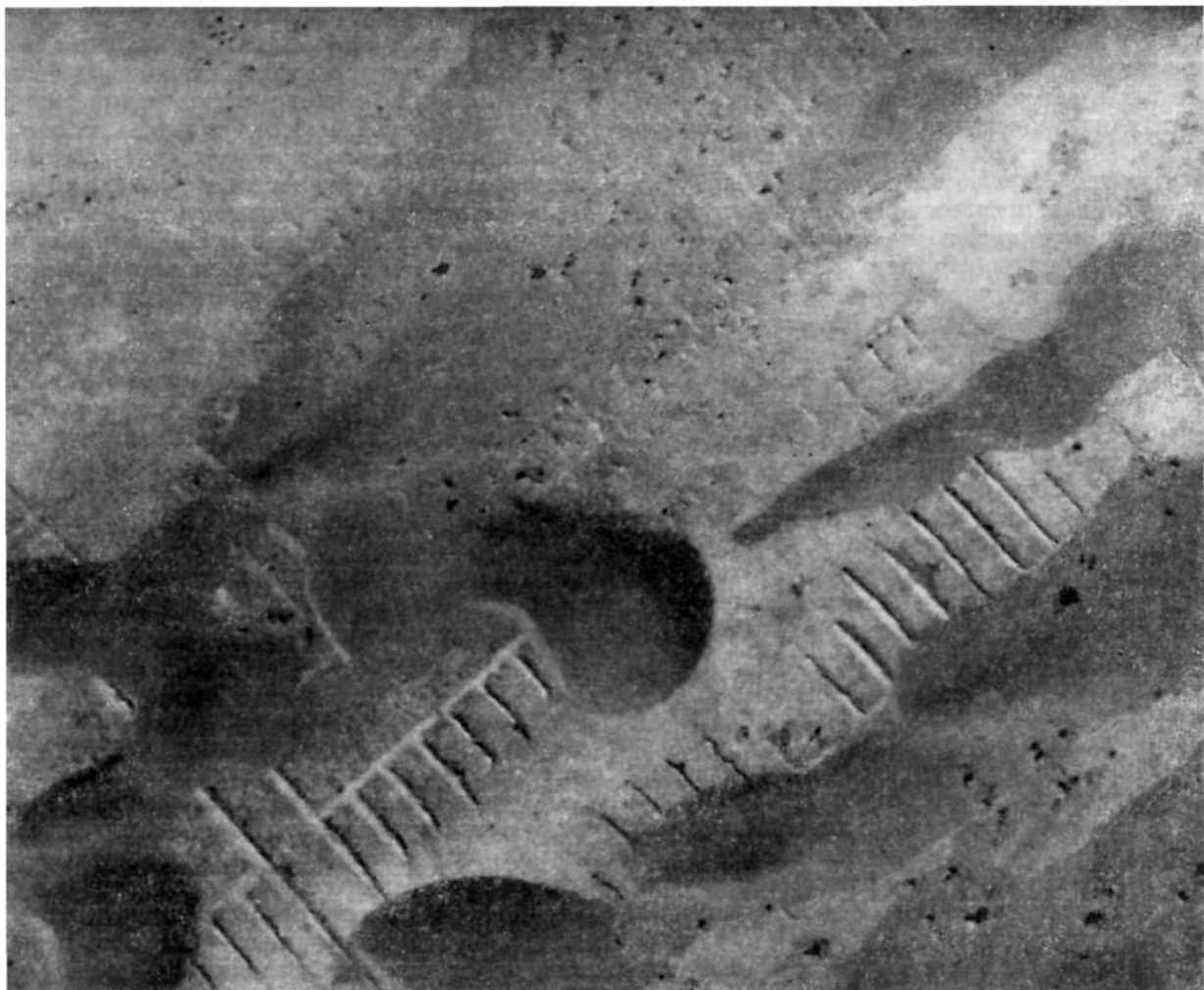


Рис. 47. Планировка древних полей в районе усадьбы № 66

Благодаря раскопкам усадеб № 92, 30, 28 и Якке-Парсана известен и некоторый сельскохозяйственный инвентарь. Это — лопаты, кетмень, виноградарские ножи, серп (рис. 48).

Рабочая часть найденной в Якке-Парсана лопаты массивна и сделана из железа. Орудие это прямоугольной формы (16×12 см) со скобой, к которой при помощи штырей крепилась деревянная рукоятка. Кетмень в замке № 92 и совершенно целый экземпляр из Ток-калы (в одном из кладов) были трапециевидной формы при длине 25,5 см и ширине 19 см. Наряду с ними на Ток-кале найдены и прямоугольной формы кетмени¹².

Серпы и виноградарские ножи так же, впрочем, как и вышеупомянутые орудия труда, мало отличались от тех, которыми еще недавно широко пользовалось население Средней Азии и которые кое-где для домашних работ употребляются и сейчас (рис. 48, 17, 19, 20).

Основным пахотным орудием служила, видимо, деревянная соха с железным наконечником, насаженным на заостренный конец рабочей части, поставленной под острым углом к тяглу, так как это универсальный тип примитивного пахотного орудия, широко распространенного в древности у различных народов (естественно, с вариантами в конструкции) и дожившего, например в Средней Азии, вплоть до периода коллективизации. После обмолота урожая для проветывания зерна пользовались большими деревянными лопатами. Обломок такого инстру-

¹² Ю. Манылов. Железные орудия труда VIII в. н. э. из Ток-калы. «Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР», 1963. № 3

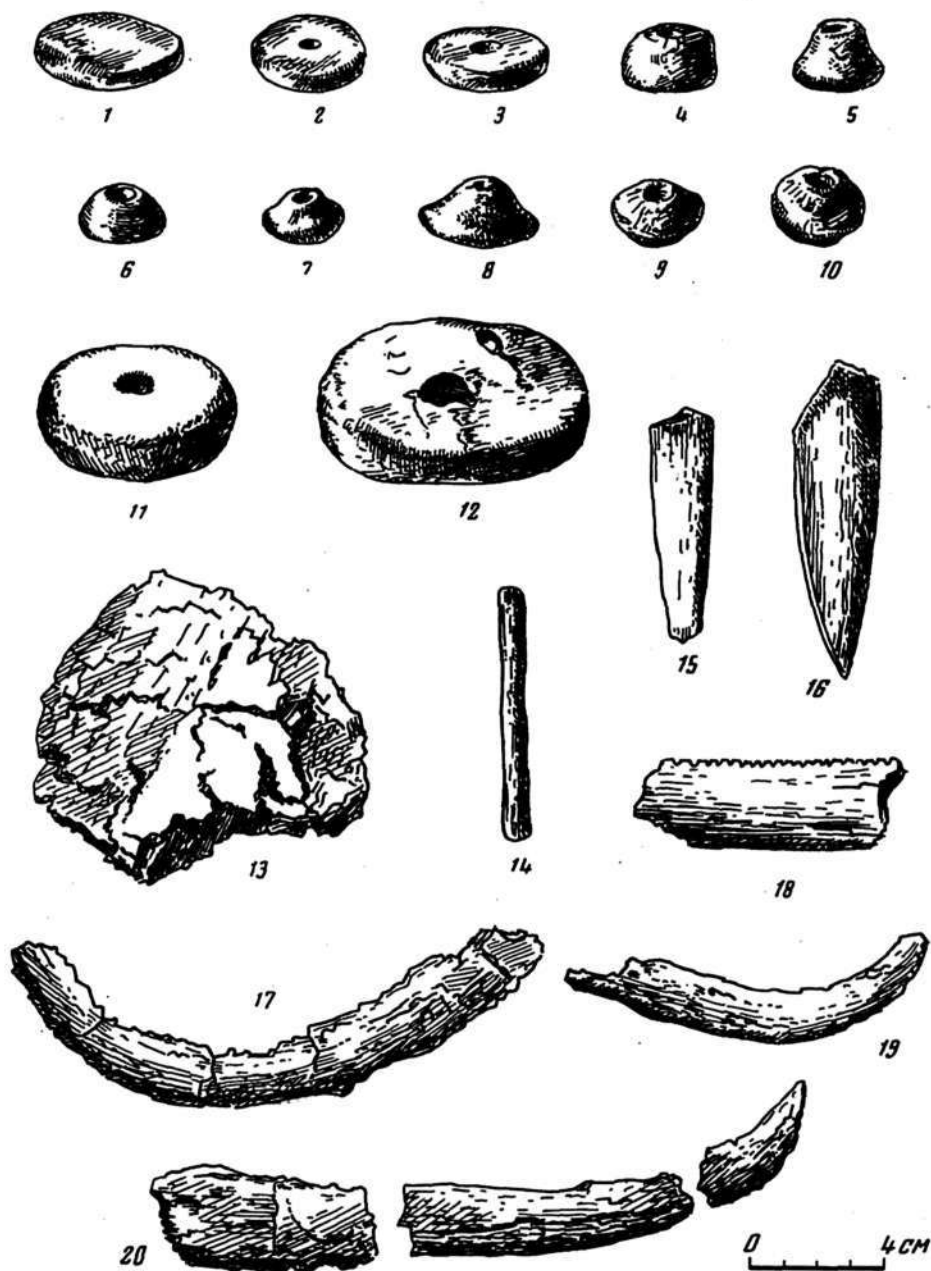


Рис. 48. Предметы хозяйственного обихода

1—10 — керамические пряслица, 11, 12 — деревянные пряслица, 13 — обломок кетменя, 14 — бронзовый стержень, 15, 16 — костяные иглы «кочедыги», 17, 20 — железные серпы, 18 — костяной предмет, 19 — железный виноградарский нож

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОСТНЫХ ОСТАТКОВ ЖИВОТНЫХ
ИЗ РАСКОПОК АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ БЕРКУТ-КАЛИНСКОГО ОАЗИСА*

Наименование вида	Беркут-кала	Замок № 28	Замок № 8	Замок № 92	Замок № 30	Замок № 22	Замок № 19	Замок № 59	Замок № 64	Замок № 115	Всего
Крупный рогатый скот	176/5	103/3	57/2	45/2	23/1	13/1	—	2/1	1/1	4/1	424/17
Мелкий рогатый скот	184/22	162/14	121/3	70/3	4/1	20/4	4/1	7/2	54/5	33/4	659/59
Свинья	25/3	39/2	—	19/2	1/1	2/1	—	—	—	1/1	87/10
Лошадь	83/4	47/2	7/1	5/1	21/2	3/1	—	2/1	—	—	168/12
Осел	24/2	7/1	—	—	1/1	1/1	—	—	—	—	33/5
Верблюд	3/1	3/1	—	—	—	—	—	—	—	—	6/2
Собака	22/3	1/1	1/1	—	—	—	—	—	—	—	24/5
Джейран	7/5	5/2	—	4/2	—	2/1	—	—	1/1	—	19/11
Кулан	—	2/1	—	—	—	—	136/1	—	—	—	138/2
Бухарский олень . .	5/1	—	—	1/1	—	—	—	—	—	—	6/2
Лисица	1/1	1/1	—	—	—	—	—	—	—	—	2/2
Корчак	—	—	4/2	—	—	—	—	—	—	—	4/2
Заяц	—	1/1	—	—	—	—	—	—	—	—	1/1
Птица	9	9	7	2	—	—	1	—	—	1	29

* Числитель означает общее число костей, знаменатель—число особей.

мента, сделанного из куска дерева, найден в донжоне Якке-Парсана. Длина лопаты превышает 70 см (она сохранилась неполностью), ширина рабочей части 32 см; к ручке она суживается до 10 см¹³.

Мельничные орудия всегда встречаются в усадьбах оазиса. Это — одна из самых распространенных находок. В Беркут-калинском оазисе найдены ручные жернова и жернова типа «харос», т. е. приводившиеся в движение силой животных¹⁴. Зернотерки встречаются значительно реже, чем камни от жерновов, что свидетельствует об их меньшем употреблении.

Камни зернотерок обычно длиной 15—20 см при ширине 11,5—18 см и толщине 5—8 см. Материалом для их изготовления служили чаще всего песчаник и известняк. Края верхнего камня немного опущены вниз для устойчивости и большего сцепления при движении. Верх камня выпуклый и грубо обработан, внутренняя поверхность вогнута и сильно стерта. Материалом для камней ручных жерновов по большей части служит известняк, песчаник или, реже, гранит.

Их диаметр колеблется от 32 до 48 см, толщина 4—6 см, отверстие для рычага — 2—3 см.

Жернова типа «харос», приводившиеся в движение силой животных, встречены в помещениях Тешик-калы и в Адамли-кале. Их диаметр достигает 70—80 см, толщина 3—6 см, материал тот же, что и ручных жерновов. Верхняя поверхность грубо обработана, нижняя во всех случаях сильно стерта. Как установил Я. Г. Гулямов, незначительная толщина жерновов свидетельствует, что такие жернова, как и более поздние, употреблялись для размолва зерна на крупу.

Скотоводство и охота

Другим важным занятием населения оазиса было скотоводство. В. И. Цалкин исследовал свыше 1300 костей от 120 особей.

Этот материал вместе с опубликованными данными по Тешик-кале¹⁵ дает уже известное основание для некоторых выводов.

Прежде всего из приведенных таблиц видно, что стадо Беркут-калинского оазиса состояло из крупного и мелкого рогатого скота, свиней, верблюдов. Основой стада был мелкий рогатый скот — овцы и козы (55—61% всего поголовья). Второе место по числу голов занимал крупный рогатый скот (15—16%). Важное значение придавалось, по-видимому, разведению свиней, процент которых в стаде равнялся проценту

¹³ Е. Е. Н е р а з и к. Раскопки Якке-Парсана. МХЭ, вып. 7, 1963, стр. 16, рис. 13, 13.

¹⁴ Особенно много жерновов и зернотерок было найдено на Тешик-кале. Данные о них взяты у Я. Г. Гулямова, тщательно их обработавшего (см.: Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957, стр. 121, 122).

¹⁵ В. И. Ц а л к и н. Фауна античного и раннесредневекового Хорезма. ТХЭ, т. I, М., 1952, стр. 215.

Таблица 2

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ВИДАМИ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ ПО ЧИСЛУ ОСОБЕЙ

Памятники	Всего особей	Из них, %					
		крупный рогатый скот	мелкий рогатый скот	свинья	лошадь	осел	верблюд
Замок № 28	23	13	60,9	8,7	8,7	4,35	4,35
Замок № 92	8	25	37,5	25	12,5	—	—
Замок № 30	6	16,66	16,66	16,66	33,36	16,66	—
Беркут-кала	37	13,5	59,5	8,1	10,8	5,4	2,7

крупного рогатого скота. Основными транспортными животными были лошадь и верблюд, которых, как считает В. И. Цалкин, употребляли также в пищу, так как найдено много искусственно раздробленных костей этих животных. Использовали для транспорта и ослов.

Если оценить соотношение костей домашних и диких животных (73—85% к 27—15%), то можно сказать, что охота играла незначительную роль в занятиях жителей оазиса.

Таблица 3

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ДОМАШНИМИ И ДИКИМИ ЖИВОТНЫМИ ПО ЧИСЛУ ОСОБЕЙ

Памятники	Всего животных		Домашних		Диких	
	всего особей	%	всего особей	%	всего особей	%
Замок № 28	29	100	24	83	5	17
Замок № 92	11	100	8	73	3	27
Замок № 30	6	100	6	100	0	0
Беркут-кала	47	100	40	85	7	15

Охотились в основном на крупных животных: джейранов, куланов, бухарских оленей и гораздо меньше — на зайцев, лисиц. Интересно, что в костном материале совсем нет (не считая единичных находок из Тешик-кала) костей дикого кабана; учитывая, что для исследования были собраны костные остатки из семи замков, это нельзя считать случайностью. По-видимому, местом охоты были ближайшие и в те времена пустынные районы, примыкавшие к оазису со стороны горы Кокча и южных Кызылкумов (а также участки между культурными зонами древнего Кельтеминара и Беркут-калинского оазиса, так как есть основания полагать, что они никогда не смы-

кались в единую возделанную полосу), куда кабаны заходили редко.

В. И. Цалкин констатировал увеличение с течением времени значения мелкого рогатого скота в животноводстве древних хорезмийцев, предположительно объяснив это явление сокращением пастбищных угодий¹⁶. Однако он основывался на очень еще незначительном численно материале (всего только из двух памятников оазиса), и поэтому результат исследования мог носить случайный характер. Действительно, новый материал из раскопок семи усадеб внес существенные коррективы в сделанные исследователем выводы: согласно новым данным, поголовье мелкого рогатого скота в раннем средневековье если и выросло сравнительно с античным периодом, то очень незначительно¹⁷. К тому же, насколько мы могли проследить историю оазиса, динамику орошенных площадей, расширения возделанной территории за счет пастбищ в VII—VIII вв. по сравнению с первыми веками нашей эры не произошло.

При обследовании усадеб обнаружилось отсутствие специальных помещений для скота, часть его держали, вероятно, во дворах. Лишь в последний период обитания в усадьбах, когда наблюдается явный упадок жизни в оазисе, многие из комнат превращаются в помещения для скота. Может быть, следует предполагать наличие отгонного скотоводства, дальних выпасов, как это наблюдается и теперь, когда скот, принадлежащий населению нынешнего Кырккызского участка Турткульского района, выпасают на пастбищах в дельте Аму-Дарьи, около Аральского моря.

Развитие ремесел. Домашние ремесла. Результаты раскопок рисуют замкнутый быт обитателей усадеб, хозяйство которых носило натуральный характер, и позволяют говорить о развитии домашних ремесел, таких, например, как ткацкое и кожевенное.

Во многих усадьбах оазиса найдены вещественные остатки ткачества: пучки шерсти, нитки, веретено (Якке-Парсан, Тешик-кала), фрагменты тканей и даже одежды (Тешик-кала, Якке-Парсан, замки № 36 и 11) и пряслица.

Коротко остановимся на описании перечисленных предметов, выделяя при этом технику плетения тканей, особенности которой косвенно отражают высокий уровень развития домашнего ткачества, умение ткачей изготавливать

¹⁶ В. И. Цалкин. Указ. соч., стр. 244.

¹⁷ Там же, стр. 243 и табл. 2 настоящей работы.

кустарным способом тонкие, хорошего качества хлопчатобумажные и шерстяные ткани.

Остатки тканей, преимущественно хлопчатобумажные, найдены многократно. По виду они совсем не отличаются от современной среднеазиатской «маты»¹⁸. Это редкая или более плотная ткань с одинаковой или разной толщиной нитей основы и утка. Переплетение простейшее, цвет, по-видимому, во всех случаях был белый (рис. 49, 2, 4). Сохранились остатки хлопчатобумажной одежды: в помещениях Тешик-калы и замка № 36 найдены фрагменты халата — куски белой хлопчатобумажной ткани с остатками войлока между ними. В центральной комнате донжона Якке-Парсана среди прочих вещей обнаружены фрагменты женских штанов, спитых точно так же, как шьют их и сейчас туркменки¹⁹, узбечки и таджички²⁰; разница заключается в том, что теперь для штанов используется разная ткань — верх делается из более грубой, часто хлопчатобумажной, низ штанин надшивается более яркой и тонкой шелковой, а на Якке-Парсана они изготовлены из одинаковой ткани. Ткань сплетена таким образом, что на ней выступает выпуклый орнамент, к сожалению плохо сохранившийся и трудно определяемый. Можно лишь различить, что в нем повторяется один и тот же элемент — изображение стилизованных бараньих рогов (см. рис. 49, 3).

Среди шерстяных тканей можно выделить несколько разновидностей.

1. Основа из темных и светлых нитей переплетается с одинарной темной нитью утка.

2. Переплетение более толстых, чем в первом случае, одинарных разных по цвету (основа — темные, уток — светлые) нитей основы и утка. Очень похожая по технике выработки ткань из верблюжьей шерсти у современного населения Средней Азии еще недавно шла на изготовление теплых халатов (рис. 49, 7, 8).

3. Простая ткань, образованная очень редким переплетением толстых, одинарных одинакового цвета нитей основы и утка (рис. 49, 5, 6).

4. Основа из двойной шерстяной нитки переплетается с двойной шерстяной нитью утка (рис. 49, 9).

5. Нити утка одинарные, нити основы скручены по три.

Встречены и обрывки нескольких паласов.

1. Полосатый палас. Основа хлопчатобумажная, нити утка — шерстяные, переплетение простое. Полосы разной ширины, цвет их зависит от окраски нитей утка. Каждая полоса сделана из нитей разной толщины, причем одна из них, ближе к кайме, напоминает «алоджа» на современных среднеазиатских паласах (рис. 49, 1). Она состоит из многих разных по цвету нитей, скрученных в виде шнура²¹. Край сделан из заплетенных в косичку хлопчатобумажных нитей утка и основы, собранных по четыре. Может быть, была бахрама.

2. Палас простого плетения. Нити основы и утка одинарные шерстяные.

3. Палас (мешочек типа современного мешка — чувала) шерстяной с двойной основой. Выделяются ворсовые полосы, полученные путем подрезания нитей утка.

4. В заключение нельзя не упомянуть кусок паласа из Тешик-калы, сделанного из толстых шерстяных ниток, окрашенных в разные цвета и образующих сложный рисунок в виде полос с кружками или цветками-розетками с затененной серединой. Подобный орнамент украшает ткани, из которых сделаны одежды джикан, изображенных на пенджикентских росписях²².

И, наконец, следует особо отметить маленький фрагмент шелковой набивной ткани желтого цвета, узор на которой состоит из сочетаний элементов, встречающихся в настенной живописи древних среднеазиатских памятников²³.

Много встречено и остатков войлоков. Один из них, судя по его тонкости и прочности, мог быть частью одежды, кстати, на нем видны следы шва.

При прядении древние пряжи применяли деревянные двусторонние гребни размером 17×12 см, служившие, по-видимому, для расчесывания шерсти, так как и сейчас местное население пользуется такими гребнями. Все эти предметы найдены в Тешик-кале, Якке-Парсана, а также в замке на горе Муг²⁴.

²¹ По устному сообщению Г. П. Васильевой.

²² «Живопись древнего Пенджикента», т. I. М., 1954, табл. VII, X.

²³ В. Л. Воронина. Архитектурный орнамент древнего Пенджикента. «Скульптура и живопись древнего Пенджикента». М., 1959, стр. 91, рис. 1 б.

²⁴ И. Б. Бенгтович. Указ. соч., стр. 365, рис. 2, 3; см. также: С. В. Иванов. О находках в замке на горе Муг (керамика, плетеные и кожаные изделия, ткань). «Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР», вып. 2. Душанбе, 1952.

¹⁸ В замке на горе Муг обнаружены обрывки таких же тканей (см.: И. Б. Бенгтович. Находки на горе Муг. МИА, № 66, М.—Л., 1958, стр. 362).

¹⁹ Народы мира. Народы Средней Азии и Казахстана, II. М., 1963, стр. 89; А. Джикиев. Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря (историко-этнографический очерк). Ашхабад, 1961, стр. 99.

²⁰ Народы мира. Народы Средней Азии и Казахстана, I. М., 1962, стр. 599.

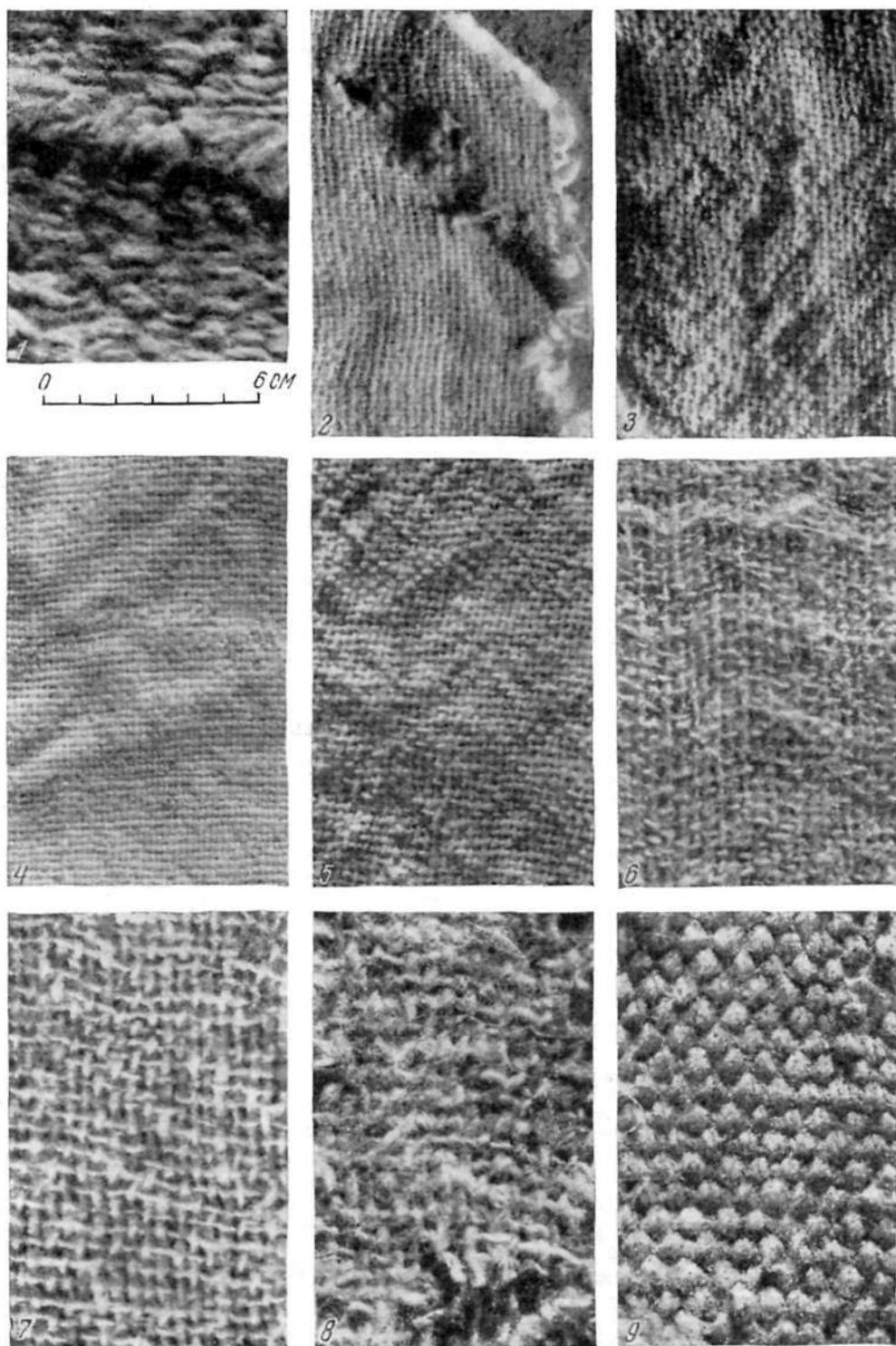


Рис. 49. Образцы тканей VII—VIII вв.



Рис. 50. Фрагменты обуви

1 — туфля из Якке-Парсана; 2 — сапог (замок № 11)

Пряслица — одна из самых распространенных находок в усадьбах, столь же обычная, как и обломки глиняной посуды. Они непременно встречаются при раскопках стандартных комнат с суфами и очагами, свидетельствуя о том, что в каждой семье, занимавшей отдельный комплекс комнат, занимались прядением и ткачеством.

Различаются: а) биконические пряслица в виде двух усеченных конусов, составленных основаниями; высота их от 2 до 3 см, диаметр основания 2,5—3 см, диаметр отверстия 3—5 мм (рис. 48, 9, 10); б) конические пряслица высотой от 1,5 до 2,5 см, диаметр основания — 2,5—3,5 см, диаметр отверстия 3—6 мм (рис. 48, 5—8); в) плоские кружочки толщиной 0,3—0,6 м, диаметром 2,5—3,5 см, диаметр отверстия 2—6 мм (рис. 48, 1—4).

По всей видимости, наиболее древняя форма пряслиц — плоские кружочки. Биконические пряслица, так же как и конические, встречаются на античных памятниках Хорезма.

Продукцию сапожников характеризуют остатки кожаной обуви, найденной при раскопках дождонов в Тешик-кале, замках № 36 и 11, Якке-Парсана. В некоторых случаях удается установить фасон обуви и выяснить, что она мало отличалась от той, которая шилась в крестьянских семьях Средней Азии еще в недавнем прошлом.

Так, в центральном помещении Якке-Парсана обнаружена небольшая женская или детская мягкая туфля, причем видно, что носок ее загибался кверху, а на задник наложены узкие полоски кожи (рис. 50, 1). Тут же находились куски необработанной кожи, а также заготовки для обуви.

В замке № 11 найдены остатки сапога с мягкой подошвой и носком, загибавшимся кверху (рис. 50, 2).

Рассматривая произведения домашних мастеров — одежду или обувь — можно отметить их сходство с предметами материальной культуры современного населения Средней Азии. В первых главах, где речь шла о внешнем облике и внутренней планировке жилищ, мы отмечали то же сходство в отдельных деталях внутреннего устройства комнат, в общих принципах строительства усадеб. Все это, безусловно, свидетельствует о глубоких местных традициях культуры современного населения Средней Азии, в частности северного Узбекистана, где расположен Хорезмский оазис. Проведенное в свое время специальное этнографическое обследование южных районов современного оазиса, территориально совпадающих с самым центром древнего государства, показало эту преемственность очень наглядно²⁵. Однако автор его, М. В. Сазонова, тогда еще не располагала сведениями, которые теперь позволяют говорить, что уже в VII—VIII вв. сложились черты материальной культуры, оказавшиеся характерными для узбеков — потомков древнего населения Хорезма (М. В. Сазонова искала аналогий, обращаясь главным образом к периоду XI—XII вв., лишь изредка выходя за эти хронологические границы)²⁶.

Ремесленные
центры оазиса.
Большая
Кырк-кыз-кала

Тщательное обследование оазиса и раскопки жилых построек выявили, что наряду с домашними ремеслами, которыми занимались обитатели каждой усадьбы, в оазисе были ремесленные центры, где жили и работали специалисты-ремесленники, обслуживавшие всю большую сельскую округу. К ним в первую

²⁵ М. В. Сазонова. Материалы по этнографии узбеков южного Хорезма. ТХЭ, т. I, М., 1952.

²⁶ Будем надеяться, что дальнейшее накопление материалов будет иллюстрацией к мысли С. П. Толстова о том, что VII—VIII вв. н. э. — время сложения широких общностей в этническом и культурном отношении — время сложения народностей (см.: С. П. Толстов. Периодизация древней истории Средней Азии. КСИИМК, вып. 28, М.—Л., 1949, стр. 28).

очередь относится Большая Кырк-кыз-кала. Большая Кырк-кыз-кала — это развалины хорошо укрепленного поселения, возникшего, по-видимому, в античную эпоху. Мощная кирпичная стена, окружающая крепость, снабжена двумя рядами стреловидных бойниц и двухэтажными, округлой формы башнями. В середине северной стены находилось предвратное сооружение — лабиринт; возможно, укрепленный вход был и в южной стене. Крепость построена на небольшой возвышенности — вершине одного из отрогов Султан-Уиздага, каменистая поверхность которой проступает внутри крепости сквозь остатки кирпичных и глинобитных построек.

Планировка построек, располагавшихся сплошным массивом, легко «читается» на поверхности, особенно, у западной стены. Здесь видны очертания кирпичных стен больших комнат, составляющих многокомнатное здание: иного вида строения из более мелких по площади комнат располагались по соседству у северной стены. Вся поверхность развалин, кстати очень слабо выраженных в рельефе, усыпана обломками керамики — водоносных кувшинов, хумов с овальным валиком-венчиком, украшенным ямками от вдавлений пальцами, и посуды других форм, относящейся к позднеафригидской эпохе (VII — начало VIII в.). Посуда более раннего времени (IV—VI вв.) здесь не обнаружена.

На Большой Кырк-кыз-кале обнаружены остатки керамического и железоплавильного ремесел в виде скоплений керамических и железистых шлаков и ожелезненного песчаника. Однако средоточием этих производств являлась, безусловно, не сама крепость, а ее ближайшие окрестности. Все пространство у восточной стены, ограниченное древним Кырк-кызским каналом, занято керамическими обжигательными печами, о которых подробно будет сказано ниже.

Значительная по площади территория у подножия стены крепости с северной стороны, где к ней примыкает обведенная низкими, разрушенными кирпичными стенами пристройка, покрыта осколками железорудной породы, обломками стенок печки и кусками шлаков. Скопления шлаков, породы, кусков сильно обожженной желтой обмазки указывают на места, где были железоплавильные печи (рис. 51).

К югу от крепости, метрах в 30—50 находилось многокомнатное здание, теперь превратившееся в бугор, западный склон которого сплошь покрыт россыпью обломков железистой породы, шлаков, образующих отдельные холмики.

Б. В. Андрианов, обследуя оросительную систему в этих местах, отметил, что следы же-

лезоделательного производства обнаруживаются далеко на север от Большой Кырк-кыз-калы²⁷.

Железоплавильная
мастерская
у Большой
Кырк-кыз-калы

Остатки железоплавильной мастерской VII — начала VIII в. н. э. раскопаны нами в 3 км юго-западнее крепости, у магистрального канала. Развалины мастерской выглядят довольно плоским низким бугром (самая высокая точка его превышает уровень прилегающих такыров не более чем на 0,9 м) с хорошо прослеживающейся на поверхности планировкой. Благодаря этому даже без раскопок, только зачисткой поверхности установлено, что дом занимал площадь 12×13 м и состоял из четырех помещений. Северная часть его разрушена сильнее южной, все наслоения внутри располагавшихся там двух комнат оказались смытыми (как частично и стены), и обнажилась наклонная поверхность бугра, образовавшегося, как выяснилось, в результате разрушения более древней, чем описываемый дом, постройки. Точно датировать ее не удалось; благодаря небольшому шурфу оказалось возможным только констатировать наличие древнего сооружения, но для определения его возраста материал из шурфа слишком незначителен — найдено всего несколько фрагментов керамики, по ряду признаков относящейся к античной эпохе.

В двух других комнатах (№ 1 и 2), занимавших северную часть дома, вскрыто три пола. Нижний в обоих случаях очень испорчен норками грызунов и сильно опален; может быть, это следы пожара. Следующий, второй, пол отделен от нижнего тонкой рыхлой прослойкой (6—9 см), покрыт навозной обмазкой и истлевшей почерневшей камышовой циновкой. Помещение № 2 в этот период было жилым — в культурном слое много костей животных и керамики, в то время как соседнее (№ 1) уже являлось железоплавильной мастерской: там обнаружены куски шлаков, стенок печи, крупные комья обгорелой глины. Основываясь на найденных в этом слое осколках посуды VII—VIII вв., можно с уверенностью отнести мастерскую к этому периоду.

На верхних полах (где найдена та же керамика VII — начала VIII в. н. э.) обоих помещений обнаружены остатки железоплавильных печей, причем в одном из них (№ 2) они имели вид хаотического нагромождения обломков печины, покрытых ярко-желтой, прокаленной до звонкости обмазкой, пористого шлака зеленовато-сероватого цвета и тяжелых ржавой окраски

²⁷ Б. В. Андрианов. Полевой дневник № 80 за 1955 г. Архив Хорезмской экспедиции АН СССР.

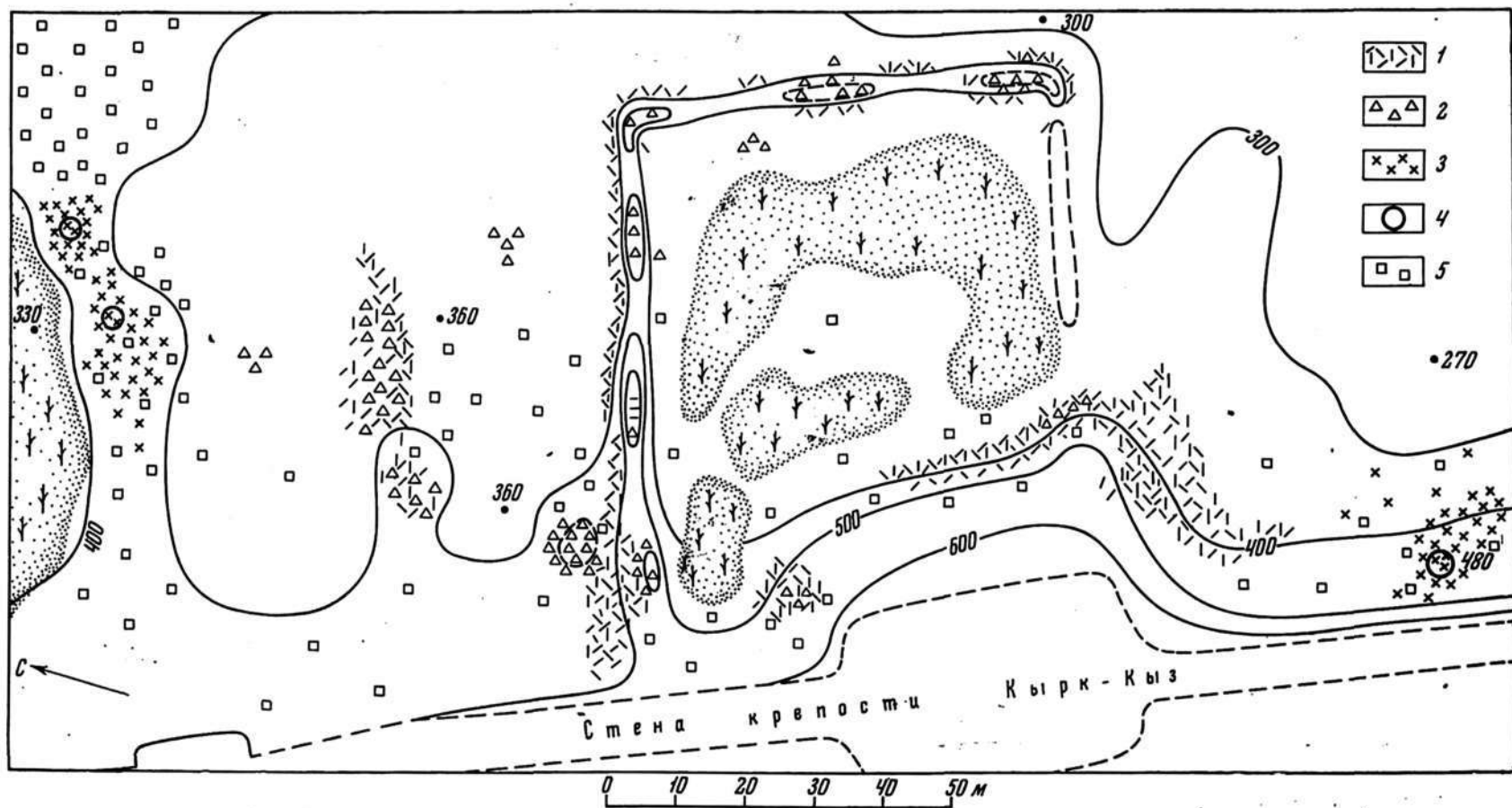


Рис. 51. Остатки железоплавильного производства у Большой Кырк-кыз-калы

1 — крицы и железистые стяжения, 2 — скопления обломков песчаника, 3 — гончарный шлак, 4 — печь, 5 — фрагменты керамики

кусков железистой породы, а также золы и углей; в золе удалось расчистить основание печи и выяснить некоторые детали ее конструкции (рис. 52).

Печь была устроена на прямоугольном возвышении, сложенном из сырцовых кирпичей, обожженных до звонкости и красноты. Сохраняющаяся часть этого возвышения длиной 0,9 м и высотой около 0,4 м. Дно камеры, покрытое плотной прокаленной ярко-желтого цвета обмазкой, суживается в северной части, где в нем сделано углубление полуовальной формы (30×20 см), из которого маленькое отверстие диаметром 10 см ведет в желоб шириной 25 см, небольшими участками прослеженный на полу комнаты. Углубление было плотно забито шлаками, обломками обмазки и углем. По-видимому, сюда стекало расплавленное железо, затем вытекавшее по желобу в специальный приемник. К северной части возвышения примыкает развалившаяся конструкция с углублением тех же размеров и формы, что и обнаруженное в поде. Может быть, это продолжение печи, подлинными размерами которой неизвестны (рис. 53).

Таким образом, в конструкции печи остается очень много неясного. Прежде всего не совсем понятно, из какого материала она построена — целиком ли сложена из сырцовых кирпичей, что представляло бы некоторое неудобство на первых этапах использования печи, или стенки были сделаны из другого материала, например из плит песчаника, осколки которого, иногда ошлакованные, найдены в комнате. Видимо, печь была стационарная и не разламывалась после плавки, так как сооружен желоб для выведения из нее железа. Можно только догадываться о форме печи (обычно считается, что сыродутные печи были купольные), устроена ли она была под крышей помещения или уже на развалинах здания, так как стены комнаты испорчены ямами со следами огня, углями и золой в заполнении их и т. д.

Однако, несмотря на все эти неясности, одно несомненно — это наземный сыродутный горн, в котором получали кричное железо.

Металлографический визуальный анализ образцов шлаков из мастерской показал, что они сложны по составу и включают много окислов железа, из чего можно заключить, что коэффициент полезного действия печки был невысок.

Три из пяти исследованных образцов из заполнения помещения № 2 оказались кусками ожелезненной глинисто-сланцевой породы с большой примесью опаленного кварца и гидрокислов железа. Ошлакование кварца произо-

шло при температуре не менее 1200—1300°²⁸. Два других образца — сложные по составу шлаки, в которых много окислов железа (магнетит, гематит), также не могли образоваться при температуре более низкой. Следовательно, в печи поддерживалась температура, вполне достаточная для восстановления железа и отделения его от пустой породы, превращающейся в шлак (железистый шлак образуется при температуре выше 1100°)²⁹.

Что же касается ожелезненной глинисто-сланцевой породы, то это, по-видимому, обломок руды, из которой в мастерской плавиле железо.

По сведениям специалистов, ожелезненные породы в больших количествах прославляют меловые толщи Султан-Уиздага.

Обильные выходы песчаников наблюдаются в районе крепости Малый Кырк-кыз; на них, вероятно, и базировалось железоплавильное производство, сконцентрировавшееся у Большой Кырк-кыз-калы.

Использование лимонитовых руд железистых песчаников Султан-Уиздага, содержащих небольшой процент железа, не требовало специальных горных разработок, что, несомненно, было большим удобством для мелкого производства.

Открытие этих мастерских несколько расширяет существовавшее до сих пор представление о развитии ремесел в древнем Хорезме, так как существует мнение, что в этой стране металлообрабатывающего производства вообще не было³⁰.

Конечно, запасы Султан-Уиздага не могли бы служить основой для большого развития железоделательного производства в городах, которое скорее всего работало на привозном сырье. М. Е. Массон предполагает, что оно завозилось от болгар с Волги³¹.

Однако для деревенских кузнецов и мастеров-плавильщиков при незначительных масштабах их производства местная руда и ее запасы были, надо думать, вполне пригодны, и возможно, что их изделия и по качеству, и по количеству удовлетворяли спрос покупателей из ближайших селений, обходившихся без городского рынка.

²⁸ Анализ произведен в Институте горнорудных месторождений АН СССР младшим научным сотрудником Н. Н. Курцевой.

²⁹ Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, вып. 32, М., 1953, стр. 25.

³⁰ М. Е. Массон. К истории черной металлургии Узбекистана. Ташкент, 1947, стр. 29.

³¹ М. Е. Массон. Указ. соч., стр. 29.

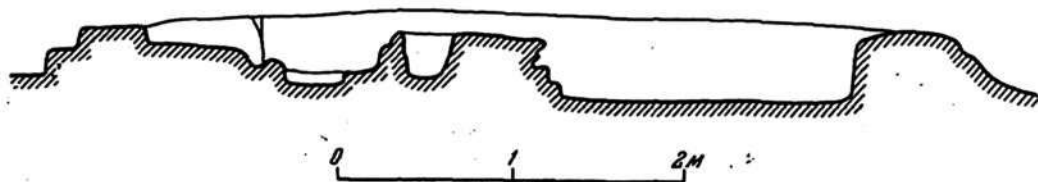
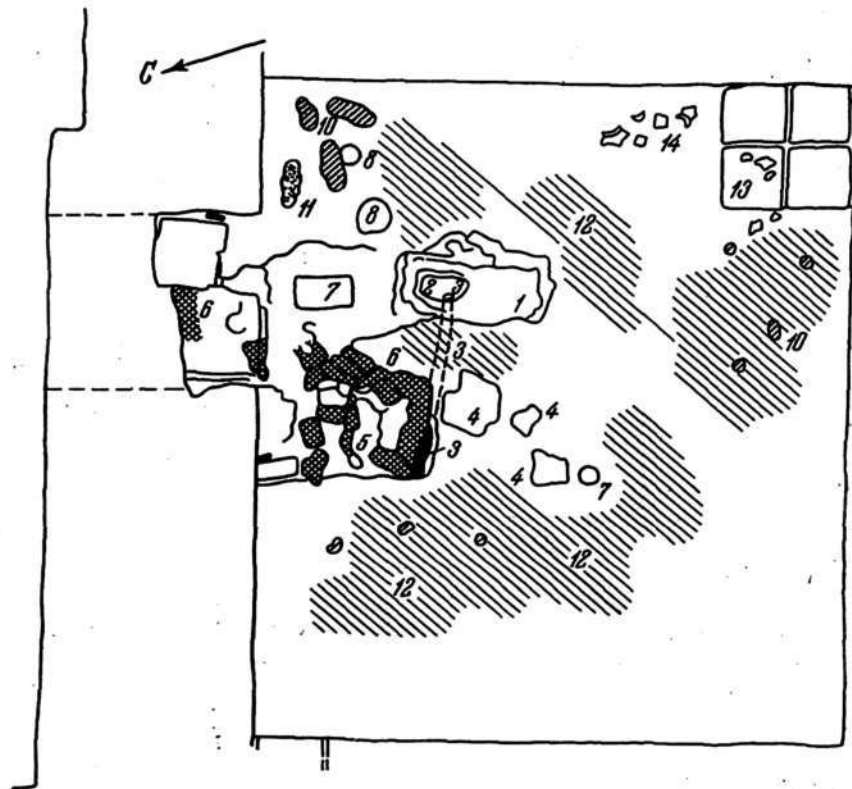


Рис. 52. Железоплавильная мастерская у Большой Кырк-кыз-калы

1 — под печи, покрытый перекаленной желто-зеленого цвета обмазкой, 2 — углубление с сильно обожженной поверхностью, 3 — канал для стока расплавленной массы, 4 — обломки ожелезненного песчаника, 5 — зола, 6 — фрагменты стенок печи, 7 — оплакованное углубление, 8 — ямки, заполненные золой и углями, 10 — куски кирпича, 11 — обломок гранита, 12 — скопление шлака, 13 — кирпичная выкладка, 14 — фрагменты керамики

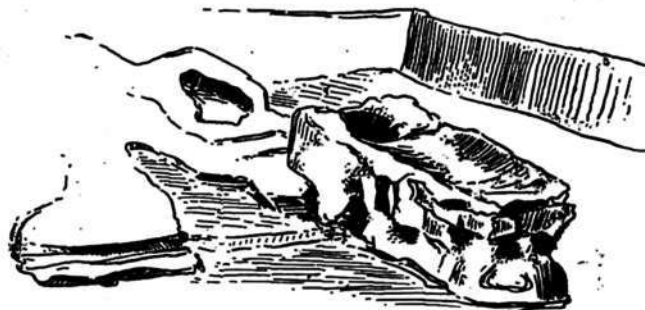


Рис. 53. Остатки железоплавильной печи

Керамическое
производство
VII—VIII вв. н. э.
у Большой
Кырк-кыз-калы

Большая Кырк-кыз-кала оказалась средоточием не только железоплавильного ремесла, но и керамического, обслуживавшего в VII—VIII вв. н. э., по-видимому, обширную округу, так как остатки гончарных печей этого времени обнаружены только здесь. Печи составляют две группы. Одна вытянулась цепочкой вдоль восточной крепостной стены Большой Кырк-кыз-калы, у самого ее подножия, другая расположена поодаль, у ответвления канала. Здесь, по-видимому, находились наиболее крупные печи; в результате их разрушения образовались огромные черные от шлака бугры, один из которых был раскопан (рис. 54).

Раскопанная нами печь оказалась весьма интересной, отличающейся по конструкции от всех известных пока в древнем Хорезме. Она сохранилась плохо: уцелела только нижняя камера, верхняя, обжигательная, разрушилась настолько, что не осталось даже обмазки пода, не говоря уже о стенах. Однако само межкамерное перекрытие с продухами к нему кое-где сохранилось, и принципы, на которых основано было функционирование печи, реконструируются в общем легко.

Печь в плане была овальных очертаний. Стены ее (повсюду речь идет только о нижней камере) сложены из крупных сырцовых кирпичей и их обломков — по-видимому, они были взяты из развалин старых построек — и очень толсты, причем толщина их была различной в разных участках: в южном — 1,7 м, в северном — 1,2 м, что объясняется, вероятно, ремонтом неравномерно разрушающейся стены. В центре камеры — массивный столб (рис. 54). Камера была построена на естественном бугре, расчищенном по склонам, где возведены ее стены, поэтому столб представляет собой просто массив грунта, в плане яйцевидный с заостренным концом, размерами 3,3 × 2,6 м. Его окружает канал глубиной 0,5—0,6 м при такой же ширине. Дно канала и его наклонные стенки (отчего он расширяется кверху до 80 см) покрыты несколькими слоями обмазок, от прокаливания приобретших блестящую глянцевую поверхность зелено-черного цвета и, надо думать, сделанных из глины особого состава.

Эта многослойность обмазки получилась в результате починки печи, отчего и ширина канала не одинакова на всем его протяжении. В стенах канала попарно, друг против друга, были сделаны ложа для наклонных глиняных трубок диаметром 10—16 см, открывавшихся в обжигательную камеру, куда через них из топки поступал горячий воздух. В некоторых участках

канала сохранилось его перекрытие — свод, сделанный из маленьких плиточек размерами 15 (18) × 5 (6) × 5 (6) и 15 × 11 × 5 см, причем плитки покрупнее находятся у основания свода, помельче — в его середине.

Обводной жаропроводящий канал у заостренного края столба с двух его сторон крутым уступом обрывается в топку. Уступ подперт каменными глыбами; ими же выложен и край столба, направленный в топку. Таким образом, дно топки находится на 0,9 м ниже дна канала, что имело, безусловно, большое значение, увеличивая тягу. Топка, вынесенная за пределы обжигательной камеры, была прямоугольной формы, размерами 3 × 1,2 м и высотой не менее 1,5 м, если считать ее краем границу, до которой стенки выложены сырцовым кирпичом, опаленным до звонкости (выше начинается слойистый рыхлый грунт). В основании стен кирпич положен вперевязку ложком, выше — плашмя (два ряда).

Топка печи была заполнена слоем белого пепла метровой толщины, залегавшего над ее дном и перекрытого рыхлым грунтом, в верхних слоях насыщенным обломками сильно пережженных сырцовых кирпичей, шлаков, бракованной керамикой. Много обломков сосудов, недожженных или пережженных и смятых, найдено в печи, в обводном канале. Набор ее оказался типичным для усадеб конца VII — начала VIII в. Это: 1) крупные хумы с венчиком-валиком, украшенным ямками от вдавлений пальцами; есть фрагменты стенок с овальными налепными медальонами; 2) водоносные кувшины с треугольным венчиком с «кармашком» изнутри; ручки плоские, суживающиеся книзу, с двумя углубленными прочерченными бороздами на верхней плоскости; 3) кружки со слегка расходящимися краями, легким уступчиком на горле и кольцевидной маленькой ручкой на тулове; 4) хумчи с венчиком в виде трех маленьких валиков, опоясывающих край горла, имеющий вид раструба, резко переходящего в широкое округлое тулово.

Этот комплекс посуды, представленный, как мы видели в первой главе, материалами из раскопок верхних слоев замков № 28, Тешик-калы, Беркут-калы, а также других памятников оазисов, хорошо датируется концом VII — началом VIII в. н. э.

Предтопочное пространство осталось нераскопанным. В него, по-видимому, было обращено устье топки еще одной печи, расположенной совсем рядом с описываемой.

Анализы керамики VII—VIII вв., проведенные в лаборатории физико-химических исследований Всесоюзного научно-исследовательского

института новых строительных материалов³², дают представление о технологии изготовления посуды и исходных материалах, которые применялись для этой цели. Выяснено, что раннесредневековые гончары делали сосуды (в основном хумы) из пластичных бескарбонатных маложелезистых светложгущихся тугоплавных глин следующего химического состава: SiO_2 — 61,91; Al_2O_3 — 20,28; Fe_2O_3 — 2,72; CaO — 5,06; MgO — 1,99; SO_3 — 1,55; Na_2O — 1,26; K_2O — 1,09.

Эти глины, по предположению исследователей, добывались в коренных (морских или озерно-болотных) отложениях дочетвертичной эпохи. При изготовлении керамики в них добавлялся в качестве отощителя песчаник и, реже, крупнозернистый песок. Для получения ангоба использовались те же светложгущиеся маложелезистые глины с добавлением цветных, содержащих незначительную примесь хромофоров — железа, марганца и хрома.

При обжиге такой посуды в печах должна была поддерживаться температура около 850 — 950° и создавалась окислительная среда, однако часть керамики, главным образом небольших размеров и тонкостенная, обнаруживает признаки обжига в переменной среде. Это зависело, по-видимому, от расстановки сосудов в обжигательной камере и регулировки поступления воздуха.

Обращаясь к разбору принципов функционирования печи, мы прежде всего должны отметить две особенности: наличие опорного столба в нижней камере печи и вынесение топки за пределы обжигательной камеры.

Керамические обжигательные печи с опорным столбом в топке довольно широко распространены. На некоторых территориях они известны уже в эпохи энеолита и бронзы (Сузы I, Намазга I и др.)³³, и четырехугольные или круглые, продолжали строиться и в последующие времена в разных областях, например в раннесредневековом Согде (Кафыр-кале, VII—VIII вв. н. э.). Есть сведения о существовании таких печей и вне пределов Средней Азии — в Фанагории и Керчи³⁴ (IV в. н. э.), в Херсонесе

(III—II вв. до н. э.)³⁵ и т. д. Сооружение в середине топки опорного столба, по-видимому, облегчало строительство межкамерного перекрытия.

Однако ранние печи подобного типа гораздо примитивнее позднейших, особенно тех, в которых топка уже не находится под обжигательной камерой. Вынесение ее за пределы печи — безусловно, шаг вперед по сравнению со старой конструкцией, так как это устраняло перегрев пода обжигательной камеры, способствуя более равномерному распределению в ней горячего воздуха. Поиски в этом направлении отмечаются и в раннесредневековом Мерве (VI—VIII вв. н. э.), где также в это время появляются печи, в которых топливо сгорало уже вне печки, хотя их конструкция главным образом в этом сходна с конструкцией кырк-кызской печи: вместо опорного столба их нижнюю камеру делит на две части перегородка с жаропроводящим каналом внутри³⁶.

В раннесредневековом Согде, в Кафыр-кале также строились печи с опорным столбом посредине топки, но другие подробности их устройства, в частности, где помещена топка, неизвестны³⁷.

Можно отметить определенное сходство кырк-кызской печи с печами IV в. н. э. в Фанагории и Керчи, но в последних топливо сгорало под одним из участков верхней камеры, хотя дно топки в этом месте и было заглублено по отношению к остальной ее поверхности³⁸.

В целом печь у Большой Кырк-кыз-калы свидетельствует о попытках усовершенствовать обжигательный процесс: древние мастера стремились избавиться от основного недостатка печей предшествовавшего периода — неравномерного распределения жара в печном пространстве, когда участок пода над топкой подвергался прямому действию пламени и сильно перекаливался, и поэтому посуда в разных ярусах и в разных местах камеры попадала в неодинаковые условия обжига. В кырк-кызской печи перекал пода устранен благодаря вынесению топки за его пределы и прекрасно налажена тяга: топка заглублена сравнительно с нижней камерой, дно каналов постепенно повышается

³² Керамика изучалась методами химического, термического, спектрального, рентгено-структурного и минералого-петрографического анализов. Результаты обобщены в отчете руководителя работ Б. Н. Виноградова «Фазовый состав и микроструктура керамики древнего Хорезма». (Архив Хорезмской экспедиции ИЭАН СССР).

³³ В. И. Сараниди. Керамическое производство древнемаргянских поселений. «Труды ЮТАКЭ», т. VIII. Ашхабад, 1958, стр. 33у.

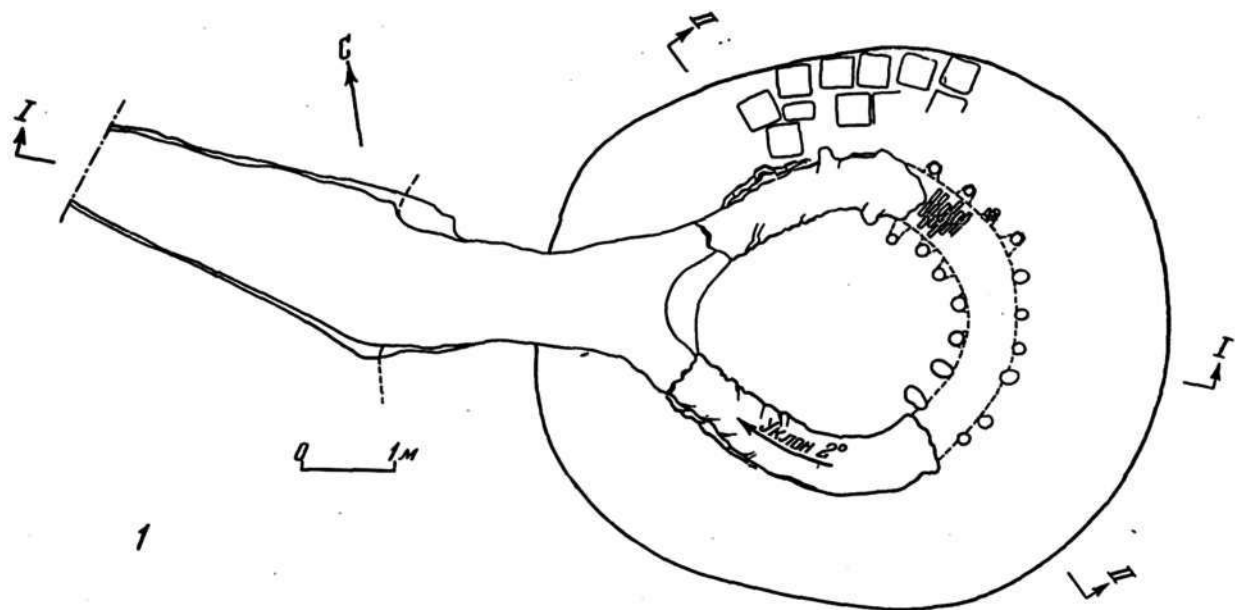
³⁴ В. Ф. Гайдукевич. Античные обжигательные керамические печи по раскопкам в Керчи и Фанагории в 1929—1931 гг. М.—Л., 1934.

³⁵ В. В. Борисова. Гончарные мастерские Херсонеса. СА, 1958, № 4.

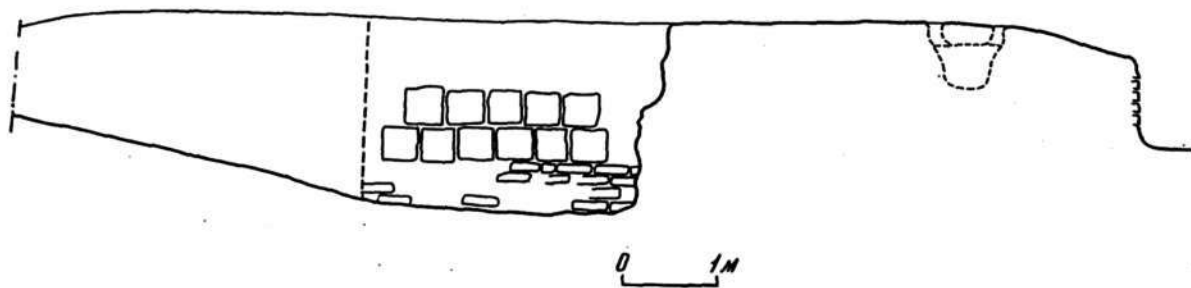
³⁶ Е. З. Заурова. Керамические печи VII—VIII вв. н. э. на городище Гуяр-кала старого Мерва. «Труды ЮТАКЭ», т. XI. Ашхабад, 1962, стр. 189—193 и др.

³⁷ В. Ф. Гайдукевич. Керамическая обжигательная печь Мунчак-тепе. КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, стр. 80.

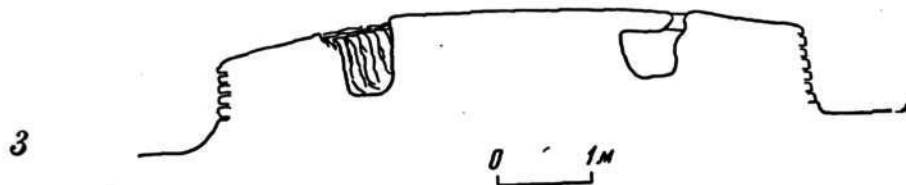
³⁸ В. Ф. Гайдукевич. Античные обжигательные керамические печи, стр. 38 и др.



1



2



3

Рис. 54. Керамическая обжигательная печь VII—VIII вв. у Большой Кырк-кыз-калы
1 — план, 2 — разрез I—I, 3 — разрез II—II

к противоположному, самому удаленному от места сгорания топлива концу. Однако и при этой конструкции создатели ее не избежали полностью недостатка, с которым боролись, так как перекрытие над каналами должно было прогреться иначе, чем поверхность опорного столба, массив которого очень велик, гораздо больше, чем во всех известных нам печах подобного типа. В печах Фанагории, учитывая это обстоятельство, в столбе был сделан внутренний канал, одним концом направленный к топке, другим — в противоположную часть нижней камеры, благодаря чему создавалась прямая тяга и тем самым усиливался приток горячих газов³⁹. В столбе внутри кырк-кызской печи такого канала не было, хотя тяга, как мы видели, налаживалась с тем расчетом, чтобы циркуляция горячего воздуха в самых удаленных от топки участках камеры была нормальной. Температура в обжигательной камере, как показали анализы керамики, поддерживалась такая же, как и в хорезмских печах более раннего времени, в которых обжигалась красноангобированная ремесленная посуда первых веков нашей эры. Однако можно предполагать, что в описываемой печи эта температура достигалась при известной экономии топлива. Насколько привилась в Хорезме описанная конструкция печей, пока неизвестно; ясно лишь, что раскопанная частично в Шемаха-кале печь XIII — середины XIV в. относилась к другому типу, к тому же, что и строившиеся в античном Хорезме⁴⁰.

Беркут-кала

Другой пункт в оазисе, где также отмечается определенная концентрация ремесла, это — Беркут-кала, однако здесь оно получило значительно меньшее развитие, чем в Большой Кырк-кызкале. К замку Беркут-калы с южной и восточной сторон примыкают пристройки, общая площадь которых составляет не менее 5 га. Южная пристройка прямоугольна в плане (со сторонами 100 × 160 м) и окружена пахсовыми стенами с прорезанными в них бойницами, следующими через каждые 2,64—2,7 м. Сплошные бугры древних развалин, выходы на поверхность разрушающегося культурного слоя свидетельствуют о том, что южная часть города была плотно застроена — лишь юго-западный угол ее занят небольшим по площади такыром.

В шурфах и в раскопе, в северо-западном его углу, открыты слои античной эпохи. Целый ряд других данных свидетельствует о том, что

античное поселение имело прямоугольные очертания и было окружено мощной пахсовой стеной с прямоугольными башнями. На территории, некогда занятой этим поселением, возникли южная пристройка и замок. Наслоения, относящиеся к афригидской эпохе, в южной части города не превышают 1—2 м.

В северо-западной части города расчищены фундаменты нескольких разновременных зданий, занимавших, по-видимому, довольно большую площадь. Помещения, там вскрытые, были жилыми и хозяйственными, однако наблюдались признаки существовавшего поблизости железодельного производства: в заполнении помещения одного из зданий встречались железные шлаки.

Восточная пристройка не имеет таких правильных очертаний, как южная: она вытянута с юга на север в форме трапеции. Площадь ее застройки увеличивалась, скорее всего, без заранее намеченного плана и затем была окружена стеной, теперь совершенно разрушенной и возвышающейся в виде вала не более чем на 1—1,5 м, за исключением южной стороны, где ее высота достигает 3—3,5 м. Нужно думать, что стена не была высокой, скорее напоминая ограду типа дувала, чем мощные крепостные укрепления.

Постройки сосредоточивались вдоль стен. Они очень разрушены и сейчас это — низкие и плоские бугры. В центре пристройки находится обширный ровный такыр, лишенный каких бы то ни было признаков планировки и, по-видимому, образовавшийся на месте незастроенной площади. Вообще же следует отметить, что уровень поверхности восточной пристройки примерно на 2 м ниже, чем южной, и в ее рельефе отчетливо прослеживается углубленная полоса, тянущаяся вдоль замка и засыпанная песком. Можно полагать, что это — остатки рва, окружавшего, вероятно, античную крепость и сохранившегося вокруг афригидского замка в период, предшествовавший строительству города, в частности его восточной части.

Разность уровней восточной и южной пристроек объясняется тем, что первая из них оказалась однослойной, построенной непосредственно на такыре, а не на развалинах античного поселения, как южная часть города.

На поверхности пристройки найдены предметы, способствующие выяснению общего характера и назначения расположенных здесь сооружений. Это прежде всего железные крицы и шлаки, россыпи которых обнаружены у южной стены пристройки, и остатки гончарной печи, открытой там же. К сожалению, она до такой степени разрушена, что восстановить ее конструкцию не представилось возможным. Несом-

³⁹ В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 38.

⁴⁰ Н. Н. Вактурская. О раскопках 1948 г. на средневековом городе Шемаха-кала Туркменской ССР. ТХЭ, т. I, стр. 189, рис. 17 на стр. 190.

ненно, производственную роль играло довольно крупное по площади (40×20 м) здание, состоявшее, однако, всего лишь из трех комнат, очертания которых и без раскопок хорошо прослеживаются по останкам их стен на поверхности. Часть заполнения самой большой комнаты, вытянувшейся вдоль северной стены здания, оказалась вычерпанной местными жителями, в результате чего обнажился пористый легкий сильно пережженный слой, залегающий непосредственно на полу, также очень прокаленном. Судя по срезу, этот слой занимал большую часть комнаты.

Таким образом, сейчас еще рано говорить о том, была ли южная пристройка Беркут-калы ремесленным центром, пока лишь ясно, что по планировке она отличалась от восточной (и возникла, видимо, раньше нее, но в пределах VII — начала VIII в.), населенной ремесленниками. Топографический облик последней — большая площадь в центре и постройки вдоль стен — напоминает ремесленные районы позднейших средневековых городов Средней Азии — рабады, с рыночными площадями, окруженными мастерскими ремесленников.

Ремесло в Беркут-кале не получило значительного развития, возможно, оно обслуживало только население Беркут-калы; может быть, им занимались люди, зависимые от владельца замка, и, таким образом, это были ремесленные мастерские крупного феодала. О мастерских в усадьбах крупных землевладельцев есть сообщения в письменных источниках (речь идет в них об Иране и его передневносточных владениях)⁴¹ IV—VI вв. н. э.

Возникновение Беркут-калы — конкретный пример сложения среднеазиатского ранне средневекового города как посада у стен одного из крупнейших замков в оазисе. В свое время исследователями истории городов Средней Азии шахристаны VI—VIII вв. н. э. понимались как совокупность усадеб с домашним производством, а ремесло в шахристане — как простое слагаемое этих домашних производств⁴². Раскопки Пенджикента внесли коррективы в это представление, обнаружив сплошную застройку города крупными жилыми массивами, причем большинство помещений, примыкающих к улицам, даже в восточной части города, занятой, как полагали раньше, целиком жилищами зна-

ти, оказалось ремесленными мастерскими и торговыми лавками. Ремесленники, по мнению А. М. Беленицкого, были лично свободными и работали на рынок. В целом рисуется картина более развитой экономической жизни Средней Азии в VI—VIII вв., чем это представлялось только на основе изучения письменных источников, преимущественно сведений Нершахи о Бухаре⁴³.

* * *

Итак, в VII—VIII вв. в оазисе существовали два ремесленных центра — Большая Кырк-кызкала, сложившаяся на основе и в пределах старого античного поселения, и Беркут-калы — зародыш ранне средневекового города, возникновение которого определялось другими историческими закономерностями.

Разумеется, для полного представления об экономике оазиса недостаточно только тех данных о хозяйстве и занятиях его населения, которые мы смогли почерпнуть из материала раскопок. Очень важны были бы сведения о формах землевладения и землепользования в оазисе, социальной структуре общества, но разработка этих проблем затруднена отсутствием сведений в письменных источниках. Однако суммируя приведенные нами и в этой, и в первой главах факты и привлекая сведения, относящиеся к другим областям Средней Азии, можно отметить некоторые черты экономической и общественной жизни одного из сельскохозяйственных рустикав ранне средневекового Хорезма. Огромные размеры оазиса, в котором, по подсчетам Б. В. Андрианова, могло жить до 7—8 тыс. человек⁴⁴, допускают предположение, что его населяло несколько общин, причем речь может идти, по-видимому, о сельских общинах. Известно, что при сложении классового общества почти везде в странах Востока фигурируют именно сельские общины. Относительно восточноиранских племен этот факт отмечается в Авесте, где встречаются термины, обозначающие первичную ячейку общества, большую патриархальную семью (нмана), родовую, а впоследствии сельскую общину или отдельную деревню (вис)⁴⁵. Добавим, что А. Ю. Якубовский, проанализировав термин «кау», встречающийся у Нершахи,

⁴³ А. М. Беленицкий. Из итогов последних лет раскопок древнего Пенджикента. СА, 1965, № 3.

⁴⁴ Цифры приведены в работе: С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., стр. 115.

⁴⁵ В. А. Лившиц. Распад первобытнообщинного строя и возникновение классового общества. В кн.: «История таджикского народа», т. I. М., 1963, стр. 144 и др.

⁴¹ Н. В. Пигулевская. Из истории экономических отношений Ирана в IV—VI вв. «Краткие сообщения Института востоковедения», 1955, XIV, стр. 46.

⁴² А. Ю. Якубовский. Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР». М.—Л., 1933, стр. 4.

пришел в выводу, что он обозначал сельские общины раннесредневекового Бухарского оазиса⁴⁶. Кроме того, и сам разбросанный тип Беркут-калинского поселения допускает возможность говорить скорее о территориальных связях, чем о родовых.

Работы в оазисе привели к выводу, что в сельских общинах, населявших его, происходило расслоение. Такие явления, как строительство крупных замков у истоков боковых ответвлений от магистрального канала, резкое различие усадеб по величине и укрепленности, справедливо оценены в науке, как свидетельство расслоения общин, выделения из них феодализирующейся земельной знати⁴⁷.

Исследуя планировку древних полей, мы смогли установить там, где это было возможно, размеры возделанных площадей. Это было легко сделать относительно грядков виноградников или бахчей, во многих случаях сохранивших отчетливые границы, в результате чего выяснено, что если у крупных замков площади, занятые указанными культурами, достигают 3,3 (возле Тепик-калы), 4 (у Ат-сыза) и даже 6,4 га возле Уй-калы, то у мелких усадеб типа № 66 и 51 они не превышают 2,1 и 1,6 га. Это тоже косвенные свидетельства о расслоении земельных общин.

Косвенным отражением глубокого расслоения, которое переживала в этот период земледельческая община, является и отмеченное ранее большое различие в размерах усадеб, особенно очевидное, если сопоставить эти данные с тем, что наблюдается в позднейшем Кават-калинском оазисе.

Так, из 60 усадеб этого оазиса (с установленными размерами) 2 имеют площади (считая только жилую) около 2500 кв. м, 10—400—800 кв. м, 48—150—300 кв. м. В Беркут-калинском оазисе из 83 усадеб (имеется в виду участок от Кум-Баскан-калы до Уй-калы) в 33—площадь 500—2000 кв. м, в 31—250—400 кв. м, в 19—100—200 кв. м. Таким образом, крупные жилые усадьбы в Кават-калинском оазисе составляют $\frac{1}{7}$ от их общего числа, в Беркут-калинском — почти $\frac{1}{3}$. Это может указывать на то, что если в XII—XIII вв. крестьянское хозяйство стабилизируется, резко выделяются крупные землевладельцы, господствуя над массой рядовых общинников, то в афригидский период в значительной дифференциации усадеб по величине выразился, по-видимому, глубокий процесс распада деревни на отдельные самостоя-

тельные хозяйства, среди которых большое место занимало крупное, среднее и мелкое дихканство.

Полагают, что эти довольно многочисленные новые землевладельцы образовались в основном из старой родовой знати⁴⁸, путем расслоения общин и, возможно, путем пожалований за службу⁴⁹, как это было в тот же период в соседних странах — Иране, Ираке⁵⁰. Отметим, что Я. Г. Гулямов, анализируя события 712 г. в Хорезме, предполагает в стране новое феодализирующееся сословие в качестве одной из сил, вступивших в борьбу за власть⁵¹. Фигура дихкана, владельца укрепленного замка и земельных угодий, отчетливо обрисовывается по материалам археологии и письменных источников. Видимо, дихканы составляли сельскую администрацию, включающую, согласно документам с горы Муг, таких лиц, как «государь» — правитель селения и прилегающей сельской округи, «глава» (административный титул), «начальник оросительного канала»⁵² и др. Крупные дихканы использовали в своих хозяйствах труд зависимых людей — кедиверов, клиентов — беднейшей части земледельческого населения оазисов и рабов.

В документах с горы Муг перечисляется несколько категорий рабов, например долговой раб, пленный⁵³, и, по всей вероятности, рабский труд в VII—VIII вв. еще находил большое применение. Известно также, что дихканы окружали себя чакирами — дружиной. Это была та военная сила, при помощи которой они могли осуществлять захват общинных земель, удобные места в головных участках каналов, где возводились укрепленные замки. Институт этот — дружина — весьма примечателен. Он заставляет вспомнить раннефеодальные государства Европы с их королями и графами, окруженными дружинами, творящими насилие и разбой. Страх перед грозными соседями заставлял простых общинников вооружаться и укреплять свои

⁴⁶ А. Ю. Якубовский. Происхождение и развитие феодальной собственности на землю. «Вестник АН СССР», 1953, № 2, стр. 66.

⁴⁹ И. С. Брагинский. К вопросу о периодизации истории народов Средней Азии и Казахстана в досоветскую эпоху. «Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент, 1955, стр. 420.

⁵⁰ Н. В. Пигулевская. К вопросу о податной реформе Хосроя Ануширвана. ВДИ, 1937, № 1, стр. 144.

⁵¹ Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, стр. 123.

⁵² Согдийские документы с горы Муг, вып. II. Юридические документы и письма. М., 1962, стр. 177, 185.

⁵³ Согдийские документы с горы Муг, вып. II. Юридические документы и письма, стр. 24, 34, 35.

⁴⁶ «История Узбекской ССР», т. I, кн. 1. Ташкент, 1955, стр. 180.

⁴⁷ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 135.

усадьбы так, как, например, в Беркут-калинском оазисе.

Как вела свое хозяйство земледельческая знать VII—VIII вв., каковы были формы землепользования, пока неясно. Есть предположение, что в этот период могла существовать исполная аренда. Эта гипотеза основывается на аналогии с соседними Ираном и Ираком и изучении всей последующей истории средневековой Средней Азии⁵⁴. Действительно, Средняя Азия входит в число многих стран Востока, не знавших крупного землепользования. Причины этого не выяснены, но, может быть, они найдут объяснение в особенностях развития феодализма на Востоке, которые неоднократно отмечались историками. Известно, что такие явления, как полное исчезновение городов и натурализация хозяйства в период раннего средневековья в Западной Европе, в Средней Азии в числе других стран Востока, никогда не наблюдались. Здесь сохранялись старые крупные городские центры, товарно-денежные отношения, прослеживается преемственность культурных традиций. Поэтому отработочная система, характерная для той стадии развития феодализма, когда полностью господствуют натуральные отношения, в Средней Азии неизвестна, а получил распространение натуральный оброк и в значительно меньшей степени — денежный. С другой стороны, крупные хозяйства, построенные на системе отработок, могли быть выгодны и прибыльны там, где они тесно связаны с рынком и где имелась возможность массовой сбыта сельскохозяйственных продуктов. Поэтому они сохранялись в Западной Европе и в период роста городов (во всяком случае в начале его) и, кроме того, продолжали сохраняться в более поздние времена в странах, широко экспортировавших хлеб и прочие сельскохозяйственные продукты в соседние, развитые в промышленном отношении государства. Такого бурного роста городов и отделения ремесла от земледелия, как в Западной Европе, в Средней Азии не было.

Все эти условия, по-видимому, и привели к тому, что там совсем не было отработочной системы, а получил преобладание натуральный оброк и в период VII—VIII вв. н. э. и в последующие эпохи, когда в Западной Европе распространилась и вытеснила все другие формы денежная рента.

Ряд данных по экономике Средней Азии VII—VIII вв. н. э., в частности Хорезма, позволяет предполагать узусть внутреннего рын-

⁵⁴ А. Ю. Якубовский. Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV вв.). КСИИМК, вып. 28, М.—Л., 1949, стр. 32.

ка и относительно слабое развитие товарообмена, хотя и оживившегося в это время, судя по значительному распространению медных монет.

В этот период, когда еще только начинался процесс становления феодального строя, развитие внутреннего рынка ограничивалось натуральным характером жизни основной массы земледельческого населения и слабым отделением ремесла от земледелия⁵⁵. Обитатели таких оазисов, как Беркут-калинский, благодаря развитию домашних ремесел, надо полагать, редко обращались к рынку: все необходимое за небольшим исключением, изготовлялось дома. Спрос же на такие предметы, как металлические орудия и оружие, столовая посуда и некоторые другие, удовлетворялся на местных рынках деревенским ремеслом, которое, как, по-видимому, и в предшествующие эпохи, имело большое значение в экономике страны. Топографическое обследование местности вокруг Большой Кырк-кыз-калы показало, что вокруг нее раскинулись обширные, одновременные поселения, поля и виноградники. Это сочетание ремесла и земледелия — отличительная черта многих поселений или, вернее, небольших городков Средней Азии и периода VII—VIII вв., и более позднего времени. Достаточно вспомнить поселения Бухарского оазиса, перечисляемые Нершахи — Искаджкат, Зандана, Вардана, в каждом из которых процветало ремесло. Именно эта особенность заставляла арабских авторов путать, называя их иногда городом, иногда селением. На примере этих небольших земледельческо-ремесленных селений хорошо выявляется то «нерасчлененное единство города с деревней», о котором говорил К. Маркс⁵⁶.

В крупных городах ремесло было, естественно, значительно более развито, но некоторые ученые полагают, что и там оно в это время еще не окончательно отделилось от земледелия,

⁵⁵ Археолого-топографическое изучение древних поселений и ирригации Хорезма дало ясное представление о размещении остатков разного рода ремесел (гончарного, железоплавильного) не только на заброшенных городищах типа Кюзели-Гыр, Калалы-Гыр и прочих, но и в самих сельских поселениях античной и раннесредневековой эпох. Следовательно, ремесло в эти эпохи было еще тесно связано с земледелием. К сожалению, почти неизвестно, что представляли собой хорезмские античные и раннесредневековые города, являлись ли они не только политико-административными, но и ремесленными центрами страны. В сельских поселениях развитого средневековья, в отличие от вышеуказанных, редко наблюдаются остатки ремесла, они концентрируются в городах.

⁵⁶ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ВДИ, 1940, № 1 (10), стр. 15.

и обмен с сельской округой вряд ли был велик⁵⁷. По сведениям Нершахи и других древних авторов, касающимся таких стран, как Иран, известно, что городская знать владела большими участками земли⁵⁸. Земельные владения были и у купцов, и они в этом отношении мало отличались от дикхан. Все это, разумеется, тормозило развитие внутреннего обмена. Конечно, следует учитывать оживленные торговые связи с кочевым и полукочевым миром — одно из специфических условий развития феодализма в Средней Азии. Особенно важны они были для Хорезма, занимавшего окраинное положение. «Хорезм... экономически и политически вырос не столько благодаря торговле с Восточной Европой, сколько с кочевой туркменской или гузской степью», — писал А. Ю. Якубовский⁵⁹, имея в виду, правда, несколько более поздний период. Однако эти связи вряд ли могли явиться таким мощным стимулом развития экономики, как отделение ремесла от земледелия и расцвет городов в Западной Европе.

⁵⁷ «История Узбекской ССР», т. I, кн. 1, стр. 185.

⁵⁸ Нершахи. История Бухары. Ташкент, 1897, стр. 20.

⁵⁹ А. Ю. Якубовский. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв., стр. 15.

По всем этим причинам, а также в силу таких особенностей развития среднеазиатской экономики, как, например, ирригационная система, обуславливающих длительное сохранение пережитков общинного строя, становление новой формации проходило замедленно. VII—VIII вв. — время еще далеко не сложившихся феодальных отношений. Косвенное свидетельство независимости общинников в оазисе — сам облик укрепленных усадеб⁶⁰.

Прогресс в области развития производительных сил, который можно отметить по материалам исследований в древнем Хорезме, — усовершенствование ирригационной сети, мельничных орудий и т. д. — растянулся на века.

Из-за некоторой застойности в экономике и в сфере общественных отношений долго сохранялись пережитки старых норм в виде укладов, осложняющих становление новой формации.

Для характеристики хорезмского общества VII—VIII вв. н. э. очень важно знать, что представляла собой его низовая хозяйственная и общественная ячейка — семья, обитавшая в укрепленных усадьбах-замках таких оазисов, как Беркут-калинский, поэтому мы и перейдем к рассмотрению этого вопроса.

⁶⁰ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 151.

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ АФРИГИДСКОГО ХОРЕЗМА ПО ДАННЫМ РАСКОПОК УСАДЕБ БЕРКУТ-КАЛИНСКОГО ОАЗИСА

Планировка хорезмийских усадеб VII—VIII вв. как источник изучения большой семьи

По мнению исследователей, к хорезмийским, а также к подобным им согдийским и другим среднеазиатским усадьбам VI—VIII вв. н. э. вполне приложим иранский термин «кед», встречающийся в арабо-персидских источниках, так как он как нельзя более полно определяет назначение этих построек⁶¹. Принято считать, что понятие «кед» употреблялось в источниках для обозначения дома в несколько более широком смысле, чем арабское «хане» или «бейт» (жилой дом в узком смысле этого слова): это — усадьба большесемейной общины, в состав которой, кроме жилища главы дома, входили жилища его близких и отдаленных родственников, а также хозяйственные постройки, причем все это находилось внутри одной общей

ограды⁶². В. В. Бартольд, впервые проанализировавший этот термин, истолковывал его несколько конкретнее. Он полагал, что внутри общей ограды в числе построек находились жилища отделенных сыновей главы дома⁶³.

Из термина «кед» образован другой — «кедивер», как назывались, по мнению В. В. Бартольда, члены и обитатели кеда. Судя по ряду данных, в том числе по одному из отрывков «Истории Бухары» Нершахи, кедиверами были люди зависимые. Полагают, что ими становились разорившиеся общинники, адаптированные в феодализирующиеся общины в качестве неравноправных членов. Наличие в общинах неравноправных лиц устанавливается и по текстам документов из архива с горы Муг. В них упоминаются клиенты или «усыновленные», отдавшиеся под покровительство люди

⁶² Там же, стр. 151.

⁶³ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 37.

⁶¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 151.

и, кроме того, несколько категорий рабов — долговые, попавшие в рабство военнопленные и проданные в рабство, причем домовладыка — кедхуда — мог продать в рабство свою жену, даже полноправную, а также детей. Продажа детей обедневшими семьями, по-видимому, была распространена.

А. И. Васильев, сопоставив терминологию арабо-персидских источников и мугских документов, различал в составе согдийского кеда три социально различные группы: 1) ближайшие родственники — мать, отец, жена, дети, «близкие», «родственники вообще» (домочадцы); 2) сыновья и «зависимые», или «клиенты», «учителя» (?); 3) рабы, рабыни, слуги. «Первоначально над всеми этими группами высшей властью был «совет семьи» (по согдийским текстам), но в дальнейшем вся власть сосредоточилась в руках «главы семьи», которому и принадлежала высшая власть и разрешения и запрещения над всем»⁶⁴.

А. Ю. Якубовский, говоря о том же пред-арабском периоде истории Средней Азии, считает, что большая патриархальная семья богатого землевладельца — дихкана по своей структуре мало чем отличалась от семьи рядового земледельца, причем разница была скорее количественная, чем качественная⁶⁵. Таким образом, расшифровка термина «кед» дала самое общее представление о большой патриархальной семье VII—VIII вв. н. э., оставляя много неясностей. Прежде всего следует отметить, что совершенно неизвестно, на каких экономических основах зиждились взаимоотношения между полноправными членами семьи, между полноправными и неполноправными и т. п., т. е. на какой стадии развития находилась эта община. Упоминание о деспотической власти кедхуды, взамен ранее существовавшего «семейного совета», говорит, по-видимому, о классовом перерождении формы этой семьи, представлявшей собой с точки зрения общественно-исторической тип далеко не первобытный, а позднейший, как определяет такие общины М. О. Косвен, проанализировавший большой и разнообразный материал. Косвен в качестве главного положения своего опыта исторической характеристики семейной общины выдвигает установление двух основных ее исторических типов: «демократического» и «от-

цовского»⁶⁶. Первый, возникший в условиях первобытнообщинного строя, характеризуется тем, что «общее управление всей хозяйственной деятельностью патриархальной семьи принадлежит семейному совету», который «в значительной мере регулирует и личную жизнь семьи», и, таким образом, ей свойствен первобытный демократизм внутренних отношений. По мере экономического развития общества частнособственнические начала, проникающие в общину, выражаются в стремлении главы семьи стать полновластным распорядителем хозяйства. Этому противостоит всячески подавляемое деспотической властью отца желание сыновей создать собственное имущество. Так возникает отцовская домашняя община, внутри которой уже начинает выкристаллизовываться обособленность малых семей⁶⁷. Не об этом ли явлении, свидетельствует истолкование термина «кед», данное В. В. Бартольдом и предусматривающее наличие в большесемейной усадьбе построек «отделенных сыновей»?

Однако в какой мере соответствует этот иранский термин (и конкретизация его В. В. Бартольдом), под которым подразумевались определенные иранские постройки, раннесредневековым среднеазиатским и, в частности, хорезмским? Насколько может быть прослежена эволюция общины в древней Средней Азии? Огромные трудности в разрешении этих вопросов представляет отсутствие материалов. Сведения древних авторов крайне отрывочны и малочисленны. В связи с этим одним из основных источников может стать история жилища. Остатки усадеб, их планировка могут дать массу сведений для восстановления социальной структуры населявших их коллективов, так как известно, что появление разных типов жилища обусловлено развитием социально-экономического строя общества. «В земледельческой общине дом и его придаток — двор были частным владением земледельца. *Общий дом и коллективное жилище* были, наоборот, экономической основой более древних общин, задолго до установления пастушеской и земледельческой жизни»⁶⁸. Из этого вытекает, что одни и те же формы жилища можно наблюдать у различных народов, а это дает неисчерпаемые возможности для сравнения. Прекрасным примером того, как жилище и его планировка сделали источником для изучения структу-

⁶⁴ А. И. Васильев. Согдийцы и их вооружение. Л., 1936, стр. 6—7. В. А. Лившиц, исследовавший часть архива, пришел к заключению, что изложенные выводы А. И. Васильева пока можно считать верными (см.: Согдийские документы с горы Муг, вып. II. Юридические документы и письма, стр. 37, сноска № 70).

⁶⁵ «История народов Узбекистана», т. I. Ташкент, 1950, стр. 174.

⁶⁶ М. О. Косвен. Семейная община и патронимия. М., 1963, стр. 88 и др.

⁶⁷ М. О. Косвен. Указ. соч., стр. 47—90.

⁶⁸ К. Маркс. Черновик письма к Вере Засулич. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, М., 1961, стр. 418.

ры семьи, служат работы А. Н. Кондаурова⁶⁹ и Н. А. Кислякова⁷⁰.

Проанализируем с этой точки зрения сведения, полученные нами в результате раскопок усадеб VII—VIII вв. в Беркут-калинском оазисе и изложенные в предшествующем разделе. При описании планировки усадеб мы обращали внимание на наблюдавшуюся там секционность — выделение в общей застройке изолированных глухими стенами комплексов или секций (двух- или трехкомнатных), причем (и это особенно важно) в каждой из них были комнаты с очагами для варки пищи, для хранения продовольственных запасов, а во многих секциях еще и тандыры для выпечки лепешек. Наиболее интересен план Якке-Парсана, где вскрыта половина площади застройки, занятая исключительно такими секциями (их шестнадцать), и план замка № 28. Конечно, можно было бы предположить, что в этих комплексах, вполне равнозначных по составу и виду комнат, что говорит о слабой имущественной дифференциации их обитателей, жили только кедиверы и другие зависимые люди, и этим объясняются особенности планировки. Однако, во-первых, трудно предположить, что все довольно многочисленные полноправные члены общины (категории которых мы перечисляли на предыдущих страницах, ссылаясь на работу А. И. Васильева) жили только в донжоне; с этим невозможно согласиться, так как его площадь очень невелика и каждое помещение имело вполне определенное назначение, применительно к нуждам одной семьи. Кроме того, в замке № 28 и других, где состав населения был, вероятно, менее сложным, без большого числа зависимых лиц (это жилище членов земледельческой общины, а не феодала), тоже наблюдается подобное выделение отдельных комплексов в планировке.

Все это доказывает, что приведенные материалы можно привлекать для суждения о социальной структуре большой семьи афригидского Хорезма VII—VIII вв. и они дают очень важные и вполне определенные сведения по этому вопросу.

Прежде всего, если принять во внимание площадь усадеб, нет никаких сомнений в том, что там жила община — крупный коллектив людей. Далее, нет сомнений также и в том, что эта община отличалась от неразделенной большесемейной общины, насколько она известна по исследованиям этнографов. В самом деле,

⁶⁹ А. Н. Кондауров. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. М.—Л., 1940.

⁷⁰ Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло. М.—Л., 1936.

неразделенная большая семья представляла собой союз нескольких поколений кровных родственников, объединенных, кроме родственных связей, общностью экономических интересов. Основа ее существования — нераздельность хозяйства: земля, урожай, рабочий скот — все это было безусловной коллективной собственностью. Такие семьи питались из одного котла⁷¹; сам же «дом большой патриархальной семьи имел многие помещения, из которых каждое было определенного назначения и находилось в общем пользовании всех проживающих в таком доме»⁷².

Раскопанные в оазисе усадьбы VII—VIII вв., как мы видели, отличаются от подобных домов: прежде всего там нет общего очага, на котором готовилась бы пища для всей семьи, а это уже свидетельство внутренней ее дифференциации, обособления малых семей. По наблюдениям А. Н. Кондаурова, у ягнобцев «с разложением общины, с выделением из общего хозяйства брачных пар, изменяется общинная постройка. Вместо сообщающихся помещений появляются изолированные, разделенные внутренними глухими перегородками стенами... Прежде всего, как надо полагать, разделившиеся семьи устраивают отдельные, каждая для себя, *mūg* (комната с очагом для варки пищи.—Е. Н.), так как с разделом хозяйства нет общих запасов, нет общих трапез...»⁷³.

В этих общинных постройках уже не все комнаты находятся в общем пользовании, как бывает в жилище неразделенной большой семьи, а появляется, таким образом, ряд одинаковых по назначению и даже планировке помещений. Планировка жилищ отчетливо запечатлела процесс дифференциации малой семьи внутри общины на разных его этапах. Это можно проследить на разной территории и у разных народов — везде одинаковый этап развития общины находил отражение в появлении жилищ, устроенных по сходному принципу. Так, у карачаевцев при выделении женатых сыновей для каждого к сакле отца пристраивается помещение — *отоу*, причем все они строятся в один ряд и подводятся под общую крышу⁷⁴. Совершенно то же наблюдается

⁷¹ М. В. Сазонова. Материалы по этнографии узбеков южного Хорезма, стр. 308; О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова. Прошлое и настоящее селения Айкыран. Ташкент, 1955, стр. 206.

⁷² А. Н. Кондауров. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев, стр. 52.

⁷³ М. О. Косвен. Семейная община. СЭ, 1948, № 3, стр. 16.

⁷⁴ М. О. Косвен. Очерки по этнографии Кавказа. СЭ, 1936, № 2, стр. 113.

у южных славян, у которых к дому, где жил домачин со своей семьей, делались пристройки по числу женатых сыновей, у великороссов⁷⁵ и т. д. Итак, совершенно определенные преобразования в жилище в связи с внутренней дифференциацией большесемейной общины очевидны.

Разложение большесемейной общины было очень длительным и прошло несколько стадий; сначала, по данным этнографии, выделение малой семьи шло по линии потребления, а затем уже — по линии производства. В конечном счете появились индивидуальные пахотные участки, отдельные скотные дворы и т. д., и тогда уже можно говорить о появлении малой семьи в качестве хозяйственно самостоятельной единицы. В ходе разложения общины возникал ряд переходных форм. Даже патронимия — совокупность малых и больших семей, образовавшаяся в результате сегментации одной большой патриархальной общины, на начальном этапе своего существования сохраняла коллективную собственность на все основные средства производства, в том числе и землю. Основную ее черту на этом этапе составляло хозяйственное единство⁷⁶. Например, «у адыгов в старину пахотные земли находились в нераздельном владении патронимий в целом. Урожай поступал в общие закрома и затем делился по семьям»⁷⁷. Быть может, также строились экономические взаимоотношения внутри коллективов, являющихся предметом нашего исследования, если вспомнить Якке-Парсан или Тешик-калу с их индивидуальными закромами и отдельными очагами в каждой секции, хотя мы ни в коей мере не собираемся считать эти коллективы патронимиями. У нас нет сомнений, что это были большие патриархальные семьи, хотя и с заметными признаками внутреннего расслоения, что наблюдается по планировке жилищ, но еще единые во всяком случае в производственном отношении. В этом убеждает сам облик усадьбы — укрепленной замкнутой ячейки.

Думается, что явно намечающиеся тенденции хозяйственного обособления малых семей должны были сдерживаться (по крайней мере в крупных замках) властью владельцев этих жилищ, сила которых как бы символизировалась резким выделением над прочей застройкой донжонов, где они обитали. Нельзя не вспомнить при этом приведенные нами выше

соображения исследователей о деспотической власти кедхуды в согдийских кедах предрабского времени.

Нам кажется, что по своей структуре и внутренней организации большая семья аффригидского Хорезма (по данным раскопок в Беркут-калинском оазисе) ближе всего напоминает большую патриархальную семью с уже выделившимися внутри нее, но еще живущими вместе семьями сыновей, известную по этнографическим исследованиям у части узбеков. Приводим описание такой семьи целиком: «Когда отделение сыновей происходило при жизни отца, оно не носило характера полного отделения: как правило, «отделялся котел». Родители отдавали отделяемому сыну в собственность жилище, обычно комнату, находившуюся в том же дворе, реже — приобретенный для этого дом, расположенный по соседству, домашнюю утварь, а также выделяли известную часть от всех имевшихся в доме запасов, вплоть до дров. Землей и прочими средствами производства сыновья в большинстве случаев не наделялись; они продолжали работать на отцовской земле, получая ежегодно после снятия урожая не совсем определенную долю. Таким образом, в силу сохранения в руках отца основы хозяйства — земли, сыновья по-прежнему оставались в зависимости от него»⁷⁸. Иногда отделившиеся семьи продолжали жить в одном доме и, приготавливая пищу отдельно, продукты брали из общей кладовой⁷⁹.

К усадьбе, в которой обитала такая семья, вполне приложима характеристика кеда, данная В. В. Бартольдом: общая ограда действительно включала жилище главы семьи, отделенных сыновей и прочих близких и отдаленных родственников. Наши материалы не дают основания судить о наличии или отсутствии в составе большой патриархальной семьи раннесредневекового Хорезма зависимых людей и рабов. Быть может, в Якке-Парсане они жили в скромных постройках, находившихся за внешней стеной, между ней и валом, ограждавшим замок от рва, и сильно отличавшихся от обширных трехкомнатных секций внутреннего двора.

Маленькие убогие помещения зафиксированы между внешней и внутренней стенами в усадьбах № 32 и 13, такие же лепятся к внешней стене замка № 60. Пока они еще не раскопаны.

Отмеченная выше разница в планировке усадеб № 28 и 19 (большая слитность последней,

⁷⁵ М. О. Косвен. Семейная община и патронимия, стр. 62—63.

⁷⁶ М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. М., 1961, стр. 37.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова. Прошлое и настоящее селения Айкыран, стр. 174—175.

⁷⁹ Там же.

менее отчетливое выделение секций) объясняется, видимо, большей архаичностью коллектива, обитавшего в усадьбе № 19, большей прочностью родственных связей внутри него.

Все эти попытки конкретизации экономических взаимоотношений внутри большой патриархальной семьи афригидского Хорезма остаются в области предположений, кроме одного: можно, как нам кажется, считать установленным, что она состояла из отдельных малых семей, получивших уже известную хозяйственную самостоятельность, и, таким образом, эта большесемейная община находилась на той поздней стадии развития, после которой уже должен был произойти ее распад.

Исходя из этого факта, мы хотели бы остановиться на нескольких моментах, имеющих отношение к истории большой патриархальной семьи в Средней Азии.

Некоторые аспекты исследования большой семьи

В литературе имеется мнение, что большая патриархальная семья, выделившись из более крупных родовых коллективов, в течение многих столетий, вплоть до наших дней, оставалась неизменной базой, на которой покоилось среднеазиатское общество и в рабовладельческой, и в последующий, феодальный, периоды его существования⁸⁰. Следовательно, ни смена формаций, ни подъем экономики и ее спад, ни вторжения различных в этническом и социально-экономическом отношении племен не нарушили эту консервативную основу среднеазиатского общества.

Это мнение, по-видимому, основано на данных этнографического обследования оседлого, исконно земледельческого населения Средней Азии, согласное которым там почти повсеместно прослеживались еще в начале XX столетия такие глубокие пережитки большесемейных общин, что это заставляло предполагать преобладание этой формы семьи в прошлом. Эти выводы, кроме того, согласовались с некоторыми сведениями древних авторов, например, о су-

ществовании в раннем средневековье общинных построек — кедов. Действительно, специфические условия хозяйства в странах с поливным земледелием должны были способствовать длительному сохранению там пережиточных кровнородственных организаций, характерных для первобытного бесклассового общества, больших патриархальных семей, так как трудоемкость поливного земледелия требовала кооперации труда. Кооперации труда требовала и примитивная рутинная сельскохозяйственная техника, бывшая, как мы знаем благодаря раскопкам древних жилищ, в употреблении и в крупном, и в мелком хозяйстве.

Положение о неизблемости большой патриархальной семьи как основной экономической ячейки общества должно было бы найти подтверждение в археологическом материале, в частности благодаря раскопкам жилищ, если бы они были достаточно полно обследованы. Разновременные сельские и городские жилища среднеазиатского населения исследовались мало и крайне неравномерно, и поэтому проследить последовательно развитие форм семьи на этом материале пока еще невозможно. Много важных вопросов остаются нерешенными, в том числе, например, вопрос о времени выделения большой семьи в самостоятельную хозяйственную единицу, уже обсуждавшийся в литературе⁸¹.

Однако все же, попытавшись систематизировать имеющиеся сейчас материалы раскопок жилищ (ограничиваясь периодом до VIII в. н. э.), можно отметить следующее.

1. Исследователи самых ранних поселений земледельцев на территории Средней Азии в Южной Туркмении (Джейтун, Кара-тепе —

⁸⁰ См.: Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков, стр. 239, 240. Нам кажется, что правы те исследователи, которые полагают, что большая семья выделяется из крупных родовых коллективов задолго до периода Кушан.

Как указывает Энгельс, большая патриархальная семья выделяется на высшей ступени варварства в связи с общим ростом производительных сил и развитием хозяйства, переходом к скотоводству и плужному земледелию. Цивилизация уже всюду застает моногамную семью, образовавшуюся в результате дифференциации большесемейной общины из-за вовлечения последней в торговый обмен и, в последнем счете, из-за вторжения в общинные порядки частнособственнических принципов (Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, М., 1961, стр. 60—65).

Сохранение большесемейных общин в странах Востока уже после образования там классов и государств объясняется, как мы уже говорили выше, по-видимому, специфическим характером земледелия в условиях искусственного орошения.

⁸⁰ В «Истории Узбекской ССР» (т. I, стр. 123) констатируется (речь идет о VI—VII вв. н. э.): «как и прежде, местное земледельческое население в Согде, Хорезме и Тохаристане в значительной массе в противоположность рабам сохраняло личную свободу и продолжало жить большой патриархальной семьей, в составе которой входили иногда и домашние рабы»; см. также: В. С. Батраков. Особенности феодализма у кочевых народов. «Научная сессия АН Узбекской ССР». Ташкент, 1947, стр. 435; Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков по материалам конца XIX — начала XX в. «Труды Института этнографии», новая серия, т. XLIV. М.—Л., 1959, стр. 239.

IV—III тысячелетия до н. э.)⁸² прослеживают эволюцию жилища, сводящуюся к замене однокомнатных домиков парных семей многокомнатными, в которых выделяются секции с общими для каждой секции кухней и хозяйственным двором, объясняя эту эволюцию выделением внутри рода отдельных больших семей, которые и жили в таких отдельных комплексах многокомнатного родового массива.

2. Жилища более позднего времени — античного периода истории Средней Азии — изучены слабо, хотя и имеются некоторые данные, свидетельствующие о дальнейшей эволюции семьи. Так, в той же Южной Туркмении обследованы усадьбы раннепарфянской эпохи, которые, как полагает А. А. Росляков, по своим размерам больше всего напоминают дома больших патриархальных семей, располагавшиеся то поодиночке в нескольких сотнях метров один от другого, то небольшими группами. Различия в размерах домов и степени их укрепленности заставляют думать о значительном имущественном неравенстве семей, входящих в сельскую, как считает А. А. Росляков, общину, и выделении из нее наиболее состоятельных. «Это заставляет задуматься над вопросом о степени разложения сельской общины в парфянском обществе», — делает вывод исследователь⁸³.

Наконец в еще более позднее время, в начале нашей эры, в Гяур-кале Мервской уже отмечается в застройке кварталов «самостоятельность возведения определенных групп комнат, сообщающихся только между собой или со связывающим их коридором и отделенных от остальных построек более мощными стенами». Считается, что «вскрытый комплекс представляет ряд индивидуальных хозяйств с самостоятельной внутренней планировкой»⁸⁴. Если учесть, что в состав каждого такого комплекса входило не больше четырех-пяти комнат, то следует предполагать очень небольшие по числу населения индивидуальные хозяйства.

А. Н. Бернштам упоминает о ферганских тепе времени Кушанов, каждое из которых, по его мнению, — развалины дома большой семьи, уже получившей хозяйственную самостоятельность в результате развития рабовладельческих

отношений⁸⁵. И хотя основным критерием для некоторых исследователей служил размер памятников и поэтому их заключения пока не выходит за рамки предположений, даже по приведенным выше не многочисленным пока данным можно говорить о дальнейшей эволюции семьи, о намечающемся обособлении внутри большесемейной общины (на отдельных территориях) малых семей.

3. По периоду раннего средневековья есть уже более определенные данные о затронутой проблеме, в первую очередь благодаря раскопкам хорезмийских усадеб и Пенджикента и его округи. О первых мы уже говорили. Что касается Пенджикента, то открытые там городские здания и пригородные усадьбы дают возможность для сравнения с жилищами Хорезма в интересующем нас аспекте.

Раскопанные в Пенджикенте здания состоят из примыкающих друг к другу, но отделенных глухими стенами секций с разными выходами. В. Л. Воронина вполне справедливо, как нам кажется, полагает, что каждую из секций занимала малая семья⁸⁶. В качестве этнографической параллели В. Л. Воронина привлекает ягнобский многокомнатный жилой массив, состоящий из многих построек, находящихся под одной кровлей (откуда название «*bómi kalón*» — большая крыша) и заселенных родственными семьями. Однако нельзя согласиться с утверждением В. Л. Ворониной, что родственники из «*bómi kalón*» ведут еще совместное хозяйство, так как на той стадии, о которой идет речь, ягнобские семьи, занимавшие изолированные комплексы помещений в «*bómi kalón*», уже обособились друг от друга и в хозяйственном отношении⁸⁷.

Также, по нашему мнению, еще трудно судить о том, составляли ли малые семьи из пенджикентских жилых массивов единые большесемейные общины. В здании наряду с богатыми многокомнатными секциями были и более скромные, двух-трехкомнатные, следовательно, здесь жили социально неоднородные семьи⁸⁸. Это позволяет заподозрить далеко зашедшее расслоение внутри пенджикентской общины. Быть может, правильнее в данном случае говорить о патронимии, образовавшейся в результате распада большой патриархальной общины

⁸² В. М. Массон. Новые раскопки на Джейтуне и Кара-тепе (К эволюции жилых домов у раннеземледельческих племен). СА, 1962, № 3.

⁸³ А. А. Росляков. Мелкие археологические памятники окрестностей Ашхабада. «Труды ЮТАКЭ», т. V. Ашхабад, 1955, стр. 83.

⁸⁴ К. Кадурис, Ю. Буряков. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-калы. «Труды ЮТАКЭ», т. XII. Ашхабад, 1963, стр. 156.

⁸⁵ А. Н. Бернштам. Древняя Фергана. Ташкент, 1951, стр. 17.

⁸⁶ В. Л. Воронина. Городище древнего Пенджикента как источник для истории зодчества. «Архитектурное наследство», 1957, № 8, стр. 121.

⁸⁷ А. Н. Кондауров. Указ. соч., стр. 52.

⁸⁸ А. М. Беленецкий. Из итогов последних лет раскопок древнего Пенджикента, стр. 495.

на малые и большие семьи, уже во многом самостоятельные. Еще дальше идет Б. Я. Ставиский, который полагает (на основании изучения некрополя), что «каждый из наусов представляет усыпальницу отдельной малой семьи, тогда как объединение их в группы, а также наличие в шахристане больших кварталов позволяет предполагать существование следов или пережитков патронимии»⁸⁹.

Пригородные усадьбы Пенджикента дополняют представление об эволюции местной общины. Эти усадьбы имеют вид небольших двухэтажных построек⁹⁰, состоящих из нескольких помещений и рассчитанных, видимо, на малую семью.

Таким образом, можно предположительно говорить о том, что в Согде в VII—VIII вв. процесс разложения большесемейной общины зашел несколько дальше, чем в Хорезме, так как согдийская малая семья, может быть, не повсеместно, но в отдельных районах (например, в Пенджикенте), уже выделилась в самостоятельную хозяйственную единицу, чего не следует из хорезмийских материалов.

В соседних государствах, например в Иране, в VI в. н. э. также шел процесс выделения малой семьи из более крупных родовых объединений. Этот процесс запечатлен, в частности, в ряде статей юридического документа VI в. н. э.— Судебника Матикан-и-Хазар-Датестан, отразивших изменение прав наследования и наличие малой семьи, состоявшей только из родителей и детей. Н. В. Пигулевская, ссылаясь на перевод Судебника и комментарии к нему Бартоломе, прямо говорит, что к VI—VII вв. большая семья сохранилась в Иране только у знати, но этот архаический общественный организм нельзя считать характерным для позднесасанидского Ирана⁹¹. К таким же выводам еще раньше пришел Мазагери в своем монументальном исследовании «Иранская семья в доисламские времена»⁹².

Подводя итоги нашему обзору, следует отметить, что археологические данные, как бы

⁸⁹ Б. Я. Ставиский. Пенджикентский некрополь как памятник культуры Согды VII—VIII вв. Автореф. канд. дисс. Л., 1954, стр. 14—15. Следует оговориться, что мы не до конца присоединяемся к мнению Б. Я. Ставиского, так как не видим оснований считать, что в VII—VIII вв., в Согде наблюдались уже только следы или пережитки патронимии.

⁹⁰ О. Г. Большаков, Н. Н. Негматов. Раскопки в пригороде древнего Пенджикента. МИА, № 66, М.—Л., 1958.

⁹¹ Н. В. Пигулевская. Юридические памятники эпохи Сасанидов. «Памяти академика И. Ю. Крачковского». Л., 1958.

⁹² A. Mazahéri. La famille iranienne aux temps antéislamiques. Paris, 1938, p. 33, 35, 41, 44.

скромны они ни были, противоречат, как нам кажется, суждению о неизбежности большесемейной общины у земледельческого населения Средней Азии на протяжении веков, так как позволяют ставить вопрос об известной ее эволюции и даже предполагать существование в некоторых районах малых семей в период раннего средневековья, как более или менее характерного для развития экономики явления. Наши знания в этой области пока отрывочны⁹³, и представление о формах семьи в древней Средней Азии может и должно пополниться и измениться (в частности, не исключено, что можно будет говорить и о более раннем выделении малых семей).

Остановимся на другом моменте, который хотелось бы затронуть в связи с рассматриваемой проблемой. Уже сейчас, как кажется, можно ставить вопрос о необходимости «увязывать» данные этнографии, относящиеся в основном к концу XIX—началу XX в., и археологии, предусматривая возможные отклонения от прямого пути развития и находя объяснения обнаруживающимся противоречиям.

Одно из таких противоречий следует отметить в результате анализа термина «кед» и его сущности применительно к Хорезму. Выше говорилось, что в период становления феодализма, в VII—VIII вв. в усадьбах Хорезма жили большие семьи, уже сильно внутренне дифференцированные. Чем в таком случае объяснить, что через одиннадцать столетий, в середине XIX в., основной хозяйственной единицей здесь по-прежнему была большая неразделенная семья?

Действительно, в архиве хивинских ханов сохранилась подворная перепись населения нескольких районов ханства, причем в списках «имя главы хозяйства сопровождается перечислением братьев, совершеннолетних сыновей, внуков и т. д.»⁹⁴, т. е. это еще неразделенная семья, живущая одним домом.

Еще в 1948 г. в Ханкинском районе М. В. Сазонова обследовала две большие семьи Пустакляр и Максумляр: первая — из 30 человек, вторая — из 45. Естественно, что несколькими столетиями раньше такие общины должны были быть численно крупнее.

⁹³ Малочисленность материалов вынудила нас привлекать наряду с данными по сельскому жилищу сведения о домах горожан и пригородных усадьбах. Вполне понимая, что процесс разложения общинных отношений в городе, его предместье и в деревне мог протекать неравномерно, мы считаем себя вправе воспользоваться этими сведениями, разбирая вопрос об эволюции большой патриархальной семьи вообще на протяжении рабовладельческой и феодальной эпох.

⁹⁴ М. В. Сазонова. К этнографии узбеков южного Хорезма, стр. 301.

К сожалению, мы очень немного знаем о жилищах хорезмийцев следующих за VIII в. периодов. Известно лишь по массовым обмерам усадеб Кават-калинского оазиса (XII — начало XIII в. н. э.), что большинство их имело площадь от 150 до 300 кв. м., т. е. меньше, чем усадьбы Беркут-калинского оазиса, размеры которых колебались от 300 до 1000 кв. м. Отсюда можно бы сделать вывод об уменьшении численности семьи в хорезмшахское время сравнительно с общиной эпохи Афригидов⁹⁵, однако неизвестно, какова была внутренняя организация этой семьи в XII — начале XIII в. н. э.

Лишенные, таким образом, возможности проследить, как в дальнейшем, в последующие за афригидским периодом эпохи, развивалась хорезмийская большая патриархальная семья, мы пока предлагаем два варианта объяснения намеченного выше противоречия в ее эволюции.

Как известно, в XVI—XVIII вв. происходит упадок хозяйства во всей Средней Азии, чему в значительной степени способствовало завоевание ее областей узбеками Шейбани-хана⁹⁶.

Это относится и к Хорезму. В XVI — середине XVIII в. там также происходил экономический и политический упадок. В XVII в. резко сокращается ирригационная система, запустевают некоторые города, в частности к этому времени относится гибель старого Ургенча⁹⁷. Городская жизнь развивалась слабо, незначительной была торговля. В первой половине XVIII в. «Хивинское ханство переживало полосу полного развала. Бесконечные войны между туркменами и узбеками способствовали углублению феодальной раздробленности и кризису ханской власти»⁹⁸.

Возможно, что в такой обстановке происходила реставрация больших семей, вызванная тяжелым существованием земледельцев в условиях упадка сельского хозяйства и политикой правительства, заинтересованного в сохранении крупной податной единицы, облегчавшей сбор

налогов, намеренно тормозившего распад больших семей и, может быть, способствовавшего их возрождению.

Факты реставрации больших семей известны в прошлом у различных народов. В. С. Батраков описал пайкалы — общины, возникающие у оседающих туркмен и узбеков в связи с необходимостью кооперации труда при обработке земли⁹⁹. Р. Харадзе упоминает о существовании в позднефеодальной Грузии искусственных семейных союзов-складств, зафиксированных актами семейных объединений¹⁰⁰.

Возможно также, что наличие в оазисе Хорезма VIII в. н. э. уже сильно внутренне дифференцированных большесемейных общин, в то время как в XIX в. там же жили большие еще не разделенные семьи, объясняется появлением на территории афригидского Хорезма новых этнических групп, которым была свойственна такая организация родовых коллективов. Ниже мы подробно остановимся на том, что при раскопках усадеб Беркут-калинского оазиса получены данные, позволяющие предполагать обитание здесь нехорезмского населения, пришедшего сюда с низовий Аму-Дарьи. Нам пока ничего неизвестно о формах семьи у этих племен, этнически пока тоже не определенных. Важно, однако, что в планировке жилищ в поселениях дельты, например в Ток-кале, выявляется то же секционное деление, что и в хорезмийских замках. Жилая застройка VII—VIII вв. в Ток-кале состоит из совершенно одинаковых частей, в каждую из которых входят жилое и хозяйственное помещения и огороженный дворик. В хозяйственных комнатах — закрома и ямы, в жилых — стены огибают неширокая суфа, в центре расположен очаг — прямоугольная глиняная площадка с бортиком по краям. На некоторых заметны (в виде двух углублений) следы опоры для перекладки, на которой подвешивался сосуд¹⁰¹. Ток-калинские «трехкомнатные квартиры» строго изолированы друг от друга и могли быть жилищем только численно небольшой семьи.

Учитывая это обстоятельство, нельзя не вспомнить так называемые семейно-родственные союзы кочевого населения, внутри которых выделившиеся малые семьи оказываются в систе-

⁹⁵ К подобному заключению уже пришел А. И. Тереножкин в статье «Жилые постройки XI—XII вв. Кара-Калпакской АССР» («Известия Узбекского филиала АН СССР», 1940, № 7, стр. 73). Однако возникли сомнения в справедливости его выводов, поскольку С. П. Толстов полагает, что А. И. Тереножкин подсчитывал только площадь каптар-хань, принимая последнюю за жилую усадьбу. Мы рассматриваем обмеры всей площади усадеб Кават-калинского оазиса.

⁹⁶ «История Узбекской ССР», т. I, стр. 391.

⁹⁷ «Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент, 1955. Выступление С. П. Толстова, стр. 558.

⁹⁸ «История Узбекской ССР», т. I, стр. 429.

⁹⁹ В. С. Батраков. Особенности феодализма у кочевых народов, стр. 438.

¹⁰⁰ Р. Л. Харадзе. Проблема неразделенной семьи по грузинским этнографическим данным. КСИЭ, 1962, XXXVI, стр. 23.

¹⁰¹ А. В. Гудкова. Раскопки городища Ток-кала в 1960—1961 гг. «Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР», 1962, 4(10), стр. 49—53.

ме определенных патриархальных связей¹⁰². В. С. Батраков стремился доказать, что у кочевого населения в эпоху феодализма родовые отношения «сохранились не в форме крестьянских родов, т. е. больших патриархальных семей, а в форме широких родовых и племенных союзов, объединяющих в своем составе большое количество малых индивидуальных семей»¹⁰³. В планировке жилых массивов это сочетание малых семей вполне могло выглядеть как примыкание отдельных изолированных комплексов помещений друг к другу.

Появление в афригидском Хорезме на протяжении всего периода IV—VIII вв. н. э. новых и, видимо, различных в этническом отношении групп населения устанавливается на основании многих фактов¹⁰⁴.

Соседство Хорезма с кочевой степью, постоянный контакт с ней, принимавший разные

¹⁰² «Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Выступление С. М. Абрамзона, стр. 120.

¹⁰³ В. С. Батраков. О воспроизводстве родовых отношений у кочевых народов Средней Азии в эпоху феодализма. «Известия АН Узбекской ССР», 1949, № 3, стр. 47.

¹⁰⁴ С целью проверки предположения о связи «секционной планировки» в усадьбах Беркут-калинского

формы оказали воздействие на формирование его культуры и ряд других сторон жизни (хотя мы пока не объясняем этим особенности структуры раннесредневековой хорезмской большой семьи), и поэтому мы посвятили этой теме следующую главу.

оазиса с появлением пришлого населения важно было бы сравнить планировку исследуемых нами жилищ VII—VIII вв. н. э. и построек сельского населения Хорезма более раннего времени, например первых веков нашей эры. К сожалению, эти сельские жилища почти не подвергались раскопкам. Тем не менее уже сейчас можно сказать, что таких усадеб, которые открыты в поселении возле Джанбас-калы (первые века нашей эры), в Беркут-калинском оазисе нет. Жилой дом внутри одной из усадеб Джанбас-калинского поселения раскопан в 1964 г. Он состоит всего из пяти комнат, группирующихся вокруг небольшого внутреннего дворика с тандыром, причем одна из комнат выступает за линию внешних стен дома и выглядит как отдельная изолированная постройка. Две из пяти комнат оказались кладовыми; третья — чистая, с отопительным очагом, четвертая — со следами кострища и врытых в пол сосудов, последняя — большое помещение, вытянувшееся во всю длину северной стены двора (14 м), безусловно, служило жильем и местом приготовления пищи, по-видимому, в зимнее время. Здесь обнаружены остатки нескольких очагов, много обломков кухонной закопченной посуды, зернотерок. Будущие работы покажут, насколько этот дом типичен и для Джанбас-калинского поселения, и вообще для поселений Хорезма античной эпохи.

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ КУЛЬТУРНЫХ И ЭТНИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ АФРИГИДСКОГО ХОРЕЗМА

Культура хорезмской античности и средневековья — два различных мира, между ними лежит пропасть, отметил С. П. Толстов, объясняя это различие в первую очередь внутренним развитием страны¹. Новые черты культуры средневековья, проявляющиеся в особенностях планировки городов, фортификации, строительной техники и т. п., формируются уже на протяжении афригидского периода истории Хорезма, но получают дальнейшее развитие и наиболее яркое выражение в последующие эпохи.

В созданной С. П. Толстовым периодизации истории древнего Хорезма были впервые выделены две археологические культуры: кушано-афригидская (или в применении ко всей Средней Азии кушано-эфталитская), датирующаяся IV—V вв. н. э. или III—V вв. н. э., и афригидская — VI—VIII вв. н. э.²

Выделение кушано-афригидской культуры, с одной стороны, обосновано тем, что в IV—V вв. еще сохраняются традиции античности — «живет античная керамика, строительные приемы, античные города не меняют общей своей структуры и планировки»³. Этим кушано-афригидская культура в корне отличается от афригидской (или, как она часто называется, позднеафригидской) культуры VI—VIII вв. н. э. С другой стороны, античности уже не свойственны те

новые формы керамики или новый облик усадеб, которые появляются в IV—V вв. н. э. и некоторыми чертами сближаются с тем, что известно об этих областях материальной культуры VI—VIII вв. н. э.⁴

Не приводя данную С. П. Толстовым характеристику последующего этапа — афригидской культуры VI—VIII вв. н. э., отметим, что она определяется устойчивыми признаками в архитектуре, строительной технике, керамике, составляющими очень выразительный комплекс, и отличается совокупностью этих черт как от предшествовавшей, так и от следующих стадий в развитии древнехорезмийской цивилизации⁵.

Последующие работы и накопление нового археологического материала показали, что эта, созданная на первых этапах работ Хорезмской экспедиции периодизация в основе своей остается верной и сейчас. Однако уже вскоре после выхода в свет «Древнего Хорезма» появилась возможность говорить о «варваризации» культуры Хорезма в IV—V вв., но направление связей еще оставалось невыявленным⁶.

В дальнейшем детальное исследование керамики афригидского Хорезма привело к выводу, что она резко отлична от посуды южных сопредельных областей Средней Азии и обнаруживает известное сходство с керамикой северных соседей Хорезма — обитателей низовий Сыр-Дарьи и что это объясняется, быть может, про-

¹ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 252.

² С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 33; он же. Периодизация древней истории Средней Азии. КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, стр. 27—28.

³ Там же, стр. 27.

⁴ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 33.

⁵ Там же.

⁶ С. П. Толстов. Периодизация древней истории Средней Азии, стр. 27.

никновением последних на территорию Хорезмского государства⁷.

В последующие годы новые раскопки в Беркут-калинском оазисе и широкие работы на периферии древнего Хорезма, в дельтах Аму- и Сыр-Дарьи позволили выявить детали, важные для характеристики обеих культур и, главное, наметить круг связей, объясняющих некоторые моменты формирования афригидской культуры на обоих этапах. Возникла уверенность, что в ее сложении «большую роль сыграли „варварские“ кочевые и полукочевые племена, окружающие Хорезмский оазис»⁸

Из истории
сложения
культуры Хорезма
IV—V вв. н. э.

В результате работ последних лет получены некоторые новые дополнительные сведения о керамике IV—V вв. н. э., которые, как мы постараемся показать ниже, нельзя не учитывать, затрагивая вопрос об этнической истории кушано-афригидского Хорезма. Прежде всего выяснилось, что в течение этого периода, во всяком случае в начале его, в IV в. н. э. сосуществовали две категории керамики: красноангобированная или просто красноглиняная, сделанная на кругу и не отличавшаяся по форме от сосудов конца кушанского времени (т. е. просто продолжала жить античная посуда), и отличная от нее желтоангобированная с грубо-размолотыми примесями в глине, например хумы с высоким в виде раструба горлом, без венчика⁹. Эти две категории керамики зафиксированы на Куния-Уазе в слое начала IV в. н. э. Следующий слой, датированный нами IV—V вв. н. э., на Куния-Уазе разрушен (вероятно, в то время там и не было фундаментальных построек, а существовали легкие жилища), и поэтому неизвестно, была ли там посуда, изготовленная в античных традициях. Говоря о нижнем слое Якке-Парсана и о замках № 66 и 68, мы констатировали выше то же явление — сочетание красноангобированной или красноглиняной круговой керамики и желто-, зелено- или черноангобированной, преимущественно лепной.

Твердо установлено, что часть желтоангобированной посуды представляет собой подражание античным образцам. Мы в свое время отмечали уже это, упоминая сосуды с сильно профи-

лированным венчиком¹⁰, блюда; к этому следует добавить горшки с уступом при переходе к плечикам и производные от них формы; к последним относятся хумчи в виде перевернутого колокола или, лучше сказать, горшкообразные, в одном из их вариантов¹¹, и другие сосуды такого же типа различных размеров, вплоть до очень небольших. Все эти разновидности широко представлены в материале из замка № 32.

И, наконец, эта керамика весьма специфична по технологическим признакам изготовления и очень отличается от античной. Она пориста (от примесей, легко выгорающих при обжиге, по-видимому, известковых), часто бугриста от изобилия в глине дресвы, покрыта особым ангобом, отличающимся от ангоба, которым облицовывались сосуды VII—VIII вв. н. э., хотя они тоже зелено- или желтоангобированные. Кроме того, в кушано-афригидское время зеленый ангоб часто наносился на темную подгрунтовку, иногда же сосуды сплошь покрывались черным ангобом, чего совершенно не делалось в VII—VIII вв. н. э. Эти три особенности позволяют легко выделить посуду, которой они присущи, из всякой другой. В свое время мы смогли указать только один памятник, где такая керамика была обнаружена — верхние слои Куния-Уаза. Теперь известны ее находки в Беркут-калинском (замки № 32, 66 и 68) и Якке-Парсанском оазисах. В последнем открыто несколько поселений, где найден однородный, не перемешанный материал, т. е. очень «чистый» комплекс IV в. Поэтому целесообразно остановиться хотя вкратце на описании найденной там посуды. Это керамика из развалин небольшого домика, по-видимому, очень легкого, так как не заметно следов стен, и он выглядит сейчас просто скоплением керамики на такыре. Это обстоятельство исключает всякую возможность многослойности жилья и служит лишним доказательством предположения о «чистоте» керамического комплекса, хотя он и подъемный.

Домик находился в непосредственной близости от одного из боковых ответвлений Якке-Парсанского канала и рядом с керамическими гончарными печами, условно нами названными «Якке-Парсанской керамической мастерской». Из найденной на развалинах домика керамики отметим следующие ее виды: 1) хум с высоким горлом в виде раструба без венчика; покрыт черным ангобом, черепок очень пористый; сделан на кругу (рис. 55, 1); 2) горшок типа античных с уступом при переходе к

¹⁰ Е. Е. Неразик. Керамика Хорезма афригидского периода. ТХЭ, т. IV. М., 1959, стр. 158, рис. 35, 21, 28, 31.

¹¹ Е. Е. Неразик. Керамика Хорезма..., рис. 5, 12.

⁷ Е. Е. Неразик. Памятники афригидского Хорезма. Автореф. канд. дисс. М., 1954.

⁸ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция в 1955—1956 гг. СА, 1958, № 1, стр. 130 и др.; он же. По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 252, также 200, 236, 239, 249 и др.

⁹ Е. Е. Неразик. Археологическое обследование городища Куния-Уаз в 1952 г. ТХЭ, т. II, стр. 386.

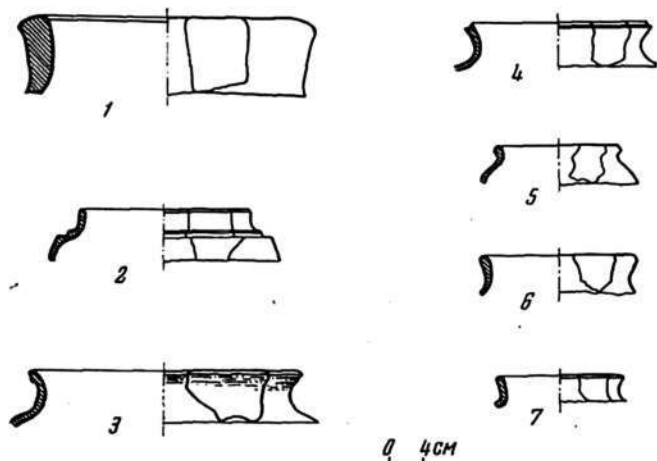


Рис. 55. Керамика из развалин дома у Якке-Парсана

плечикам, причем уступ подчеркнут рельефным пояском; не облицован ангобом, черепок красный в изломе и очень пористый; сделан на кругу, диаметр горла — 22 см (рис. 55, 2); 3) два сосуда с сильно изогнутым довольно высоким горлом и, по-видимому, широким округлым туловом; у одного венчик слегка утолщен, у другого он в виде уплощенной с выступающим краем полосы; оба покрыты буровато-зеленоватым ангобом снаружи, сделаны на круге; судя по ширине горла, это очень открытые горшкообразные сосуды (рис. 55, 3, 4); 4) два горшка, по форме сближающиеся с распространенными в Хорезме в первые века нашей эры¹², один из них покрыт темным ангобом, черепок слегка пористый из-за известковых включений в глине; другой сделан из хорошо отмученной глины, почти без примесей, хорошо обожжен и в общем по виду не отличается от аналогичных сосудов из античных памятников; оба сформованы на круге (рис. 55, 5, 6); 5) горшок, слепленный ручным способом из глины с большим количеством мелкой дресвы; диаметр горла — 16 см (рис. 55, 7).

Кроме обломков этих сосудов здесь же найдены фрагменты красноангобированной керамики (к сожалению, только боковых стенок) и лепных жаровен с большим количеством дресвы в глине.

Итак, перед нами керамический комплекс, отличающийся всеми теми чертами, о которых мы говорили выше. Благодаря работам самых последних лет к перечисленным выше памятникам, где найдена интересующая нас керамика,

ка, добавился новый — курганный комплекс Чаш-тепе.

Курганный группа, расположенная на возвышенности Чаш-тепе (в районе Ташауза Туркменской ССР), насчитывает больше тысячи разной величины курганных насыпей; среди них возвышается около десятка больших курганов. Все они образуют группы, центрами которых служили своеобразные сооружения в виде небольшого прямоугольного двора, окруженного валом, с одним или двумя проходами, ограниченными курганообразными возвышениями¹³. Под насыпями мелких и средней величины курганов (крупные не раскапывались) находились площадки небольших размеров — окопанный рвом участок древней поверхности. Все раскопанные курганы оказались разграбленными, и «сопровождающий» погребение инвентарь сводился к немногочисленному осколкам сосудов, найденным далеко не в каждом объекте. Некоторая часть этой керамики, несомненно, интересна. Керамика из Чаш-тепе кажется нам неоднородной: в ней возможно выделить хронологически различные группы. Часть посуды, несомненно, восходит к первым векам нашей эры (насыпь № 6), другая — ко второй половине I тысячелетия н. э. (курганы № 1, 2, 3 в ограде № 1), но установление точных дат — дело будущего, остановимся подробнее только на находках в кургане № 4, в насыпи которого оказалось скрытым низкое каменное строение. Среди собранных здесь обломков посуды есть фрагменты зеленоангобированных сосудов, сделанных совершенно в той же манере, что и часть керамики из замков Беркут-калинского и Якке-Парсанского оазисов, — с подгрунтовкой черным ангобом, из слегка пористой после обжига глины с известковыми включениями и т. п. Сходство таково, что если положить черепки из курганов Чаш-тепе и из замков оазисов рядом, то они покажутся осколками одного сосуда. Среди этой посуды встречаются кувшинообразные сосуды с довольно широким и высоким горлом и округлым утолщенным венчиком, очень близкие к сосудам из верхнего слоя Куныя-Уаза и замка № 5 Якке-Парсанского оазиса, а также сосуды с утолщенной выступающей закраинкой, также близкие керамике из перечисленных объектов. Следует заметить, что вся эта керамика была собрана возле кургана, однако выяснено, что она была выброшена туда из строения, за-

¹³ В 1963 г. раскопки курганов на возвышенности Чаш-тепе осуществлял отряд Хорезмской экспедиции под руководством Ю. А. Рапопорта. Описание ведется по предварительному отчету Ю. А. Рапопорта, хранящемуся в архиве ИЭ АН СССР.

¹² См.: М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода. ТХЭ, т. IV, рис. 35, 15, 28.

ключенного в кургане. Наряду с описанной при раскопках кургана собраны обломки зеленоангобированной посуды, с нанесенной поверх ангоба бурой краской росписью в виде ленточных кругов, подтеков и т. д. Такая по виду посуда встречалась в слое Куня-Уаза, датруемом III—началом IV в. н. э. Кстати, в этом же слое попадались отдельные формы, обнаруживающие близкое сходство с кувшинообразными сосудами из Чаш-тепе, которые мы только что упомянули, часто встречающиеся в слое IV—V вв. н. э.

Все это дает основание предполагать в комплексе Чаш-тепе курганы III—IV вв. н. э.; в частности, к этому времени, по-видимому, относится курган № 4, о сосудах из которого шла речь выше. Это предположение подтверждается медной пряжкой, найденной в одной из насыпей ограды № 1, которую можно твердо отнести к IV в. н. э. на основании прямых аналогий с пряжками из могильника на Госпитальной улице в Керчи¹⁴. Пряжка эта с овальной рамкой, с прикрепленной к ней обоймой и с подвижным язычком. Обойма украшена золотым овальным щитком со стеклянной вставкой.

Приведенные материалы позволяют сделать ряд выводов. Мы обнаружили одинаковую керамику на таких памятниках, как верхние слои Куня-Уаза, курганный комплекс Чаш-тепе и замки южного Хорезма. Такие признаки этой керамики, как примитивность по сравнению с античными формами посуды, небрежность выделки, в общем невыгодно отличают эту посуду IV—V вв. от хорезмийской первых веков нашей эры. Технологические особенности, появление большого числа простых кувшинообразных сосудов, сделанных часто без круга, весьма возможно, свидетельствуют не только об упадке керамического производства в связи с кризисом экономического строя Хорезма в IV—V вв.¹⁵, но и о появлении на территории страны новых этнических групп. Сопоставление памятников, где найдена эта посуда, дает некоторые основания связывать ее распространение с пришлыми племенами. В верхних слоях Куня-Уаза, как известно, обнаружены погребения людей нового для античного Хорезма антропологического типа с черепами, носящими следы кольцевой деформации. По мнению специалистов, сложение этого типа могло произойти в результате смешения европеоидного закаспийского долихо- или мезокранного типа с высоким и узким лицевым

скелетом и отличным от него, более восточного мезокранного высоко- и узколицего типа¹⁶. Погребения, оставленные населением такого же происхождения (С. П. Толстов считает их хионитами), обнаружены и на Канга-кале¹⁷.

Что же касается Чаш-тепе, то Ю. А. Рапопорт, основываясь на особенностях погребальных сооружений и инвентаря, предполагает, что это некрополь большого и сильного племени нехорезмийского происхождения¹⁸. Датировав некрополь первой половиной I тысячелетия н. э., тот же исследователь отметил, что, судя по его размерам и времени, название племени, хоронившего там умерших, могло быть сохранено историческими источниками, однако этническое определение его пока неизвестно. Приведенные выше соображения о керамике из Чаш-тепе, а также некоторые черты погребального обряда дают основание предполагать, что хотя бы часть курганов комплекса могли оставить племена хионитского круга.

Антропологический материал в курганах Чаш-тепе отсутствует. По ряду признаков при захоронениях там совершалась кремация, возможно, с погребением праха в стороне от погребального кострища. Правда, в отдельных случаях, при раскопках насыпей, над ними обнаружены остатки довольно больших кострищ (насыпь внутри ограды № 1 в кургане № 4), но преимущественно угольки и зола встречались в окружавшем древние площадки рву, куда были выброшены грабителями. По-видимому, о трупопожжениях в Чаш-тепе можно говорить твердо. Это покажется особенно интересным, если учесть, что в записях Аммиана Марцеллина (IV в. н. э.) есть сведения об аналогичном обряде, совершенном при похоронах хионитского царевича (сына царя Грумбата), убитого персами в сражении под Амидой. Мертвый царевич был положен на помост, рядом с ним, на других помостах, — куклы, изображавшие людей, и после проведения соответствующих церемоний все это было сожжено, а прах собран в урну, чтобы отправить ее на родину царевича¹⁹. В связи с такой любопытной деталью, как участие в похоронах кукол, обращают на себя внимание некоторые особенности захоронений в Куня-Уазе и Канга-кале. Там в погребальных комнатах рядом с костями, лежавшими на травяных подстилках, обнаружены

¹⁶ Т. А. Трофимова. Древнее население Хорезма по данным палеоантропологии. М., 1959, стр. 9 и др.

¹⁷ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 232.

¹⁸ Ю. А. Рапопорт. Предварительный отчет..., стр. 29.

¹⁹ Аммиан Марцеллин, XIX, 1, 2.

¹⁴ См. упоминание о подобных пряжках в ИАК за 1904 г. (СПб., 1907, стр. 74); материалы хранятся в Государственном историческом музее.

¹⁵ См. о кризисе: С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 244—245 и сл.

погребальная маска (Канга-кала) и осколки алебастровых и глиняных статуй (Куня-Уаз). На это сходство с хионитским погребальным обрядом уже обратил внимание Ю. А. Рапорт²⁰. В Чаш-тепе пока не найдены остатки таких статуй, но, во-первых, все раскопанные курганы были ограблены, а во-вторых, может быть, так пышно обставлялись только погребения вождей, и на двух упомянутых городищах открыты гробницы племенной знати. Отметим, что и та и другая комнаты носят следы пожара, хотя было ли это ритуальное сожжение погребенных или пожар связан с общим разгромом городов, выяснить не удалось. Интересно также, что погребальное помещение на Куня-Уазе соединено с соседним, в центре которого находились два больших круглых очага явно ритуального назначения, и, таким образом, огонь играл какую-то роль в погребальных обрядах в III—IV вв. на Куня-Уазе.

Некоторые другие сведения письменных источников при сопоставлении их с археологическими данными также, как нам кажется, свидетельствуют об активной деятельности хионитов в Приаралье и левобережье Аму-Дарьи.

Известно, что в IV в. н. э. в стране Суде, которую многие авторы локализируют в Приаралье, правил Хуни — представитель уже четвертого поколения после завоевания ее хуннами (т. е. это событие могло произойти в конце III в. н. э.)²¹. Полагают, что Хуни — имя предводителя хионитов²². Далее, по свидетельству Феофилакта Симокатты, в районе северного Приаралья, к востоку от Волги еще в VI в. н. э. жили племена вар и хуни, названные по имени их древних вождей²³, что можно рассматривать как подтверждение гипотезы о локализации страны Суде в Приаралье.

В середине IV в. н. э. хиониты сражаются с Шапуром II в юго-восточном Прикаспии²⁴. Прослеживая цепь событий, можно связать с боями хионитов и персов гибель ряда городов левобережного Хорезма в IV в. н. э.²⁵

Все это расширяет наше представление об истории формирования кушано-афригидской

культуры на ее первых этапах, связанных, по-видимому, с пришлыми племенами, скорее всего хионитского круга.

Хорезм
и соседние
племена
в VII—VIII вв. н. э.

Позднеафригидская культура VII—VIII вв. н. э. уже после первых раскопок в оазисе была представлена во многих аспектах. Глубокое исследование отдельных ее сторон показало, что эта культура выросла во взаимодействии с соседними высокими цивилизациями Древнего Востока. С. П. Толстов доказал, что художественные образы, запечатленные на печатях, изделиях местной торевтики, детали одежды и вооружения связывают ее с Индией, Восточным Туркестаном, странами Переднего Востока.

В результате широких археологических исследований Пенджикента и других памятников Средней Азии VI—VIII вв. стало ясно, что во многом одинаковый уровень экономического развития среднеазиатских земледельческих областей обусловил сходство многих сторон культуры их населения.

Например, такие предметы вооружения, как крупные трехлопастные и ромбические или овальные в сечении железные черешковые наконечники стрел, в равной мере в VII—VIII вв. н. э. распространяются и в Хорезме (Тешик-кала²⁶, Якке-Парсан²⁷, Беркут-кала²⁸), и в Согде²⁹, Семиречье³⁰, Чаче³¹. Бронзовые детали наборных поясов (бляшки, наконечники, пряжки) одинаковых форм встречаются в Якке-Парсане³², Беркут-кале³³ и на других среднеазиатских памятниках³⁴. Украшения в виде стеклянных и пастовых цилиндрических, круглых и овальной формы бус, сердоликовых и хрусталь-

²⁶ См.: С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 142, рис. 83.

²⁷ См.: Е. Е. Неразник. Раскопки Якке-Парсана. МХЭ, вып. 7, рис. 13, 1—3.

²⁸ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 142, рис. 83.

²⁹ А. М. Беленицкий. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента. МИА, № 66, 1958, стр. 99; Т. И. Зеймаль. Работы Вахшской группы Хуттальского отряда в 1957 году. «Археологические работы в Таджикистане в 1957 г.», вып. V. Душанбе, 1959, стр. 88, рис. 2, 11.

³⁰ Л. Р. Кызласов. Исследования на Ак-Бешиме в 1953—1954 гг. «Труды Киргизской археолого-этнографической комплексной экспедиции», т. II. М., 1959, стр. 216, рис. 45, 3, 15, 19.

³¹ А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, рис. 69, XXI, 21.

³² Е. Е. Неразник. Раскопки Якке-Парсана, рис. 14, 5, 8—10, 11.

³³ С. П. Толстов. Древний Хорезм, рис. 73.

³⁴ Р. Л. Кызласов. Указ. соч., стр. 216, рис. 45, 3, 5, 19; А. М. Беленицкий. Общие результаты..., стр. 99, рис. 8.

²⁰ Ю. А. Рапорт. К вопросу о хорезмийских статуарных оссуариях. КСИЭ АН СССР, вып. XXX, М., 1958, стр. 60, 61.

²¹ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, стр. 260.

²² А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Л., 1951, стр. 171, сноски № 2.

²³ Феофилакт Симокатта. История. М., 1957, стр. 160.

²⁴ Аммиан Марцеллин, XVII, 1, 5.

²⁵ См.: С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 232.

ных бус, найденные в Якке-Парсане, тоже не редкость для этого времени. Еще более близкие аналогии в синхронном среднеазиатском материале обнаруживают орудия труда — серпы, ножи, деревянные гребни для расчесывания пряжи и пр.

Много сходства в приемах строительной техники в способах возведения сводов, куполов, арок, стен, фундаментов и т. п. в афригидском Хорезме и, например, в Согде VII—VIII вв. н. э.³⁵

Конечно, пока не подвергнуты изучению города раннесредневекового Хорезма, его культура в полном объеме неизвестна, так как только в городских центрах, где развивалось ремесло, находились важные общественные здания и жилые постройки знатных горожан, она должна была быть представлена в наиболее ярких образцах и можно было бы получить важные данные для суждения о духовной жизни населения, об искусстве этой эпохи. С этой точки зрения особенно интересны сюжеты росписей на оссуариях из некрополей Ток-калы и Гяур-калы в сопоставлении с отдельными сюжетами росписей из Пенджикента, отражающие сходство религиозных представлений в Согде и Хорезме начала VIII в. н. э.³⁶

Однако многие разделы материальной культуры Хорезма VII—VIII вв. (прежде всего материал, который мы пока не упоминали, — керамика) запечатлели другие связи государства Афригидов, выделяющие его культуру из сопредельных южных цивилизаций оседлого среднеазиатского мира, опять, как и в предшествовавший кушано-афригидский период, подчеркивая ее контакты с полусоседлым населением степной периферии, но на этот раз направленные связей иное — не на запад, а на север.

Многие хорезмские сосуды VII—VIII вв. н. э. обильно украшены орнаментом, прочерченным крупнозубчатым штампом, располагающимся на плечиках или поясами на тулове, либо наlepным в виде гофрированных пальцами глиняных жгутиков, овальных медальонов, имитации бараньих рогов и т. п. Рисунок орнамента, его расположение в несколько видоизмененной форме воспроизводят орнаментацию, украшавшую синхронную посуду степных племен низовой Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи и в свою очередь восходящую к очень древним мотивам чуть ли не эпохи бронзы в районе Приаралья³⁷. Еще боль-

ший интерес вызывают среди керамики замков Беркут-калинского оазиса сосуды, по форме подражающие кувшинам, в обилии встречающимся на памятниках дельты Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи³⁸. Они довольно велики, с очень широким раздутым туловом, к которому прикреплялись одна или две маленькие кольцевидные ручки, с высоким, четко выделенным горлом, края которого, расходящиеся в виде раструба, оформлены плоской полоской венчика. Тулово часто украшено прочерченным зигзагообразным орнаментом. Так, например, осколок кувшина описанной формы, но не лепного, а сделанного на кругу и не отличающегося по выработке (включениям в глиняное тесто, ангобу и т. п.) от других, преимущественно крупных и толстостенных хорезмийских сосудов, найден на восточной пристройке Беркут-калы (рис. 56, 10). Здесь же обнаружен еще один любопытный фрагмент — обломок сосуда с орнаментом в виде выступающей, как бы наложенной на плечики сосуда широкой рельефной полосы, сплошь покрытой защипами (рис. 56, 11), совершенно необычным для хорезмийской керамики VII—VIII вв. н. э., но весьма характерным для посуды таких памятников, как Куюк-кала на Кусканатау в дельте Аму-Дарьи³⁹. И, наконец, заканчивая краткий обзор «северных» аналогий хорезмской керамики позднеафригидского периода следует указать, что в замках Беркут-калинского и соседнего Якке-Парсанского оазисов найдена лепная посуда, типичная для области дельты Аму-Дарьи (в замках № 32, 28, Беркут-кале, Ат-сызе, Якке-Парсане).

Определенное сходство отмечается и в планировке жилых комнат афригидских замков и построек верхних слоев памятников дельты Аму-Дарьи (Куюк-кала⁴⁰, Ток-кала⁴¹) и комплекса Джеты-асаров в низовье Сыр-Дарьи. Следует добавить, что при строительстве на всей этой территории применялись кирпичи одинакового стандарта и вообще наблюдается много общего в строительной технике, кроме того, здесь всюду встречаются одинаковые украшения и т. п. Если большинство параллелей свидетельствует о взаимовлиянии культур этих областей, то лепная керамика племен из низовой

³⁸ См.: С. П. Толстов. Хорезмская экспедиция в 1955—1956 гг., стр. 132, рис. 29; он же. По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 244, рис. 156.

³⁹ Е. Е. Неразник, Ю. А. Рапопорт. Куюк-кала в 1956 г. МХЭ, вып. 1, М., 1959, стр. 135, рис. 6, 13.

⁴⁰ Там же, стр. 131.

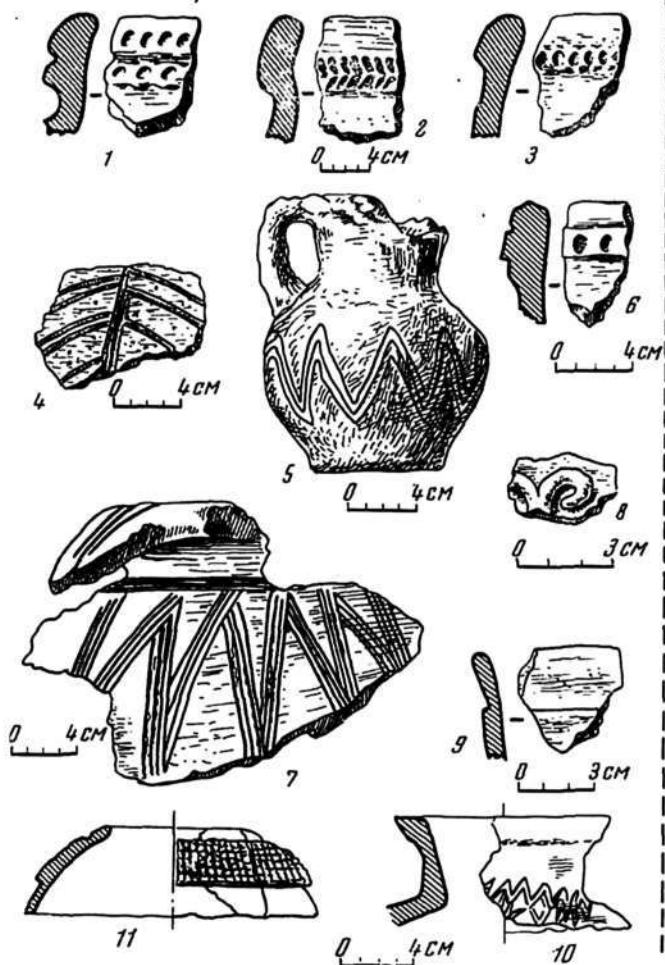
⁴¹ См.: А. В. Гудкова. Раскопки городища Ток-кала в 1960—1961 гг. (сообщение второе). «Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР», вып. 4(10), Нукус, 1962.

³⁵ В. Л. Воронина. Строительная техника древней Средней Азии. «Архитектурное наследие», 1958, № 3.

³⁶ А. В. Гудкова. Некрополь городища Ток-кала. СЭ, 1963, № 6.

³⁷ Е. Е. Неразник. Керамика Хорезма..., стр. 258.

Хорезм VII—VIII вв.



Степные племена VII—VIII вв.



Рис. 56. Сравнительная таблица керамики VII—VIII вв. из Хорезма и поселений низовий Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи.

Левая сторона таблицы: 1—4 — Беркут-кала, подземный, 5 — замок № 92, башня, верхний пол, 6 — Беркут-кала, подземный, 7 — замок № 5, Янке-Парсанский оазис, 8 — Беркут-кала, дожгон, помещение 1, верхний пол, 9 — замок № 9, подземный, 10, 11 — Беркут-кала, подземный

Правая сторона таблицы: 1, 3 — Кескен-Куюк-кала, подземный, 2 — Куюк-кала, подземный, 4 — Куюк-кала, раскоп II, нижнее помещение, 5, 8 — Куюк-кала, подземный; 6 — Кескен-Куюк-кала, подземный, 7, 9 — Джеты-асар 3, верхний слой, 10 — Куюк-кала, раскоп II, верхнее помещение

Аму-Дарьи, находящаяся в усадьбах Хорезма (и обратно — хорезмийская керамика VII—VIII вв. на памятниках всей широкой зоны обеих дельт, причем в большей степени в дельте Аму-Дарьи), заставляет предположить смешение в известной степени населения на территории и присутствие какого-то числа обитателей области Кердер (локализуемой в правобережной части Аму-Дарьинской дельты) в Хорезме, так как трудно считать появление здесь лепной посуды, в общем гораздо более худшего качества, чем та, которую умели изготавливать хорезмий-

ские мастера, результатом торговли. Причины этого явления неясны. Учитывая, однако, что вся обширная область дельты, безусловно, являлась зоной контактов земледельческого хорезмийского населения и полуседлых, в первую очередь скотоводческих, местных племен, можно предположить, что определенную роль в возникновении поселений Кердера сыграли хорезмийские купцы и ремесленники, создавшие там небольшие колонии, включенные чужеродным телом в полукочевой массив. Исторические параллели дают нам соседний район Сыр-Дарьи,

где подобные по облику поселения, складывавшиеся в сходных географических и экономических условиях, возникали в значительной степени благодаря товарообмену с согдийцами, причем политическая власть находилась в руках огузских и карлукских ханов (речь идет о несколько более позднем времени)⁴². Хорезмийская культура, неизмеримо более высокая, чем культура местных племен, должна была оказывать на последнюю заметное влияние. Этому влиянию, в частности, приписывается принятие местным населением зороастризма, выразившееся в распространении оссуарного погребального обряда (Ток-кала, Куюк-кала)⁴³.

Причины появления обитателей низовий Аму-Дарьи в Хорезме кроются, как нам кажется, в политической ситуации, сложившейся в стране в VII — начале VIII в. н. э. Далеко не все подробности ее известны, но целый ряд обстоятельств, прежде всего события 712 г., предполагают ослабление государственной власти и возможность постороннего вмешательства.


По письменным источникам и археологическим данным вырисовывается несколько фигур, претендовавших в это время на политическое первенство. Это хорезмшах Чеган и его брат Хурразад⁴⁴, вражда которых привела к вмешательству арабов; правитель области Хамджерд (или «царь Хамджерд» по другому чтению), беспрестанно тревоживший хорезмшаха своими набегами⁴⁵; царь Хуфарн, перечеканивший в Кердере монеты Чегана⁴⁶, что само по себе не говорит о мирных взаимоотношениях между данными правителями. Вполне возможно, кстати, что два последних — Хуфарн и «царь Хамджерд» — окажутся одним лицом. Об этом свидетельствует взаимосвязь разнородных сведений — ярко локальная культура в правобережной части дельты, обилие там монет Хуфарна, проникновение этой культуры в Хорезм и появление там в этот период царя области Хамджерд. В то же время в кратких повествованиях Бел'ами и Белазури как будто проступают пока еще очень смутные свидетельства о связи Хамджерда с левым берегом Аму-Дарьи. В выяснении этих вопросов главную роль сыграют, по-видимому, ну-

мизматические данные и сопоставление различных списков Табари.

Однако вся эта цепь событий кажется в общем лишь кратковременным эпизодом, которым трудно объяснить сильное влияние со стороны степных племен, испытываемое Хорезмом в течение многих лет и сказавшееся, например, в видоизменении керамики, о чем говорилось выше.

Скорее тут можно предположить объединение политической власти над обеими территориями в руках одного правителя. По свидетельству Ибн-Хордадбега, Хорезм и Кердер платили единый налог, хотя в списке податных единиц фигурируют обе области. Это можно рассматривать как доказательство того, что они являлись частями одного государства и такое объединение произошло до IX в.

Не исключено, что объединил эти территории царь-завоеватель Чеган-Азказвар (откуда бы он ни пришел), выпускавший монеты с там-

гой  на реверсе и прервавший этим тра-

диционность хорезмийской чеканки⁴⁷. Вхождение обеих территорий в одно государство может объяснить отсутствие оборонительных стен и прочих укреплений между Кердером и государством Афригидов, о котором речь шла выше.

В целом, каковы бы ни были причины, приведшие к усилению связей населения дельты и афригидского Хорезма, не они являлись предметом нашего исследования. Нам важно установление самого этого факта, имеющего большое значение для этнической истории Приаралья в широком смысле этого слова. События, развернувшиеся здесь в VII—VIII вв., — далекое звено тех процессов, которые привели в конечном счете к формированию части современного среднеазиатского населения, в том числе туркмен. Постараемся конкретизировать сказанное, для чего придется обратиться к археологии дельты Сыр-Дарьи и несколько расширить хронологические рамки работы.

Известно, что в IX—XI вв. территории низовья и среднего течения Сыр-Дарьи были населены огузами — одними из предков туркмен. В этих районах обследованы поселения, керамика с которых обнаруживает много сходного с керамикой из синхронных памятников дельты Аму-Дарьи⁴⁸. Данное обстоятельство

⁴² А. Ю. Якубовский. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР». М.—Л., 1933, стр. 22.

⁴³ А. В. Гудкова. Ток-кала. Автореф. канд. дисс. Нукус, 1964, стр. 17.

⁴⁴ Chronique de Tabari traduite sur la version persane d'Abou Ali Mohammad Bel'ami par M. H. Zotenberg, t. IV. Paris, 1867, стр. 175—177.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ См.: А. В. Гудкова. Ток-кала, стр. 112.

⁴⁷ Б. И. Вайнберг. Эфталитская династия Чаганпана и Хорезм. «Нумизматический сборник ГИМа» (в печати); А. В. Гудкова. Ток-кала, стр. 120.

⁴⁸ В. Н. Ягодин. Археологические памятники приаральской дельты Аму-Дарьи. Автореф. канд. дисс. М., 1963, стр. 12.

свидетельствует о связях населения обоих районов в этот период. Арабоязычные авторы подкрепляют это соображение сведениями о широком расселении огузских племен в Приаралье (ал-Истахри, Худуд-ал-Алем и др), причем часть их, несомненно, касается и районов дельты Аму-Дарьи⁴⁹, например, в Худуд-ал-Алем прямо говорится, что «вокруг него (Аральского моря.— Е. Н.) все места принадлежат гузам»⁵⁰. Остановимся на одном факте, который может рассматриваться как свидетельство взаимодействий населения южного и юго-восточного Приаралья. А. Ю. Якубовский, исследуя этногенез туркмен, намечает три волны передвижения огузов с низовой Сыр-Дарьи в нынешнюю южную Туркмению, последнее из которых, наиболее значительное по масштабам, приходится на XI в. и было вызвано столкновением с кичкаками, появившимися в прикаспийских степях⁵¹. Это передвижение по времени совпадает с затуханием жизни в Кердере: большинство из его поселений в XI в. прекращает существовать. Причину этого явления исследователи ищут в отклонении русла Аму-Дарьи на запад, но определенную роль могло сыграть и движение огузов, возможно увлекшее за собой население соседнего района, по-видимому, близкородственное им.

Далее, очень важно, в каком соотношении находилось население Аму-дарьинской дельты IX—XI и VII—VIII вв. Археологические материалы вполне отчетливо показывают прямую преемственность. Как установила А. В. Гудкова, лепная керамика Ток-калы в IX—XI вв. представлена в основном сосудами, выполненными в старых традициях и часто буквально повторяющими формы VII—VIII вв. н. э.⁵² Кроме того, посуда населения Кердера и урочища Джеты-асар (верхние слои памятников) оказалась настолько сходной, что это сходство привело к выводу о переселении в VI—VIII вв. части племен, обитавших в низовье Сыр-Дарьи, в дельту Аму-Дарьи⁵³. Именно к этому периоду относится перепланировка, отмеченная в верх-

них слоях городища Джеты-асар 3 (Алтын-асар), а в культуре местного населения, при всей ее устойчивости и ясно прослеживаемой преемственности, появляются некоторые новые, кажущиеся нам весьма существенными, детали, например так называемые длинные очаги — каналы. Эти очаги, выявленные на Джеты-асаре 3⁵⁴, напоминают по устройству позднейшие уйгурские, встречающиеся в Семиречье и занесенные туда, по мнению И. В. Захаровой, изучавшей материальную культуру этого населения, уйгурами из Турфана. Уйгурский канкайг, в отличие от дунганского и китайского, всегда связан с отопительным кирпичным очагом внутри дома, от которого внутрь суфы идет труба, обогревавшая ее поверхность⁵⁵. Описанное отопительное приспособление имеет очень узкий ареал и поэтому может, как нам кажется, довольно точно ориентировать в вопросе о направлении этнических связей обитателей урочища Джеты-асар — Семиречье — Турфан. Учитывая, что китайские хроники уже в VIII в. упоминают огузов под именем «гэса» на побережье Арала⁵⁶, это обстоятельство приобретает определенное значение для постановки вопроса об этнической принадлежности обитателей урочища Джеты-асар в VII—VIII вв. н. э. Не лишне добавить, что краниологический материал из некрополя Ток-калы — это в основном европеоидные черепа восточно-среднеземноморского типа с небольшой примесью того же характера, что и в черепах из Канга-калы и Куня-Уаза⁵⁷. Общий же облик людей, похороненных в помещениях Канга-калы и Куня-уаза, больше всего напоминает современных хорезмийских туркмен⁵⁸.

Рассмотренные нами факты довольно отрывочны и разрознены, но они несколько дополняют сведения об этнических процессах, протекавших в Приаралье в тот период, который А. Ю. Якубовский назвал «подготовительной стадией в сложении туркменской народности»⁵⁹.

⁵⁴ См.: С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 190.

⁵⁵ И. В. Захарова. Материальная культура уйгуров СССР. «Труды Института этнографии АН СССР», т. 47. М., 1959, стр. 295.

⁵⁶ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., т. II, стр. 315.

⁵⁷ А. В. Гудкова. Ток-калы, стр. 107.

⁵⁸ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 231.

⁵⁹ А. Ю. Якубовский. Вопросы этногенеза туркмен в VIII—IX вв. н. э., стр. 54.

⁴⁹ Сведения по этому поводу собраны в работе: А. В. Гудкова. Ток-кала. Ташкент, 1964, стр. 141—142.

⁵⁰ МИТТ, т. I, стр. 210.

⁵¹ А. Ю. Якубовский. Вопросы этногенеза туркмен в VIII—X вв. СЭ, 1947, № 3.

⁵² А. В. Гудкова. Ток-кала, стр. 130.

⁵³ А. В. Гудкова, В. Н. Ягодина. Некоторые результаты археологических работ в 1958 г. «Известия АН Узбекской ССР», 1960, № 1.

ПРИЛОЖЕНИЕ

РАСКОПКИ В БЕРКУТ-КАЛИНСКОМ ОАЗИСЕ

Замок № 8 имеет квадратные очертания (38 × 38 м) и окружен пахсовыми стенами, достигающими в настоящее время более 5 м высоты и 2,5 м толщины у основания. Башни отсутствуют, бойниц нет. В середине восточной стены почти на 9 м возвышается донжон, поднятый на мощном пахсовом доколе, которому придана форма усеченной пирамиды путем обкладки нижнего этажа пахсовым «упором». Рядом с донжоном находились ворота шириной около 3,5 м. Кроме того, в западной и северной стенах имеются арочные проемы шириной 1,8 м (рис. 16).

Уровень наслоений внутри замка у его стен достигает 2,5 м, понижаясь к центру до 1,3—1,4 м. Работы, проведенные в нем, носили разведочный характер. Небольшие раскопки были заложены в юго-восточной части замка и на донжоне. Всего вскрыто около 300 кв. м. В результате этих работ установлено, что наслоения внутри замка образовались в течение двух периодов обитания в нем: периода VIII в. н. э., к которому относится возведение крепости и дата которого определена благодаря находке монет этого времени (Хангри, или Хамгри, Чеган и медных монет Шаушара), и периода, скорее всего датирующегося X в. н. э., когда замок был вторично, после перерыва, заселен (рис. 57).

Слой эпохи Афригидов. В юго-восточной части замка вскрыты полностью одно помещение и незначительные по площади участки узких коридоров, огибающих его и отделяющих от других строений. Помещение это прямоугольных очертаний (3,4 × 3,8 м), пусто, лишено каких-либо конструкций хозяйственного и жилого назначения — суф, закомов и пр. Стены сложены из квадратного сырцового кирпича обычного для афригидской эпохи стандарта — 35 (36, 37) × 35 (36, 37) × 9 см.

В юго-восточном углу замка, у входа, сквозь напластования X в. прослеживается обширное возвышение (отметки выявленных участков + 1,28 м, + 1,19 м, в то время как уровень полов вышеописанных помещений + 0,6 — 0,5 см). Быть может, здесь находились остатки цоколя башни, посредством которой осуществлялся подъем в верхний этаж донжона. Впоследствии, в X в., здесь также построили башню, очертания которой, однако, не совпадают с намечающимися границами упомянутого выше возвышения. К нему примыкают сооружения в виде низких плотных глинобитных массивов, разделенных узким углублением, заполненным зеленым гумусом. Тут же расширена часть суфы.

В помещении, коридорах и на других участках найдены обломки следующих видов посуды: хума с венчиком-валиком, украшенным понизу вдавленными пальцев, хумчи с венчиком в виде двух валиков, нескольких водоносных кувшинов с треугольным в сечении венчиком, горшковидной хумчи с венчиком в виде трех валиков. Найден целый лепной горшок. Остатки стен построек, не превышающие по высоте 0,3—0,4 м, повреждены ямами, вырытыми при вторичном освоении замка. Повсюду их перекрывает слой такыра, образовавшегося в период временного запустения замка между серединой VIII в. н. э. и X в.

Слой X в. н. э. Поверх этой такырной корки залегает песчано-комковатый слой толщиной от 40 до 80 см, явившийся фундаментом для построек X в. Два помещения этого времени вскрыты у юго-западного угла замка. Стены их сложены из пахсы, крыши могли быть сделаны из жженных квадратных кирпичей (25—30 × 25—30 × 5 см), обломки которых в обилии встречаются в завале помещений и на поверхности развала; полы специально не обмазывались — ими служила утоптанная поверхность песчано-комковатого слоя. Посредине замка построек, по-видимому, не было. Вход в замок в этот период отремонтировали, сузив его до 1,6 м, использовав для этой цели жженный кирпич. Входной проем, в котором был сделан каменный порог, закрывался деревянными воротами — найдены остатки горелого дерева. От входа внутрь крепости вел довольно пологий пандус. В донжоне расширены только остатки комнат X в. н. э., стены которых не превышают сейчас по высоте 1 м. Полы сохранились участками, всюду глубокие промоины. О планировке в целом сказать ничего нельзя. Особенность архитектуры донжона — встроенное в его юго-западный угол полукупольное помещение, возведенное одновременно со зданием в VIII в. н. э. В X в. оно, к этому времени заполненное завалом почти до уровня ступенчатых тропов, было использовано новыми обитателями замка, устроившими здесь полукруглый высокий очаг из жженого кирпича.

В слое X в. найдено много поливной и неполливной посуды. К неполливной относятся кувшины с высоким, четко выделенным горлом, резко суживающимся книзу туловом и широкой пластинчатой изогнутой ручкой, горшок серого цвета с заостренными в сечении узкими рельефными поясками на плечах, тазы с выступающим плоским бережком-венчиком, хумы без горла, крайина которых орнаментирована наклепными, гофрированными пальцами полосами и волнообразным

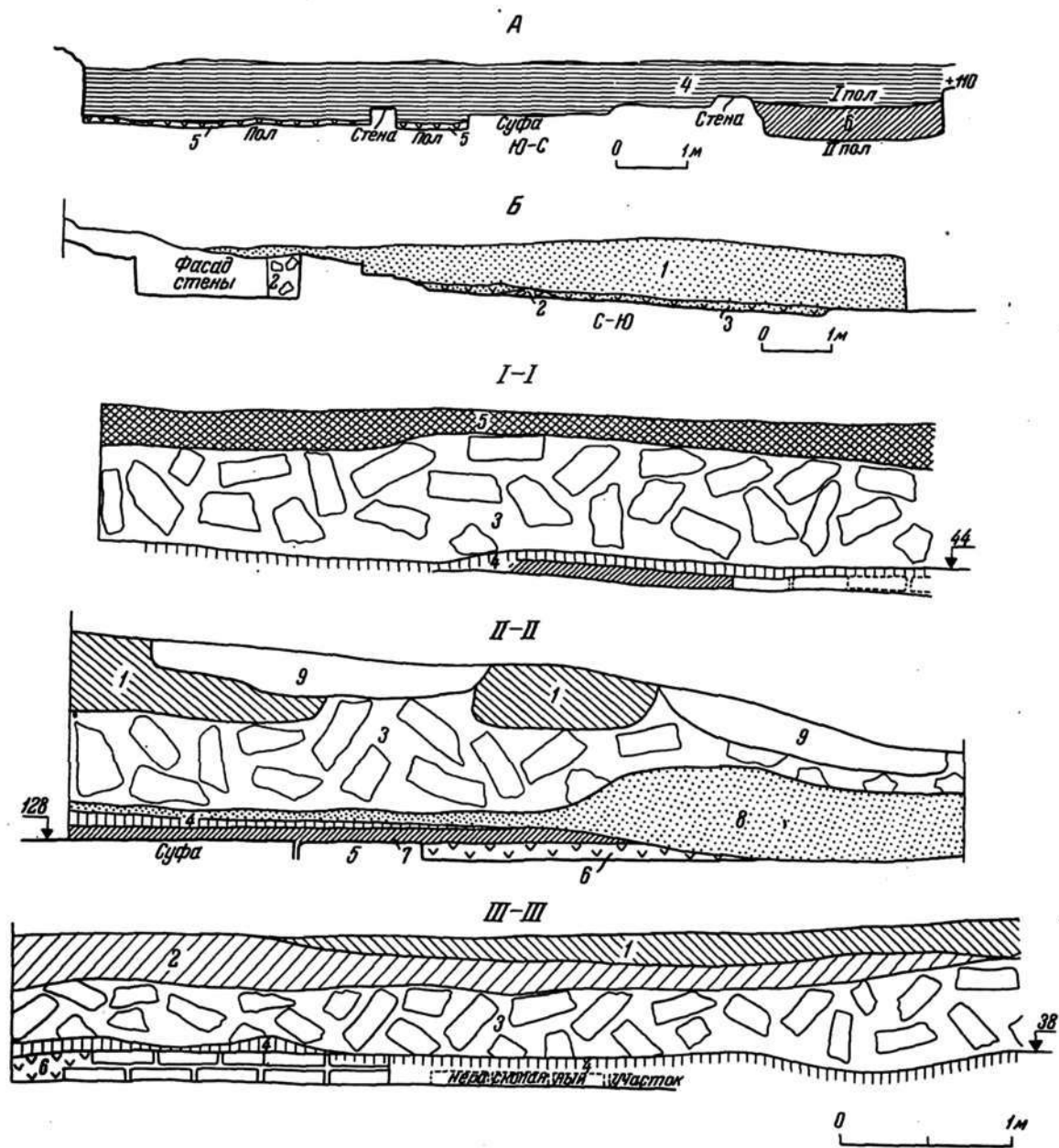


Рис. 57. Таблица стратиграфических разрезов

I—I — III—III — замок № 8 (см. линии разрезов на рис. 16): 1 — паховый завал, 2 — илтный слой с намывами и песком, 3 — песочно-комковатый завал, 4 — тапчирный слой, 5 — паховая стена X—XI, 6 — культурный слой с органическими остатками и меловыми отложениями, 7 — обломки пола, 8 — слой наносного песка, 9 — завал с соломой (современная вырубка)

A, B — замок № 28 (план см. рис. 40). A — разрез через наслонения в помещениях № 6, 8 и коридоре, вид на запад. B — разрез через наслонения в северной части двора, вид на запад: 1 — слежавшийся плотный коричневатый песок, 2 — кирпичный завал, 3 — песчаный слой с включениями растительных остатков, 4 — слоистый намывной слой, 5 — культурный слой, 6 — рыхлый аморфный глинистый слой

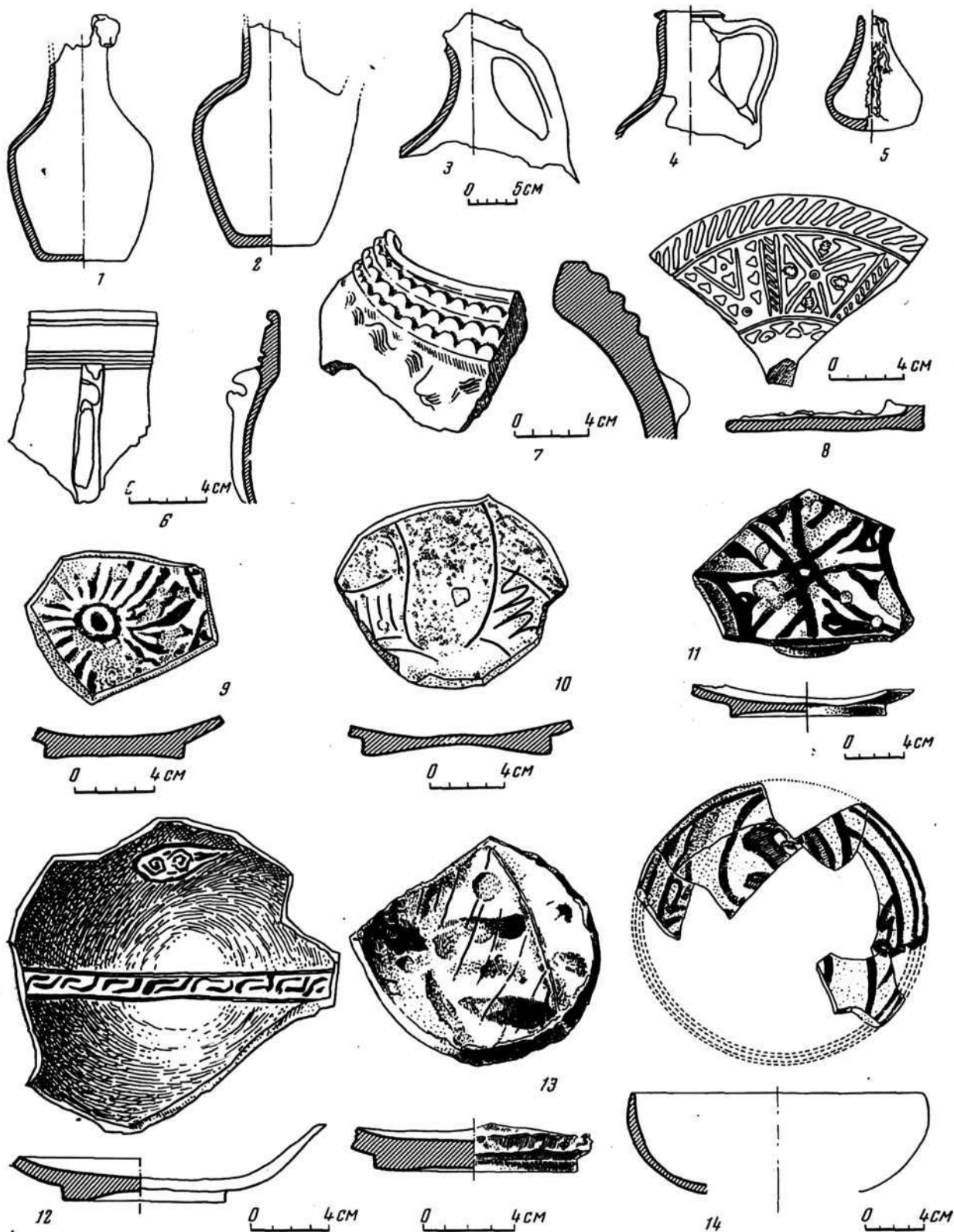


Рис. 58. Керамика из замка № 8
 1—5 кувшины, 6 — горшок, 7 — хум, 8 — крышка, 9—14 — поливные чаши

узором, прочерченным крупнозубчатым штампом. Поливная керамика — это в основном глиняные на дисковидном поддоне чаши замахшарского или афраси-абского типа со свинцовой поливой и с красно-коричневой и зеленой росписью. Есть чаши с гравированным узором и коричневой, зеленой и желтой раскраской, с изображением вихревой розетки на дне (рис. 58). Отметим также стеклянный сосуд с тремя голубыми ручками (рис. 59).

Замок № 11 площадью 40×43 м относится к группе наиболее поздних памятников оазиса. В центре его расположен донжон, возвышающийся над поверхностью внутри замка почти на 10 м. Пахсовая ограда памятника разрушилась почти до основания; в середине восточной и южной сторон видны останцы пахсовых цоколей двух башен, одна из которых, южная, по-видимому, в свое время сообщалась с донжоном посредством перекидного мостика (см. рис. 25). Пространство, окруженное стенами, имеет вид ровного такыра, поверхность которого лишь кое-где превышает уровень окрестных такыров не более, чем на 0,5 м. Из этого можно заключить, что из построек вряд ли что-нибудь уцелело. Донжон, размерами 15×15 м, воздвигнут на высоком, 4,5 м высоты, пахсовом цоколе. Стены комнат построены из сырцовых кирпичей; в них прорезаны щелевидные, плоскоперекрытые бойницы 20 см ширины. Здание состояло из восьми комнат. В центральной, по-видимому, находился колодец, на месте которого образовалась глубокая промоина. Таким образом, по планировке здание не отличалось от донжонов таких замков, как Тешик-кала, Адамли-кала, Якке-Парсан.

В 1958 г. в донжоне раскопано угловое помещение, занимавшее северо-западный угол. В нем оказалось два уровня пола, разделенных полуметровым слоем опаленных огнем обломков кирпичей, комьев глины с отпечатками камыша и прочего строительного мусора, образовавшегося скорее всего в результате разрушения плоской кровли. В этом слое и над нижним полом находки были единичны — всего несколько фрагментов боковых стенок сосудов афригидской эпохи. Над верхним полом залегал мощный навозно-мусорный слой, в котором, кроме фрагментов посуды и костей животных, найдены остатки ватного халата и кожаной обуви, как выяснилось, сапог с мягкой подошвой и загнутым носком (см. рис. 50, 2). Пол был покрыт соломенной циновкой, плетением очень напоминающей современные узбекские. Кое-где обнаружены фрагменты кошмы. На полу был еще найден глиняный, покрытый бирюзовой пастой амулетик (2×2 см) — изображение лежащего льва (см. рис. 67, 12). Этот предмет, совпадающий во многих деталях с аналогичными египетскими поделками I—III вв. н. э.¹, несомненно, не местного происхождения, скорее всего был вывезен из Египта и, вероятно, длительное время передавался из рук в руки, так как он вряд ли может датироваться временем позже, чем начало нашей эры.

Сам же замок относится, по-видимому, к началу VIII в. н. э.: об этом свидетельствует конструкция донжона, построенного на высоком цоколе; тем же временем датируется и горшковидная хумча с венчиком в виде двух валиков с налепленным между ними глиняным жгутиком, фрагмент которой найден в комнате.

Замок № 19, расположенный в 2 км к северо-западу от Беркут-калы, в плане квадратен (36×36 м) и окружен крепостными стенами, теперь имеющими вид невысоких пахсовых останцев. В северо- и юго-запад-



Рис. 59. Стеклянный сосуд из замка № 8

ном углах его находились разрушенные теперь башни весьма архаичной для афригидского периода формы — прямоугольные. В юго-восточном углу возвышается маленький донжон, напоминающий такую же башню, но несколько большую по площади и не выступающую за линию стен. Возможно, что нечто подобное было и в северо-западном углу, как можно судить по рисунку и схеме Н. П. Толстова, сделанным в 1938 г. К сожалению, к моменту раскопок эта часть постройки оказалась сильно поврежденной, и сейчас сказать можно только, что такой башни, как в северо- и юго-западном углах усадьбы, здесь не было. На той же схеме изображена какая-то планировка, примыкавшая в виде квадратной пристройки к донжону и части южной стены усадьбы, однако и эта планировка не сохранилась, так как сейчас вплотную к стенам усадьбы подступают хлопковые поля и современные постройки (рис. 42).

Донжон — это квадратное сооружение площадью 5×5 м. Южная стена его целиком разрушена, остальные сохранились на высоту до 4 м. Южная и восточная стороны донжона образованы стенами замка, целиком пахсовыми, западная и северная сложены иначе: в нижней части (от основания до +2,5 м) они пахсовые, выше состоят из поясов пахсы и кирпичей, положенных в один-два ряда. Ряды пахсы не заглаживались, и поэтому в них различаются отдельные комья, напоминая известную в современном среднеазиатском народном строительстве кладку «гуаля».

На восточной стене на высоте 1,7 м над полом находится ряд неглубоких треугольной формы лунок, над которыми — два более крупные углубления размерами $0,3 \times 0,3$ м. По гипотезе, высказанной некоторыми рабочими, участвовавшими в раскопках усадьбы, это могли быть следы от помоста для жернова. Однако расстояние от пола до данной конструкции настолько велико, что для использования ее необходимы были какие-то приспособления.

Донжон, видимо, был в два этажа, причем в каждом из них помещалась всего одна комната. От верхней остался лишь клочок обожженной обмазки пола на высоте 3 м. В западной стене над ним сохранилась

¹ См.: Б. Б. Пиотровский. Древнеегипетские предметы, найденные на территории СССР. СА, 1958, № 1, стр. 24—27, рис. 2.

плоскоперекрытая узкая щелевидная бойница, открывавшаяся внутрь усадьбы и защищавшая вход в нее, находившийся, как показали раскопки, рядом с донжоном.

Сейчас трудно установить, каким было перекрытие нижнего этажа, однако скорее всего оно было плоским. В песчаном заполнении нижнего помещения найдено много виноградных косточек, проса, соломы, попавших туда в результате обрушения верхнего этажа. На полу ничего не найдено.

Можно полагать, что донжон — сооружение оборонительного характера, использовался в мирное время для хранения продуктов и прочих хозяйственных целей, что подтверждает вывод С. П. Толстова о назначении донжонов в небольших усадьбах Беркут-калинского оазиса, сделанные им после работ там в 1937—1939 гг.²

Раскопки усадьбы. Поверхность внутри усадьбы, уровень которой превышает уровень прилегающей территории на 1,1—1,3 м, представляла собой ровный гладкий такыр без внешних признаков планировки. Однако зачистка большого среза, образовавшегося в результате вырубки местными жителями развалин восточной стены вплоть до ее основания, и участка наслоений внутри усадьбы выявила остатки внутренней планировки, кирпичную кладку стен помещений и поверхности пола, прослеживающиеся на срезе ливнями, с пятнами культурного слоя над ними.

Судя по данным, полученным при изучении среза, постройки внутри крепостных стен не подвергались значительным перестройкам и перепланировкам, и замок можно считать однослойным. Всплестивши это заключение подтвердилось результатами раскопок.

Раскопками вскрыта вся площадь, за исключением участка в северо-западном углу (7 × 13 м), основательно разрушенного глубокой и разветвленной промоиной. Расчищенную территорию занимают 28 комнат, причем вся планировка разделяется проходом шириной от 3 м до 3,5 м и длиной 21 м на две неравные половины — восточную и западную. 12 помещений восточной половины, отделенные от донжона незастроенным пространством шириной 5,17 м и длиной 11 м, входят в два равных по величине комплекса, разделенных глухой стеной. Северный состоит из соединенных друг с другом дверными проемами шести комнат. Две из них, № 1 и 2, сильно повреждены при вывозке из замка земли для удобрения хлопковых полей. Заполнение их оказалось вычерпанным до материка.

В соседнем помещении (№ 5) расположены две низкие кирпичные суфы шириной не более 1 м и несколько очагов; один из них сделан из небольшой хумчи, замазанной в четырехугольную глиняную выкладку — подставку. Примыкающий к нему участок пола слегка обожжен. Здесь же найден почти целый нижний камень от ручного жернова из песчаника. С другой стороны очага пол вымощен сырцовыми кирпичами. Другой очаг имеет вид круглого углубления диаметром 0,3 м с сильно опаленными стенками и дном. И, наконец, на полу расчищены остатки кострища с большим количеством золы, пепла и углей и некоторым количеством керамики. К участку западной стены против кострища пристроены два кирпичных выступа, причем есть основание думать, что первоначально они ограничивали дверной проем, ведущий в помещение № 19, всплестивши заложенный кирпичами.

Помещение № 3, соединявшееся только с вышеописанным, не несло, видимо, никаких хозяйственных

функций: в нем нет ни кухонных очагов, ни соответствующего инвентаря. Это довольно чистая комната с суфой, шириной 0,7 м, вдоль западной стены и маленьким углубленным очагом рядом с ней, недалеко от входа.

Комната № 19 связана посредством четырех проходов со всеми составными частями комплекса. Слой над полом включал большое количество золы, фрагменты керамики, гарь, что походит на выброс из печи, поскольку на полу нет следов горения. Действительно, остатки печки обнаружены возле прохода в помещении № 5, причем она находилась как бы в нише, образованной небольшим полукруглым выступом и поворотом восточной стены к югу. Конструкция печи и ее назначение остались невыявленными, так как печь разрушена при выборке земли из соседней комнаты № 2.

Пол в комнате неровный, на некоторых участках совсем отсутствует; в южной половине он приподнят, образуя возвышение типа очень низкой и обширной суфы четырехугольной формы. В ней сделана овальная небольшая и неглубокая яма, заполненная намывами. Керамики в слое над полом найдено довольно много; это главным образом обломки тонкостенных чап, кружек, кувшинов, хотя есть и лепная кухонная со следами длительного употребления.

Совершенно не похоже на описанное маленькое прямоугольное помещение № 4, примыкавшее к северной крепостной стене. Вдоль северной, восточной и южных стен его идут суфы, покрытые плотной глиняной обмазкой, в центре находится прямоугольная выкладка — очаг с округлым углублением в середине, сильно опаленная и засыпанная золой; зола заполняла также и углубление.

В этой комнате найден небольшой луковичеобразный совершенно целый сосудик, сформованный на кругу из сравнительно тонкоотмученного глиняного теста с включениями мелкораздробленного гипса.

Два помещения (№ 15 и 16) из второго комплекса комнат, расположенных в восточной половине усадьбы, очень напоминают помещение № 5 по своему плану. В них — узкие суфы по трем или двум стенам и центральная кирпичная выкладка — очаг, сильно опаленный, с округлым, забитым золой углублением в середине. В помещении № 15 две суфы, северная и южная, доходят только до середины стен, оканчиваясь уступчатым обрывистым краем, как будто они были срублены. Подозрения в этом укрепляют следы кетменя или какого-то другого рубящего орудия, замеченные на поверхности пола вокруг очажной выкладки. По-видимому, суфы были обрублены в последний период существования замка, а первоначально шли вдоль всего протяжения северной и южной стен. В полу расчищены многочисленные мелкие и более крупные ямки, предназначенные для разных целей: в одних хранили зерно (в ямке размером 0,4 × 0,3 м в юго-восточном углу найдена джугара), в других стояли сосуды, вкопанные в пол. Некоторые ямки образовались от столбов перегородок. Поверхность положенного плашмя у середины южной стены сырцового кирпича опалена — может быть, на нем стоял светильник. Пространство между очагом и суфами вымощено кирпичом, благодаря чему этот участок несколько возвышается над остальной площадью пола. Скорее всего это было сделано для расширения суф.

В помещении № 16 кроме центральной очажной выкладки был и другой очаг, полукруглый, слегка заглубленный в стену. Подом ему служили осколки кирпичей, обложенные глиняным валиком по краю. Участок пола у выхода в центральный коридор усадьбы вымощен сырцовыми кирпичами. Довольно беспорядочная кладка ограничена рядом правильно положенных

² С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 132.

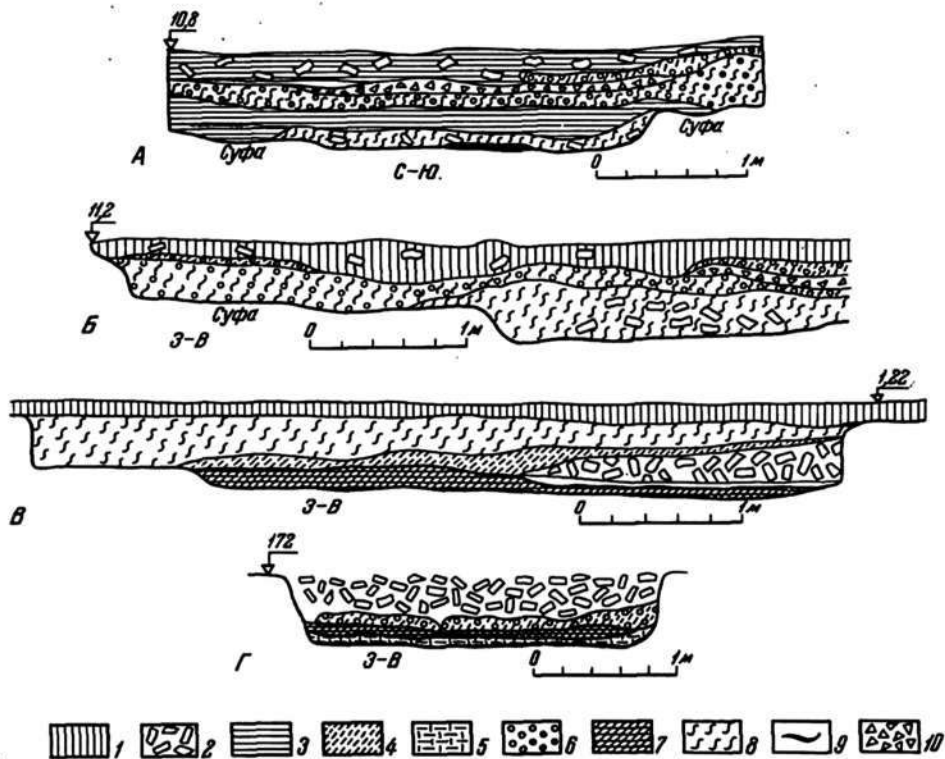


Рис. 60. Таблица стратиграфических разрезов

А — Г — замок № 19, А, Б — в помещении № 15, вид на север и восток, В — в помещении № 9, вид на восток, Г — в помещении № 12, вид на север (разрезы восточу проведены по линии, проходящей через середину комнаты) (см. рис. 42):

1 — такырный слой, 2 — обломки кирпичей, 3 — намывы, 4 — культурный слой, 5 — культурный слой с включениями органических остатков, 6 — навоз, 7 — паховый завал с песчано-глинистыми намывами, следами огня и отдельными фрагментами керамики, 8 — плотная однородная глина, 9 — зольный слой, 10 — комья глины (жирной линией показаны обмазки полов)

плашмя по одной линии кирпичей, чуть выступающих над полом. Между ними и суфой обнаружена вкопанная по самый венчик хумча. Все помещения данной группы соединены узким коридором (№ 17), в который открываются двери из комнат № 16, 21 и 18; последние три — явно хозяйственного назначения.

Следует особо отметить, что помещение № 18, по-видимому, было забутовано плотной однородной глинистой массой, в верхних слоях которой встречались фрагменты хумов. Пола в нем не обнаружено, может быть, он был срублен перед тем, как комнату забутовали, что произошло, по всей вероятности, в последний период существования памятника. Во время расчистки комнаты от забутовки на уровне + 45 см, соответствующем уровню остатков пола у входа в небольшой узкий, обозначенный нами № 7, коридор, была найдена окислившаяся медная монета чекана хорезмшаха Чегана.

Постройки восточной половины усадьбы замыкаются тремя несообщающимися комнатами (№ 13, 14 и 21), проходы из которых открываются в незастроенное пространство перед дождевом. Одна из них (№ 21) соединена проходом с коридорчиком (№ 17).

Все эти комнаты очень невелики; скорее всего они служили кладовыми; культурный слой везде состоит из перегнивших растительных остатков, вето-

чек, косточек, особенно много которых — целая груда — было в помещении № 13 (в перегнойном слое) от сгнивших здесь персиков.

Чтобы закончить описание построек в восточной части усадьбы, нужно сказать несколько слов о помещении № 6. Оно расположено несколько изолированно от остальных построек, окружено незастроенным пространством и примыкает только к дождевому; рядом с ним, в южной крепостной стене находится вход в замок. Быть может, с этим обстоятельством связана значительно большая, чем в прочих комнатах, толщина стен, неоднократно ремонтировавшихся и расширявшихся. Особенно это относится к западной, ограничивавшей с востока входной коридор: она имеет ширину около 1,6 м и в ней отчетливо прослеживается пристроенная часть, поставленная на пандус, полого спускающийся от входа к центру усадьбы.

В помещении, в юго-западном углу сделано кирпичное возвышение с примыкающей к нему узкой кирпичной полкой. Слой на полу, окрашенный в желто-коричневые тона и состоявший из продуктов гниения растительных остатков, хворостяных подстилок с примесью овечьего навоза, не вызывает сомнений в назначении помещения: здесь содержался скот.

В южной части западной половины замка находятся восемь помещений, шесть из которых (№ 8, 9, 10,

11, 12 и 20) либо непосредственно сообщались друг с другом, либо через две коридорообразные длинные комнаты (№ 8 и 20), вытянутые вдоль южной и западной крепостных стен. Центральной по расположению и назначению в этой группе была, видимо, комната № 9, непосредственно связанная с тремя другими: № 10, 11 и 8. Вдоль западной стены в ней идет кирпичная суфа шириной 1,2 м; против нее, примерно в центре, зафиксированы следы большого кострища с тремя маленькими углублениями, сделанными не специально, а скорее напоминающими отпечатки ножек какого-то предмета. Вокруг кострища обнаружены пять ямок от столбиков, а возле восточной стены — зерновая яма. Помещения № 10 и 11 примерно аналогичны по плану, хотя очаги в них отсутствуют. Среди немногочисленных предметов, найденных в последнем из них, следует отметить целый железный с деревянной ручкой кривой виноградарский нож и осколок костяного орудия с зубчатым краем, применявшегося, по-видимому, при стрижке овец (см. рис. 48, 18, 19). Комната № 12 была пустая, лишенная внутренних конструкций и заполненная мощным слоем перегноя; по назначению, надо думать, это было хранилище — кладовая.

Описываемый комплекс с южной и западной сторон огораивают два взаимно-перпендикулярных коридора № 8 и 20; это одна из черт, отличающих его планировку от находящейся в северо-восточном углу. Разница объясняется, по всей вероятности, наличием в юго-западном углу оборонительной башни, в то время как в диагонально противоположном — ее не было, и оборона осуществлялась иным способом, оставшимся нам неизвестным. Одновременно с подсобно-оборонительным значением помещения (коридор) № 8 выполняло и хозяйственные функции. Здесь были два очага: кострище и заглубленный в пол, грушевидной формы, диаметром 0,4 м, глубиной 0,6 м. Стены очага и небольшой лоточек у его края сильно прокаленные, были почищены и покрыты новой обмазкой, уже необожженной, — очагом больше, вероятно, не пользовались.

Планировка северной части западной половины усадьбы полностью не вскрыта. Здесь раскопаны только четыре комнаты, располагавшиеся по противоположным сторонам большого дворика и входящие, по-видимому, в различные комплексы построек.

Помещения № 23 и 24 однообразны по плану: вдоль западной и, насколько можно судить по сохранившимся обрывкам кладки (этот участок усадьбы оказался сильно разрушенным), южной стен шла суфа шириной около 1,5 м. В комнате № 24 в такой суфе был сделан округлый углубленный очажок диаметром 36 см и глубиной 23 см, заполненный золой и угольками. В ямке на полу найдены бронзовый колокольчик с прорезями (см. рис. 67, 8) и окислившаяся медная монета чекана хорезмшаха Чегана (начало VIII в. н. э.).

Очень важной для воссоздания облика построек в усадьбе детально были отпечатки на полу комнаты жердей — желобчатых углублений, заполненных древесной трухой. Установление этого факта не оставляло сомнений в том, что перекрытия строений усадьбы были плоскими.

Сообщались ли данные два помещения с двором, осталось невыясненным из-за того, что разделяющая их стена очень разрушена. Двор, площадью 6,5 × 7,5 м, лишен культурного слоя; поверхность его — плотные глиняные намывы, принявшие лиловато-красную окраску, основываясь на чем можно полагать, что двор не был перекрыт. У южной стены сооружена невысокая суфа, скорее скамейка, которая, по-видимому, шла вдоль всей стены, но сохранилась только у юго-западного угла. Во дворе почти ничего не найдено.

К северу от двора, между ним и крепостной стеной, находились две комнаты (№ 25 и 26), почти равные по площади, прямоугольных очертаний, сходные по плану. В первой южную и восточную стены огибает кирпичная суфа шириной 0,9 м, в центре расположена кирпичная выкладка-очаг, размерами 0,9 × 0,8 м. По краям ее невысокий бортик, в середине — углубление диаметром около 30 см, забитое пеплом. Поверхность вокруг него прокалена. Другой очаг, аналогичный раскопанному в помещении № 3, открыт у западной стены. Около него сделана глиняная подставка и невысокая загородка — бортик, отгораживающий очаг от остального помещения. Отметим, что тут же найден осколок жернова из песчаника. Чуть подальше, в северо-западном углу обнаружилось скопление керамики, среди которой был небольшой целый широкогорлый кувшинчик и другой, узкогорлый с широким туловом и высокой округлой в сечении ручкой (см. рис. 61, 4, 5).

Керамика производит впечатление сползшей откуда-то сверху и, быть может, стояла ранее в нишке, впоследствии разрушившейся. Тут же найдена сильно стертая и окислившаяся медная монета чекана хорезмшаха Чегана.

Все описанные постройки сложены из квадратного сырцового кирпича размерами 35 (34, 39) × 35 (34, 33) × 9 (9) см с преобладанием меньшего по длине стороны. Сильно разрушенные и деформированные стены сохранились всего лишь на высоту 0,6—0,7 м над полом. Их толщина не превышает 1,5—2 кирпича. Уровни полов в помещениях различаются от 40 до 80 см. Такая сравнительно большая разница вызвана несколькими причинами. Прежде всего поверхность площадки, на которой стоит усадьба, выравнивалась не идеально. Так, в помещении № 8 отметка пола + 60 см, а уровень соответствующего ему по времени пола в соседней комнате № 9, соединенной с ним проходом, + 40 см.

Кроме того, в течение существования усадьбы полы в некоторых комнатах (в 7 из раскопанных 28) подновлялись и ремонтировались. Это выразилось в том, что поверхность старого пола выравнивалась слоем плотной глиняной массы толщиной 7—10 см и поверх обмазывалась глиной с примесью самана. Это отмечено в помещениях № 9, 11, 20, 17, 16 и др. (см. рис. 60, В). В последнем (№ 16) благодаря выравнивающему слою поверхности суфы и нового пола почти сnivelировались. В помещении № 20 новая обмазка покрыла далеко не всю его площадь, и поэтому здесь особенно отчетливо видно, что производился ремонт отдельных, поврежденных и выбитых, участков пола. В других же комнатах, где вторых, новых обмазок полов нет, в некоторых случаях отмечено постепенное накапливание слоя, поверхность которого к концу жизни в усадьбе уже также являлась полом (комнаты № 13, 14, 21, 10, 12, 19 — см. рис. 60, Г).

Подновлялись и ремонтировались и стены: иногда из-под новой видна кладка старой, несколько не совпадающая по направлению; старая стена частично срубалась и использовалась как суфа (помещения № 9 и 11) и т. д. Однако все это были перестройки частного порядка, охватывавшие одновременно одно-два помещения.

Важно особо подчеркнуть, что в последний период жизни в усадьбе назначение некоторых строений изменилось. Так, в комнатах № 5, 16 и 12 внутренние конструкции — суфы и очаги перекрыл мощный слой перегнивших органических остатков с примесью овечьего навоза и можно считать, что они были превращены в хлев. Любопытно, что в помещении № 5 этот слой лежит поверх осколков кирпича и другого мусора, в

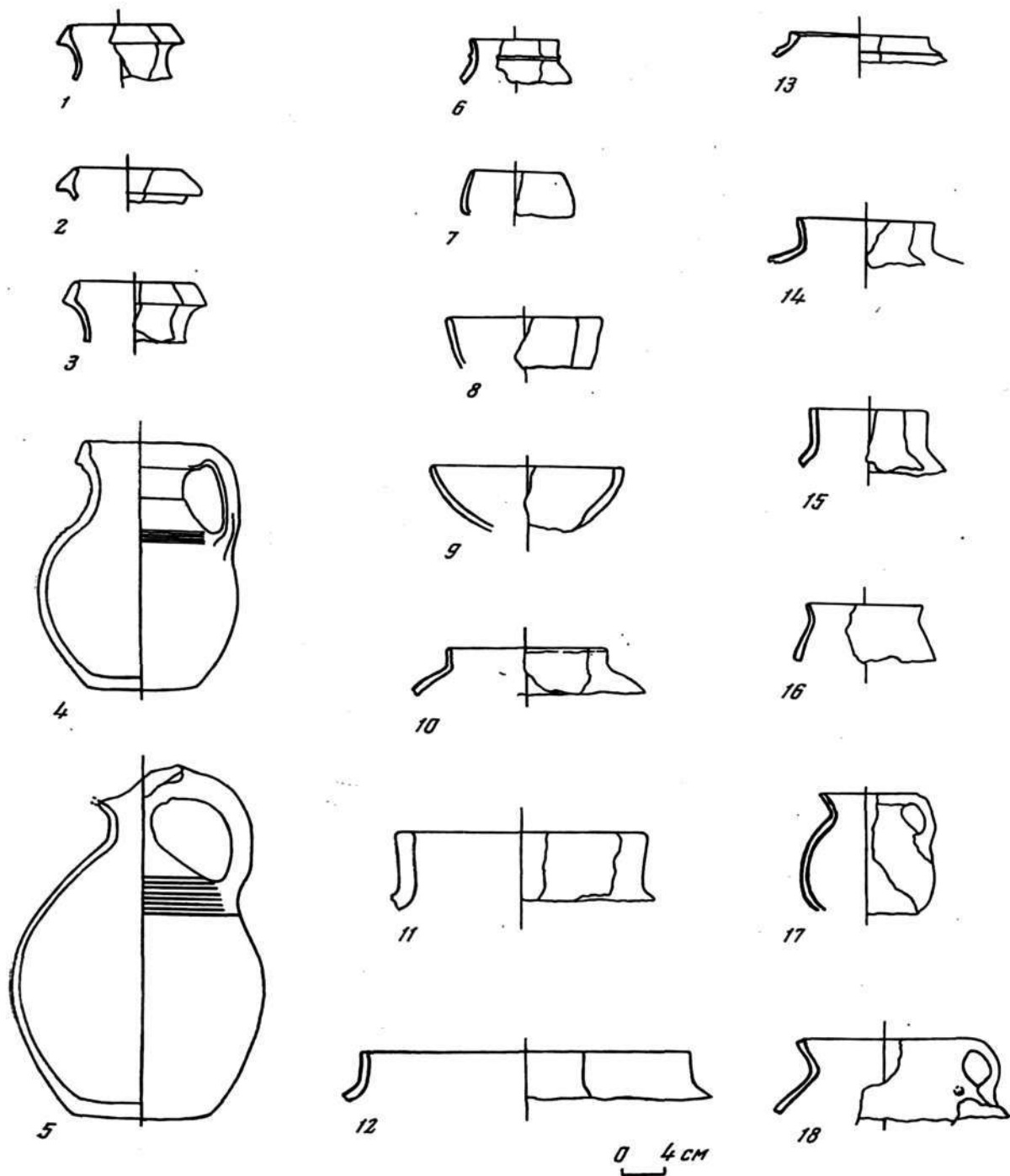


Рис. 61. Керамика из замка № 19
 1—5 — кувшины, 6 — широкогорлый сосуд, 7—9 — чаши, 10—18 — лепные горшки

нескольких местах повредивших поверхность пола. Все это вместе взятое рисует картину довольно длительного обитания в усадьбе и постепенного ее упадка, когда уже не поддерживалась чистота в помещениях, в некоторых случаях они не ремонтировались, часть прежде жилых комнат превращалась в помещения для скота.

В дальнейшем, после прекращения жизни в усадьбе, она постепенно разрушалась, комнаты оказались заполненными плотно спрессованным аморфным завалом, в котором лишь с большим трудом различаются отдельные обломки сырцовых кирпичей. Следов перекрытия нет, за исключением отпечатков жердей в помещении № 24. В нескольких случаях культурные слои перекрыты глинисто-песчаными намывами (помещения № 5, 3, 20). Часто в верхних слоях заполнения помещения, в ямках и выбоинах его неровной поверхности наблюдаются скопления навешенного мягкого желтоватого цвета слоя с овечьим навозом. Около донжона на этом уровне найдены осколки кувшина, сформованного на кругу, хорошо обожженного, со звонким желтого цвета черепком, украшенного по плечикам при помощи мелкозубчатого штампа линейно-волнистым орнаментом. Такая посуда характерна в Хорезме для IX в. Поэтому можно заключить, что в это время замок, как и многие другие в оаисе, служил пристанищем для пастухов с их стадами. Не исключено также, что некоторые, наиболее хорошо сохранившиеся к тому времени стены подновлялись и надстраивались кирпичом, взятым из находящихся рядом развалин для того, чтобы соорудить временное укрытие. В частности, возможно, именно тогда была сделана надстройка (или пристройка) к западной стене помещения № 6.

Кратко опишем керамику из раскопок усадьбы. Это толстостенные хумы с валиком-венчиком, украшенным вдавлениями от пальцев (рис. 62, 4—7); хумы тонкостенные с венчиком в виде двух валиков, часто орнаментированные по шейке и плечикам прочерченными зигзагами; хумчи, подражающие хумам по форме кувшино- или горшкообразные (рис. 62, 8—14), иногда с напленным гофрированным пальцами глиняным жгутиком на венчике; кувшины широкогорлые (рис. 61, 1—4) или узкогорлые (рис. 61, 5); чаши простые округлые (рис. 61, 8) или более высокой формы (рис. 61, 7); лепные горшки с одной ручкой, крупные (диаметр устья равен 19—20 см) и мелкие (диаметр устья — 9—13 см). Описание технологических особенностей не приводим, так как оно есть в тексте (глава первая).

Замок № 28 расположен примерно в 2 км от Беркут-калы, вблизи от ныне действующего Кырк-кызского канала и в 150 м к востоку от русла древнего, раннесредневекового. Сооружение сильно укреплено и отличается правильностью архитектурных пропорций при относительно малой площади (26 × 24 м). Пахсовые стены здания, возвышающиеся у его углов на 6—8 м, на остальном протяжении разрушены до отметки +1,5—2 м по отношению к поверхности примыкающих такыров. Сложенные из блоков размерами 1,25 × 0,88 м, 1,28 × 0,83 м, 1,1 × 0,7 м и т. п., они на уровне 5 м прорезаны щелевидными плоскоперекрытыми бойницами высотой 1 м при ширине 0,2—0,25 м. Такие бойницы зафиксированы в западной и северной стенах у углов, причем на нескольких участках видны округлые гнезда балок, расположенные либо выше бойниц, либо по линии, пересекающей их верх. У каждого угла замка — башня округлой формы диаметром 4 м. Судя по северо-восточной, сохранившейся на значительную высоту, башни были двухэтажными, и нижний этаж перекрывался куполом.

В центре восточной стороны возвышается пахсовый донжон площадью 10 × 8 м. Как и крепостные стены замка, здание разрушилось неравномерно: высота его северной части достигает сейчас 8 м, южной — 4 м. При первом осмотре памятника сразу бросилось в глаза, что к донжону с хорошо в общем сохранившимися внешними стенами примыкает какой-то бугор, занимающий все пространство между ним и юго-восточной башней и по высоте примерно равнявшийся южной, более низкой части донжона. На поверхности этого бугра кое-где прослеживаются следы горения.

Каких-либо признаков внутренней планировки до раскопок в донжоне не отмечено, так же как и в усадьбе, поверхность внутри которой, превышающая уровень прилегающих останцов такыров на 1,6 м в центре, значительно повышается к стенам и особенно к углам.

Заполняющие донжон и усадьбу слои в некоторых местах нарушены глубокими ямами, появившимися во время вывозки местными жителями оттуда земли для удобрения хлопковых полей. В результате была повреждена западная сторона донжона и обнажились гладкие пахсовые плоскости, ограничивавшие дверной проем — вход в здание, к описанию раскопок которого мы и переходим.

Донжон. Зачистка подножия донжона у его восточной стороны и раскопки примыкавшего к нему бугра привели к заключению, что здание на протяжении своего существования претерпело существенные изменения в конструкции, вызванные переменой его назначения. Оказалось, что вначале вдоль восточной стены сооружения шел узкий коридорчик, образованный в результате строительства кирпичной стенки, поставленной параллельно донжону, отступя от него на 1,8 м, и поворачивавшей на запад, огибая его юго-восточный угол. В месте поворота коридор впоследствии был заложено кирпичом. В южной стене донжона обнаружен широкий 2,3-метровый дверной арочный проем, также заложённый.

Мы уже указывали, что в западной стене здания также была дверь шириной 2 м. Таким образом, можно считать доказанным, что первоначально постройка в середине восточной стены замка служила хорошо укрепленным преддверным сооружением с коленчато-изогнутым узким предходным коридором.

Впоследствии, как это установили раскопки, преддверное сооружение было забито пахсой до уровня примерно +3 м и превращено в донжон со сплошным цоколем. На этом уровне обнаружена первая из двух расщепленных внутри здания поверхностей полов. Вторая, верхняя, отделенная от нижней слоем плотного, довольно однородного грунта, толщиной от 0,7 до 1 м (с понижением с востока на запад), сохранилась лишь в виде узкой полоски вдоль восточной стены. При сооружении цоколя, видимо, и были заложены кирпичами дверные проемы в южной и западной стенах.

Сохранившиеся в донжоне остатки свода, по всем данным, выложенного в начале, а не во время перестройки, свидетельствуют о том, что преддверное сооружение было перекрытым. Удалось выяснить некоторые детали кладки свода: внутренняя поверхность западной и восточной стен на уровне +4,46 м образует уступ, на котором выкладывалась пята свода, состоявшая из трех рядов сырцовых кирпичей с длиной сторон 35 (34, 33) × ? × 9 (8, 7) см. На уровне 4,59 м начинался свод, конструкция которого оригинальна тем, что от основания два ряда кирпичей выкладывались «елочкой», а далее обыкновенной перевязкой. Используемые для свода кирпичи — размерами 25 (26) × ? × 5 см; они из глины с большой примесью

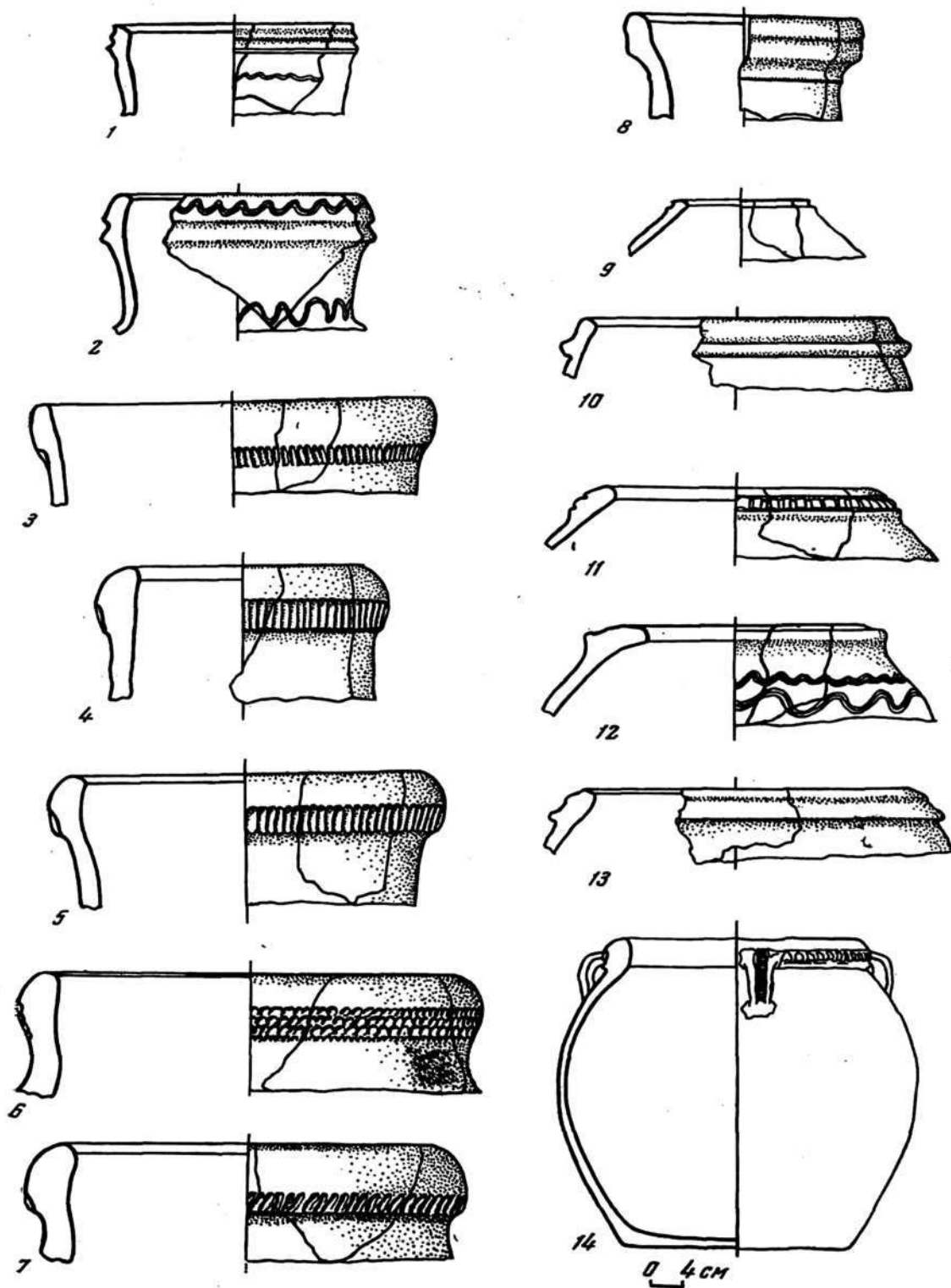


Рис. 62. Керамика из замка № 19

самана, и на одной из сторон сделаны пальцами углубления для лучшего скрепления с раствором. Внутренняя поверхность свода обожжена, причем пожар произошел, по всей видимости, еще тогда, когда вместо донжона были ворота, так как, во-первых, на полах донжона следов горения нет, и, во-вторых, обожженная до красноты поверхность стен прослеживается намного глубже уровня полов. Это обстоятельство, кроме того, подтверждает предположение о том, что свод был сделан сразу при строительстве замка и перекрывал предвратное сооружение. Для представления о конструкции этой постройки существенна еще одна деталь: над завалом свода, обрушившегося прямо на пол, расчищен фрагмент кирпичной стены, стоявшей поперек перекрытия. Кирпичи кладки этой стены лежали в относительно правильном порядке, и она производила впечатление осевшей сверху вместе со сводом при его разрушении, что, таким образом, дает основание предполагать существование над ним какого-то сооружения.

Донжон был обжит: в слое над полами найдены фрагменты от нескольких лепных закопченных горшков, а также целый кувшинчик, сформованный на кругу, и другая керамика. В ее числе донная часть водоносного кувшина (дно с частью стенок тулова) с остатками грубой хлопчатобумажной ткани внутри.

Что же касается бугра между донжоном и башней, то выяснилось, что это пространство было сплошь забито пахсой и обведено тонкой кирпичной стеной (в два кирпича шириной), ограничивавшей эту пахсовую «подушку», придавая ей правильные прямоугольные очертания.

Отметка поверхности пахсы достигала + 3 м, и можно предполагать, что уровень ее, учитывая степень разрушения, которому она подверглась, совпадал с уровнем полов в донжоне.

Раскопки усадьбы. В первые же дни работ выяснилось, что усадьба капитально перестраивалась: наслоения в ней относятся к двум горизонтам. Разница между их уровнями не превышает 0,2—0,3 м (отметка нижних полов + 40—43 см, верхних — 60—72 см). Расчистка некоторых нижних построек показала, что их стены почти начисто срублены и возвышаются не более чем на 0,4 м лишь в тех случаях, когда их остатки вошли в конструкцию верхних суф или стен. Таким образом, при перестройке часть первоначальных помещений была срублена, часть стен приспособлена и использована для возведения новых сооружений. Полы двух горизонтов разделены слоем забутовки толщиной 20—23 см. Рыхлость забутованной массы обусловила неровность поверхности верхних полов: они, как правило, проседают в центре комнат и образуют бугры там, где перекрывают нижние суфы или другие конструкции. Так как помещения нижнего горизонта почти не вскрывались, мы приведем описание верхнего, попутно останавливаясь на том, что имеет отношение к более ранней застройке.

Вся усадьба делится на две половины коридором, пересекающим ее в направлении запад — восток. Ширина коридора равна 3 м у донжона и 2,5 м в конце, там, где он сообщается с широким двором, расположенным вдоль западной стены усадьбы. В коридоре вскрыты три пола — два верхних, с отметками + 107 см и + 52 см, и нижний, уровень которого (+ 43 см) совпадает с уровнем полов в раскопанных помещениях нижнего горизонта. Это дает основание считать, что коридор существовал до перестройки и, таким образом, усадьба с самого начала также делилась на две половины. Верхние полы наклонны (разница между отметками крайних западной и восточной точек коридора протяженностью 15 м равна 1,3 м), образуя пак-

дус, начинавшийся у донжона и довольно отлого понижавшийся по направлению к двору у западной стены, где все три пола почти сливаются, будучи разделены лишь очень тонкими прослойками глины. Над верхним полом примерно в середине коридора найдена медная монета с изображением на аверсе головы царя в профиль вправо в ступенчатой короне, на реверсе — всадника в окаймлении надписи такой же, как и на серебряных монетах Шаушафара. К сожалению, слои у западной стороны донжона нарушены современными ямами: оказалась поврежденной и поверхность пандуса, там, где она подходила к цоколю донжона. Поэтому можно лишь предполагать, что подъем в донжон осуществлялся посредством круглого пандуса или лестницы.

Южная половина усадьбы оказалась очень правильно распланированной. Пятью параллельными стенами она делится на отсеки, состоящие из двух сообщающихся комнат.

Первый из них (от восточной крепостной стены) включает помещения № 2 и 4. Помещение № 2, примыкающее к центральному коридору, занимало площадь 3,5 × 4,5 м. В нем расчищены два пола. К верхнему (отметка + 93 см) относится узкая (шириной 0,5 м) кирпичная суфа-лавка вдоль восточной стены, возвышающаяся над полом на один кирпич. В центре комнаты, на полу расчищено пятно кострища. В слое над полом, состоящем из большого количества колоты, гари и угольков, найдено много керамики, в основном столовой. Второй пол (отметка + 64 см) отделен от первого довольно рыхлой однородной массой засыпки. В середине помещения он сильно просел, но возле восточной и северной стен круто поднимается, и там обмазки первого и второго полов составляют одну толщу. Поэтому фактически можно считать верхний пол подмазкой и ремонтом нижнего. Следует, однако, отметить, что вместе с ремонтом пола была изменена «мебель» комнаты: вместо узкой скамейки теперь почти всю площадь помещения занимает суфа-лежанка, на которой разводили костер. Керамики над нижним полом почти нет, что вполне понятно, так как перед ремонтом он должен был быть тщательно вычищенным.

Помещение № 2 сообщается проходом с почти квадратной комнатой № 4 площадью 3,3 × 3,7 м. В ней также расчищены два пола. В последний период ее существования у восточной стены, так же как и в помещении № 2, шла кирпичная суфа, шириной в 1 м, а в центре был большой очаг — кострище. Слой над ним, а также и во всем помещении был обильно насыщен коготью, золой, обугленными сучками и керамикой. Из него извлечены два целых сосуда — лепной небольшой кувшин и маленький горшочек-игрушка, найдены фрагменты двух больших водоносных кувшинов, много лепных кухонных обугленных горшков и остатки жаровень. Второй пол интенсивного зелено-желтого цвета, отделен от верхнего рыхлым слоем засыпки, толщиной не более 13—15 см, сильно прокаленной от горения вышеописанного кострища. Конструкции на полу меняются: суфа находится не у восточной стены, а вдоль южной. Она сильно разрушена, и обнажился останец стены нижнего горизонта, заложённый кирпичами при постройке суфы. На полу в центре расчищены следы трех ямок неправильных очертаний и неглубоких (глубина 8—10 см, диаметр 10—20 см). Поскольку на этом полу никаких пятен огня нет, следует думать, что это — углубления от стоек, на которых подвешивался сосуд над кострищем верхнего пола, настолько разрушенного, что на нем эти ямки не различались. Подобные очаги встречались и в других помещениях, а также при раскопках Беркут-

калы и замка № 19. В слое над вторым полом почти ничего не найдено.

Таким образом, в данной «квартире» помещение № 2, судя по особенностям планировки — огромная, шириной 2,5 м суфа-лежанка — и инвентарю (преимущественно столовая посуда), было жилым. Смежная комната № 4 с большим очагом-кострищем и значительным количеством кухонной посуды играла роль кухни, во всяком случае, в последний период существования замка.

Следующие две «парные» комнаты — № 6 и 7.

Помещение № 6 — большое, вытянутое с юга на север, площадью 5×3 м. В нем также расчищены два пола. На верхнем (отметка +74 см) вдоль восточной и южной стен расположены суфы шириной 1 м, у северо-западного угла — небольшая выкладка и возвышающийся над полом на 0,5 м очаг типа тандыра, диаметром 0,4 м. Пол вокруг покрыт слоем золы с мелкими угольками. На полу и в слое над полом найдены два конусовидных керамических пряслица и сравнительно небольшое количество лепной керамики и обломков хумчей. Нижний пол отделялся от верхнего слоем рыхлой засыпки толщиной от 10 до 20 см. У стен обмазки двух полов сливались в одну. Суфа у восточной стены в этот период была шире на один кирпич, чем верхняя, а очага-тандыра не существовало. Вместо него в центре помещения горело кострище, следы которого расчищены на полу. Керамики почти не было. Около тандыра на полу найдена медная, сильно стертая и окислившаяся монета, к сожалению не поддающаяся определению.

Помещение № 6 соединено проходами с коридором и комнатой № 7 (3×3 м), в которой суфы по всем стенам и узенький проход в центре. Суфы кирпичные, шириной 1 м, и лишь у северной стены — 0,5 м. Высота их над полом — не более 0,2 м. В проходе между суфами — квадратных очертаний яма, глубиной 0,4 м, размерами $0,5 \times 0,5$ м. Яма была заполнена рыхлой землей с беловатыми включениями. В комнату входили прямо на суфу-скамейку. Здесь найдено немного фрагментов преимущественно столовой посуды.

Мы привели описание конструкций на втором полу. Первый верхний пол здесь не обнаружен.

Особо следует остановиться на характеристике стен, отделяющих «парные» комнаты внутри описанных отсеков. Эти поперечные разрушенные оплывшие стенки толщиной 0,6 см очень отличаются от продольных, сложенных из добротного кирпича и более толстых.

Комната № 6 была, вероятно, хозяйственной, а № 7 — явно жилой. Следы очага в ней не замечены, лишь на западной суфе зафиксировано маленькое пятнышко обожженной обмазки.

Помещения № 8 и 9 входят в третий из равнозначных раскопанных комплексов. Одно из них примыкает к южной крепостной стене, второе — к коридору.

Комната № 8 — большая, прямоугольная ($4,5 \times 3,5$ м), вытянутая с севера на юг, как и все помещения этого ряда соединена проходами с коридором и помещением № 9. Верхним полом (отметка +66 см) являлась прекрасная плотная обмазка с пятном от костра примерно в центре; в 1,5 м севернее обнаружено дно небольшой бесформенной ямы, рядом с которой — четырехугольное кирпичное возвышение прямоугольных очертаний, размером $0,6 \times 0,3$ м и высотой 0,5 м, может быть, подставка под светильник. Вдоль восточной стены сооружена суфа, возвышавшаяся на 0,25 м над полом, ширина ее 1 м, длина 1,5 м. В слое над полом найдены в основном фрагменты ремесленной посуды — венчика и стенок толстостенного хума,

осколки доньшка и венчика водоносного кувшина, почти целая кружка и пр. Лепной посуды мало.

План помещения по нижнему полу меняется: почти всю его площадь занимала широкая суфа-лежанка, сделанная из кирпичей и покрытая плотной обмазкой. Ее ширина почти равна ширине комнаты, длина — 3,5 м, и лишь вдоль южной стены оставался узкий проход шириной 0,9 м. На полу прохода — восемь круглых углублений диаметром от 5 до 9 см и глубиной 15 см, и одно — больше (диаметр 21 см). Назначение их неясно; видимо, это остатки какой-то каркасной конструкции.

Разницу уровней первого и второго пола можно проследить только на участке вдоль южной стены; она равна всего 11 см.

Комната № 9 почти такая же по площади — 4×3 м. Ее юго-западный угол занимает своеобразное ступенчатое возвышение ($1,7 \times 1,7$ м); ширина каждой ступеньки — 0,5 м. В центре комнаты пятно очага. На обожженной поверхности обмазки отчетливо видны три углубления. Зачисткой выяснено, что два из них, диаметром 13 и 17 см, идут на глубину от 13 до 15 см, они четких округлых очертаний; одно из углублений заполнено золой и сучками. Третье было бесформенным и неглубоким, заглублен лишь один из его краев. Если в первых двух можно подозревать ямки от столбов, то происхождение третьего непонятно. В слое над полом (он был один, так же как и в соседнем помещении № 7) найдено много лепной закопченной керамики, преимущественно лепных горшков с одной ручкой.

Следующий по счету отсек, состоящий из помещений № 13 и 14, отличается от вышеперечисленных тем, что он не замкнут в северной части. Коридор в этом месте кончается, «упираясь» в помещение № 13. Его южная стена поворачивает к югу, образуя угол со стеной комнаты, северная продолжается к западной крепостной стене.

Большую часть комнаты № 13 занимает суфа ($2,5 \times 4$ м), выложенная по краю кирпичами; она шла вдоль восточной стены.

Судя по расположению кое-где сохранившихся обрывков верхнего пола, в самый последний период существования памятника западная стена комнаты, отделявшая ее от двора, была срублена, и площадь двора расширена вплоть до помещения № 8.

В помещении № 14, с которым этот дворик сообщается проходом, кирпичные суфы были вдоль южной и восточной стен, а кирпичная выкладка-очаг — в центре. Ширина суф равнялась 0,6 м и 1 м, высота их над полом — 0,2 м, размеры выкладки $0,7 \times 0,7$ м. Поверхность ее сильно обожжена. В помещении найдено много фрагментов столовой и кухонной керамики и бронзовая серьга (см. рис. 67, 6).

Мы описали последний ряд помещений южной половины замка. Юго-западный угол в последний период существования крепости не был жилым, на его описание мы остановимся несколько ниже.

При описании планировки мы умышленно не останавливались на характеристике заполнения каждого помещения, ибо во всех случаях выявлена одинаковая картина. Верхние слои всюду намывные, переходящие ближе к западной стене крепости в твердый красный песок, причем уровень полов по направлению к западной стене понижается и соответственно верхний наносно-намывной слой утолщается (в восточной половине замка он равнялся 30—40 см, в западной 70—80 см).

Первый и второй полы верхнего горизонта, а также I и II горизонт разделены довольно рыхлой однородной массой засыпки. Толщина ее колеблется от

0,2 до 0,3 м. Мощность культурного слоя над верхним полом I горизонта равна 5—7 см, в отдельных случаях достигает 20—25 см. Он значительно насыщенный находками, чем слой над вторым полом, который в ряде помещений вообще отсутствует.

Северная половина замка разрушена гораздо сильнее южной. Крепостная стена, рухнувшая внутрь замка, раздробила стены примыкавших к ней комнат. Впоследствии эта часть памятника пострадала при основании близлежащих такыров под хлопковые поля, она изрыта ямами. Поэтому относительно хорошо сохранились только помещения у донжона и сообщавшиеся с коридором. Все эти разрушения мешают разобратся в особенностях планировки северной половины усадьбы и выяснить, насколько она сходна с южной.

Можно, однако, считать установленным, что она была менее правильной. Здесь нет двухкомнатных отсеков, образованных двумя параллельными стенами; стены помещений, расположенных у крепостной стены, несколько сдвинуты по отношению к стенам помещений, примыкающих к коридору, не составляя с ними одной линии. Тем не менее и в этой половине замка имеются «парные» комнаты, соединявшиеся друг с другом, но изолированные от прочих глухими стенами. Это помещения № 10 и 15, 11 и 16.

Помещение № 15 занимает северо-восточный угол усадьбы и имеет площадь $6,75 \times 4,40$ м. По периметру его идут суфы высотой 0,2 м. Ширина северной — 2,8 м, западной — 1,1 м, восточной — 1,3 м, южной — 1,2 м. В центре остается проход шириной 85 см. На северной суфе есть остатки закромов. Возможно, что такие закрома находились и на других суфах, но они не уцелели. Культурного слоя над полом нет, костей и керамики в мягком, с обломками кирпичей завале мало. Найдены миниатюрный сосудик.

В помещении № 10 (размеры $3,5 \times 3,5$ м), соединявшемся с вышеописанным проходом шириной около 1 м, северо-восточный угол занимает кирпичная суфа высотой в три кирпича. На ней в слое пахсы, обрушившейся с донжона, найдены железный серп (см. рис. 48, 17) и керамические пряслица. Помещение было заполнено рыхлым завалом, содержащим немного костей и керамики.

В следующей паре помещение № 11, квадратное, площадью $3,5 \times 3,5$ м, видимо, было предназначено для жилья; вдоль западной стены идет узкая кирпичная суфа, у восточной из дна хума был сделан очаг, служивший скорее всего для обогрева, а рядом с ним — углубление в полу длиной около 1 м и шириной 0,3 м. В нем найден целый кухонный горшок с ручкой и осколок раздавленного кувшина. Комната была заполнена рыхлыми слоями натечного происхождения, перекрывавшимися нетолстым слоем наносного песка.

Помещение № 16 довольно обширно ($6,5 \times 4,5$ м). В нем сохранился лишь участок пола у суфы, шедшей вдоль восточной стены. Примерно в центре находился очаг, от которого остался след в виде сильно прокаленного красного цвета пятна с несколькими углублениями, заполненными белой золой и пеплом. Над полом в рыхлом слое, толщина которого не превышала 10—20 см, найдены целый кухонный лепной горшок с одной ручкой, осколок края лепной жаровни, немногочисленные фрагменты кувшинов и хумчей двух видов: горшкообразных и кувшиноподобных.

С большой долей уверенности можно предполагать, что следующие три комнаты (№ 18, 12 и 19) не были связаны друг с другом. Первая из них, обширная и пустая, сплошь изрыта ямами позднейшего происхождения.

В помещении № 12 ($3,8 \times 9,4$ м) вскрыты два

пола. Расчистка верхнего показала, что помещение в последний период существования замка было хозяйственным: в юго-западном углу его открыта кирпичная угловая треугольная выкладка, служившая, по всей видимости, подставкой под жернов. К нижнему полу верхнего горизонта относится суфа, идущая вдоль северной стены и выложенная по краю сырцовыми квадратными кирпичами, положенными плашмя. Ширина суфы — 0,8 м. Проходом шириной 0,8 м это помещение сообщалось с центральным коридором. Соседнее, граничащее с помещением № 12, помещение № 19 было связано проходом только с двором. Оно совершенно пусто, нет и очага. Пол имеет интенсивно зеленую окраску. Над ним залегал рыхлый, также зеленого цвета слой толщиной 0,1—0,15 м, в котором встречались кости животных и осколки хумов. Его перекрывал метровый слой навесного плотного коричневого песка, не содержащего инвентаря.

В северо-западном углу замка открыта комната № 17, относящаяся к нижнему горизонту (уровень ее пола + 43 см, верхнего не было). Весь угол оказался заваленным крупными обломками пахсовых блоков. Никакой правильности в их расположении заметить не удалось, и можно лишь предполагать, что в этом углу должна была быть возвышающаяся площадка, иначе непонятно, как попадали в башню. Вдоль северной и восточной стен помещения № 17 находились суфы высотой 10 см, ширина восточной — 0,92 м, северной — 1,15 м. В северо-восточном углу открыт закрыв, образованный из поставленных на ребро кирпичей. Высота его — 0,7 м, размеры $1,0 \times 0,85$ м. В западной стене вырублено еще в сырой пахсе очажное углубление. Оно наполовину закрыто торцом стены, поставленной позже, при сооружении помещений верхнего горизонта. Эта стена, идущая в направлении запад-восток, прослежена при вскрытии центральных помещений верхнего горизонта. В помещении, забутованном плотной однородной глиняной массой ничего не найдено, лишь над полом обнаружены обломки раздавленного водоносного кувшина.

К этой комнате в первый период существования замка примыкало очень маленькое помещенье № 20 ($1,7 \times 2,5$ м), до нижнего пола не расширявшееся. После того, как в северо-западном углу возникла пахсовая площадка, оно было превращено в загон для ягнят. Его заполняют насыщенные перегноем наслония, а в одном из углов устроено из половинок сырцовых кирпичей небольшое стойло. Любопытно, что такого же размера и вида комнатка (№ 21) первоначально помещалась поблизости от юго-западного угла замка. После перестройки она была частично заложена кирпичами. Не что подобное располагалось и возле юго-восточного угла, судя по обрывкам ранних стен, очертания которых выступают сквозь верхние полы и прослеживаются в конструкции суфы в комнате № 4. По предположению архитектора Ю. В. Стебляка, это могли быть «лестничные клетки», через которые осуществлялся подъем на крышу построек и оттуда в башню. Согласно этому предположению, такое же сооружение должно было быть и у северо-восточного угла, но большие разрушения на этом участке помешали это проверить.

{ Юго-западный угол замка, также как и северо-западный, занят кирпичной кладкой, образовавшейся своеобразную площадку, в которую у самого ее края был вмазан очаг типа тандыра. Кладка была положена на верхний пол I горизонта, обрывки которого местами обнаружены. Таким образом, этот угол в последний период существования усадьбы был нежилым.

То же относится и к территории, примыкавшей к юго-восточной стене. В конце существования замка

здесь не оказалось никаких жилых строений. Все пространство было завалено обломками пахсы и сырцового кирпича, причем высота этого завала достигала 3,5 м и покоился он непосредственно на полу двух комнат нижнего горизонта (отметка пола + 43 см). Благодаря этому обстоятельству и было выяснено, что эти помещения, частично «уходящие» под верхние постройки, на данном участке не совпадают с ними по плану. Над полом одной из нижних комнат (№ 5 по нашей нумерации) открыты суфы, огибающие три стены в виде буквы «П».

Двор. Вся западную часть усадьбы занимает двор. Он был заполнен мощными слоями песка, подстилавшегося кирпичным, довольно рыхлым завалом. Вдоль крепостных стен, разрушившихся в центре и сохранившихся только по углам, образовались мощные валы из комьев пахсы. В верхнем горизонте двора прослеживаются две поверхности, причем верхняя (отметка + 43 см) сохранилась лишь местами. Защищена нижняя утоптанная поверхность. К ней относится идущая вдоль западной и северной стен (в северной части двора) узкая суфа-скамейка, выложенная частично из кирпича, частично из пахсы.

Итак, раскопки в северной половине замка велись по уровню нижних полов верхнего горизонта. Верхние полы и конструкции, к ним относящиеся, здесь почти не сохранились, лишь кое-какие участки их расчищены во дворе, в помещениях № 12 и 19. Нижний горизонт не вскрывался, однако планировка северной части усадьбы в этот период может быть в общих чертах восстановлена, так как выяснено, что стены помещений верхнего горизонта почти во всех случаях совпадают с нижними, т. е. при перестройке первоначальные стены были надстроены. Внутренняя глинобитная «мебель», естественно, без раскопок определена быть не может, но по некоторым данным следует предполагать, что для планировки нижнего горизонта были характерны суфы, расположенные вдоль всех, либо трех стен.

Керамика в основном представлена теми же формами, что и в вышеописанных усадьбах. Здесь найдены почти все виды изготовлявшейся в VII—VIII вв. посуды, и коллекция может быть взята за эталон при описании керамического комплекса VII—середины VIII в. н. э. Поэтому, чтобы не повторяться, скажем о ней лишь несколько слов. В замке найдено много толстостенных хумов с венчиком-валиком, украшенным понижу пальцевыми вдавлениями, хумчей и хумов с венчиком в виде двух валиков, горшковидных хумчей, лепных горшков и пр. (рис. 63, 64). Особо следует выделить лепные горшки с вдавлениями и налпами на венчике, подобные сосудам, распространенным на поселениях низовьев Аму-Дарьи (Ток-кала, Куюк-кала) и Сыр-Дарьи (Джеты-асар 3) (рис. 64, 2, 29). Редким видом сосудов VII—VIII вв. является горшок с рельефным пояском на горле, сформованный на кругу (рис. 64, 30). Впервые встретился небольшой кувшин с очень коротким горлом с выступом (рис. 64, 36).

Замок № 30 относится к числу крупных по площади памятников Беркут-калинского оазиса (44 × 44 м). Он окружен паховыми стенами высотой около 9 м. В середине южной стены находится донжон, равный по площади 13,5 × 16,5 м и достигающий высоты 17 м. Крепостные стены сложены из крупных паховых блоков (80 × 100, 90 × 100, 70 × 90, 80 × 90 см), прослоенные между четвертым и шестым рядами паховым слоем толщиной 25 см. Толщина их по основанию равна 2,5 м, верх сделан из комковатой пахсы, положенной двумя ярусами 0,8—0,9 м толщины.

В седьмом по высоте блоке в южной стене сделан ряд узких щелевидных плоскоперекрытых бойниц,

над которыми на расстоянии около 1,5 м виден еще ряд. В других стенах замка бойниц при первом обследовании замечено не было, лишь в результате детального изучения поверхности стен выявлено, что они существовали, но были в какой-то момент тщательно заложены пахсой и заглажены снаружи. В южной стене около донжона был широкий проем, как выяснилось позже, образовавшийся на месте ворот-входа в замок (см. рис. 4).

Поверхность внутри замка (уровень + 1,63—1,65 м) к моменту начала раскопок представляла собой совершенно ровный гладкий такыр, лишенный керамики, без малейших признаков планировки. Юго-западный угол его оказался сильно поврежденным при выемке грунта для удобрения современных хлопковых полей, и зачистка получившегося здесь среза ясно показала, что замок однослонен. Срез, протяжением 18,5 м и высотой до 2 м, дал следующую картину: над и между остатками стен построек, сложенных из сырцовых кирпичей размерами 36 (34) × 36 (34) × 9 (8) см, залегают отчетливо прослеживающийся поверхностный пласт прочно спаявшегося наносного красного песка и горизонтальные слои глинисто-песчаных намывов мощностью от 26 до 115 см (повышаясь к донжону) с включениями овечьего навоза. Эти наносы и намывы, а также сильно разрушенный, почти аморфный завал из остатков кирпичей перекрывают культурный слой, включающий угольки, золу, керамику, кости, залегающий над плотным тонким глиняным слоем зеленого цвета, который был поверхностью пола. Отметки его на разных участках среза колеблются в пределах от + 74 до + 53 см. Ниже начинается слой плотной аморфной глины, мощность которого достигает 2,2 м: под ним на уровне 127 см идет мелкий серый аллювиальный песок.

Ясно, что постройки двора скрыты под мощными наносами и, кроме того, что на протяжении своего существования они значительных перестроек и перепланировок не претерпели. Раскопки подтвердили это предположение.

В замке были заложены два раскопа: вдоль западной стены, где вскрыто около 600 кв. м, и в донжоне.

Донжон. Донжон состоит из двух половин — северной и южной. Это длинные комнаты, разгороженные кирпичными стенками на две части и перекрытые коробовыми сводами из сырцовых кирпичей размерами 52 × 28 × 9 см без расклинок. На северной и южной стенах хорошо сохранились пять сводов, сложенные из семи рядов сырцового кирпича размерами 36 (35, 34) × 36 (35, 34) × 9 см. Эта кладка начинается на уровне + 5,80 м, и можно полагать, что высота помещений достигала 8 м. В паховых стенах прорезаны щелевидные плоскоперекрытые бойницы (отметка дна которых + 2 м).

Помещения донжона удалось раскопать лишь частично, так как их полная расчистка, как выяснилось в первые же дни работы, оказалась непосильной и была связана с удалением позднейших стен-подпорок, поставленных в обеих половинах здания, по-видимому, для предотвращения обрушения свода. Удалось раскопать лишь частично комнату № 1 в южной половине донжона и участки помещений № 2 и 3 в его северной части.

На вскрытой площади помещения № 1 — две низкие кирпичные суфы, а между ними — остатки большого кюстрица, занимающего почти всю расчищенную площадь пола. Прямо в зале найдены черепки грубого закопченного лепного кухонного горшка.

В юго-восточном углу был еще один очаг, для которого использовано дно старой хумчи. В комнате почти ничего не найдено, кроме нескольких фрагментов

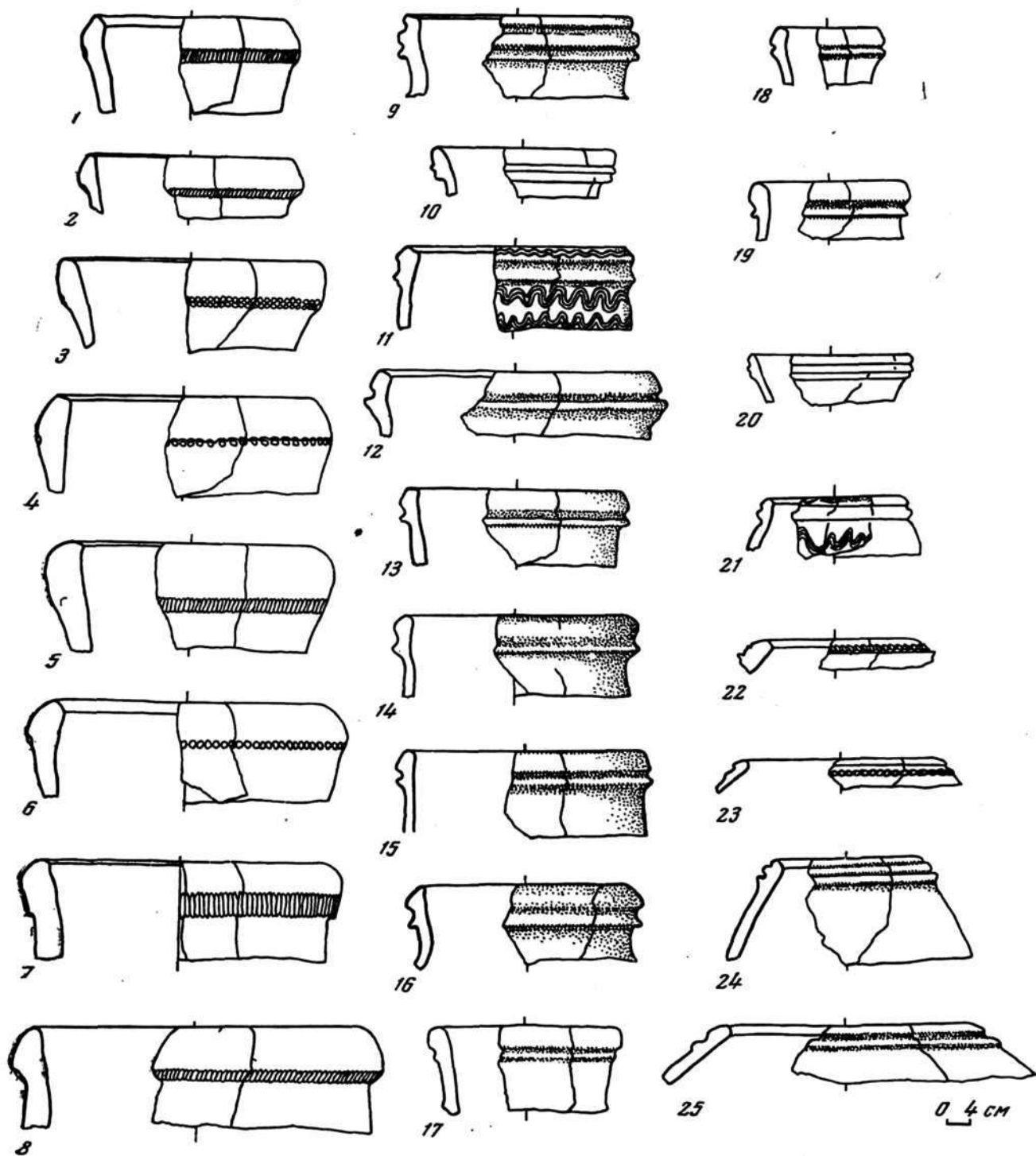


Рис. 63. Керамика из замка № 28
 1—9, 12, 14—16 — хумы, 10, 11, 13, 17—25 — хумчи

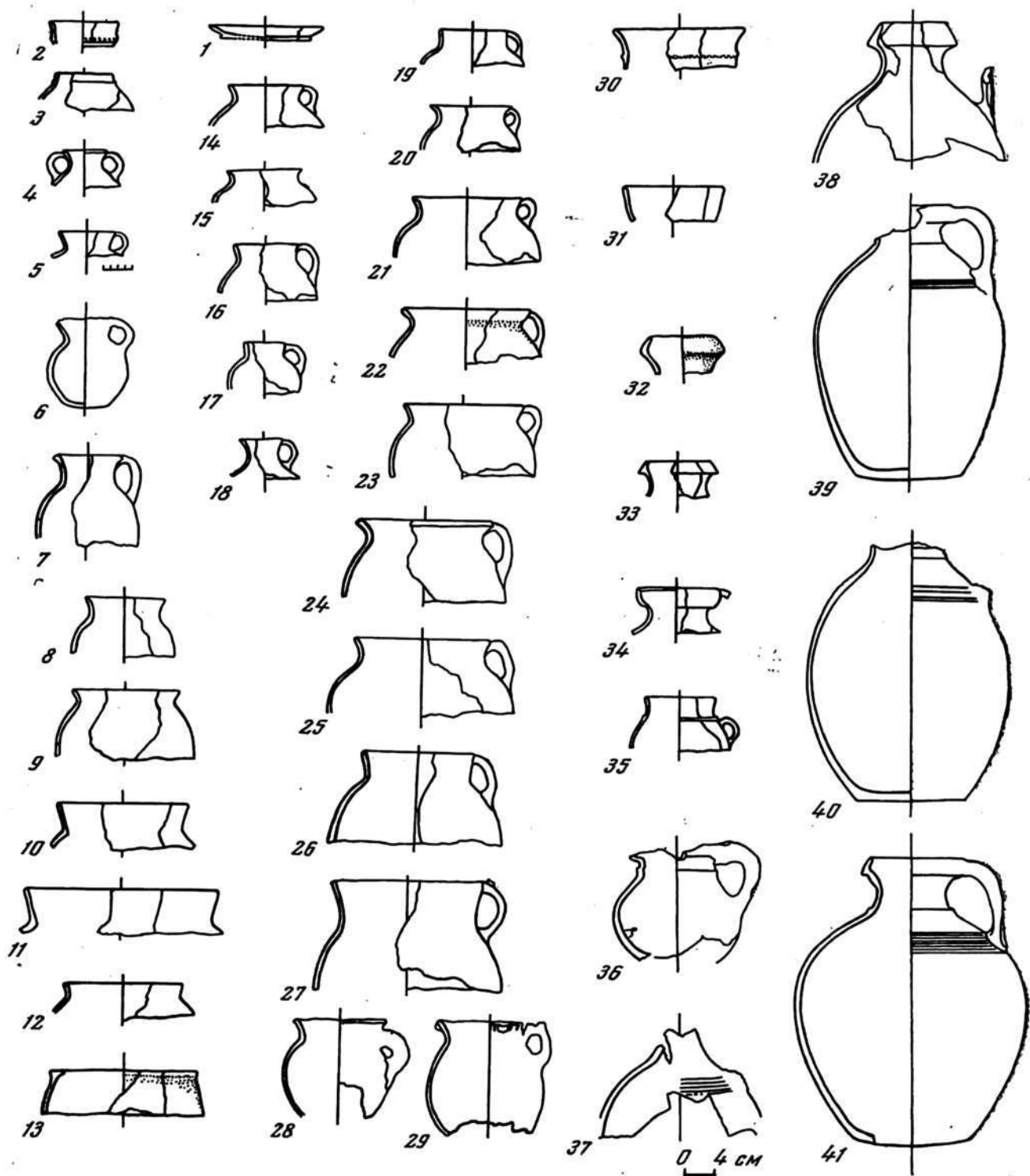


Рис. 64. Керамика из замка № 28

1 — лепное блюдо, 2—29 — лепные горшки, 30 — круговой горшок, 31 — чаша, 32—34, 36—41 — кувшины, 35 — кружка

толстостенных хума и таза да небольшого железного серпика, видимо, упавшего с верхнего этажа, так как он найден в завале на уровне бойницы в северо-восточном углу помещения.

В помещениях № 2 и 3 на расчищенных участках пола никаких конструкций не обнаружено. В западной стене первого из них открыт вход в донжон шириной 2 м, впоследствии заложенный кирпичом.

В помещении № 3, чтобы выяснить, каково было основание здания, прорыт небольшой шурф. Отметки полов в помещениях равнялись +1,52—1,32 м, и можно было предполагать наличие невысокого цоколя, что и подтвердилось материалами шурфа. Оказалось, что пол и стены подстилает плотная глиняная «подушка» толщиной (на участке, где находится комната № 3) 0,5 м. Она положена на поверхности песчано-глиняного грунта, т. е. на верхний нарушенный материковый слой.

Небольшой объем раскопок в донжоне (по числу расчищенных квадратных метров) ограничивает представление о его планировке рамками лишь самых общих сведений. Тем не менее получены данные о сложной истории здания. Так, некоторые факты объясняются только в том случае, если первоначально на месте донжона было предвратное сооружение. Прежде всего привлекают внимание необычные бойницы в северо-западном и северо-восточном углах здания. Они тех же форм и размеров, что в середине южной и западной стен, однако в отличие от них направлены внутрь донжона. Далее, стена, делящая донжон на две половины, выглядит внешней, сделанной по типу крепостной с заметным уклоном одной из поверхностей. Выдерживая линию южной крепостной границы замка, она делает уступы в месте соединения со стеной донжона. Думается, что здесь были расположены площадки для стрелков, т. е. как раз в углу уступов находятся бойницы, направленные внутрь здания.

И, наконец, важное значение для подтверждения нашей гипотезы имеет неоднородность материалов в кладке упомянутой стены внутри донжона. Сложенная, так же как и остальные его стены, из паховых блоков, она на расстоянии около 2 м от северо-западного угла здания оканчивается наклонной гранью, напоминающей границу проема во внешней стене. К этой грани вплотную примыкает кирпичная кладка, прослеженная нами на длину до 0,7 м (рис. 65, а). Другую границу найти не удалось из-за угрозы обвала позднейших подпорных стенок. Однако можно различить, что и у северо-восточного угла стена также сделана из пахсы, и это наблюдение еще более укрепляет в мысли о том, что и в ней был проем, впоследствии заложенный кирпичом. Подобная же кирпичная кладка прослеживается и в восточной стене донжона, близ его юго-восточного угла.

Все это свидетельствует, что вначале в середине южной стены замка было предвратное сооружение того же типа, что и в античных хорезмских крепостях, таких, как Кургаши-кала, Калалы-гыр I и др. Прямоугольной конфигурации, возможно, крытое сводом, оно имело дверные проемы в восточной и северной стенах, расположенные на разных концах диагонали прямоугольника, что обеспечивало легкость обстрела прорвавшегося сюда врага из угловых бойниц, направленных, как уже указывалось, внутрь сооружения.

При перестройке предвратное сооружение стало частью донжона. Дверные проемы при этом заложили кирпичом, причем в той части крепостной стены, которая стала теперь внутренней в донжоне и разделила его пополам, вероятно, был устроен новый проем (быть может, для этой цели приспособили частично

заложенный старый), посредством которого сообщались обе половины здания. Угловые бойницы также были заложены осколками кирпичей. Донжон, видимо, долго стоял, не разрушившись, с неповрежденными сводами. В нем обнаружено несколько уровней полов (в южной половине — три, в северной — пять), но только самые нижние, с отметками +1,52 м, +1,32 м, относились к афригидской эпохе, к периоду постройки самого здания. Все остальные соответствуют более позднему времени.

В помещении № 1 второй пол (отметка +3,60 м) отделен от нижнего слоем кирпичного завала толщиной около 2 м и комковатой забутовкой, для которой была использована пахса старой развалившейся стены. Пол покрыт мощным пластом навоза и прогнившего камыша; никаких находок над ним сделано не было. Комковатая забутовка 1,6 м толщины отделяет этот пол от следующего, также с навозной прослойкой поверх него, в которой были найдены фрагменты грубой лепной темного цвета керамики, близко напоминающей посуду из памятников Хорезма IX—X вв. н. э. На полу стоит стена, поставленная в комнате продольно и предназначенная, по-видимому, для предотвращения обрушения свода. Стена сложена из кирпичей и имеет толщину 1,5 м. Она занимает значительную часть комнаты, оставляя свободным только небольшой участок в ее западной половине (где и расчищен нижний пол), и поэтому верхние полы не расчищались из-за неудобства ведения раскопок.

В помещении № 3 большую часть площади также занимает кирпичная стена толщиной 2,3 м, служившая, как и в комнате № 1, опорой свода и поставленная на второй пол (счет ведется снизу) параллельно центральной стене донжона, делящей ее на две половины.

Так же, как и следующие два верхних пола, он по виду не отличается от поздних полов, описанных нами выше. Заполнение между ними — комковатая забутовка из обломков пахсы. Полы прослежены только на срезе, поскольку заполнение комнаты было повреждено и частично вычерпано для удобрения хлопковых полей жителями современного поселка в оазисе.

Раскопки построек во дворе. Другие постройки замка вскрыты лишь на участке, примыкающем к середине западной крепостной стены. Раскопки начаты здесь потому, что заполнение всей площади в юго-западном углу замка было вычерпано до материкового слоя местными жителями. Расчистка велась от зачищенной и превращенной в разрез стороны образовавшегося таким образом котлована.

На вскрытой площади отчетливо выявляются три соединявшихся между собой помещения (№ 1, 2 и 3); остальные (№ 6, 7, 9, 10) входили, видимо, в другие группы комнат.

Помещения № 1 и 3 — довольно обширные по размерам, лишены внутренних конструкций. В последнем имелась, вероятно, перегородка, отделявшая восточную часть комнаты, от нее на полу осталась углубленный желобок, заканчивавшийся в месте примыкания к восточной стене квадратным углублением, скорее всего от столба. В этой отгороженной части в полу расчищена неглубокая яма квадратной формы без ясно выраженного дна — быть может, следы какого-то находившегося здесь предмета. К северу от желобка — другая яма, округлая, заполненная золой и мусором, но не имевшая следов огня.

В комнате собрано много обломков посуды — водоносных кувшинов, хумов, несколько лепных кухонных горшков. Кроме них найдены два глиняных биконической формы пряслица и отшлифованное с обеих сторон острие из кости.

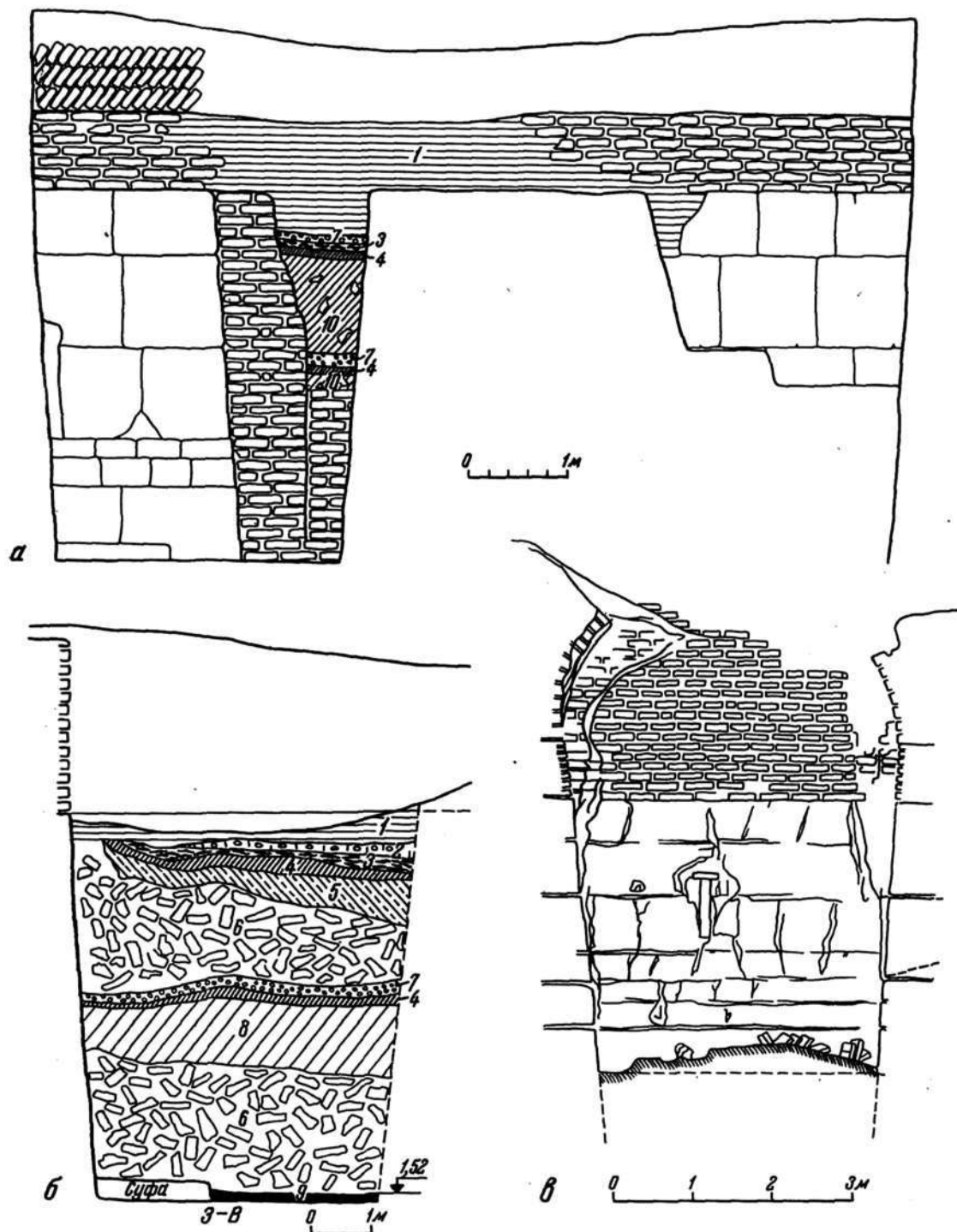


Рис. 65. Замок № 30, стратиграфические разрезы, донжон (план см. рис. 4):

а — фасад северной стены помещения № 1, б — разрез напластований в помещении № 1, в — фасад западной стены донжона; 1 — песчаные намывы, 2 — светло-коричневого цвета слой навоза с соломой, 3 — черный горелый слой с включениями золы, 4 — обмазка пола, 5 — завал из мелкокомковатой глины с саманом, 6 — завал из обломков сырцового кирпича, 7 — плотный слой темно-коричневого слоистого навоза, 8 — завал из мелкокомковатой глины, 9 — золисто-углистый слой

Помещение № 2, в отличие от двух вышеописанных, имеет остатки очагов. Один был сделан в виде прямоугольной кирпичной вымостки размерами 90×70 см; поверхность ее сильно опалена. Большая часть обломков керамики, найденных в комнате, была сосредоточена вокруг этой вымостки. Против очага южная стена имеет два прямоугольных, близко поставленных по отношению друг к другу выступа, назначение которых осталось неясным. Другой очаг, сделанный из хума, замазан в небольшую выкладку, видимо, специально для него сделанную. Из культурного слоя извлечены различные предметы, например, конусообразное пряслице и три зашлифованных обломка ребра крупного рогатого скота.

Длинный и узкий коридор вел из помещения № 1 к центру двора, соединяя с ним, таким образом, весь комплекс.

Из остальных вскрытых помещений некоторый интерес представляет лишь комната № 6 с пятном кострища в центре и ямой для мусора рядом. Соседнее (№ 7), соединенное с ним, оказалось заложённым сырцовым кирпичом. Два прочих (№ 9 и 10) почти полностью разрушены при выемке грунта из юго-западного угла замка, и восстановить их план на основании сохранившихся участков оказалось невозможным.

Примерно в центре двора против ворот начали расширять большое здание, пройдя по 7 м вдоль его южной и западной стен. Здание отделено от пристенных помещений незастроенными участками; при расчистке их поверхности стало ясно, что она несколько повышается по направлению к воротам. Поэтому можно думать, что закладка ворот по основанию четырьмя рядами кирпичей была обусловлена необходимостью сделать основание под пандус, ведущий к дворовым постройкам. Надо сказать вообще, что поверхность, на которой поставлены стены построек внутри замка, строители не старались идеально выровнять — уровни полов разнятся почти на 30 см (от +54 см до 82 см).

Все остатки построек в замке были буквально «задавлены» плотно слепившимися песчаными наносами и глинисто-песчаными намывами, которые в некоторых случаях лежат непосредственно над культурным слоем (помещения № 1, 2, 6), в других — отделены от него сравнительно тонким слоем сильно размытых обломков кирпичей (комнаты № 3, 4, 8 — рис. 66, б). Заполнение представляет собой аморфную массу, стены комнаты сохранились не более, чем на высоту двух-трех кирпичей над полом, и поэтому следов перекрытий не отмечено. Правда, в нескольких помещениях на культурном слое над полом зафиксированы остатки плетенок из хвороста, но это, видимо, были диньки, стелющиеся на пол, но не использовавшиеся при строительстве плоской кровли, потому что в последнем случае они вряд ли могли при обрушении крыши так ровно лечь непосредственно на пол.

При снятии поверхностного слоя песка у подножия донжона были найдены любопытные вещи. Это керамика, резко отличающаяся по облику от той, которая обычна для слоя памятника: фрагменты серо-глиняного горшка с гофрированной внешней поверхностью и чаши, покрытой темно-зеленой поливой на дисковидном поддоне. Вся посуда, сделанная на гончарном круге, имеет прямые аналоги среди керамики из кават-калинского древнего оазиса и поэтому может быть отнесена к той же эпохе (XII — начало XIII в.). Рядом с ее обломками обнаружены остатки кострища.

Таким образом, в результате раскопок историю замка можно разделить на несколько этапов.

Вначале замок представлял собой прямоугольную постройку с воротами-входом в южной стене, защищенными предвратным сооружением. Внутри замка, вдоль стен и в центре, располагались жилые и хозяйственные постройки; затем, вскоре, вместо ворот строится донжон с высокими сводчатыми помещениями в покое. Новый вход прорубается в стене рядом, от него к постройкам двора ведет отлогий пандус.

Вслед за строительством донжона должны были последовать и некоторые другие перемены в замке, о чем свидетельствует, в частности, то обстоятельство, что бойницы в его стенах были заложены. Кроме того, под нижним заложённым рядом бойниц в восточной части южной стены сделан новый, причем уровень поверхности двора в этом месте имеет возвышение, образовавшееся, быть может, на месте какого-то приспособления под стрелковую галерею, закрывавшего нижние (уничтоженные) бойницы. Однако намеченная реконструкция, видимо, не была закончена, и новый ряд бойниц пробит только в юго-восточном углу замка; во всех остальных стенках так и остался только один заложённый ряд бойниц. Постройки внутри крепости тоже подверглись перестройкам: об этом говорит прежде всего тот факт, что помещение № 7 оказалось заложённым. Не исключена возможность, что стены построек срубили до уровня 20—30 см над полом, иначе трудно понять, почему они все имеют совершенно одинаковую высоту, а внутри замка образована абсолютно ровная, гладкая поверхность такыра, что вряд ли возможно при естественном разрушении. Можно полагать, что внутри двора готовилась платформа для нового строительства, но все было прервано какой-то катастрофой.

Разграничить во времени периоды сооружения и перестройки замка не представляется возможным. И в донжоне, и в однослойных помещениях двора собран очень однородный керамический материал, не отличающийся от керамики из вышеописанных замков.

Замок № 59 имеет вид отдельно стоящей небольшой квадратной башенки размерами 9×9 м и высотой около 3, 4 м без всяких признаков ограды. Башня была раскопана: она оказалась двухэтажной; каждый этаж состоял только из одного помещения. Верхнее полностью развалилось, в нижнем размерами 5,1×2,74 м, вдоль восточной стены располагалась узкая и очень низкая кирпичная суфа, в северной находился проход шириной 3,05 м. Сводчатое перекрытие комнаты разрушилось и просело вниз вместе с завалом из верхнего этажа. При раскопках выяснилось, что южная и восточная стены «одеты» снаружи слоями пахсы, имевшими вид стенок, поставленных друг к другу «впритык» и сохранившихся на высоту первого этажа башни. Судя по наличию больших пахсовых осыпей у подножия двух других — северной и западной стен, не исключено, что и они имели внешние пахсовые обкладки. Следует добавить, что внутренняя поверхность восточной и южной стен помещения опалена, а в восточной видны следы гнезд от балок (на высоте около 2 м от пола). Кроме того, в комнате открыт второй уровень пола: нижний вместе с суфой на нем был покрыт 30-сантиметровым слоем плотной пахсы, и на поверхности этого слоя, служившего полом, накопились навоз, хворост и пр.

Все эти стратиграфические и конструктивные особенности замка дают возможность предположить, что он перестраивался и имел в основе, может быть, плоскоперекрытое строение. Строительство дополнительных пахсовых стен (замок сложен из кирпича) было вызвано, по-видимому, необходимостью усилить нижний цокольный этаж, укрепить его стены.

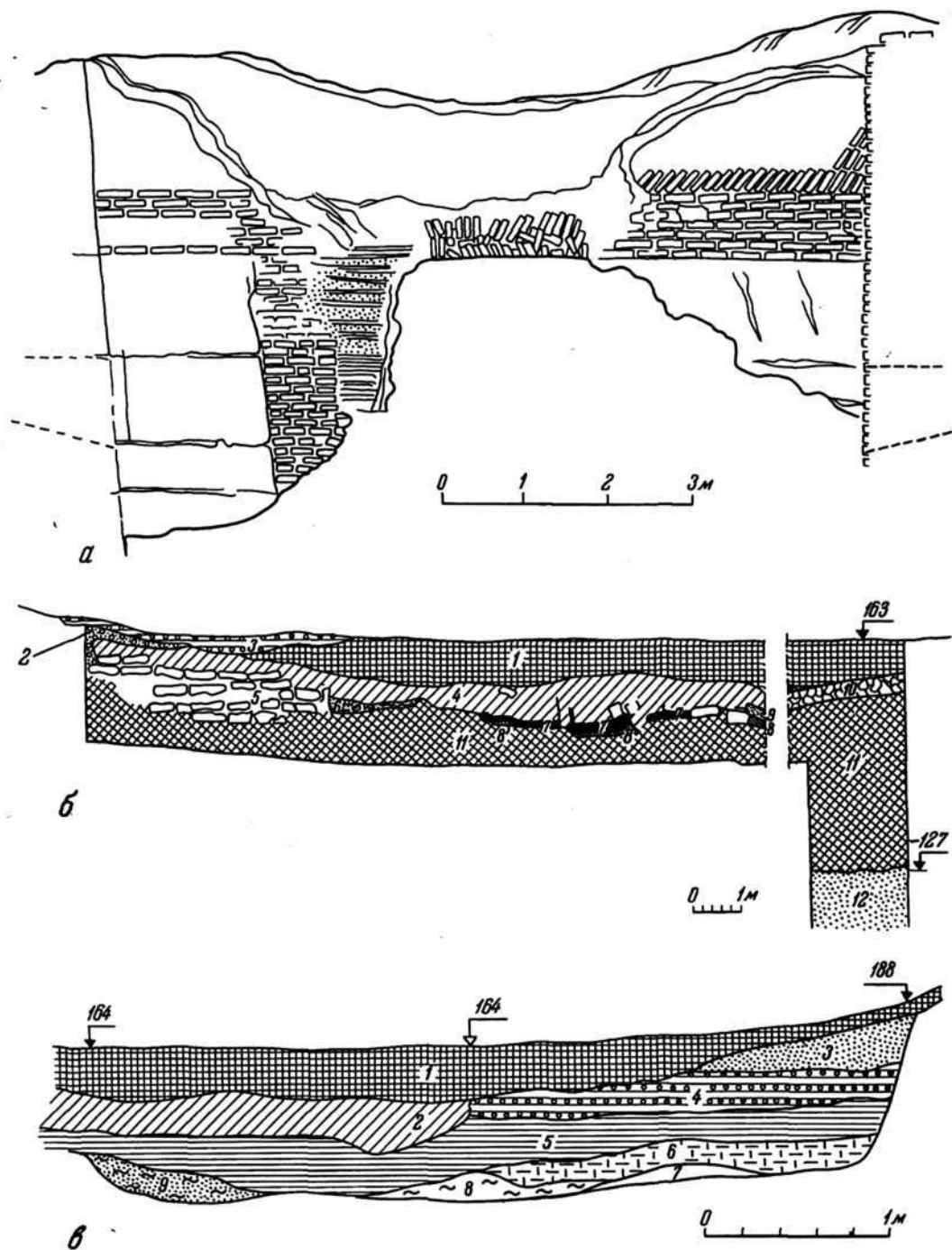


Рис. 66. Замок № 30. Стратиграфические разрезы

a — фасад северной стены донжона, *б* — разрез I — I (см. линию разреза на рис. 4), *в* — разрез V — V (см. линию разреза на рис. 4).

Условные обозначения к разрезу *б* (вид на север): 1 — плотный пористый со слабо выраженной горизонтальной слоистостью красноватого цвета супесчаный такырный слой, 2 — навоз с незначительными примесями пылеватого песка, 3 — Песчано-глинистые намывы с включениями коровьего и овечьего навоза, 4 — плотный глинистый слой с обломками сырцового кирпича, 5 — кладка из сырцовых кирпичей, 6 — песчаный слой с горелыми включениями, 7 — навоз с песком; 8 — плотная глина зеленого цвета, 9 — слоистый навоз, 10 — плотно слежавшиеся комки пахсы, 11 — плотная аморфная глина, 12 — мелкозернистый серый песок.

Условные обозначения к разрезу *в* (вид на север): 1 — плотный пористый со слабо выраженной горизонтальной слоистостью красноватого цвета супесчаный такырный слой, 2' — навоз с незначительными примесями пылеватого песка, 3 — песчано-глинистые намывы с включениями коровьего и овечьего навоза, 4 — плотный глинистый слой с обломками сырцового кирпича, 5 — кладка из сырцовых кирпичей, 6 — песчаный слой с горелыми включениями, 7 — навоз с лёссом, 8 — плотная глина зеленого цвета, 9 — слоистый навоз



Рис. 67. Предметы из замков

1—3 — бронзовые перстни, 4,5 — железные детали поясного набора (замок № 28), 6 — бронзовая серьга (замок № 28), 7 — железная стрела (замок № 28), 8—10 — бронзовые колокольчики (замок № 19 (8) и № 28), 11 — бронзовая печать (замок № 9), 12 — амулет (замок № 11)

Не исключено также, что вначале верхний этаж вообще отсутствовал.

Время существования замка устанавливается благодаря найденным в слое завала верхнего этажа фрагментам толстостенного хума с венчиком-валиком, украшенным понизу ямками от вдавлений пальцами, и водоносному кувшину с треугольным в сечении вен-

чиком и плоской суживающейся внизу ручкой. Эти виды посуды датируются VII — началом VIII в. н. э.

Вокруг замка встречаются единичные фрагменты сосудов этого времени и гораздо больше обломков посуды предшествующей, раннеафригидской, эпохи. Скопление их свидетельствует о том, что здесь существовало поселение, относящееся к этому периоду.

РАЗВЕДОЧНОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ БЕРКУТ-КАЛИНСКОГО ОАЗИСА

Замок № 9 в плане имеет вид очень вытянутой трапеции площадью $32 \times 52 \times 37 \times 55$ м (см. рис. 6). Северная часть замка представляет собой всхолмление, на поверхности которого прослеживаются очертания квадратного здания размерами 23×23 м, местами видны остатки кирпичных стен помещений, обрывки массивов кирпичной кладки и т. д. Здание, судя по найденной здесь керамике, относится к позднеафригидской эпохе; сам же бугор, на котором оно построено, является развалинами более ранней постройки античного времени, укрепленной башнями прямоугольной формы, две из которых сохранились у углов северной стены замка (и, быть может, использовались в афригидский период), две других — у середины западной и восточной стен. То обстоятельство, что эти башни относятся именно к ранней постройке, а не к замку, подтверждается данными аэрофотосъемки — на снимках отчетливо видны очертания античной усадьбы.

Внешние стены замка № 9, сложенные из пахсы, разделенной на блоки размерами 80×80 см, сохранились в виде отдельных останцов только в южной его части. Местами они возвышаются почти на 5 м. Бойниц в них нет.

Из подъемного материала, собранного на развалинах замка, следует упомянуть обломки хума с венчиком в виде двух валиков, хумчи с венчиком — тремя узкими валиками, горшковидной хумчи с венчиком того же типа, кружки, нескольких лепных горшков и блюда с сильно моделированным бережком. Весь этот керамический комплекс хорошо укладывается в пределы VII — начала VIII в. н. э., определяя время памятника.

На поверхности бугра, в который превратился разрушенный донжон, найдена бронзовая печать круглой формы (диаметр = 3,2 см), плоская, с отломаным ушком (см. рис. 67, 11). На печати выгравирована сцена соколиной охоты — всадник с соколом на вытянутой руке, в сопровождении пешего слуги также с соколом. Изображение всадника вполне идентично традиционному всаднику монет царей Афригидской династии. Сам сюжет распространен в искусстве периода раннего средневековья в Средней Азии и сопредельных странах — достаточно вспомнить росписи Пенджикента и Варахши, изображения на серебряных блюдах, иранские наскальные барельефы. Все это заставляет относить печать к V—VIII вв. н. э., скорее VII—VIII вв. н. э.

Замок № 10 представляет собой квадратную в плане постройку (43×43 м), внутри которой находится также квадратный донжон (11×11 м). Внешние стены усадьбы сложены из пахсовых блоков размерами $1 \times 0,5$ м; местами они хорошо сохранились и возвышаются более чем на 6 м над уровнем поверхности внутри усадьбы. Бойниц в них не замечено (см. рис. 26).

Донжон, возвышающийся еще и сейчас почти на 10 м, воздвигнут на пахсовом цоколе усеченно-пирами-

дальной формы; стены верхнего этажа кирпичные. В них имеются узкие щелевидные плоскоперекрытые бойницы высотой 0,8 м и шириной 0,15 м. Юго-восточный угол донжона огибает низкая разрушенная стенка, отстоящая от него не больше чем на 1 м. Она примыкала, по-видимому, к какой-то постройке, сейчас полностью разрушившейся. Возможно, что все это — остатки конструкции, посредством которой осуществлялся подъем на донжон (башенки и ведшего на нее пандуса), но не исключено также, что это — развалины сооружения, по времени предшествовавшего донжону и частично включенного в его цоколь. В связи с этим обращает на себя внимание, что на фасадах восточной и северной стен замка прослеживаются очертания торцов стен, как бы включенных в общую систему их кладки впоследствии, при строительстве внешнего ограждения замка. Уровень поверхности внутри усадьбы лишь слегка превышает по высоте плоскость окружающих ее такыров. Очертания построек видны лишь у северной стены замка. На их развалинах собраны обломки хума, край горла которого опоясан двумя валиками, и водоносных кувшинов обычной для VII — начала VIII в. формы.

Замок № 13 в плане представляет собой квадрат площадью 35×35 м (см. рис. 24). Окружен пахсовыми стенами, сохранившимися почти на всем их протяжении на высоту до 8 м. Посредине юго-западной стены возвышается донжон размерами 12×7 м. Это однокомнатное сооружение, воздвигнутое, по-видимому, на сплошном цоколе 3—4 м высоты. Кирпичные стены здания, под защитой которого находился расположенный рядом вход в замок, прорезаны узкими щелевидными плоскоперекрытыми бойницами. Поверхность внутри усадьбы, приподнятая по отношению к окружающей ее местности на 1,6 м, имеет вид ровного растрескавшегося такыра без всяких следов планировки. О существовании ее говорят, однако, гнезда от балок перекрытий примыкавших к стене комнат, обнаруженные в восточной и южной стенах замка на высоте 4 м от внутренней поверхности. Вокруг замка видны следы сильно разрушенных построек, окруженных низкой развалившейся стенкой. По углам этой ограды имеются останцы, напоминающие остатки башен. Поверхность этого внешнего квадрата построек поднята над окружающими такырами также на 1,6 м и усыпана обломками посуды, характерной для VII—VIII вв. н. э. Это фрагменты водоносных кувшинов, лепных горшков, кружек, хумчей с двумя и тремя валиками, опоясывающими край горла.

Замок № 14 квадратен в плане (42×42 м), окружен хорошо сохранившимися и сейчас еще достигающими высоты 6 м пахсовыми стенами (см. рис. 13 и 27). Бойниц в них нет. Северо-западный угол, возможно, был защищен круглой башней — возле него имеется останец округлой формы. В середине южной стены помещается донжон, возле которого в стене проделан узкий проем. Донжон достигает высоты 8 м, выше половины ее составляет цокольная часть, по-

строенная из пахсы. Верхний этаж сложен из сырцовых квадратных кирпичей, стандартных для строительства в округе размеров — 35 (36, 37) × 35 (36, 37) × 9 (10) см. В стенах его видны щелевидные отверстия — разрушенные узкие бойницы. Легко различимы очертания четырех квадратных и прямоугольных комнат верхнего этажа; из них внутрь здания, в цокольный этаж, ведут воронкообразные проемы. Не исключено, что донжон скрывает в толще цоколя более раннее сооружение. Об этом позволяет догадываться, во-первых, его странная конструкция: здание как бы состоит из двух половин, одна из которых выступает за линию крепостной стены, другая же кажется пристроенной к ней изнутри. Во-вторых, кажется, что входной проем в замок был вырублен позже в стене рядом с донжоном, а не заранее предусмотрен строителем. В этом убеждает сходство его с входными проемами в замках № 30 и 60, где строительство донжона, как это вполне доказано нашими исследованиями, произошло в результате коренной перестройки предвратного сооружения, а вход вырубил в стене рядом. Донжон замка № 14, по-видимому, когда-то соединялся посредством перекидного мостика с башней, помещающейся против него и состоящей из одного длинного узкого сводчатого помещения, в которое с территории замка вел длинный довольно крутой пандус. Сейчас в башне находится могила «святого», устроенная там, по-видимому, в не столь отдаленные времена. Застройка внутри замка скрыта под оплывами стен и завалами и на поверхности не прослеживается. Здесь ничего не найдено.

Замок № 16 — один из самых крупных в оазисе (площадь его равняется 67 × 31 м). В плане его — прямоугольная трапеция, параллельные стороны которой вытянуты с юга на север (см. рис. 6). По углам замка видны остатки овальных закрытого типа башен, в середине восточной стены — остатки подковообразной открытого типа; в центре замка находится большое многокомнатное здание — донжон. Здание сохранилось на высоту от 5 до 7 м; из-за того, что заполнение части помещений вычерпано при современном строительстве больше чем наполовину, отчетливо различима планировка донжона, весьма необычная для памятников Беркут-калинского оазиса. Он состоит из четырех-пяти параллельных сводчатых коридорообразных помещений, объединявшихся одним, расположенным по отношению к ним перпендикулярно.

Совершенно отчетливые контуры двух подковообразной формы башен, замурованные в цоколь донжона и прослеживающиеся в той его части, где здание более всего разрушено, позволяют предполагать, что донжон построен вместо первоначального входа в замок, размеры которого и планировка, по-видимому, отличались от позднейшего. В настоящее время замок сильно разрушен, изрыт ямами и арыками, подъемного материала, кроме фрагментов боковых стенок хумов, кувшинов и горшков, формы которых по этим обломкам не реконструируются, нет.

Замок № 35 — небольшая прямоугольная постройка (21 × 23 м), в юго-восточном углу которой находится квадратный в плане (6,5 × 6,5 м) донжон, оборонявший вход в замок и сохранившийся на высоту около 6 м. Вход находился между донжоном и небольшой башенкой, когда-то, по-видимому, соединявшейся с ним посредством перекидного мостика (см. рис. 3). Крутой пандус выводил с башни внутрь замка. Башня, цокольная часть донжона и стены замка сложены из пахсы. В стенах замка между паховыми блоками кое-где видна кирпичная прокладка. Верхний этаж донжона — кирпичный. Уровень поверхности внутри

замка приподнят по отношению к окружающей поверхности на 2—2,5 м. Следов внутренней планировки не замечено.

На развалинах замка найдены фрагменты хума с овальным венчиком-валиком, орнаментированным ямками от вдавленных пальцами, и горшковидной хумчи с венчиком в виде двух узких валиков, датирующихся VII—VIII вв. н. э.

Замок № 37 — большое квадратное здание (12 × 12 м), ориентированное сторонами по сторонам света и возвышающееся почти на 5 м (см. рис. 13). Оно состоит из четырех помещений, перекрытых сводами. В основе постройка кирпичная, окруженная паховой обкладкой, может быть, одновременная с кирпичными стенами, поддерживающими свод. В восточной стене здания видны две узкие щелевидные бойницы. С севера и запада к зданию примыкают кирпичные постройки, окруженные невысокими паховыми стенами. Уровень поверхности этих построек +1,50 м. К югу от здания также видны низкие обвалованные останцы стен, причем поверхность возле них усыяна мелкодробленой керамикой. Возможно, эти стены окружали приусадебные уголья, может быть, сад.

Замок № 38. Четвертую часть всей площади замка, равную 26 × 26 м, занимает прекрасно сохранившийся донжон (13 × 13 м), расположенный в его юго-восточном углу (см. рис. 15). Сам же замок разрушен и полузанесен песком. Внешние стены развалились, местами сравнялись с окружающей поверхностью и только в юго-западном углу на небольшом протяжении возвышаются почти на 3 м. В этом месте стена была двойной: к внешней паховой, с прорезанными в ней узкими щелевидными бойницами, примыкала внутренняя кирпичная.

Верхний этаж донжона состоял из семи комнат. В каждой из его внешних стен, сложенных из кирпича, имелось по четыре щелевидные бойницы. В нижнем, цокольном паховом этаже, по-видимому, были сводчатые помещения; туда ведут глубокие проемы. Рядом с донжоном находилась маленькая купольная башенка, через которую посредством перекидного моста некогда входили в здание (см. рис. 15).

Поверхность внутри ограды замка приподнята по отношению к окружающим такырам на 0,7—1 м. Подъемного материала нет.

Замок № 60 — один из самых больших в оазисе — в плане представляет собой квадрат (88 × 88 м). Донжон расположен посредине южной стены (см. рис. 3). Северо-западный и северо-восточный углы замка укреплены эллиптической формы башнями. Донжон, высота которого достигает 5 м, состоит из двух, по-видимому, разновременных половин. В основе одной из них — предвратное сооружение (коленчато-изогнутая стенка, защищавшая вход), преобразованное при постройке донжона путем возведения дополнительных стен, закладок и подпорок. Другая половина имеет вид прямоугольного строения, пристроенного к крепостной стене с противоположной стороны. В северной стене этого строения обнаружен арочный проем шириной 1,5 м, напоминающий по конструкции проем в замке № 36, в котором начинался ведущий на верхний этаж пандус. Обе половины донжона построены из сырцового кирпича размерами 36 (35, 37) × 36 (35, 37) × 9 см. После постройки донжона вход был проделан в крепостной стене рядом с ним. Упомянутые выше оборонительные башни замка возведены на паховом цоколе высотой около 2,5 м. В кирпичных стенах казематов имеются узкие (13—15 см ширины) щелевидные плоскоперекрытые бойницы. Крепостные стены кое-где сохранились на высоту около 6,5 м. Они сложены из паховых блоков размерами 1,2 × 0,85,

1,2 × 0,9, 2,6 × 1,85 м, причем нижний ряд блоков крупнее верхних. На высоте около 5 м в северной стене видны гнезда от балок.

Замок почти весь засыпан песком, лишь посредичне видны следы планировки. Здесь найдены фрагменты толстостенного хума обычного для VII—начала VIII в. н. э. типа (с венчиком-валиком, украшенным понизу ямками от вдавлений пальцами), хумчи с гофрированным глиняным жгутиком-налепом между двумя валиками венчика и хума со слегка утолщенным краем горла, орнаментированным вдавлениями боковой стороной пальца. Последний вид керампки характерен для IV—V вв. н. э.

Замок № 65 имеет вид смежных построек разной величины (19 × 31 м и 27 × 20 м), на стыке которых находится донжон — кирпичное здание на невысоком, полуметровой высоты пахсовом цоколе (см. рис. 3). В результате закладки разведочного шурфа и зачистки поверхности цоколя донжона обнаружилось заключенные в него два пилообразных выступа и участок примыкавшей к ним стены, совпадающей по направлению с южной крепостной стеной северной постройки. Все это позволило заключить, что донжон воздвигнут на месте первоначального укрепленного входа. Этот факт свидетельствует о том, что строительство обеих вышеупомянутых построек, составляющих территорию усадьбы, произошло в разное время. Кое-где на их поверхности видна кладка кирпичных стен комнат, причем некоторые из помещений, по-видимому, сгорели; в юго-восточном углу северной постройки прослеживается квадрат прокаленных до красноты стен. Здесь же найдены фрагменты алебастрового оссуария. На развалинах замка обломков посуды, по которым можно было бы реконструировать форму, не найдено. На такыре у стен замка много фрагментов горшков с выступом при переходе к плечикам, широкогорлых сосудов с утолщенным округлым валиком-венчиком, покрытых темным ангобом, пористых, с груборазмолотыми примесями в глине, датированных IV—VI вв. н. э.

Замок № 74 — квадратная постройка (38 × 38 м) с высокими пахсовыми стенами, в которых на уровне 4,5 м (от поверхности внутри памятника) имеются

щелевидные плоскоперекрытые бойницы. В середине южной стены находится донжон площадью 13 × 13 м, построенный на месте первоначального входа, расположенного между двумя овально-вытянутыми в плане башнями со стрельчатой формы бойницами в стенах (см. рис. 3). При перестройке башни были засыпаны, одеты снаружи пахсовым «чехлом» и, таким образом, оказались замурованными в пахсовый цоколь донжона.

Поверхность внутри замка приподнята по отношению к уровню окружающей местности на 2,5—3 м. Она очень повреждена ямами и промоинами; кое-где открылись участки кирпичных стен помещений, глубина которых должна быть не меньше 0,7—0,8 м, а у крепостных стен гораздо больше. В ямах найдены фрагменты хумов с овальным венчиком-валиком, украшенным понизу ямками от вдавлений пальцами, и хумов с чуть утолщенным бережком высокого горла, орнаментированным таким же способом, причем орнамент занимает всю боковую плоскость венчика.

Стратиграфические данные (выявленная нами перестройка), а также находка двух разновременных видов посуды (описанный выше первый хум характерен для керамики VII—VIII вв. н. э., второй — для более раннего времени) дают основание предполагать многослойность памятника.

Замок № 82, площадью 52 × 82 м, окружен пахсовыми стенами, еще и сейчас кое-где достигающими высоты 5—6 м. В середине южной стены находится вход, защищенный коленчато-изогнутой стенкой. В центре замка высятся донжон — многокомнатное сооружение, воздвигнутое на сплошном цоколе высотой около 4,5 м (см. рис. 4). Здание целиком построено из пахсовых блоков размерами 1,2 × 0,6 м, 1,25 × 0,7 (0,8) м. К югу от донжона, в нескольких метрах от него, высятся пахсовая купольная башенка, а возле нее — остатки пахсовой же конструкции под пандус в виде узенького коридорчика.

Поверхность внутри замка почти не превышает по уровню окрестные такыры; по-видимому, внутренняя застройка очень разрушена. Следы планировки видны только у южной и северной стен. Подъемного материала нет.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории
ГБЛ — Государственная библиотека им. В. И. Ленина
ИРГО — Известия русского географического общества
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИТТ — Материалы по истории гуркмен и Туркмении
МХЭ — Материалы и исследования Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
ТХЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР
ЮТАКЕ — Южно-Туркменистанская комплексная археологическая экспедиция
SPA — A. Pope. A Survey of Persian Art, v. II. New York, 1936.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Поселения в Беркут-калинском оазисе	8
Жилище и культовые постройки VII—VIII вв. н. э.	50
Некоторые вопросы экономической и общественной жизни оазиса	92
О некоторых направлениях культурных и этнических связей аффригидского Хорезма	121
Приложение	130
Список сокращений	154

Елена Евдокимовна Неразик

Сельские поселения афригидского Хорезма

*Утверждено к печати Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР*

Редактор издательства Г. Ф. Дубовикова

Художник К. М. Егоров Технические редакторы В. Г. Лаут и В. В. Тарасова

Сдано в набор 24/III 1966 г. Подписано к печати 22/VI 1966 г. Формат 84×108/16. Печ. л. 9¹/₄+2 вкл.
(0,25 печ. л.). Усл. печ. л. 16,38. Уч.-изд. л. 16,7 16,5+0,2 вкл.) Тираж 1200 экз. Т-09625.
Изд. № 397/05. Тип. вак. № 417

Цена 1 р. 05 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

1 р. 05 к.



ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·